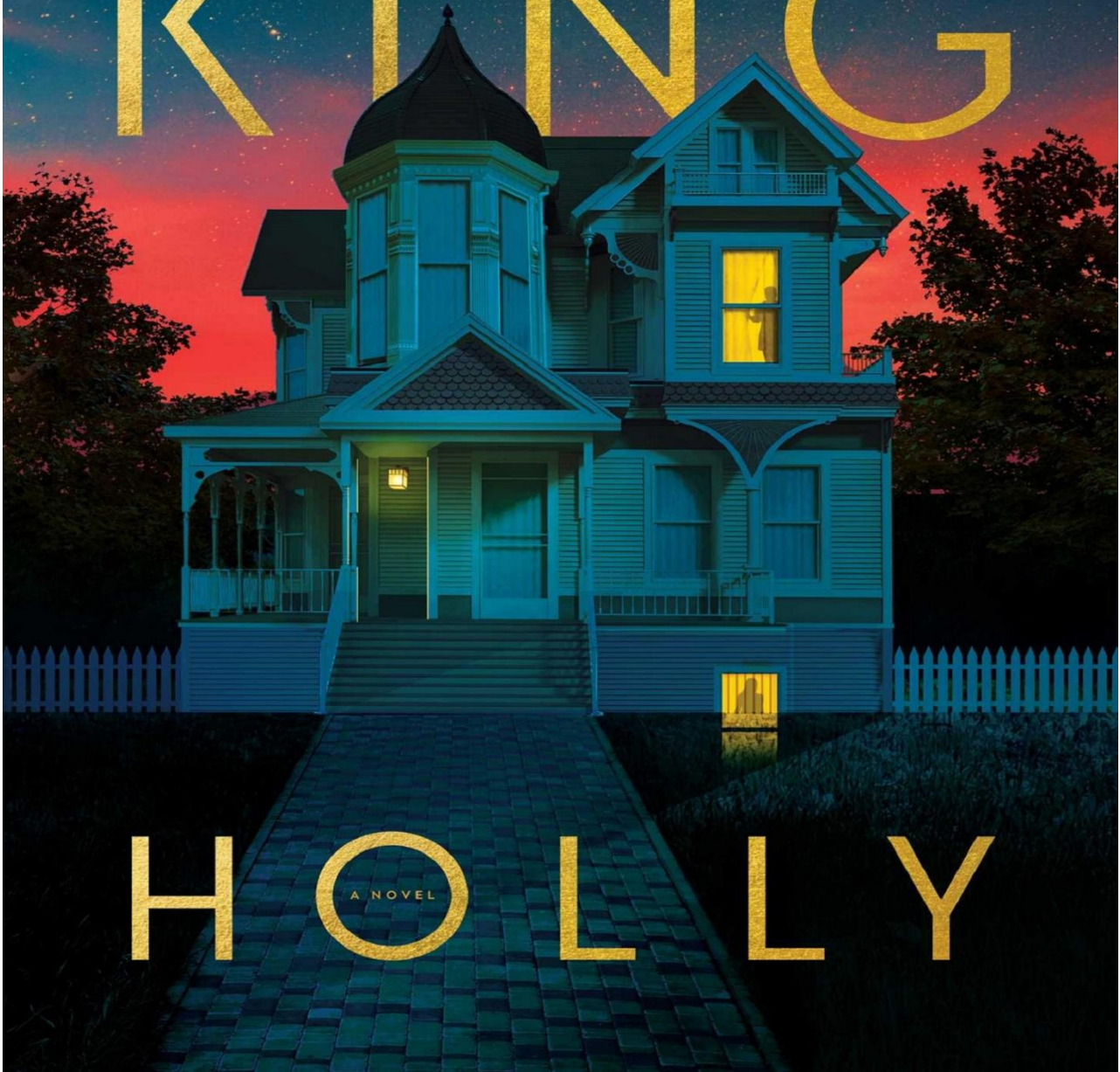

STEPHEN
KING

HOLLY
A NOVEL

Оглавление

17 октября 2012.....	8
22 июля 2021	26
10 сентября 2015.....	42
23 июля 2021	46
22–25 ноября 2018.....	62
23 июля 2021	72
27 ноября 2018.....	85
23 июля 2021	89
2–14 декабря 2018	101
23 июля 2021	108
4–19 декабря 2020	119
23 июля 2021	125
6 января 2021	134
23 июля 2021	140
8 февраля 2021.....	149
24 июля 2021	153
8 февраля 2021.....	174
24 июля 2021	183
12 февраля 2021.....	202
25 июля 2021	212
15 февраля – 27 марта 2021	228
26 июля 2021	234
27 марта 2021.....	248
26 июля 2021	255
19 мая 2021	271
27 июля 2021	275
19 мая 2021	288

27 июля 2021	293
1 июля 2021	306
27 июля 2021	313
2 июля 2021	318
27 июля 2021	324
3 июля 2021	334
27 июля 2021	341
4 июля 2021	351
27 июля 2021	356
5 июля 2021	363
28 июля 2021	366
29 июля 2021	411
30 июля 2021	474
4 августа 2021	484
18 августа 2021	487

СТИВЕН

КИНГ

ХОЛЛИ

РОМАН

MagnetLetters

Перевод: Magnet
Редактирование: Langley

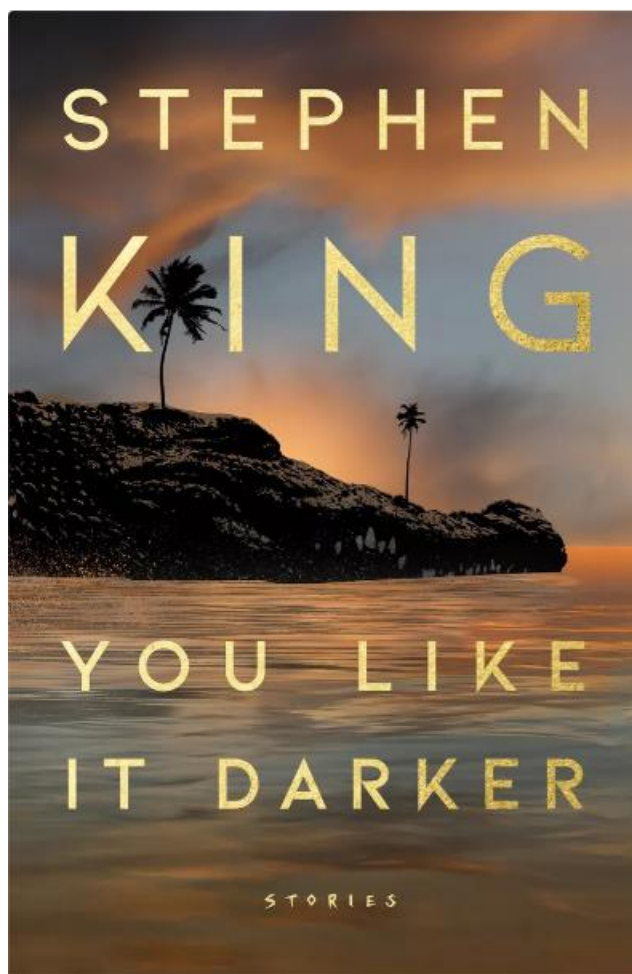
Если вам понравится перевод, вы всегда можете отблагодарить нас финансово, но это строго по желанию. Реквизиты: карта «Сбербанка» – 5469 0400 1259 5020.

Группы в Telegram и VK, заходите для обсуждения переводов и не только:

<https://t.me/MagnetLetters>

<https://vk.com/magnetletters>

Переводческая группа Magnet Letters вернётся с переводом следующей книги Стивена Kinga, сборника рассказов – «Любите, когда пострашнее?»

*Посвящается Чаку Веррилли:
Редактору, агенту и самое главное – другу
1951 – 2022
Спасибо тебе, Чак.*

«Иногда вселенная бросает тебе верёвку»

Билл Ходжес

17 октября 2012

1

Это старый город и уже давно не в лучшем своём виде, как и озеро, возле которого он был основан, но в нём по-прежнему есть довольно приятные места. Старожилы, вероятно, согласятся, что самый красивый район – Шугар-Хайтс, а самая красивая улица, проходящая через него – Ридж-Роуд, которая плавным изгибом спускается от Колледжа искусств и наук Белла к парку Дирфилд, расположенному двумя милями ниже. Ридж-Роуд проходит мимо множества прекрасных домов, в некоторых из них живут преподаватели колледжа, другие дома принадлежат успешным деловым людям – врачам, адвокатам, банкирам и бизнесменам, находящимся на вершине этой пирамиды. Большинство этих домов построены в викторианском стиле, безупречно выкрашены, с эркерными окнами и обилием резной отделки.

Парк, где заканчивается Ридж-Роуд, не такой большой, как тот, что раскинулся в центре Манхэттена, но тоже приличный. Дирфилд – гордость города, и его сказочный вид поддерживает целый взвод садовников. О, конечно, здесь есть неухоженная западная часть рядом с Ред-Бэнк-Авеню, известная как Дебри, где иногда после наступления темноты можно встретить желающих купить или продать наркотики, и где время от времени происходят ограбления, но Дебри занимают всего три акра из 740. Вся остальная площадь покрыта травой и цветами, усеяна дорожками, по которым прогуливаются влюблённые, и скамейками, где старики читают газеты (в наши дни всё чаще с помощью электронных устройств) и болтают женщины, покачивая своих младенцев в дорогих колясках. В парке два пруда, и иногда на берегу одного из них можно увидеть мужчин или мальчишек, запускающих кораблики на дистанционном управлении. В другом пруду плавают утки и лебеди. Также в парке есть игровая площадка для детей. Фактически есть всё, кроме общественного бассейна. Периодически городской совет обсуждает эту мысль, но до дела никак не доходит. Как известно – всё стоит денег.

Нынешний октябрьский вечер выдался тёплым для этого времени года, но мелкий моросящий дождь удержал дома всех, кроме одного упорного бегуна. Зовут его Хорхе Кастро, он преподаёт в колледже писательское мастерство и латиноамериканскую литературу. Несмотря на свою специальность, он родился и вырос в Америке; Хорхе любит говорить, что в нём американского столько же, сколько в *pie de manzana*¹.

В июле ему стукнуло сорок, и Хорхе больше не может обманывать себя, что он всё ещё молодой лев, чей первый роман моментально стал бестселлером. В сорок вы должны смириться с тем, что уже не молоды. Если вы этого не сделаете – если внушите себе такую мотивационную чушь, как «сорок – это новые двадцать пять», – то обнаружите, что начинаете скатываться. Сначала чуть-чуть, потом ещё немного – очнётесь, а вам уже пятьдесят, живот вываливается из штанов, а в аптечке – препараты, снижающие уровень холестерина. В двадцать лет организм прощает. В сорок прощение в лучшем случае временное. Хорхе Кастро не хочет к пятидесяти годам превратиться в рядового американского увальня.

Вы должны начать заботиться о себе, когда вам исполнится сорок. Вы должны проходить «техосмотр», потому что нет возможности заменить «оборудование». Поэтому Хорхе пьёт по утрам апельсиновый сок (калий), почти каждый день ест овсянку (антиоксиданты), а красное мясо ест не чаще раза в неделю. Когда ему хочется подкрепиться, он обычно открывает банку сардин. Они богаты Омега-3 жирными кислотами (а также вкусные!) Он делает простые упражнения по утрам и бегаёт вечером, без фанатизма, просто проветривая свои сорокалетние лёгкие и давая своему сорокалетнему сердцу шанс укрепиться (сердцебиение в состоянии покоя: 63). Хорхе хочет выглядеть и чувствовать себя на сорок, когда ему исполнится пятьдесят, но судьба – шутница. Хорхе Кастро не доживет даже до сорока одного.

¹ Яблочный пирог (исп.)

Его обычный маршрут, которому Хорхе не изменяет даже в этот вечер с мелким морозящим дождём, пролегает от их общего с Фредди (по крайней мере, до тех пор, пока он будет преподавать литературу) дома, и далее полмили вниз от колледжа до парка. Там он разминает спину, выпивает немного «Витаминуотер», лежащей в его поясной сумке, и трусцой возвращается домой. Дождик на самом деле бодрит, и не мешают другие бегуны, пешеходы или велосипедисты, которых пришлось бы огибать. Неприятнее всего – велосипедисты, которые считают, что имеют полное право ездить по тротуару, а не по дороге, даже если там имеется велосипедная дорожка. Этим вечером тротуар в полном распоряжении Хорхе. Ему даже не приходится махать людям, которые выходят подышать воздухом на свои массивные старые тенистые веранды – погода держит их внутри.

Всех, кроме одной пожилой поэтессы. Она кутается в парку – хотя к восьми вечера на улице всё ещё пятьдесят пять градусов² – потому что похудела на сто десять фунтов³ (врач постоянно отчитывает её за лишний вес) и ей холодно. Хуже, чем холодно – она промокла. И всё же она не уходит, потому что сегодняшней вечер отдан поэзии, если только она сможет нащупать ниточку и потянуть за неё. Она не написала ни одного стихотворения с середины лета, и ей нужно что-то предпринять, пока не заржавели мозги. Ей нужен свежий *образ*, как говорят её студенты. И что важно – может получиться *хорошее* стихотворение. Может быть, даже *необходимое*.

Нужно начать с тумана, клубящегося вокруг уличных фонарей напротив дома, а затем перейти к тому, что она называет *таинством*. Что есть всё вокруг. Туман создаёт медленно движущиеся ореолы, серебристые и живописные. Она не хочет использовать «*ореолы*», потому что это ожидаемое слово, примитивное. Почти клише. Хотя, *серебристые...* или просто серебряные...

Ход её мыслей сбивается, и она замечает молодого человека (в восемьдесят девять лет сорокалетний человек кажется очень молодым), который шлёпает мимо по другой стороне дороги. Она знает его

² Примерно +13 градусов по Цельсию.

³ Примерно 50 кг.

– местный писатель, считающий, что Габриэль Гарсиа Маркес хватается с неба звёзды. Своими длинными тёмными волосами и маленькими усиками-пропуском-в-трусики он напоминает пожилой поэтессе очаровательного персонажа из «Принцессы-невесты»: «Меня зовут Иниго Монтойя, ты убил моего отца, приготовься к смерти». На нём жёлтая куртка со светоотражающей полосой на спине, и до смешного узкие спортивные брюки. *«Бежит, как на пожар»*, сказала бы мать поэтессы. Или как угорелый.

Мысли о пожаре заставляют её подумать о колоколах, и её взгляд возвращается к уличному фонарю напротив. Она думает: *«Бегущему услышать не дано / Звучанья серебра над ним / Колокола эти немые»*.

Нескладно, потому что похоже на прозу, но это только начало. Ей удалось нащупать ниточку стихотворения. Нужно сходить в дом за блокнотом и приниматься за работу. Однако она сидит ещё несколько секунд, наблюдая за вращением серебряных кругов вокруг уличных фонарей. *«Ореолы, – думает она. – Я не могу использовать это слово, но именно так они и выглядят, чёрт возьми»*.

В последний раз мелькает жёлтая куртка бегуна, затем он исчезает во тьме. Пожилая поэтесса с трудом поднимается на ноги, морщась от боли в бёдрах, и шаркающей походкой направляется в дом.

3

Хорхе Кастро немного прибавляет шаг. У него открылось второе дыхание, лёгкие вбирают больше воздуха, вырабатывается эндорфин. Впереди раскинулся парк со старомодными фонарями, которые излучают мистическое жёлтое сияние. Перед безлюдной детской площадкой есть небольшая автостоянка, пустая в это время дня, если не считать пассажирского фургона с открытой боковой дверью и пандусом, выступающим на мокрый асфальт. У подножия сидит пожилой мужчина в кресле-коляске, рядом с которым возится пожилая женщина, стоя на одном колене.

Хорхе на мгновение останавливается, наклоняется, обхватывает руками ноги чуть выше колен, восстанавливает дыхание и осматривает фургон. На сине-белом номерном знаке сзади изображено инвалидное кресло. Женщина, одетая в стёганое пальто и косынку, смотрит на него. Хорхе она кажется знакомой, но он сомневается – освещение на этой маленькой добавочной стоянке не очень хорошее.

– Приветствую! У вас всё в порядке?

Женщина встаёт. Старик в кресле-коляске, одетый в свитер на пуговицах и с твидовой кепкой на голове, слабо машет рукой.

– Сел аккумулятор, – говорит женщина. – Вы мистер Кастро, не так ли? Хорхе?

Теперь он узнаёт её. Это профессор Эмили Харрис, она преподаёт английскую литературу... или преподавала; теперь, вероятно, она эмерит⁴. А рядом её муж, тоже учитель. Он не знал, что Харрис инвалид; изредка видел его в кампусе – другая кафедра, другое крыло, но, кажется, в последний раз, когда он видел Харриса, старик передвигался на своих двоих. А миссис Харрис Хорхе довольно часто встречал на различных факультетских тусовках и «эстетских» мероприятиях. Он подозревает, что не входит в число жалуемых ею персон, особенно после собрания по поводу ныне отменённого поэтического семинара. Тот вопрос вызвал небольшой спор.

– Да, это я, – отвечает он. – Полагаю, вы собирались домой, согреться и обсохнуть.

– Было бы неплохо, – говорит мистер Харрис. Или, может быть, он тоже профессор. Под тонким свитером он немного дрожит. – Слушай, друг, не затруднит ли тебя вкатить меня на этот пандус? – Он кашляет, прочищает горло, снова кашляет. Его жена, такая энергичная и авторитетная на собраниях кафедры, выглядит немного потерянной и растрёпанной. Понурой. Хорхе задаётся вопросом, как долго они здесь были и почему она не позвала кого-нибудь на помощь. *«Может, у неё нет мобильного, – думает он. – Или оставила его дома. Пожилые*

⁴ Эмерит – профессор, в связи с преклонным возрастом освобождённый от ряда ежедневных обязанностей. Эмерит не равнозначен пенсионеру.

люди часто бывают забывчивы». Хотя ей не может быть сильно больше семидесяти. Её муж в кресле-коляске выглядит старше.

– Думаю, я справлюсь. Блокировка снята?

– Да, определённо, – отвечает Эмили Харрис, и отступает назад, пока Хорхе берётся за ручки и поворачивает кресло к рампе. Он откатывает его на десять футов назад для разгона. Кресла на электроприводе бывают тяжёлыми. Меньше всего ему хочется вкатить его наполовину, потерять инерцию и скатиться вниз. Или, не дай бог, опрокинуть кресло, уронив старика на тротуар.

– Готовы, мистер Харрис? Держитесь, может тряхнуть.

Харрис хватается за боковые поручни, и Хорхе замечает, какие у него широкие плечи. Они кажутся мускулистыми. Он предполагает, что люди, потерявшие способность передвигаться на ногах, компенсируют это другим образом. Хорхе разгоняется в направлении пандуса.

– Вперёд, Сильвер! – радостно кричит мистер Харрис.

Первая половина пандуса даётся легко, но затем кресло начинает терять инерцию. Хорхе нагибается, прижимается к нему боком и продолжает катить. Пока он занимается этим, в голову приходит странная мысль: номерные знаки их штата красно-белые, и хотя Харрисы живут на Ридж-Роуд так же, как и он (он часто видит Эмили Харрис в саду), номера на их фургоне *сине*-белые, как в соседнем штате на западе. И ещё кое-что странное: он не может припомнить, чтобы когда-либо раньше видел этот фургон на улице, хотя видел Эмили, сидящую прямо, как шомпол, за рулём аккуратного маленького «Субару» с наклейкой Обамы на заднем бампере...

Когда Хорхе достигает вершины пандуса, теперь согнувшись почти в три погибели, расставив руки и сминая беговые кроссовки, что-то жалит его сзади в шею. Судя по тому, как распространяется тепло от места укуса, возможно, это оса, и у него начинается реакция. Раньше никогда такого не случалось, но всё бывает в первый раз, и внезапно его зрение затуманивается, а руки слабеют. Кроссовки скользят по мокрому пандусу, и Хорхе опускается на одно колено.

«Кресло сейчас покатится прямо на меня...»

Но этого не происходит. Родни Харрис щёлкает выключателем, и кресло-коляска с довольным жужжанием вкатывается внутрь. Харрис вскакивает, проворно обходит кресло и смотрит вниз на мужчину, стоящего на коленях на пандусе, с прилипшими ко лбу волосами и капельками дождя, стекающими по лицу, как пот. Затем Хорхе падает ничком.

– Посмотри! – тихо восклицает Эмили. – Идеально!

– Помоги мне, – говорит Родни.

Его жена, тоже обутая в беговые кроссовки, берёт Хорхе за лодыжки. Её муж хватает его за руки. Они втаскивают писателя в фургон. Пандус убирается. Родни (который на самом деле тоже профессор Харрис) занимает водительское место. Эмили опускается на колени и стягивает пластиковым хомутом запястья Хорхе, хотя, вероятно, это излишняя предосторожность. Хорхе отключился, как лампочка (сравнение, которое пожилая поэтесса наверняка бы не одобрила), и громко храпит.

– Всё в порядке? – спрашивает Родни Харрис, профессор кафедры естественных наук колледжа Белла.

– Всё в порядке! – восхищённо восклицает Эмили. – Мы сделали это, Родди! Мы поймали этого сукиного сына!

– Не выражайся, дорогая, – говорит Родни. Затем он улыбается. – Но да. Мы и правда это сделали. – Он выезжает со стоянки и начинает подниматься на холм. Пожилая поэтесса отрывает взгляд от своего рабочего блокнота с изображением маленькой красной тачки на обложке, провожает взглядом проезжающий мимо фургон и снова склоняется над своим стихотворением.

Фургон сворачивает к дому № 93 по Ридж-Роуд, где Харрисы прожили почти двадцать пять лет. Этот дом принадлежит им, а не колледжу. Одна из двух гаражных дверей поднимается; фургон въезжает в отсек слева; дверь гаража закрывается; на Ридж-Роуд снова всё по-прежнему. Туман клубится вокруг уличных фонарей.

Как ореолы.

К Хорхе постепенно возвращается сознание. У него раскалывается голова, во рту пересохло, в животе бурлит. Он понятия не имеет, сколько выпил, но, должно быть, много, раз у него такое ужасное похмелье. Но где он выпивал? На вечеринке преподавателей? На писательской тусовке, где безответственно увлёкся, как в бытность студентом? Или он напился после последней ссоры с Фредди? Всё это кажется маловероятным.

Хорхе открывает глаза, готовый к утреннему свету, который должен вызвать ещё один приступ боли в его бедной измученной голове, но свет мягкий. Ласковый свет, учитывая его нынешнее незавидное положение. Кажется, он лежит на матрасе или коврике для йоги. Рядом с ним стоит пластиковое ведро, похоже, купленное в «Уоллмарт» или «Доллар Фри». Он знает, для чего оно, и внезапно понимает, что, должно быть, чувствовали собаки Павлова при звуке звонка, потому что при одном взгляде на ведро желудок скручивает спазм. Он встаёт на колени, и его сильно тошнит. Затем пауза, достаточная для того, чтобы сделать пару вдохов, и его рвёт снова.

Желудок Хорхе успокаивается, но голова вспыхивает болью так сильно, что ему кажется, будто она расколется пополам и упадёт на пол. Он закрывает слезящиеся глаза и ждёт, пока боль утихнет. Наконец это происходит, но во рту и в носу стоит прогорклый привкус рвоты. Не открывая глаз, он нащупывает ведро и сплевывает в него, чтобы хоть немного очистить рот.

Хорхе снова открывает глаза, поднимает голову (осторожно) и видит решётку. Он в клетке. Она просторная, но это клетка, без сомнений. За ней находится вытянутое помещение. Верхний свет, должно быть, регулируется реостатом, потому что в комнате полумрак. Хорхе видит бетонный пол, выглядящий достаточно чистым, чтобы с него можно было есть, не то чтобы ему хотелось. Половина комнаты перед клеткой пуста. Посередине находится лестничный пролёт, к которому прислонена швабра. За лестницей видна хорошо оборудованная мастерская с инструментами, развешанными на крючках, и столом с ленточной пилой. Есть также торцовочная пила – хороший инструмент,

недешёвый. Несколько триммеров для живой изгороди и секаторов. Набор гаечных ключей, аккуратно развешанных по размеру от самого большого к самому маленькому. Ряд хромированных розеток на верстаке рядом с дверью, ведущей... куда-то. Обычная утварь домашнего мастера на все руки, и всё выглядит ухоженным.

Под столом с ленточной пилой нет опилок. За ним находится аппарат, которого Хорхе никогда раньше не видел: большой, жёлтый и квадратный, размером почти с промышленный кондиционер. Хорхе решает, что так оно и есть, ведь через одну из обшитых панелями стен проходит резиновый шланг, но он никогда не видел подобных устройств. Если там и есть название бренда, то оно на обратной стороне, не доступной взгляду.

Хорхе оглядывает клетку, и то, что он видит, пугает его. Дело не только в бутылках с водой «Дасани» на оранжевом ящике, выполняющем роль стола. Его смущает синяя пластиковая коробка, примостившаяся в углу, под наклонным потолком. Это биотуалет, которым пользуются инвалиды, пока они ещё могут встать с постели, но не дойти до ближайшей уборной.

Хорхе чувствует, что ещё не в состоянии подняться на ноги, поэтому подползает к туалету и поднимает крышку. Он видит голубую воду в чаше и чувствует запах дезинфицирующего средства, достаточно сильный, чтобы у него снова заслезились глаза. Он закрывает крышку и на коленях возвращается к матрасу. Даже в своём нынешнем хреновом состоянии он понимает, что означает биотуалет: кто-то хочет держать его здесь некоторое время. Его похитили. Не какой-то картель, как в его романе «Каталепсия», и не в Мексике или Колумбии. Каким бы безумием это ни казалось, его похитила пара пожилых профессоров, один из которых его коллега. И если это их подвал, то он недалеко от своего собственного дома, где Фредди мог бы сейчас читать в гостиной за чашкой кофе...

Но нет. Фредди ушёл, по крайней мере, на данный момент. Ушёл после последней ссоры, как обычно надувшись от обиды.

Хорхе разглядывает перекрещенные прутья, стальные и добротнo сваренные. Должно быть, изготовлены в этой самой мастерской – разумеется, в округе нет «Джейл Селлс Ар Ю»⁵, где можно заказать такие, – но решётки выглядят достаточно прочными. Хорхе хватается за прут обеими руками и трясёт его. Не поддаётся.

Посмотрев на потолок, он видит белые панели, в которых просверлены маленькие отверстия. Звукоизоляция. Он видит и кое-что ещё: глазок, направленный вниз. Хорхе поворачивается к нему лицом.

– Вы там? Чего вы хотите?

Тишина. Хорхе думает, не покричать ли, чтобы его выпустили, но что это даст? Засадите ли вы кого-нибудь в подвальную клетку (это наверняка подвал) с ведром для блевотины и биотуалетом, если собираетесь сбежать по лестнице при первом крике со словами: «*Простите, извините, это большая ошибка*»?

Хорхе нужно пописать, иначе лопнет мочевого пузыря. Он встаёт на ноги, цепляясь за решётку. Ещё одна вспышка боли пронзает его голову, но не такая сильная, как в начале. Он шаркает к биотуалету, поднимает крышку, расстёгивает ширинку и пытается облегчиться. Сначала у него ничего не получается, как бы сильно ему ни хотелось. Для справления нужды Хорхе всегда предпочитал приватность, избегал писсуаров на бейсбольном стадионе, а тут за ним наблюдает глазок в потолке. Он стоит спиной к глазку и это немного помогает, но недостаточно. Он мысленно подсчитывает, сколько дней осталось в этом месяце, затем сколько до Рождества, старого доброго *feliz navidad*⁶ и это помогает. Он мочится почти целую минуту, затем хватается одну из бутылок «Дасани». Первым глотком он полощет рот и сплёвывает в туалет, а остальное выпивает.

Хорхе возвращается к решётке и оглядывает длинную комнату: пустую половину сразу за клеткой, лестницу, затем мастерскую. Его глаза постоянно возвращаются к ленточному станку и торцовочной пиле. Может быть, не самые приятные инструменты для созерцания из

⁵ Фирма, которая изготавливает и собирает клетки для хардкорных любителей бондажа и БДСМ.

⁶ Счастливого Рождества! (исп.)

клетки, но трудно на них не смотреть. Трудно не думать о визге, который издаёт ленточная пила, вгрызаясь в сосну или кедр: ВЖИ-ИИИИИИУУУУУ.

Хорхе помнит свою пробежку под туманным морозящим дождём. Он помнит Эмили и её мужа. Он помнит, как они обдурили его, а потом чем-то укололи. После этого ничего, кроме черноты, пока он не очнулся здесь.

Почему? Зачем им заниматься подобным?

– Вы хотите пообщаться? – обращается он к глазку. – Я готов, если вы готовы. Просто скажите мне, чего вы хотите!

Нет ответа. В комнате царит мёртвая тишина, если не считать шарканья его ног и позвякивания обручального кольца об один из прутьев решётки. Это не его кольцо, они с Фредди не женаты. По крайней мере, пока, а судя по тому, как идут их дела – может, и никогда не поженятся. Хорхе снял кольцо с пальца своего *pare*⁷ в больнице, через несколько минут после его смерти. С тех пор он носит кольцо, не снимая.

Как долго он здесь пробыл? Хорхе смотрит на часы, но это бесполезно; они механические – ещё одна памятная вещь, полученная после смерти отца, и остановились в пятнадцать минут первого. Утра или вечера, он не знает. И не может вспомнить, когда в последний раз заводил их.

Харрисы. Эмили и Рональд. Или его зовут Роберт? Хорхе знает, кто они, и от чего-то это кажется ему жутковатым.

Это может быть жутковато, говорит он себе.

Поскольку в звуконепроницаемой комнате нет смысла кричать, к тому же крик снова вызовет неистовую головную боль, он садится на матрас и ждёт, что будет дальше. Может, кто-нибудь придёт и объяснит, что за херня тут творится.

⁷ Отец (исп.)

Дрянь, которой они его накачали, видимо, всё ещё не выветрилась, потому что Хорхе впадает в дремоту, склонив голову, и слюна стекает из уголка его рта. Какое-то время спустя – на часах его рарі всё ещё пятнадцать минут первого – наверху открывается дверь, и кто-то начинает спускаться по лестнице. Хорхе поднимает голову (ещё один приступ боли, но уже не такой сильный) и видит чёрные полукроссовки, носки до щиколоток, опрятные коричневые брюки, затем фартук в цветочек. Это Эмили Харрис. С подносом.

Хорхе поднимается.

– Что тут происходит?

Она не отвечает, только ставит поднос в двух футах от клетки. На нём пухлый коричневый пакетик, сунутый в крышку большого пластикового стаканчика, в который наливают кофе на вынос. Рядом стоит тарелка с чем-то отвратительным: кусок тёмно-красного мяса, плавающий в ещё более тёмной красной жидкости. От одного взгляда Хорхе снова начинает тошнить.

– Если ты думаешь, что я буду это есть, Эмили, подумай ещё раз.

Она не отвечает, просто берёт швабру и толкает поднос по бетону. В нижней части решётки есть откидная заслонка (они и это продумали, мелькает в голове Хорхе). Стаканчик опрокидывается, ударившись о верхнюю часть заслонки, высота которой всего четыре дюйма или около того, после чего поднос заползает в клетку. Когда Эмили убирает швабру, заслонка захлопывается. Мясо, плавающее в луже крови, похоже на печень. Эмили Харрис выпрямляется, ставит швабру на место, поворачивается... и улыбается Хорхе. Как будто они на долбаной коктейльной вечеринке или типа того.

– Я не собираюсь это есть, – повторяет Хорхе.

– Ты передумаешь, – говорит она.

После этих слов она поднимается по лестнице. Хорхе слышит, как закрывается дверь, затем следует щелчок, вероятно, задвижки. При взгляде на сырую печень, Хорхе снова хочется блевать, но он открепляет пакетик от стаканчика. На нём написано «Качава». Судя по этикетке, из порошка внутри получается «насыщенный питательными веществами напиток, который даст вам силы для приключений».

Хорхе чувствует, что в последнее время пережил достаточно приключений, на всю оставшуюся жизнь. Он вставляет пакетик обратно в стаканчик и садится на матрас. Затем Хорхе не глядя отодвигает поднос в сторону. И закрывает глаза.

6

Он дремлет, просыпается, снова дремлет, а потом просыпается по-настоящему. Головная боль почти прошла, и желудок успокоился. Хорхе заводит часы *rare* и ставит стрелки на полдень. Или, может быть, на полночь. Не имеет значения; по крайней мере, он может отслеживать, как долго находится в заточении. В конце концов, кто-нибудь – возможно, мужская половина этой сумасшедшей профессорской компании – скажет ему, *почему* он здесь и как может освободиться. Но Хорхе подозревает, что ловить тут нечего, потому что эти двое явно *loco*.⁸ Многие профессора *loco*, он побывал в достаточном количестве учебных заведений в качестве преподающего писателя, чтобы знать это, но Харрисы вышли на совершенно иной уровень.

Наконец, Хорхе берёт пакетик «Качава» из стаканчика, предназначенного, очевидно, чтобы растворить порошок в воде из оставшейся бутылки «Дасани». Стаканчик из закусочной «Диллонс» на стоянке грузовиков в Редлунде, где Хорхе и Фредди иногда завтракают. Хотел бы он оказаться сейчас там. Или в часовне Эйерса, слушая одну из скучнейших проповедей преподобного Галлатина. Хотел бы сидеть в кабинете врача, дожидаясь осмотра проктолога. Хотел бы оказаться где угодно, только не здесь.

Он не может доверять ничему, что дают ему эти сумасшедшие Харрисы, но теперь, когда тошнота прошла, Хорхе проголодался. Перед пробежкой он всегда ест что-нибудь лёгкое, приберегая более калорийную пищу на потом. Пакетик запечатан и, вероятно, с ним всё в порядке, но Хорхе внимательно осматривает его в поисках проколов от булавки (проколов от *шприца*), прежде чем вскрыть и высыпать со-

⁸ Чокнутый, тронутый (исп.)

держимое в одноразовый стаканчик. Хорхе добавляет воды, закрывает крышку и энергично взбалтывает, как указано в инструкции. Пробует на вкус, затем делает глоток. Он очень сомневается, что этот продукт вдохновлён «древней мудростью», как написано на этикетке, но напиток довольно вкусный. Шоколадный. Как фраппе, если бы фраппе делали на растительной основе.

Покончив с питьём, Хорхе снова смотрит на сырую печень. Он пытается выдвинуть поднос обратно через заслонку, но сначала у него ничего не получается, потому что заслонка открывается только внутрь. Он поддевает её снизу ногтем и поднимает. Затем выталкивает поднос.

– Эй! – кричит он глазку, смотрящему на него сверху вниз. – Эй, чего вы хотите? Давайте поговорим! Давайте разрулим это!

Тишина.

7

Проходит шесть часов.

В этот раз по лестнице спускается Харрис мужского пола. Он в пижаме и тапочках. У него широкие плечи, но в остальном он худощав, и пижама – с пожарными машинами, как у ребёнка – болтается на нём. Один только взгляд на этого старикана вызывает у Хорхе Кастро ощущение нереальности происходящего – неужели это по-настоящему?

– Чего вы хотите?

Харрис ничего не отвечает, только смотрит на отвергнутый поднос на бетонном полу. Он смотрит на заслонку, потом снова на поднос. Ещё пару раз для пущей уверенности: поднос, откидная заслонка, откидная заслонка, поднос. Затем он подходит к швабре и толкает поднос обратно.

С Хорхе достаточно. Он придерживает заслонку и выталкивает поднос наружу. Кровавая жижка забрызгивает штанину пижамы Харриса. Тот опускает швабру, чтобы снова пихнуть поднос, но решает, что

игра не стоит свеч. Прислоняет швабру к лестнице и готовится подняться наверх. Ниже широких плеч ему особо похвастаться не чем, но этот лживый ублюдок кажется довольно проворным.

– Вернитесь, – говорит Хорхе. – Давайте поговорим как мужчина с женщиной.

Харрис смотрит на него и вздыхает, как терпеливый родитель, имеющий дело с непокорным малышом.

– Можешь взять поднос, когда захочешь, – произносит он. – Полагаю, с этим мы определились.

– Я не буду это есть, я уже сказал вашей жене. Помимо того, что мясо сырое, оно пролежало при комнатной температуре... – Он смотрит на часы *rari*. – ...больше шести часов.

Сумасшедший профессор ничего не отвечает, только поднимается по лестнице. Дверь закрывается. Засов задвигается. *Щёлк*.

8

Часы *rari* уже показывают десять, когда вниз спускается Эмили. Она сменила опрятные коричневые брюки на ночнушку в цветочек и тапочки. *«Неужели наступила следующая ночь? – думает Хорхе. – Возможно ли это? Насколько же меня вырубил этот укол?»* Почему-то потеря времени расстраивает даже больше, чем вид подсыхающего куска мяса. С потерей времени трудно свыкнуться. Но есть ещё кое-что, с чем он не может свыкнуться.

Она смотрит на поднос. Смотрит на Хорхе. Улыбается. Поворачивается, чтобы уйти.

– Эй, – произносит он. – Эмили.

Она не оборачивается, но останавливается на ступени лестницы, слушает.

– Мне нужно больше воды. Я выпил одну бутылку, а вторую потратил на коктейль. Кстати, он довольно вкусный.

– Никакой воды, пока ты не съешь свой ужин, – говорит она и поднимается по лестнице.

Проходит время. Четыре часа. Его жажда становится очень сильной. Хорхе не умирает от жажды, ничего подобного, но вне всяких сомнений у него обезвоживание из-за рвоты и коктейля... Хорхе чувствует налёт, покрывающий стенки горла. Прополоскать бы водой. Хотя бы глоток-другой.

Он смотрит на биотуалет, но ему ещё далеко до того, чтобы попытаться пить дезинфицированную воду. «Куда я уже дважды помогился», – думает он.

Он смотрит в глазок.

– Давайте поговорим, хорошо? Прошу. – Он колеблется, потом произносит: – Я вас умоляю. – Он слышит надлом в своём голосе. *Сухой* надлом.

Тишина.

Проходит ещё два часа.

Теперь жажда занимает все его мысли. Он читал истории о том, как люди, дрейфующие в океане, в конце концов начинают пить то, в чем плавают, хотя пить солёную воду – это быстрый путь к безумию. Во всяком случае, так говорят, и правда это или ложь, в его нынешней ситуации не имеет значения, потому что на тысячу миль вокруг нет океана. Здесь нет ничего, кроме отравы в биотуалете.

Наконец Хорхе сдаётся. Он подцепляет пальцами заслонку, опирается на одну руку и тянется к подносу. Сначала ему не удаётся крепко ухватить его, потому что край скользкий от жижи. Вместо того, чтобы притянуть поднос к себе, Хорхе лишь отодвигает его по бетону немного дальше. Он напрягается и, наконец, ухватывается. Затем протаскивает поднос через заслонку. Хорхе смотрит на мясо, красное, как оголённые мышцы, затем закрывает глаза и берёт его в руки. Холодный кусок шлёпается ему на запястье. Всё ещё держа глаза закрытыми, Хорхе кусает. Его желудок начинает сжиматься.

«Не думай об этом, – говорит он себе. – Просто жуй и глотай».

Мясо проходит через горло, как сырая устрица. Или сгусток мокроты. Он открывает глаза и смотрит на глазок. Он расплывчатый, потому что Хорхе плачет.

– Этого достаточно?

Нет ответа. На самом деле он едва притронулся к мясу. Осталось ещё так много.

– Почему? – кричит он. – Зачем вам это? С какой целью?

Тишина. Может, там нет микрофона, но Хорхе так не думает. Он уверен, что они слышат его так же хорошо, как и видят, и если они слышат, то могут ответить.

– Я не могу, – произносит он, рыдая всё сильнее. – Хотел бы, но я, блядь, не могу.

И всё же он понимает, что может. Кусочек за кусочком он съедает сырую печень. Поначалу рвотный рефлекс сильный, но потихоньку проходит.

«Как бы не так, – думает Хорхе, глядя на желеобразную жижу в тарелке. – Ничего не прошло, я просто подавил его».

Он подносит тарелку к глазку. Поначалу ничего не происходит, затем дверь в верхний мир открывается, и вниз спускается женщина. Её волосы накручены на бигуди. На лице ночной крем. В одной руке она держит бутылку воды «Дасани». Она ставит её на бетон, вне досягаемости Хорхе, затем хватает швабру.

– Выпей сок, – говорит она.

– Пожалуйста, – шепчет Хорхе. – Пожалуйста, нет. Прошу, хватит.

Профессор Эмили Харрис с кафедры английского языка – возможно, теперь эмерит, и лишь время от времени проводит занятия или семинары, а также посещает собрания кафедры – ничего не отвечает. Хорхе и так всё понимает по спокойствию в её глазах. Как поётся в старой блюзовой песне: *слёзы и мольбы ни к чему хорошему не приведут.*

Хорхе наклоняет тарелку и выливает желеобразный сок в рот. Несколько капель пачкают рубашку, но большая часть попадает в горло. Кровь солёная и усиливает его жажду. Он показывает тарелку, пустую,

не считая нескольких красных пятен. Ждёт, что она велит ему доесть и это – зачерпнуть пальцем и слизать, словно леденец с кровавыми сгустками. Но нет. Она опрокидывает бутылку «Дасани» на бок и шваброй подкатывает ее к заслонке. Хорхе хватается бутылку, откручивает крышку и опустошает её в несколько глотков.

Блаженство!

Женщина прислоняет швабру к краю лестницы и поднимается.

– Чего вы хотите? Скажите мне, чего вы хотите, и я это сделаю!

Клянусь Богом!

На секунду она останавливается и произносит лишь одно слово: «*taricon*».⁹ Затем продолжает подниматься по лестнице. Дверь захлопывается. Щелкает замок.

⁹ Педик (исп.)

22 июля 2021

1

С приходом ковид-19 «Зум» стал более проработанным. Когда Холли начала пользоваться им в феврале 2020 года, что кажется намного дольше, чем семнадцать месяцев назад, соединение могло прерваться от одного косого взгляда. Иногда вы могли видеть своих собратьев-зумеров, иногда не могли; иногда они дёргались на экране туда-сюда, вызывая головную боль.

Холли Гибни – настоящий киноман (хотя она не была в кинотеатре с прошлой весны), и голливудские блокбастеры ценит ничуть не меньше авторского кино. Один из её любимых фильмов восьмидесятых – «Конан-варвар», и её любимую реплику произносит второстепенный персонаж. «Два или три года назад, – говорит торговец о Сете и его последователях, – они были просто ещё одним культом Змеи. Теперь они повсюду».

С «Зумом» похожая история. В 2019 году он был просто ещё одним приложением, борющимся за свой кусок пирога с такими конкурентами, как «Фэйстайм» и «ГоуТу Митинг». Теперь, благодаря ковиду, «Зум» так же распространён, как культ Змеи Сета. Улучшилась не только технология. Увеличилась и социальная значимость. Похороны через «Зум», что наблюдала Холли, напоминали сцену из ТВ-драмы. Разумеется, основное внимание отводится тому, кто читает надгробное слово дорогому усопшему, но также в кадре появляются скорбящие, оставшиеся дома.

Впрочем, кроме Холли. Она заблокировала свою видеотрансляцию. Сейчас она стала краше, сильнее, чем раньше, но она по-прежнему глубокая затворница. Она понимает, что это нормально, когда люди горюют на похоронах, плачут и всхлипывают, но сама она не хочет, чтобы кто-то видел её такой, особенно партнёр по бизнесу или друзья. Холли не хочет, чтобы видели её покрасневшие глаза, спутанные волосы или трясущиеся руки, когда она зачитывает свою траурную речь, одновременно короткую и настолько честную, насколько это

возможно. Больше всего ей не хочется, чтобы её видели, курящей сигарету – не сдержалась, через семнадцать месяцев после начала пандемии.

Теперь, в конце поминальной службы, на экране сменяются кадры, показывающие усопшего в разных позах и в разных местах, пока Фрэнк Синатра поёт «Спасибо за воспоминания». Холли не выдерживает и нажимает кнопку «ВЫЙТИ». Она делает ещё одну затяжку и когда тушит сигарету, звонит её мобильник.

Она не хочет ни с кем разговаривать, но это Барбара Робинсон, и Холли должна ответить на звонок.

– Ты отключилась, – говорит Барбара. – Нет даже чёрного экрана с твоим именем.

– Мне никогда не нравилась эта песня. К тому же всё уже закончилось.

– Но ты в порядке, да?

– Да. – Не совсем правда; Холли не понимает, в порядке она или нет.

– Но прямо сейчас мне нужно всё... – Как сказать Барбаре? Как Холли завершить разговор до того, как она сорвётся? – Мне нужно всё обдумать.

– Ясно, – отвечает Барбара. – Карантин или не карантин, я примчусь в мгновение ока, если захочешь.

Этот карантин – *номинальный*, а не настоящий, и они обе об этом знают. Их губернатор полон решимости защищать гражданские свободы независимо от того, скольким тысячам придётся заболеть или умереть ради поддержки этой идеи. Слава Богу, большинство людей всё равно принимают меры предосторожности.

– В этом нет необходимости.

– Ладно. Я знаю, это тяжело, Холс – тяжёлое время – но ты держись. Мы проходили и через худшее. – Возможно – почти наверняка, – если вспомнить Чета Ондовски, который в конце прошлого года совершил короткое и смертельное путешествие вниз по шахте лифта. – И скоро начнется ревакцинация. Сначала для людей с ослабленной

иммунной системой и старше шестидесяти пяти, но я слышала в школе, что к осени она коснётся всех.

– Звучит ободряюще, – говорит Холли.

– И бонусом: Трамп ушёл.

«Оставляя позади страну, воюющую сама с собой», – думает Холли. Кто сказал, что он не объявится снова в 2024 году? Она вспоминает обещание Арни из «Терминатора»: «Я вернусь».

– Холс? Ты там?

– Да. Просто размышляю. – Она думает об ещё одной сигарете, как это обычно и бывает. Теперь, когда она снова начала, ей кажется, что невозможно накуриться.

– Ладно. Я люблю тебя и понимаю, что тебе нужно побыть одной, но если ты не перезвонишь сегодня вечером или завтра, я позвоню сама. Честно предупреждаю.

– Так точно, – говорит Холли и завершает разговор.

Она тянется за сигаретами, затем отталкивает их, опускает голову на скрещенные руки и начинает плакать. Она так много плакала в последнее время. Слезы облегчения после победы Байдена на выборах. Слезы ужаса и запоздалая реакция после того, как Чет Ондовски, монстр, притворяющийся человеком, отправился в шахту лифта. Она плакала во время и после захвата Капитолия – то были слёзы гнева. Сегодня – слёзы горя и утраты. Но также и слёзы облегчения. Звучит гадко, но она полагает, что это также по-человечески.

В марте 2020 года ковид охватил почти все дома престарелых в штате, где выросла Холли, и, похоже, никак не может их оставить. Для дяди Холли, Генри, это не стало проблемой, так как в то время он по-прежнему жил с матерью Холли в Мидоубрук Эстейт. Уже тогда дядя Генри терял рассудок, о чём Холли пребывала в блаженном неведении. Во время её редких визитов, казалось, с ним всё в порядке, и Шарлотта Гибни держала свои опасения по поводу брата строго при себе, следуя одному из величайших негласных правил своей жизни: если ты о чём-то не говоришь, если ты это не признаёшь, значит этого нет. Холли полагает, что именно поэтому её мать никогда не усаживала

Холли рядом с собой и не проводила Беседу, когда дочери было тринадцать и у неё начала расти грудь.

К декабрю прошлого года Шарлотта уже не могла игнорировать «бельмо на глазу», которым оказался её старший «ку-ку»-брат. Примерно в то время, когда Холли начала подозревать, что за личностью Чета Ондовски может скрываться нечто большее, чем репортёр местного телевидения, Шарлотта попросила свою дочь и её друга Джерома помочь перевезти дядю Генри в дом престарелых Роллинг-Хиллз. Это произошло примерно в то время, когда в США начали появляться первые случаи так называемого Дельта-штамма.

У санитара из Роллинг-Хиллз оказался положительный результат на эту новую и более заразную версию ковида. Санитар отказался от прививок, заявив, что в них содержатся частицы эмбриональной ткани от абортированных младенцев – он прочитал об этом в интернете. Его отправили домой, но звоночек уже прозвенел. Дельта распространился по Роллинг-Хиллз, и вскоре более сорока стариков страдали от болезни различной степени тяжести. Дюжина человек умерли. Среди них не было дяди Холли, Генри. Он даже не заболел. Ему ввели двойную вакцину – Шарлотта была против, но Холли настояла, – и хотя результат его теста был положительным, он даже не страдал от насморка.

А умерла сама Шарлотта.

Будучи ярой сторонницей Трампа – факт, о котором она трубила своей дочери при каждом удобном случае, – она отказалась делать прививку или даже носить маску. (За исключением супермаркетов «Крогер» и местного отделения банка, куда без них не пускали. Маска, которую Шарлотта носила для таких случаев, была ярко-красного цвета, с буквами САСВ¹⁰).

4 июля Шарлотта приняла участие в митинге против масок в столице штата, размахивая плакатом с надписью «МОЁ ТЕЛО – МОЙ ВЫБОР» (что не мешало ей решительно выступать против абортов). 7

¹⁰ «Сделаем Америку снова великой» – американский политический лозунг, популяризованный Дональдом Трампом в ходе его президентской кампании 2016 года.

июля у неё пропало обоняние и начался кашель. 10-го числа её доставили в госпиталь Милосердия, расположенный в девяти кварталах от Роллинг-Хиллз, где с её братом было всё в порядке... по крайней мере, физически. 15-го её подключили к аппарату искусственной вентиляции лёгких.

Во время последней, трагически скоротечной болезни Шарлотты, Холли пообщалась с ней через «Зум». До самого конца Шарлотта продолжала утверждать, что коронавирус обман, и у неё просто тяжёлый случай гриппа. Она умерла 20 июля, и только умение партнёра Холли, Пита Хантли, дёргать за нужные ниточки, спасло тело Шарлотты от помещения в грузовик-рефрижератор, служивший дополнением к моргу. Вместо этого её отвезли в похоронное бюро Кроссмана, где владелец быстро организовал похороны через «Зум». После полутора лет пандемии у него накопился немалый опыт в подобных трансляциях прощальных обрядов.

Холли наконец-то выплакалась. Она думает, не посмотреть ли фильм, но эта мысль ей не нравится, что случается крайне редко. Она подумывает прилечь, но она много спала с тех пор, как умерла Шарлотта. Холли считает, что именно так её разум справляется с горем. И она не хочет читать книгу – сомневается, что сможет уследить за повествованием.

На месте её матери появилась дыра – вот так. У них были сложные отношения, которые только ухудшились, когда Холли начала отдаляться. И её прогресс в этом во многом зависел от Билла Ходжеса. Холли сильно горевала после смерти Билла – рак поджелудочной железы, – но горе, которое она испытывает сейчас, глубже, объёмнее, потому что, положив руку на сердце, Шарлотта Гибни была одержима материнской любовью. По крайней мере, когда дело касалось её дочери. Их отчуждённость усилилась после того, как Шарлотта от всего сердца кинулась в объятия экс-президента. За последние два года они несколько раз встречались лицом к лицу, последняя встреча состоялась на предыдущее Рождество, когда Шарлотта приготовила все, по её мнению, самые любимые блюда дочери, каждое из которых напоминало Холли о её несчастливом, одиноком детстве.

На столе Холли имеется два телефона, личный и рабочий. Детективное агентство «Найдём и сохраним» было загружено работой во время пандемии, хотя расследования сильно усложнились. Сейчас агентство закрыто, автоответчик голосом Пита Хантли сообщает, что они не будут работать до первого августа. Холли подумывала добавить «из-за смерти члена семьи», но решила, что это никого не касается. Она проверяет рабочий телефон, но только потому, что функционирует сейчас на автопилоте.

Холли видит, что за те сорок минут, пока она наблюдала за похоронами своей матери, ей позвонили четыре раза. С одного и того же номера. Звонивший также оставил четыре голосовых сообщения. У Холли на секунду появляется мысль просто стереть их; у неё не больше желания браться за дело, чем смотреть фильм или читать книгу, но она не может этого сделать, по тем же причинам, что не позволяют ей оставить в покое покосившуюся картину на стене или неубранную постель.

«Прослушивание не обязывает перезванивать», – говорит она себе и включает первое ГС. Оно поступило в час и две минуты дня, как раз в то время, когда началось последнее шоу Шарлотты Гибни.

«Здравствуйте, это Пенелопа Даль. Я знаю, что вы закрыты, но это очень важно. На самом деле, ситуация чрезвычайная. Я надеюсь, вы перезвоните мне как можно скорее. Ваше агентство мне порекомендовала детектив Изабелла Джейнс...»

На этом сообщение заканчивается. Разумеется, Холли знает, кто такая Иззи Джейнс, она была напарницей Пита во время его службы в полиции, но не это удивляет в сообщении. Её поражает, и сильно, насколько голос Пенелопы Даль похож на голос покойной матери Холли. Дело не столько в самом голосе, сколько в ощутимой тревоге в нём. Шарлота почти всегда была чем-то озабочена, и это постоянное беспокойство передалось от неё дочери, как вирус. Как самый настоящий ковид.

Холли решает не прослушивать остальные сообщения Встревочной Пенелопы. Этой женщине придётся подождать. Пит точно ка-

кое-то время не сможет заниматься никакой беготнёй; он получил положительный результат теста на «корону» за неделю до смерти Шарлотты. Ему дважды сделали прививку, и он не сильно болен – говорит, что состояние больше похоже на тяжёлую простуду, чем на грипп, – но он пробудет на карантине ещё некоторое время.

Холли стоит у окна гостиной своей маленькой опрятной квартиры, смотрит вниз на улицу и вспоминает последний ужин со своей матерью. *«Настоящий рождественский ужин, как в старые добрые времена!»*, – сказала тогда Шарлотта, внешне весёлая и возбуждённая, но с постоянной тревогой, пульсирующей где-то внутри. Настоящий рождественский ужин состоял из запечённой индейки, комковатого картофельного пюре и разваренных стеблей спаржи. О, и вино «Моген Дэвид» в стопках-напёрстках для тоста. Каким же ужасным был тот ужин, и как ужасно, что он стал их последним. Сказала ли Холли «Я люблю тебя, мама» перед тем, как уехать на следующее утро? Ей так кажется, но она не уверена. Всё, что Холли может вспомнить наверняка – облегчение, наступившее вместе с поворотом за первый же угол, когда дом её матери исчез из зеркала заднего вида.

2

Холли оставила сигареты рядом с компьютером. Она возвращается за ними, достаёт одну, прикуривает, смотрит на рабочий телефон в док-станции, вздыхает и прослушивает второе сообщение Пенелопы Даль. Оно начинается с нотки недовольства.

«В сообщении всего не скажешь, миссис Гибни. Я хотела бы поговорить с вами, или с мистером Хантли, или с вами обоими, о моей дочери Бонни. Она пропала три недели назад, первого июля. Полиция провела *очень* поверхностное расследование. Я сказала об этом детективу Джейнс, прямо...»

Конец сообщения. «Сказала Иззи прямо в лицо», – произносит Холли, и из её ноздрей вырываются струйки дыма. Мужчин часто очаровывают рыжие волосы Иззи (без сомнения, в наши дни приукрашен-

ные в салоне) и её туманно-серые глаза, женщин – реже. Но она хороший детектив. Холли решила, что если Пит уйдёт на пенсию, как он всё время грозит, она попытается переманить Изабеллу на тёмную сторону, подальше от копов.

Холли без колебаний переходит к третьему сообщению. Нужно же узнать, чем закончится эта история. Хотя она может догадаться. Велика вероятность, что Бонни Даль сбежала из дома, и её мать не может с этим смириться. Снова звучит голос Пенелопы Даль.

«Бонни – помощница библиотекаря в кампусе колледжа Белла. Кажется, это библиотека имени Рейнольдса. В июне она снова открылась для летних студентов, хотя, конечно, для входа нужно надевать маску, и я полагаю, скоро придётся показывать карточку о вакцинации, но пока что её не требуют...»

Сообщение заканчивается. *«Не могли бы вы перейти к делу, дамочка?»* – думает Холли и нажимает на последнее сообщение. Пенелопа говорит быстрее, почти тараторит.

«Она ездит на велосипеде на работу и обратно. Я говорила ей, насколько это небезопасно, но она отвечает, что надевает шлем, как будто *это* спасёт её от серьёзной травмы или столкновения с машиной. Она зашла в «Джет Март» за газировкой, и это последний...» Пенелопа начинает плакать. Это тяжело слушать. Холли от души затягивается сигаретой, затем тушит её. «Последний раз, когда её видели. Пожалуйста, помогите...»

Сообщение заканчивается.

До этого Холли стояла, держа в руке трубку рабочего телефона, и слушала по громкой связи. Теперь она садится и кладёт телефон обратно на док-станцию. Впервые с тех пор, как Шарлотта заболела – нет, с того времени, когда Холли поняла, что ей не станет лучше – горе Холли отступает на второй план на фоне этих лаконичных сообщений. Она хотела бы услышать всю историю целиком или ту её часть, что известна Встревоженной Пенелопе. Пит, вероятно, тоже не в курсе, но Холли решает позвонить ему. Что ещё ей остаётся делать, кроме как думать о последних нескольких онлайн-встречах с матерью и о том,

какими испуганными были глаза Шарлотты, когда её подключили к аппарату искусственной вентиляции лёгких, помогающему ей дышать?

Пит отвечает на первом гудке, у него хриплый голос.

– Привет, Холли. Мне так жаль твою маму.

– Спасибо.

– Ты произнесла отличную траурную речь. Короткую, но трогательную. Жаль только, что тебя не было... – Он прерывается, начинается приступ кашля. – ...что тебя не было видно. Заглючил компьютер?

Холли могла бы ответить, мол, так и было, но у неё вошло в привычку говорить правду, за исключением тех редких случаев, когда она чувствует, что без лжи не обойтись.

– Ничего не заглючило, я просто выключила видео. Я немного расклеилась. Как ты себя чувствуешь, Пит?

Она слышит бульканье в горле, когда он вздыхает.

– Не ужасно, но вчера мне было лучше. Господи, надеюсь, я не стану одним из постковидников.

– Ты звонил своему врачу?

Он хрипло смеётся.

– С таким же успехом можно попытаться позвонить папе Франциску. Ты знаешь, сколько новых случаев зарегистрировано вчера в городе? Тридцать четыре сотни. Рост в геометрической прогрессии. – Снова приступ кашля.

– Может, вызовешь «скорую»?

– Выбираю сок и тайленол. Хуже всего, что я всё время чувствую себя чертовски уставшим. Каждый поход на кухню – это подвиг. В туалете приходится садиться, как девочке. Если сказал лишнего, то прошу прощения.

Так и есть, но Холли ничего не говорит. Она не думает, что ей стоит волноваться за Пита – случаи у привитых заболевших обычно не такие серьёзные, но, возможно, ей *стоит* волноваться.

– Ты позвонила просто так, почесать языком, или тебе что-то нужно?

– Я не хочу беспокоить тебя, если...

– Давай, побеспокой меня. Дай мне повод подумать о чём-то, кроме себя самого. Прошу. Ты же в порядке? Не заболела?

– Я в порядке. Тебе звонила женщина по имени...

– Пенни Даль, да? Она оставила четыре сообщения на моей голосовой почте.

– На моей тоже. Ты ей не перезванивал?

Холли знает, что нет. И она знает, что Встревоженная Пенелопа заглянула на веб-сайт «Найдём и сохраним» или, может, на «Фэйсбук» и нашла номера офисов двух партнёров, мужчины и женщины. Встревоженная Пенелопа позвонила мужчине, потому что если у вас проблема – чрезвычайная ситуация, как она это назвала, – вы не просите помощи у кобылы, по крайней мере, поначалу. Вы звоните жеребцу. Звонить кобыле – это запасной вариант. Холли привыкла быть кобылой в стойле «Найдём и сохраним».

Пит снова вздыхает, издавая этот тревожный хрип.

– На случай, если ты забыла, мы закрыты, Холс. И в моём нынешнем дерьмовом состоянии, я не думаю, что разговор с плаксивой разведённой матерью улучшит моё самочувствие. Да и тебе, учитывая, что ты только что потеряла свою мать, лучше не станет. Подожди до августа, вот мой совет. Мой настоятельный совет. К тому времени девочка, возможно, уже позвонит мамашке из Форт-Уэйна, Феникса или Сан-Франциско. – Он снова закашлял, затем добавил: – Или копы найдут её тело.

– Ты так говоришь, будто *что-то* знаешь, даже не пообщавшись с матерью. Это было в газетах?

– О, да, это нашумевшая история. Внимание, экстренное сообщение, все факты! Две строчки в «Полис Бит» между «голым мужчиной, потерявшим сознание на Камберленд-авеню» и «бешеной лисой, бродящей по парковке в центре города». В наши дни в газетах больше ничего нет, кроме ковида и людей, спорящих о масках. Похоже, словно люди стоят на тонущем корабле и спорят о том, промокнули они или нет. – Он делает паузу, затем довольно неохотно добавляет: – В голосовом сообщении дамочки говорится, что Иззи уже в курсе дела, поэтому я позвонил ей.

Этим летом Холли не хватало улыбки, но сейчас она чувствует, как её губы расходятся в улыбке. Приятно осознавать, что она не единственная, помешанная на работе.

Пит будто может видеть её, хотя они не в «Зуме».

– Не придавай этому большого значения, ладно? Мне всё равно нужно было поймать Из, узнать, как у неё дела.

– И?

– По «короне» с ней всё в порядке. Её последний парень в итоге оказался говнюком и я выслушал уйму хнык-хнык по этому поводу. Я спросил её об этой Бонни Даль. Иззи говорит, что дело проходит по категории о пропаже человека. Для этого есть несколько веских оснований. Соседи говорят, что Даль и её мать много спорили, до истерики, и к сиденью её велосипеда была приклеена прощальная записка. Но матери записка показалась жутковатой, а Иззи – двусмысленной.

– Что там было написано?

– Всего три слова. «С меня хватит». Что значит – она уехала из города, или ...

– Или она покончила с собой. Что говорят её друзья по поводу её эмоционального состояния? Или люди, с которыми она работает в библиотеке?

– Понятия не имею, – отвечает Пит и снова начинает кашлять. – На этом я округлился, и тебе советую, по крайней мере, на данный момент. Либо дело всё ещё будет открытым к первым числам августа, либо разрешится само собой.

– Или так или эдак, – говорит Холли.

– Точно. Или так или эдак.

– Где нашли её велосипед? Мисс Даль сказала, что вечером, прежде чем исчезнуть, её дочь купила газировку в «Джет Март». Это так? – Холли вспоминает не меньше трёх круглосуточных магазинов «Джет Март» в городе, а возможно, их больше.

– Опять же, понятия не имею. Мне нужно прилечь. Ещё раз, мне жаль, что твоя мать нас покинула.

– Спасибо. Если тебе не станет лучше, я настаиваю, чтобы ты обратился за медицинской помощью. Пообещай мне.

– Ты приставучая, Холли.

– Да. – Ещё одна улыбка. – И у меня хорошо получается, согласен? Спасибо моей маме. Теперь обещай.

– Хорошо. – Скорее всего, он лжёт. – И ещё кое-что.

– Что? – Она думает, это имеет отношение к делу (она уже так воспринимает его), но нет.

– Ты никогда не убедишь меня, что этот сраный ковид возник естественным путём, перескочив к людям от летучих мышей, детёнышей крокодилов или ещё какой-нибудь дряни на китайском рынке. Я не знаю, сбежал ли он из исследовательского центра, где его создали, или вирус выпустили специально, но как сказал бы мой дедушка, это протываестесно.

– Говоришь как параноик, Пит.

– Ты так думаешь? Послушай, вирусы мутируют. Это их главный навык выживания. Но они мутируют как в менее опасный штамм, так и в более опасный. Именно так произошло с птичьим гриппом. Но этот становится только опаснее. Дельта заражает людей, прошедших двойную вакцинацию – я тому пример. А люди, которые не сильно страдают от Дельты, имеют концентрацию вируса в крови в четыре раза больше, чем от первоначального штамма. Это значит, что они могут передавать вирус ещё легче. Тебе это кажется случайным?

– Трудно сказать, – отвечает Холли. Но можно легко сказать, когда кто-то заводит свою песню. И Пит как раз схватился за микрофон. – Возможно, Дельта-штамм мутирует во что-то более слабое.

– Мы это выясним, не так ли? Когда появится следующий. И он появится. А пока что забудь про Пенни Даль и посмотри что-нибудь на «Нетфликс». Я собираюсь заняться тем же.

– Пожалуй, хороший совет. Береги себя, Пит. – На этом она заканчивает разговор.

Холли не хочет ничего смотреть на «Нетфликс» (она считает, что большинство их фильмов, даже с большими бюджетами, на удивление посредственны), но её желудок издаёт тихое, неуверенное урчание, и она решает не оставлять это без внимания. Что-нибудь успокаивающее. Может, томатный суп и гренки с плавленым сыром. Идеи

Пита о вирусах, вероятно, бред из интернета, но совет оставить Пенелопу «Пенни» Даль в покое, несомненно хорош.

Холли разогревает суп, жарит гренки с сыром, большим количеством горчицы и щепоткой приправы, как ей нравится, и не перезванивает Пенелопе Даль.

3

По крайней мере, до семи вечера. Ей не даёт покоя записка, приклеенная скотчем к сиденью велосипеда Бонни Даль: «С меня хватит». Много раз Холли подумывала оставить подобную записку и раствориться в тумане, но так и не сделала этого. И были моменты, когда она размышляла, не покончить ли вообще со всем – *выдернуть чеку*, как сказал бы Билл, – но никогда не задумывалась об этом всерьёз.

Ну... может быть, раз или два.

Она звонит мисс Даль из своего рабочего кабинета, и женщина отвечает после первого гудка. Нетерпеливо и немного запыхавшись.

– Алло? Это «Найдём и сохраним»?

– Да. Холли Гибни. Чем я могу помочь, мисс Даль?

– Спасибо, что позвонили. Я думала, вы и мистер Хантли в отпуске. «Если бы», – думает Холли.

– Мисс Даль, сможете ли вы прийти завтра ко мне в офис? Он находится...

– Во Фредерик-Билдинг, я знаю. Конечно. От полиции нет никакого толку. *Совершенно* никакого. Во сколько?

– Вас устроит в девять часов?

– Абсолютно. Огромное спасибо. Мою дочь последний раз видели первого июля в четыре минуты девятого. Есть видео с ней из магазина, где она...

– Мы обсудим всё это завтра, – говорит Холли. – Но никаких гарантий, мисс Даль. Боюсь, осталась только я. Мой партнёр болен.

– О боже, это не коронавирус?

– Он самый, но случай лёгкий. – Холли надеется, что лёгкий. – Сейчас у меня к вам всего несколько вопросов. В своём сообщении вы сказали, что Бонни в последний раз видели в «Джет Март». Их довольно много по всему городу. В котором из них?

– В том, что рядом с парком. На Ред-Бэнк-Авеню. Вы знаете этот район?

– Да. – Холли даже пару раз покупала бензин в этом «Джет Март». – И там нашли её велосипед?

– Нет, дальше по Ред-Бэнк. Там есть пустое здание – ну, на той стороне парка много пустых зданий, но в этом раньше была авторемонтная мастерская или что-то в этом роде. Её велосипед стоял на подножке перед фасадом.

– Не похоже, что его пытались спрятать?

– Нет, нет, ничего такого. Полицейский детектив, с которым я разговаривала, женщина по фамилии Джейнс, предположила, что Бонни хотела, чтобы велосипед нашли. Она также сказала, что всего в миле находится автобусное и железнодорожное депо, примерно там, где въезд в деловой район. Но я сомневаюсь, что Бонни оставила бы свой велосипед и проделала остаток пути пешком, с чего бы ей так делать? Я хочу сказать, должна же быть *причина*.

Пенелопа набирает обороты, входя в истерический ритм, хорошо знакомый Холли. Если она сейчас же не остановит эту женщину, то провисит на телефоне час или дольше.

– Позвольте мне прервать вас, мисс Даль...

– Пенни. Зовите меня Пенни.

– Хорошо, Пенни. Мы займёмся этим завтра. Наш тариф составляет четыреста долларов в день, минимум три дня, плюс расходы. Их я перечислю по пунктам. Оплата принимается картами «Мастер», «Виза» или лично выписанным чеком. Никаких карт «Амекс», они... – *Дерьмовые* – слово, которое само собой приходит Холли на ум. – С ними возникают трудности. Принимаете ли вы эти условия?

– Да, безусловно. – Без всяких колебаний. – Джейнс спрашивала, была ли Бонни в депрессии, я знаю, что она имела в виду – самоубийство, вот о чём она подумала, но Бонни жизнерадостная душа. Даже

после разрыва с тем наркоманом, от которого она была без ума, она снова смотрела на жизнь бодро уже через две-три недели, ну, может быть, через месяц, но...

– Поговорим об этом завтра, – повторяет Холли. – Тогда и расскажете мне обо всём. Пятый этаж. И, Пенни?

– Да?

– Наденьте маску. Респиратор N95¹¹, если он у вас есть. Я не смогу вам помочь, если заболею.

– Конечно, как скажете. Могу я называть вас по имени?

Холли отвечает Пенни, что не против, и наконец заканчивает разговор.

4

Помня о предложении Пита, Холли пробует посмотреть фильм «Нетфликс» под названием «Кроваво-красное небо», но когда начинается что-то страшное, она его выключает. Она наблюдала за всеми кровавыми похождениями Джейсона, Майкла и Фредди, она может назвать все фильмы, в которых Кристофер Ли сыграл кровожадного графа, но после Брейди Хартсфилда и Чета Ондовски – особенно Ондовски – Холли думает, что, возможно, потеряла вкус к фильмам ужасов.

Она подходит к окну и стоит, глядя на клонящийся к закату день, с пепельницей в одной руке и сигаретой в другой. Что за отвратительная привычка! Холли уже предчувствует, как ей захочется одну сигаретку во время встречи с Пенни Даль, потому что знакомство с новыми клиентами – это всегда стресс для неё. Холли хороший детектив, она верит, что рождена для этой работы, это её призвание, но при любой возможности она оставляет первые встречи Питу. Но завтра так ни за что не получится. Она подумывает о том, чтобы позвать с собой Дже-

¹¹ Респиратор N95 – тип респиратора, используемого в хирургии и промышленности, обеспечивает лучшую защиту, чем обычная медицинская маска.

рома Робинсона, но он занят редактированием книги о своём прадедушке, весьма примечательном персонаже. Джером придёт, если она попросит, но ей не хочется отвлекать его. Придётся перетерпеть.

«И никаких сигарет в здании. После ухода Даль придётся выйти в боковой переулок».

Холли знает, что именно так думают и ведут себя наркоманы: они переставляют мебель своей жизни, чтобы освободить место для своих вредных склонностей. Курение вредно и опасно... но нет ничего более утешительного, чем одна из этих смертоносных маленьких трубочек из бумаги и табака.

«Если девушка села на поезд, осталась запись, даже если она заплатила наличными. То же касается «Грейхаунда», «Питера Пэна», «Мэдрик Карпет» и «Люкс».¹² Но в соседнем квартале есть пара «мутных» компаний, специализирующихся на быстрых перевозках. Одна – «Трай-Стэйт», а вторая?»

Холли не может вспомнить и не хочет этим вечером рыться в интернете. Вообще, кто сказал, что Бонни Даль уехала на автобусе или поезде? Она могла поехать автостопом. Холли вспоминает «Это случилось однажды ночью», и как Клодетт Кольбер поймала машину для себя и Кларка Гейбла, задрала юбку и поправив чулок. С тех пор мало что изменилось... только рядом с Бонни Даль не было большого сильного мужчины, который мог бы её защитить. Если, конечно, она не сошлась с бывшим бойфрендом, о котором упоминала её мать.

Нет смысла копаться в этом сейчас. Завтра, вероятно, будет из чего выбрать. Во всяком случае, Холли на это надеется. Случай Пенни Даль займёт её мысли, помимо бессмысленной, в угоду убеждениям, смерти её матери.

«Со мной Святая¹³ надежда», – думает Холли и идёт в спальню, чтобы переодеться в пижаму и помолиться.

¹² Компании, занимающиеся автобусными перевозками.

¹³ Имя Холли созвучно со словом holy – святой.

10 сентября 2015

Кэри Дресслер молод, не женат, неплохо выглядит, жизнерадостен, редко склонен беспокоиться о будущем. Он сидит на скалистом выступе, исписанном инициалами, возвышающемся над густой травой и смотрит «В поисках утраченного ковчега», потягивая «Пи-Ко». В выходные на этом выступе – известном как «Кинотеатр на Скале» – было бы полно подростков, пьющих пиво, курящих травку и тискающих девушек, но сегодня четверг, и всё это место в его распоряжении. Именно так ему и нравится.

«Скала» находится на западной стороне Дирфилд-Парк, недалеко от границы Дебрей. Здесь все заросло деревьями и кустарниками. Из этой части парка было бы невозможно увидеть Ред-Бэнк-Авеню, не говоря уже об экране кинотеатра под открытым небом «Мэджик Сити», но здесь к улице спускается неровный овраг, возможно, оставшийся после паводка или оползня.

В наши дни «Мэджик Сити» едва держится на плаву, никто не хочет отмахиваться от комаров и слушать звуковую дорожку по АМ-радио, когда в городе есть три кинокомплекса, все со звуком Dolby, а один даже с IMAX, что просто улёт. Но в кинотеатре нельзя курить травку. А в «Кинотеатре на Скале» можно курить сколько угодно. И после восьмичасовой смены в боулинге «Победный страйк», Кэри очень хочется дунуть. В наши дни в «Мэджик Сити» показывают только фильмы, давно вышедшие с проката, и он смотрел «В поисках утраченного ковчега» не меньше десяти раз. Он знает диалоги наизусть и теперь бормочет слова между затылками.

– Змеи! Почему это обязательно должны быть змеи?

После «Ковчега» покажут «Последний крестовый поход», который Кэри тоже видел много раз – не так много, как «Ковчег», но не меньше четырёх. На этот раз он не останется. Он допьёт «Пи-Ко», сядет на свой мопед (спрятанный в кустах у ближайшего к «Скале» входа в парк) и поедет домой. Очень осторожно.

От его косяка остаётся маленький огрызок. Кэрри тушит его между надписями «БД+ГЛ» и «МЭНДИ ДУРА». «Засаливает пяточку» и роется

в своей поясной сумке, перебирая тонкие и толстые косяки. Достает тонкий. Он собирается выкурить половину, съесть батончик «Кит-Кат», который тоже припасён в его поясной сумке, а затем укатить в свою берлогу.

Кэри растворяется в ярких картинках, мелькающих в четверти мили от него, и незаметно выкуривает почти весь косяк. Он слышит музыку Джона Уильямса у себя в голове и напевает мелодию, тихо, на случай, если поблизости кто-то есть – маловероятно в десять вечера в четверг, но не исключено.

– Ту-туру-ту, ту-туруу, ту-туру-ту, ту-туру...

Кэри резко замолкает. Он только что услышал голос... или нет? Он склоняет голову набок, прислушиваясь. Возможно, это его воображение. Дурь обычно не вгоняет его в паранойю, только расслабляет, но иногда... Он уже почти решил, что ему послышалось, когда голос звучит снова. Не близко, но и не так уж далеко.

– Это батарейка, дорогая. Думаю, она сдохла.

Со зрением у Кэри всё в порядке, и со своего наблюдательного пункта он быстро определяет откуда доносится голос. Ред-Бэнк-Авеню никогда не будет считаться одной из самых красивых улиц города. С одной стороны – Дебри, скрывающие редкие тропинки и пробивающиеся сквозь кованую ограду. С другой – склады, камеры хранения «Ю-Стор-Ит», заброшенная автомастерская и пара пустырей. На одном из них проходила замызганная маленькая ярмарка, которая свернулась после Дня труда. На другом, рядом с давно заброшенным круглосуточным магазином, стоит фургон с открытой боковой дверью и выдвинутым пандусом. Рядом с пандусом кто-то сидит в кресле-коляске.

– Я не могу оставаться здесь всю ночь, – произносит пассажир кресла-коляски. Её голос звучит по-старчески и неуверенно, немного раздражённо и слегка испуганно. – Позови на помощь.

– Позвал бы, – говорит её спутник, – но у меня отключился телефон. Забыл поставить на зарядку. Ты взяла свой?

– Оставила дома. Что будем делать?

Кэри только позже придёт в голову – слишком поздно, чтобы избежать беды, – что женщина в кресле-коляске и мужчина рядом с ней как бы проецируют свои голоса вдаль. Не сильно, без надрыва и прочего, но как актёры на сцене для публики в конце зала. Позже Кэри поймёт, что *он* и был публикой, перед которой они выступали, парнем, сидящим на «Скале» с косяком, вспыхивающим и затухающим во тьме, как маяк. Позже он поймёт, как часто останавливался здесь ненадолго по дороге домой из боулинга, покуривая штaket и смотря фильмы на расстоянии.

Кэри решает, что не может просто сидеть на месте, пока старик будет ходить за помощью, оставив женщину одну. Кэри вообще-то хороший человек, и рад время от времени совершать добрые поступки.

Он спускается по склону, держась за ветки, чтобы не скатиться на заднице. Проходя мимо своего мопеда – своего верного пони! – Кэрри слегка похлопывает его. Дойдя до одного из выходов из парка на Ред-Бэнк-Авеню, Кэри идёт по тротуару, пока не оказывается напротив фургона. Он окликает: «Нужна помощь?»

Только позже, оказавшись в клетке, он задумается, почему они выбрали именно это место для парковки; заброшенный магазин «Квик-Пик» вряд ли можно назвать живописным местом.

– Кто там? – настороженно спрашивает мужчина.

– Меня зовут Кэри Дресслер. Могу я...?

– Кэри? Боже мой, милая, это Кэри!

Кэри выходит на дорогу, вглядываясь.

– Мелкошар? Это вы?

Мужчина смеётся.

– Я самый. Слушай, Кэри, у кресла-коляски моей жены сел аккумулятор. Как думаешь, ты сможешь вкатить его на пандус, а?

– Думаю, я справлюсь, – отвечает Кэри, переходя улицу. – Инди Джонс спешит на помощь.

Пожилая дама смеётся.

– Я смотрела этот фильм в старом кинотеатре «Бижу». Спасибо вам большое, молодой человек. Вы наш спаситель.

Родди Харрис рассказывает жене, откуда он и их спаситель знают друг друга. Кэри хватается за ручки кресла-коляски и поворачивает к пандусу. Мелкошар отступает назад, освобождая место, и засовывает одну руку в карман своего твидового пиджака. Кэри так накурен, что даже не чувствует, как игла впивается ему в затылок.

23 июля 2021

1

Холли подъезжает к муниципальной парковке на Четвёртой улице в полуквартале от Фредерик-Билдинг и использует свою карточку. Шлагбаум поднимается, и она въезжает внутрь. На часах 8:35 утра, почти полчаса до назначенной встречи с Пенни Даль, но Даль тоже пришла рано. Её «Вольво» ни с чем не спутаешь. К нему с боков и сзади приклеены большие фотографии её дочери. На заднем стекле надпись (вероятно, в нарушение ПДД, как думает Холли) «ВЫ ВИДЕЛИ МОЮ ДОЧЬ?», ниже «БОННИ РЭЙ ДАЛЬ» и «ТЕЛЕФОН: 216-555-0019».

Холли без проблем паркует свой «Приус» рядом с «Вольво». На стоянке нет недостатка в свободных местах; раньше она заполнялась к девяти и перед въездом висела табличка «ИЗВИНИТЕ, МЕСТ НЕТ», но это было до пандемии. Сейчас множество людей работают дома, надеясь, что они сохранят своё место. Если они, конечно, не настолько больны, что не могут работать. Больницы на какое-то время опустели, но затем появился Дельта со своими новыми коварными приёмами. Они ещё не заполнились, но близки к тому. К августу заболевших, возможно, снова будут размещать в коридорах и буфетах.

Поскольку мисс Даль нигде не видно, а Холли пришла рано, она закуривает сигарету и обходит «Вольво», разглядывая фотографии. Бонни Даль выглядит одновременно хорошенькой и старше, чем ожидала Холли. На двадцать пять, плюс-минус. Отчасти из-за того, что Даль ездила в библиотеку и обратно на велосипеде, Холли ожидала увидеть девушку моложе. Но в основном из-за того, насколько голос Пенни напоминал Холли её покойную мать. Она думала, что Бонни будет выглядеть примерно, как Холли в девятнадцать или двадцать: подтянутое, как у Эмили Дикинсон,¹⁴ лицо, волосы, собранные сзади в пучок или хвостик, показная улыбка (Холли ненавидела фотографироваться, и до сих пор ненавидит), одежда, не просто уменьшающая фигуру, а буквально испаряющая её.

¹⁴ Американская поэтесса.

Лицо девушки открыто миру, у неё широкая и солнечная улыбка. Короткие светлые волосы, спереди взъерошенная, будто выгоревшая на солнце чёлка. На фотографиях по бокам автомобиля Бонни изображена в полный рост, но на одном фото сзади она верхом на велосипеде, в белых шортах с V-образными вырезами по бокам и топе на бретельках. В непринуждённой позе.

Холли докуривает сигарету, наклоняется и тушит её о пол. Дотрагивается до почерневшего кончика, убедившись, что он холодный, затем бросает окурок в мусорную корзину за распашными воротами. Она кладёт в рот леденец «Лайф Сейвер», надевает маску и идёт к зданию.

2

Пенни Даль ждёт в вестибюле, и несмотря на маску, Холли замечает сходство с дочерью. Холли даёт ей лет шестьдесят или около того. Её волосы были бы красивыми, если их покрасить, но сейчас они цвета крысиной шкурки. Тем не менее, *опрятные*, добавляет Холли к своей первой оценке. Она всегда старается быть доброжелательной. Одета мисс Даль чисто, но небрежно. Холли далеко не модница, но она никогда не надела бы такую блузку с такими слаксами. Для этой женщины внешность отошла на второй план. На респираторе N95 ярко-красными буквами написано имя дочери.

– Здравствуйте, мисс Даль, – говорит Холли. – Холли Гибни.

Холли никогда не нравилось пожимать руку, но она охотно поднимает локоть. Пенни Даль касается его своим.

– Большое вам спасибо за встречу. Большое, большое вам спасибо.

– Пойдёмте наверх. – Вестибюль пуст и им не нужно ждать лифта. Холли нажимает кнопку пятого этажа. Она говорит Пенни: – В прошлом году у нас были кое-какие проблемы с этой проклятой хреновиной, но сейчас всё исправлено.

3

Без Пита или Барбары Робинсон, занимающихся делами (или просто болтающихся без цели) в приёмной стоит тишина. Холли включает кофеварку.

– Я принесла дюжину фотографий Бонни, все сделаны за год или два до её исчезновения. Есть гораздо больше, ещё с подростковых времён, но вы ведь будете искать не подростка, верно? Я могу отправить их на ваш телефон, если вы дадите адрес электронной почты. – У неё отрывистая речь, и Пенни то и дело дотрагивается до своей маски, проверяя, на месте ли она. – Знаете, я могу её снять. Я прошла двойную вакцинацию и у меня отрицательный результат на ковид. Только прошлым вечером делала тест на дому.

– Почему бы здесь не остаться в масках? Мы снимем их в моём кабинете и выпьем кофе. У меня есть печенье, если Барбара – девушка, которая иногда помогает нам – ещё его не съела.

– Нет, спасибо.

Холли всё равно знает, что печенье кончилось. Барбара не может оторваться от ванильных вафель.

– Кстати, я видела фотографии Бонни на вашей машине. Она очень привлекательная.

Вокруг глаз Пенни появляются морщинки, когда она улыбается под маской.

– Я тоже так считаю. Конечно, я её мать и по-другому сказать не могу. Не Мисс Америка, но в старших классах она была королевой выпускного бала. И никто не вылил на неё ведро крови. – Она смеётся, звук её смеха такой же резкий, как её речь. Холли надеется, она не впадёт в истерику. Три недели спустя после исчезновения дочери, эта женщина, возможно, на грани, а может и нет. Холли никогда не теряла дочь, поэтому она не знает. Но она хорошо помнит свои чувства, когда думала, что потеряла Джерома и Барбару, – будто сходила с ума.

Холли записывает адрес своей электронной почты на стикере «Пост-Ит».

– Вы замужем, мисс Даль?

Даль приклеивает стикер изнутри к чехлу своего телефона.

– Если вы не начнёте называть меня Пенни, я могу закричать.

– Хорошо – Пенни, – соглашается Холли, отчасти потому, что верит: её клиентка и впрямь на это способна.

– В разводе. Мы с Гербертом разошлись три года назад. Отчасти из-за политических разногласий – он был во всём заодно с Трампом – но была и масса других причин.

– Как к этому отнеслась Бонни?

– Очень по-взрослому. Почему нет? Она *была* взрослой. Двадцать один год. К тому же, первый раз, когда Герби пришёл домой в кепке САСВ, она посмеялась над ним. Его это... ммм... оскорбило.

Вот ещё одни отношения, охлаждённые балоболящим мужчиной в красном галстуке. Это не судьба и не совпадение.

Тем временем сварился кофе.

– Как ты предпочитаешь, Пенни? А то у меня есть чай, и, возможно, вода «Поланд Уотер», если только Пит или Барбара...

– Кофе, спасибо. Без сливок, только немного сахара.

– Положишь сама, сколько нужно. – Холли наливает две кружки с надписью «Найдём и сохраним», на закупке которых настоял Пит. Не поднимая глаз, она говорит: – Давай сразу поставим одну точку над «i»: есть ли хоть какой-нибудь шанс, что твой бывший муж имеет отношение к исчезновению Бонни?

Снова раздаётся отрывистый смешок – скорее нервный, чем весёлый.

– Он на Аляске. Примерно через полгода после развода устроился на должность «белого воротничка» в судоходной компании. И у него ковид. Его кумир отказался носить маску, поэтому Герб тоже. Ну ты знаешь: трампист видит – трампист делает. Если ты спрашиваешь, похитил ли он свою двадцатичетырёхлетнюю дочь или убедил её переехать жить к нему в Джуно, то ответ – нет. Он говорит, что ему становится лучше...

Это заставляет Холли вспомнить о Пите.

– ...но когда я общаюсь с ним в «Фэйс Тайм», то слышу бесконечный кашель и хрипы. – Пенни говорит это с нескрываемым злорадством.

В офисе Холли они снимают маски. Кресло для клиентов стоит если не в шести футах, то около того. «*К тому же, – говорит себе Холли, – лучшее – враг хорошего*». Она включает на айпаде «Заметки» и печатает «Бонни Рэй Даль», «24 года», «Пропала вечером 1 июля». Это для начала.

– Давай начнём вот с чего: скажи мне, когда её видели в последний раз? Ты говорила, что это было в круглосуточном магазине «Джет Март»?

– Да, на Ред-Бэнк-Авеню. Бонни живёт в одном из этих новых кондоминиумов «Лэйк-Вью», где раньше были старые доки, знаешь?

Холли кивает. Там есть несколько жилых комплексов, и ещё больше в стадии строительства. Скоро нельзя будет увидеть озеро, если только не поселиться в одном из этих домов.

– «Джет Март» находится на полпути к её дому. В полтора милях от библиотеки, в полтора милях от её дома. Работник магазина знает её. Она пришла первого июля в четыре минуты девятого.

«Рутинный поход в магазин», печатает Холли. Она набирает текст не глядя, не сводя глаз с Пенни.

– У меня есть запись с камеры наблюдения. Её я тоже отправлю тебе, если не хочешь посмотреть прямо сейчас.

– Серьёзно? Откуда она у тебя?

– Дала детектив Джейнс.

– По запросу твоего адвоката?

Пенни выглядит озадаченной.

– У меня нет адвоката. Был, когда я купила дом в Апривер, но с тех пор больше нет. Я попросила, и она дала запись мне.

«*Молодец, Иззи*», – думает Холли.

– Мне *стоит* нанять адвоката?

– Решать тебе, но я не думаю, что прямо сейчас в этом есть необходимость. Давай посмотрим видео.

Пенни встаёт и начинает обходить стол.

– Нет, просто протяни телефон мне.

Двойная вакцинация или нет, тест на дому прошлым вечером или нет, Холли не хочет, чтобы женщина заглядывала ей через плечо и дышала в лицо. И не только из-за ковида. Даже до появления вируса ей не нравилось вторжение в её личное пространство чужих людей, таких, как эта женщина. Пенни открывает видео и протягивает свой телефон Холли.

– Просто нажми на «плей».

5

Камера видеонаблюдения смотрит вниз под большим углом, и картинка далека от совершенства; объектив не протирали уже долгое время, если вообще когда-либо протирали. Видна так называемая «пивная пещера», работник магазина, входная дверь, мизерная парковка и часть Ред-Бэнк-Авеню. Время указано в левом нижнем углу: 8:04 вечера. Дата в правом верхнем: 01.07.21. Ещё не стемнело, но, как говорит Боб Дилан, уже близко к тому. Небо ещё достаточно светлое, и Холли видит, как Бонни подъезжает на своём велосипеде, снимает шлем и встряхивает волосы, вероятно, взмокшие от пота. Последняя неделя июня и первая неделя июля выдались очень жаркими. *Жопа*, на самом деле.

Бонни кладёт шлем на сиденье велосипеда, но в магазин входит с рюкзаком. На ней коричневые слаксы и рубашка-поло с надписью «Колледж Белла» над левой грудью и логотипом в виде колокольни. Видео, разумеется, без звука. Холли смотрит этот короткий ролик с возбуждением, которое, по её мнению, испытывает каждый, глядя на человека, отправившегося из чистого, хорошо освещённого места в неизвестность.

Бонни Рэй подходит к дальнему холодильнику и достаёт бутылку с газировкой, похожей на «Колу» или «Пепси». По пути к кассе она задерживается у стойки со снеками. Берёт пакетик. Может быть, «Хо-

Хос» или «Йодль», не имеет значения, потому что она кладёт его обратно, и в голове Холли пробегает мысль, озвученная голосом Шарлотты Гибни: *«Я должна сохранить девичью фигуру»*.

У кассы Бонни перекидывается парой слов с продавцом (лысеющим латиноамериканцем средних лет). Должно быть, что-то весёлое, потому что они оба смеются. Бонни ставит свой рюкзак на стойку, растёгивает и кладёт внутрь газировку. Рюкзак достаточно большой, там помещается обувь, в которой она ходит на работе, плюс, возможно, мобильник и пара книг. Бонни накидывает рюкзак на плечи и что-то ещё говорит продавцу. Он сдаёт ей немного мелочи и показывает большой палец. Она уходит. Надевает шлем. Садится на свой велосипед. Крутит педали и уезжает в... неизвестно куда.

Когда Холли поднимает глаза и возвращает телефон, Пенни Даль плачет.

Холли трудно справиться со слезами. Рядом с её ковриком для мыши лежит коробка с салфетками. Она протягивает её Пенни, не глядя в глаза, покусывая нижнюю губу и мечтая о сигарете.

– Мне очень жаль. Я знаю, как это тяжело для тебя.

Пенни смотрит на неё поверх салфеток «Клинекс».

– Правда? – Это звучит почти как вызов.

Холли вздыхает.

– Нет, наверное, не знаю.

На мгновение между ними повисает тишина. Холли думает, не сказать ли Пенни, что она недавно потеряла мать, но это не то же самое. В конце концов, она знает, где находится её мать: под слоем земли и дёрна на кладбище «Сидар Рест». Пенни Даль знает только, что в её жизни появилась пустота там, где должна быть её дочь.

– Меня интересует шлем твоей дочери. Был ли он вместе с велосипедом?

У Пенни отвисает челюсть.

– Нет, нашли только велосипед. Знаешь, детектив Джейнс никогда не спрашивала об этом, а я никогда не думала.

Пенни получает один балл, но Иззи Джейнс слегка падает в глазах Холли.

– А что насчёт её рюкзака?

– Пропал, но этого следовало ожидать, не так ли? Рюкзак можно носить и без велосипеда – он был на ней в магазине, – но вряд ли кто-то будет ходить пешком в шлеме, правильно?

Холли не отвечает, потому что это не разговор, а допрос. Деликатный, насколько это возможно, но допрос.

– Просвети меня, Пенни. Расскажи всё, что знаешь. Начни с того, чем Бонни занималась в библиотеке Рейнольдса, и во сколько она ушла оттуда.

6

В библиотеке Рейнольдса в кампусе Колледжа искусств и наук Белла работают четыре помощника библиотекаря. Летом библиотека закрывается в семь. Заведующий, Мэтт Конрой, иногда остаётся до закрытия, но в тот вечер ушёл пораньше. К пяти минутам восьмого Маргарет Бреннер, Эдит Брукингс, Лэйкиша Стоун и Бонни Даль проводили последних посетителей. Перед закрытием они разделились и быстро прошлись между стеллажей в поисках тех, кто не услышал звонка, либо проигнорировал его, надеясь прочитать ещё одну страницу или сделать ещё одну выписку. Бонни рассказывала своей матери, что иногда в читальном зале или среди стеллажей они находили крепко спящих людей, а несколько раз им попадались парочки, охваченные страстью. «*В порочном наслаждении*», как она это называла. Они также проверили туалеты в главном зале и на третьем этаже. В тот вечер не осталось ни одного посетителя.

Все четверо немного поболтали в комнате отдыха, обсуждая планы на выходные, затем погасили свет. Лэйкиша уехала в своём «Смарте». Бонни оседлала велосипед и направилась в свою уютную квартирку, куда так и не приехала. Пенни не очень встревожилась, позвонив Бонни на следующее утро и после первого же гудка попав на голосовую почту.

– Я хотела спросить, не желает ли она прийти в пятницу или субботу вечером и посмотреть что-нибудь на «Нетфликс» или «Хулу», – говорит Пенни, затем добавляет: – Я собиралась приготовить попкорн.

– И это всё? – Нюх Холли на ложь не так силён, как был у Билла Ходжеса, но она хорошо понимает, когда кто-то скрывает правду.

Пенни краснеет.

– Ну... пару дней назад мы поссорились. Ситуация немного накалилась. Матери и дочери, ну, ты знаешь. Фильмы – это способ примирения. Мы с ней любим кино, а в наше время столько всего можно посмотреть, правда?

– Да, – отвечает Холли.

– Я предположила, что она разговаривает с кем-то ещё и перезвонит потом.

Но этого не случилось. Пенни снова звонила в десять, затем в одиннадцать с тем же успехом: первый гудок и затем голосовая почта. Она звонила Лэйкише Стоун, лучшей подруге дочери по библиотеке, спросив: продолжает ли Бонни злиться на неё? Лэйкиша сказала, что не знает. В то утро Бонни не пришла. Вот тогда-то Пенни и начала беспокоиться. У неё был ключ от квартиры дочери, и она поехала туда.

– Во сколько это было?

– Я волновалась и не следила за временем. Думаю, около полудня. Я не боялась, что она подхватила «корону» или что-то ещё – она всегда принимает меры предосторожности и со здоровьем у неё порядок, – но из головы не выходила мысль о несчастном случае. Поскользнулась в душе или что-то в этом роде.

Холли кивает, но вспоминает видеозапись с камеры наблюдения. На Бонни Рэй не было маски при входе в магазин, как и на парне за кассой. Вот вам и меры предосторожности.

– Дома её не было, но всё выглядело нормально, поэтому я поехала в библиотеку, уже по-настоящему волнуясь, но она там не появлялась и не звонила. Я позвонила в полицию и попыталась подать заявление о пропаже человека, но мужчина, с которым я разговаривала – после двадцати минут ожидания, – сказал, что в случае с «несовершеннолетним подростком» должно пройти не менее сорока восьми

часов, а с совершеннолетним – семьдесят два часа. Я рассказала, что она не отвечает на звонки, будто у неё выключен телефон, но, похоже, его это не заинтересовало. Я попросила разрешения поговорить с детективом, и он сказал, что все они заняты.

В шесть вечера того же дня, вернувшись домой, Пенни позвонила подруга Бонни, Лэйкиша. В библиотеку приехал мужчина с десятискоростным велосипедом «Бомонт Сити» в кузове своего пикапа. У этой модели имеется багажник, к которому Бонни приклеила бамперную наклейку «Я ♥ БИБЛИОТЕКУ РЕЙНОЛЬДСА». Мужчина по имени Марвин Браун, хотел знать, принадлежит ли велосипед кому-то из сотрудников библиотеки или, может, частому посетителю. Иначе, по его словам, он бы отвезёт велосипед в полицейский участок. Из-за записки на сиденье.

– В записке сказано: «С меня хватит», – говорит Холли.

– Да. – На глаза Пенни снова навернулись слезы.

– Но ты не назвала бы свою дочь самоубийцей?

– Боже, нет! – Пенни отшатывается, будто Холли дала ей пощёчину. Слеза скатывается по её щеке. – Боже, нет! Детективу Джейнс я сказала то же самое!

– Продолжай.

Все сотрудники узнали велосипед. Мэтт Конрой, заведующий библиотекой, вызвал полицию; Лэйкиша позвонила Пенни.

– Во мне как будто что-то надломилось. Все просмотренные фильмы про маньяков пронеслись у меня перед глазами.

– Где мистер Браун нашёл велосипед?

– Менее чем в трёх кварталах от «Джет Марта» вниз по Ред-Бэнк. Там, напротив парка, выставлена на продажу автомастерская. У мистера Брауна есть мастерская на другом конце города, и я думаю, он заинтересован в расширении бизнеса. Там он встретился с агентом по недвижимости. Они вместе осмотрели велосипед. – Пенни сглатывает. – Ни одному из них не понравилась записка на сиденье.

– Ты общалась с мистером Брауном?

– Нет, это сделала детектив Джейнс. Она позвонила ему.

«Личной встречи не было», печатает Холли, всё ещё не сводя глаз с Пенни, продолжающей вытирать слёзы. Она думает, что Марвин Браун может стать её первым свидетелем.

– Мистер Браун и агент по недвижимости обсудили, что делать с велосипедом, и Браун предложил отвезти его в библиотеку на своём пикапе. После осмотра автомастерской он так и поступил.

– Кто оказался там первым? Браун или агент по недвижимости?

– Я не знаю. Это не казалось важным.

Может и так, но Холли намерена это выяснить. Потому что иногда убийцы «находят» тела своих жертв, а поджигатели иногда вызывают пожарных. Это будоражит их.

– С тех пор произошло что-нибудь ещё?

– Ничего, – отвечает Пенни. Она вытирает глаза. – Голосовая почта Бонни забита, но иногда я всё равно звоню ей. Понимаешь, чтобы услышать её голос.

Холли морщится. Пит говорит, что со временем она привыкнет к рассказам клиентов о своём горе, её сердце покроется мозолями, но пока этого не произошло, и Холли надеется, что никогда не произойдёт. Может, у Пита и есть такие мозоли, как и у Иззи Джейнс, но у Билла их никогда не было. Он всегда принимал всё близко к сердцу. Говорил, что ничего не может с собой поделаться.

– А что насчёт больниц? Полагаю, их проверили?

Пенни смеётся. Но тут нет ничего смешного.

– Я спросила полицейского, ответившего на телефонный звонок – того, кто сказал, что все детективы заняты – он займётся этим или я? Он ответил, что лучше мне. Типа: твоя дочь сбежала – ты и напрягайся. Было совершенно ясно, что он считает её беглянкой. Я позвонила в Мерси, позвонила в Сейнт-Джо, позвонила в Кинер Мемориал. Знаешь, что они мне ответили?

Холли уверена в ответе, но позволяет Пенни сказать самой.

– Они сказали, что не знают. Как тебе такая некомпетентность?

Женщина в отчаянии и из её поля зрения ушло всё, кроме пропавшей дочери, поэтому Холли не стала указывать на в общем-то очевидные вещи: больницы здесь и по всему Среднему Западу переполнены.

Персонал завален пациентами с ковид – не только врачи и медсёстры, вообще все. На первой полосе вчерашней газеты была фотография уборщика в маске, везущего пациента в отделение интенсивной терапии больницы Мерси. Если бы не компьютеризированные системы учёта, городские больницы, возможно, даже не имели бы представления, сколько пациентов находится у них на попечении. В любом случае, информация сильно отстаёт от потока больных людей.

«Когда всё закончится, – думает Холли, – никто не поверит, что это произошло на самом деле. А если поверит, то не поймёт, как это случилось».

– С тех пор детектив Джейнс связывалась с тобой?

– Дважды за три недели, – говорит Пенни. В её голосе слышен гнев, и Холли полагает, что она имеет на это право.

– Однажды она пришла ко мне домой – на десять минут. В другой раз позвонила. У неё есть фотография Бонни, и она сказала, что разместит её в «НамАс», общенациональной базе данных о пропавших без вести, а также в «НЦПЭД», это...

– Национальный центр по делам пропавших и эксплуатируемых детей, – говорит Холли, думая, что это хороший ход со стороны Иззи, хотя Бонни Рэй Даль уже не ребёнок. Копы часто размещают там посты, если пропавший человек молод и женского пола. Молодые женщины, безусловно, являются наиболее частыми жертвами похищений. Конечно, они также чаще сбегают из дома.

«Но, – думает Холли, – если двадцатичетырёхлетняя девушка решает повысить ставки и начать всё с начала где-нибудь в другом месте, её нельзя назвать беглянкой».

Пенни прерывисто вздыхает.

– Никакой помощи от полиции. Ноль. Джейнс говорит, конечно, Бонни могли и похитить, но из записки следует, что она ушла сама. Только зачем ей это? Почему? У неё хорошая работа! Она в очереди на повышение! Они с Лэйкишей лучшие подруги! И она наконец-то бросила этого неудачника, своего парня!

– Как зовут неудачника?

– Том Хиггинс. – Пенни морщит нос. – Он работал в обувном магазине в «Эйрпорт Молл». Затем торговый центр закрылся во время первой волны коронавируса. Он хотел переехать к Бонни, чтобы сэкономить на квартплате, но она ему не позволила. Из-за этого они сильно поругались. Бон сказала ему, что между ними всё кончено. Он рассмеялся и ответил, что она не может его бросить, он уходит сам. Как оригинально. Возможно, ему так казалось.

– Ты думаешь, он имеет какое-то отношение к исчезновению Бонни?

– Нет. – Пенни складывает руки на груди, как бы говоря, что эта тема исчерпана. Холли выжидает – приём, которому её научил Билл Ходжес – и Пенни, наконец, нарушает тишину. – Этот человек едва мог высморкаться без видео-инструкции. А ещё он *очень* незрелый. Я никогда не понимала, что Бонни нашла в нём, и она никогда не могла этого объяснить.

Холли, поклонница красавчиков из «Холостяка в Раю», догадывается, *что* Бонни могла найти в своём парне. Она не хочет этого говорить, да и не нужно. Пенни говорит за неё.

– Должно быть, он был великолепен в постели, настоящий самец.

– У тебя есть его адрес?

Пенни заглядывает в свой телефон.

– Истленд-Авеню, дом 2395. Хотя я не знаю, там ли он ещё.

Холли записывает.

– Есть фото записки?

Фото у Пенни есть, Лэйкиша Стоун сфотографировала записку, когда Марвин Браун привёз велосипед. Холли изучает фото, и ей не нравится то, что она видит. Печатные буквы, все заглавные, аккуратно выведенные: С МЕНЯ ХВАТИТ.

– Это почерк твоей дочери?

Пенни вздыхает – это говорит о том, что она в отчаянии.

– Может быть, но я не уверена. Моя дочь не пишет от руки. В наши дни никто из них ничего не пишет, кроме подписи, и ту не разберешь – просто каракули. Обычно она не пишет всё заглавными буквами, но если она хотела быть... я не знаю...

– Выразительной?

– Да, именно. Тогда могла.

Возможно, она права, думает Холли, но в этом случае, почему Бонни не сделала надпись ещё бóльшими буквами? Не С МЕНЯ ХВАТИТ, а С МЕНЯ ХВАТИТ? Может, даже с одним или двумя восклицательными знаками? Нет, Холли совсем не нравится эта записка. Она не готова поверить, что Бонни не писала её, но и далека от того, чтобы поверить в обратное.

– Пожалуйста, перешли записку вместе с фотографиями дочери. А что насчёт тебя, Пенни? Где ты живёшь?

– Реннер Сёркл. Дом 883 по Реннер, в Апривер.

Холли добавляет адрес к своим заметкам, туда, где она написала, что *П и Б поссорились, и П говорит, ситуация накалилась.*

– А чем ты занимаешься?

– Я главный специалист по кредитам в отделении «НорБэнк», у поворота к аэропорту. По крайней мере, была и, полагаю, буду снова. «НорБэнк» временно закрыл три своих склада – мы называем их складами – и один из них был моим.

– Не работаешь на дому?

– Нет. Хотя мне по-прежнему платят. Единственный лучик солнца во всём этом... этом *бардаке*. Кстати, это напомнило мне, что нужно выписать тебе чек. – Пенни открывает сумочку и начинает в ней рыться. – У тебя, должно быть, есть ещё вопросы.

– Будут, но для начала достаточно.

– Когда ты свяжешься со мной? – Пенни выписывает чек быстро и по-деловому, не задерживаясь ни на одном из полей. И не заглавными буквами, а мелким витиеватым и ровным почерком.

– Дай мне двадцать четыре часа, чтобы двинуться с места.

– Если выяснишь что-то раньше, дай знать. В любое время. Днём или ночью.

– И ещё кое-что. – Обычно Холли избегает чего-либо личного, особенно если это может показаться неоднозначным, но этим утром она не колеблется. Словно ухватила за кончик запутанного узла, который хочет развязать. – Расскажи мне о ссоре. О накалённой обстановке.

Пенни снова складывает руки на груди, на этот раз плотнее. Холли знакома с защитным языком тела благодаря большому личному опыту.

– Ничего особенного. Буря в стакане.

Холли выжидает.

– Периодически мы спорим, подумаешь. У какой матери с дочерью этого не бывает?

Холли выжидает.

– В общем, – наконец, говорит Пенни, – может, на этот раз всё было немного серьёзнее. Выходя, она хлопнула дверью. Она добродушная девушка, и это не в её характере. У нас было несколько... накалённых бесед о Томе, но она никогда не хлопала дверью. И я обругала её. Назвала упрямой сукой. Боже, как бы я хотела взять эти слова обратно. Просто сказать: «Ладно, Бон, давай забудем об этом». Но нам не дано знать, не так ли?

– Из-за чего возник спор?

– В «НорБэнк» появилась отличная вакансия. Ведомости и инвентаризация. Сверка. Операционный отдел, гарантированная работа на дому – здорово же звучит на фоне всего происходящего? Я пыталась уговорить Бонни подать заявление, она отлично разбирается в цифрах и общается с людьми, но она отказалась. Я рассказала ей о существенном повышении зарплаты, о льготах и хорошем графике. До неё ничего не доходило. Иногда она бывает упрямой.

«Кто бы говорил», – думает Холли, вспоминая ссоры с собственной матерью, особенно после того, как она начала работать с Биллом Ходжесом. Было несколько перебранок после того, как они с Биллом чуть не погибли, гоняясь за доктором, одержимым – по-другому не скажешь – Брейди Хартсфилдом.

– Я сказала Бонни, что если бы она работала в банке, то могла бы для разнообразия купить какую-нибудь приличную одежду и перестать одеваться как хиппи. Она рассмеялась мне в лицо. Вот тогда-то я и назвала её сукой.

– Были ещё какие-нибудь ссоры? Точки трения?

– Нет. Не было. – Холли знает, что Пенни лжёт, и не только нанятому ей частному детективу.

Холли делает ещё одну запись, затем встаёт и надевает маску.

– Чем ты займёшься в первую очередь?

– Позвоню Иззи Джейнс. Думаю, она поговорит со мной. Мы с ней знакомы уже много лет.

И ещё, даже раньше Брауна, водителя пикапа, Холли хочет поговорить с Лэйкишей Стоун. Если Лэйкиша и Бонни были лучшими подругами – даже близкими, – Лэйкиша должна хорошо понимать, как ладили мать и дочь. Несмотря на хлопанье дверью, Холли не хочет начинать с приравнивания своей собственной матери к матери Бонни.

«Дело не в тебе, – сказал ей однажды Билл. – Никогда не совершай ошибку, думая, что это так. Это никогда не помогает и обычно делает только хуже».

22–25 ноября 2018

1

Эм она не нравится.

Не то чтобы ей нравился Кэри Дресслер, а Кастро, латиноса *mari-son*, она вообще ненавидела. Однако эта девушка, Эллен Краслоу, отличается от них обоих. Потому что она женщина? Эм сомневается.

Она спускается по лестнице в подвал, держа перед собой поднос. На нём полтора фунта сырой печени, плавающей в собственном соку. Цена в «Крогер»: 3.22 доллара. Мясо сейчас дорогое, и последний кусок потрачен впустую. Эм спустилась вниз и обнаружила, что он кишит личинками и мухами. Как они попали в эту запечатанную комнату, да ещё так быстро, для неё остаётся загадкой. Они заделали даже щель в нижней части двери, ведущей на кухню.

Девушка стоит у решётки клетки. Она высокая, с кожей цвета какао. У неё аккуратные короткие и тёмные волосы. От подножия лестницы Эм они почти кажутся шапочкой для плавания. Подойдя ближе, она видит, что губы Эллен потрескались и местами выглядят воспалёнными. Но она не плачет и не умоляет. Не делала ни того, ни другого. По крайней мере, пока.

Эм берёт с подноса тарелку с печенью и ставит на бетонный пол. Чтобы сделать это, она опускается на одно колено, а не наклоняется. У неё ишиас¹⁵, впрочем, терпимый. Но когда он обостряется, каждый шаг причиняет страдания... это совсем другое дело. Эм берёт швабру и подталкивает тарелку к решётке. Красная жидкость расплёскивается. А Эллен, как и раньше, блокирует проход ногой.

– Я уже говорила тебе, что я веган. Ты, кажется, не слушаешь.

Эм испытывает желание ткнуть её ручкой швабры, но сдерживается. И не только потому, что девушка может ухватиться за ручку. Она не должна проявлять эмоций. Перед ней животное в клетке, как Кастро и Дресслер. Домашний скот. Тыкать палкой в домашний скот – это ребячество. Всё, что нужно делать с животными – это дрессировать их.

¹⁵ Воспаление седалищного нерва.

Эллен также отказалась от протеинового коктейля. Очнувшись, она опустошила обе маленькие бутылки с водой, находящиеся в клетке. Первую сразу; вторую оставила на потом, но теперь нет уже обеих. Из кармана фартука Эм достаёт ещё одну бутылку.

– Когда съешь своё мясо, Эллен, получишь воду. Твоему организму всё равно, что ты веган. Ему нужна еда. – Она демонстративно протягивает бутылку. – И тебе нужно пить.

Эллен ничего не говорит, только смотрит и смотрит на Эм, её руки сжимают решётку, а нога загоразивает проём. Этот пристальный взгляд нервирует. Эм не хочет нервничать, но убеждает себя, что чувствовала бы то же самое, встретившись взглядом с тигром в зоопарке.

– Я оставляю еду, хорошо? Если вернусь и тарелка будет чистой и без сока, – ты получишь воду.

Ответа нет. Животное перед ней или нет, но профессор Эмили Харрис (эмерит) понимает, что она всё-таки сердится. Нет, в ярости. Кастро поел, Дресслер поел; в конце концов, Эллен тоже поест. Она ничего не сможет с собой поделать. Эм разворачивается и направляется к лестнице. Девушка произносит:

– Это ужасно, да?

Эм испуганно оборачивается.

– Когда люди не хотят делать то, что ты хочешь. Это ужасно, да? Для тебя, я имею в виду. – И девушка улыбается!

«Сука, – думает Эмили, а затем мысленно добавляет то, что даже за миллион лет не позволила бы себе высказать иначе, как в своём дневнике: – *Упрямая чёрная сука!*».

Эм произносит (мягко):

– Сегодня День Благодарения, Эллен. Будь благодарна и поешь.

– Принеси мне салат, – говорит Эллен. – Без заправки. Его я съем.

«Ну и наглость! – думает Эм. – *Будто я её служанка! Будто я горничная!*»

Она делает то, о чём потом пожалеет, потому что это чересчур выдаёт её. Эм достаёт бутылку с водой из кармана фартука, подносит к губам и пьёт. Затем выливает остальное на пол.

Девушка ничего не говорит.

Проходит день.

Профессор Родни Харрис (естественные науки, эмерит) стоит перед клеткой, размышляя. Эллен Краслоу спокойно смотрит на него. По крайней мере, так кажется. Теперь на её губах появилась пара волдырей, на лбу прыщи, а гладкая кожа цвета какао приобрела пепельный оттенок. Но её глаза – поразительно зелёные – блестят в глубоких глазницах.

Родди – уважаемый биолог и диетолог. До выхода на пенсию он работал учителем, которого ученики порой почитали, но чаще боялись. Список его опубликованных работ занял бы дюжину страниц, и он по-прежнему ведёт оживлённую переписку в различных журналах со своими коллегами. То, что он считает себя первым среди коллег, не кажется ему тщеславным. Как однажды сказал один мудрый человек: *что правда, то не хвастовство*.

Он не злится на эту девушку так, как Эм (она отрицает это, но после пятидесяти лет брака Родди знает её лучше, чем она сама), но Эллен определённо ставит его в тупик. Должно быть, очнувшись, она была дезориентирована, как и другие, ведь они используют сильнодействующий препарат, но она *не казалась* дезориентированной. Если у неё был отходняк – а он должен быть, – она не жаловалась. Она не стала звать на помощь, как почти сразу сделал Кэри Дресслер (*«Вероятно, от этого у него сильно разболелась голова»*, – думает Родди) и как в конце концов поступил Хорхе Кастро. И, конечно же, она отказалась от еды, хотя прошло уже почти три дня и больше двух с тех пор, как она допила последнюю бутылку воды, что ей дали.

Печень, принесённая вчера Эм, потемнела и начала попахивать. Она всё ещё съедобна, но это ненадолго. Ещё несколько часов, и девушка, вероятно, выблюет всё съеденное, что сделает всю эту затею бессмысленной. Между тем, время летит.

– Если ты не будешь есть, моя дорогая, ты умрёшь с голоду, – говорит Родди мягким голосом, который его прежние студенты не

узнали бы; будучи лектором он имел обыкновение говорить быстро, бурно, иногда даже резко. Когда он рассказывал о чудесах желудка – серозной оболочке, привратнике, двенадцатиперстной кишке, – его голос срывался почти на крик.

Эллен ничего не отвечает.

– Твоё тело уже начало поедать само себя. Это видно по твоему лицу, по твоим рукам, по тому, как ты стоишь, слегка ссутулившись...

Нет ответа. Она встретилась с ним взглядом. Она не спросила, чего они хотят, что также вызывает недоумение и (признаем очевидное) довольно тревожит. Она знает, кто они такие, и понимает, что даже если они отпустят её, то будут арестованы за похищение (только одно обвинение из многих), следовательно, они *не могут* её отпустить, но никаких сделок с её стороны, никакой мольбы. Только эта голодовка. Она сказала, что с удовольствием съела бы салат, но об этом не может быть и речи. В салате, заправленном или не заправленном, нет таинства. В мясе – есть. В печени – есть.

– Что нам с тобой делать, дорогая? – с грустью спрашивает Родди.

В этот момент он мог ожидать от пленника – обычного пленника – что-нибудь нелепое, например, *отпустите меня, и я никому не скажу ни слова*. Эта девушка, даже испытывая голод и жажду, умнее.

Родди придвигает тарелку с куском печени чуть ближе.

– Съешь это, и сразу почувствуешь, как к тебе возвращаются силы. Ощущение будет необыкновенным. – Он пытается пошутить: – Мы мигом сделаем тебя плотоядной.

По-прежнему нет ответа, поэтому он направляется к лестнице.

Эллен говорит:

– Я знаю, что это такое.

Родди оборачивается. Она указывает на большую жёлтую коробку в дальнем конце мастерской.

– Это щеподробилка. Ты повернул её приёмником к стене, чтобы не было видно, но я знаю, что это. Мой дядя всю жизнь проработал в лесах на севере.

Родни Харрис считал, что в его возрасте его уже нечем удивить, но эта молодая женщина полна сюрпризов. Очень незаурядная, почти как собака-вундеркинд, умеющая считать.

– Так ты собираешься избавиться от меня? Сначала пропустишь через рукав в большой мешок, а мешок отправится в озеро.

Родни смотрит, разинув рот.

– Как ты... почему ты так подумала?

– Потому что так надёжнее всего. Есть такой сериал, «Декстер», о человеке, что убивает людей и избавляется от тел в Мексиканском заливе. Ты, наверное, видел.

Видел, конечно.

Это ужасно. Как будто она читает его мысли. Их мысли, потому что когда дело доходит до пленников – и таинства, – они с Эм думают одинаково.

– У тебя есть лодка. Я права, профессор Харрис?

Эта девка была ошибкой. Она крепкий орешек, исключительная, они, возможно, и через сто лет не встретят такую же.

Он поднимается вверх, больше не произнося ни слова.

3

Эм у себя в кабинете. Он заставлен таким количеством книжных полок от пола до потолка, что там едва хватает места для её письменного стола. Некоторые книги отодвинуты в угол, чтобы освободить место для толстой папки с надписью «ОБРАЗЦЫ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ», аккуратно выведенной печатными буквами.

По обе стороны от её стационарного компьютера стоят фотографии в рамках. На одной запечатлены совсем юные Родди и Эм, он в парадном костюме (взятом напрокат), а она в традиционном белом свадебном платье (купленном её родителями). На другой гораздо более взрослые Родди и Эм, он в смешной адмиральской фуражке, а она в обычной матросской бескозырке, щегольски нацепленной поверх ухоженных в салоне кудрей. Они стоят перед своей недавно куплен-

ной (но слегка подержанной) «Мэйншип 34». В одной руке у Эм бутылка шампанского, которую она вскоре использует, чтобы наречь лодку «Мэри Кэсер» – Мэри как Стоупс, Кэсер как Уилла¹⁶. Их брак всегда был партнерством.

На экране компьютера Эм наблюдает за Эллен Краслоу, сидящей на матрасе в своей клетке, ноги скрещены, руки обхватывают голову, плечи подёргиваются. Родди наклоняется через плечо Эм, чтобы рассмотреть поближе.

– Она стояла, пока ты не ушёл, а затем просто сникла, – говорит Эм не без удовлетворения.

Девушка поднимает голову и смотрит в камеру. Хотя она плакала, её глаза выглядят сухими. Родди не удивлён. Всё дело в обезвоживании.

– Ты всё слышала? – спрашивает он свою жену.

– Да. У неё хорошая интуиция, правда?

– Не интуиция, а логика. К тому же, она узнала щеподробилку. Никто из остальных не сообразил. Что будем делать, Эмми? Твои предложения.

Она всё обдумывает, пока они смотрят на девушку в клетке. Никто из них не испытывает к Эллен ни жалости, ни даже сочувствия. Она – проблема, которую нужно решить. В каком-то смысле Родди считает, что нет худа без добра. Они всё ещё относительно новички в этом деле. Как известно каждому учёному, любая решённая проблема повышает эффективность.

Наконец Эм произносит:

– Давай подождём до завтра.

– Да. Думаю, это правильно.

Родди выпрямляется и лениво перебирает пальцами толстую папку с образцами письменных работ. В этом весеннем семестре весьма престижный (почти легендарный) семинар по беллетристике будет вести женщина по имени Алтея Гибсон, автор двух романов, получивших хорошие отзывы, но плохо продававшихся. Как и в случае с

¹⁶ Мэри Шарлотта Кармайкл Стоупс – британская писательница, учёная, борец за права женщин. Уилла Сиберт Кэсер – американская писательница.

несколькими другими преподавателями-авторами, Гибсон была более чем рада, что Эмили Харрис провела первоначальный отбор кандидатов, и, хотя оплата невелика, Эм нравится эта работа. Хорхе Кастро отклонил такое предложение, предпочтя лично просмотреть стопки с образцами письменных работ. Решил, что предварительный отбор Эмили принизит его роль. Эм заметила, что многие педики ведут себя высокомерно, и считает это своего рода компенсацией. А ещё... эти одиночные пробежки.

– Есть что-то достойное? – спрашивает Родди Харрис.

– Пока только обычная чушь. – Эм вздыхает и потирает ноющую поясницу. – Я начинаю думать, что лет через двадцать художественная литература станет утраченным искусством.

Он наклоняется и целует её в седую макушку.

– Крепись, детка.

4

Когда в полдень 24 июля Эм спускается по лестнице, на куске печени снова поселились личинки и мухи. Она смотрит на них, ползающих по такому хорошему куску мяса (ну, таким оно *было*), с отвращением и недовольством. Это не дело, что они появляются так быстро. Им вообще не положено там быть!

Она подталкивает мясо к проёму с помощью швабры. И хотя Эллен выглядит измученной, трещинки на её губах кровоточат, лицо цвета глины, она снова прижимает ногой откидную заслонку.

Эм достаёт из кармана фартука бутылку воды и приходит в восхищение от того, как на неё устремляется взгляд девчонки. И когда она высовывает язык в бесполезной попытке увлажнить пересохшие губы... это тоже восхитительно.

– Возьми это, Эллен. Стряхни личинок и съешь. Тогда я дам тебе воды.

На какое-то мгновение Эм кажется, что упрямая девчонка собирается сдаться. Затем она произносит то, что произносит всегда:

– Я – веган.

«Ты сука, вот кто ты». Эмили едва сдерживается, чтобы не сказать этого вслух. Девчонка приводит её в бешенство, а тут ещё этот проклятый ишиас, который полночи не давал ей спать. *«Наглая хитрожопая сука! ЧЁРНАЯ сука!»*

Эм опускается на одно колено – спина прямая, так меньше боли – и берёт тарелку. Она не в состоянии подавить тихий вскрик отвращения, когда личинка заползает ей на запястье. Она, не оглядываясь, несёт тарелку наверх.

Родди сидит за кухонным столом, читает монографию и грызёт орешки с сухофруктами из гранёной стеклянной миски. Подняв глаза, он снимает очки для чтения и массирует переносицу.

– Нет?

– Нет.

– Так. Хочешь, я отнесу ей последний кусок? Я вижу, как сильно у тебя болит спина.

– Я в порядке. Всё тип-топ. – Эм наклоняет тарелку. Гниющая печень соскальзывает в раковину. Она издаёт хлюпающий звук: *плюх*. На руке Эм ещё одна личинка. Она стряхивает её и с помощью вил для мяса отправляет испорченный кусок в измельчитель отходов, пропиная его энергичными резкими тычками.

– Спокойно, – говорит Родди. – *Спокойно*, Эм. Мы готовились к этому.

– Но если она не будет есть, значит, придётся найти ей замену! Ещё слишком рано!

– Мы будем предельно осторожны, и мне невыносимо видеть твои страдания. К тому же, нам может подвернуться подходящий кандидат.

Эм поворачивается к нему.

– Она выводит меня из себя.

«Нет ничего безобиднее, чем раздражение, моя дорогая, – думает Родди. – Ты злишься, и я думаю, девчонка это понимает. Она также может понимать, что гнев – это единственная месть, на которую она может рассчитывать». Он ничего не говорит, только смотрит на Эм тем взглядом, который она всегда любила. Не может не

любить, даже после стольких лет. Родди встаёт, обнимает её за плечи и целует в щёку.

– Моя бедная Эм. Мне жаль, что тебе больно, и жаль, что приходится ждать.

Она дарит ему улыбку, которую он всегда любил, и не может не любить. Даже сейчас, с углубляющимися морщинками вокруг её глаз и в уголках рта.

– Всё получится.

Эм включает кухонный измельчитель. Он издаёт голодный скрежещущий звук, не сильно отличающийся от звука измельчителя в подвале. Затем она достаёт из холодильника свежий кусок печени.

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я этим занялся? – спрашивает Родди.

– Абсолютно.

5

В подвале Эм опускает тарелку с печенью на пол. Позади неё ставит бутылку воды «Дасани». Эллен Краслоу встаёт с матраса и загоразживает проём ногой, прежде чем Эм успевает взять швабру. Она снова говорит.

– Я – веган.

– Я думала, мы уже определились с этим, – говорит Эм. – Подумай хорошенько. Это твой последний шанс.

Эллен смотрит на Эм затравленными, глубоко посаженными глазами... затем улыбается. Её губы трескаются и кровоточат. Она произносит спокойно, без запальчивости:

– Не лги мне, женщина. У меня не осталось никаких шансов с тех пор, как я очнулась здесь.

6

На следующий день приходит Родди. На нём его любимый спортивный пиджак, который он всегда надевал на съезды и симпозиумы,

где ему предстояло выступить с докладами. Благодаря видеонаблюдению он знает, что печень всё ещё лежит снаружи клетки, но тарелка сдвинута. Они с Эм наблюдали, как девушка, лёжа на боку и прижавшись плечом к прутьям, пыталась дотянуться до воды. Разумеется, ей это не удалось.

Родди держит запрашиваемый ею салат. Он никогда не стал бы дразнить животное в клетке, но эта девушка действительно приводила его в бешенство. Дело не только в её непоколебимом спокойствии. Дело в том, что она впустую тратит их время.

– Без заправки. Нам бы не хотелось нарушать твои диетические принципы.

Родди опускает миску, отмечая неприкрытое вожеление на лице Эллен, когда она смотрит на салат. Он проталкивает шваброй салат к ней в клетку. Он мог бы позволить ей поесть, прежде чем избавить от страданий. Но, подумав, решил поступить иначе. Она разозлила Эмили. Он заталкивает миску в клетку. Эллен берёт её.

– Спасибо... – Её глаза расширяются, когда девушка видит, как он суёт руку под пиджак.

Это 38-й калибр. Не очень громкий, к тому же подвал звукоизолирован. Родди стреляет в неё один раз, в грудь. Миска выпадает из рук Эллен и разбивается вдребезги. Помидоры черри разбегаются в разные стороны. Когда Эллен падает, Родди просовывает руку сквозь решётку и пускает ещё одну пулю ей в голову, просто для верности.

– Какая пустая трата времени, – говорит он.

Не говоря уже о беспорядке, который придется убирать.

23 июля 2021

1

Как только Пенни уходит, Холли берёт упаковку антибактериальных салфеток из верхнего ящика и протирает поверхность стола, на которую Пенни опиралась своими сложенными руками, и подлокотники кресла для клиентов. Вероятно, лишние действия – невозможно продезинфицировать всё, это просто безумие, – но лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. Холли достаточно вспомнить о своей матери, чтобы понять это.

Она идёт по коридору в дамскую комнату и моет руки. Вернувшись в офис, Холли просматривает свои записи и составляет список людей, с которыми хочет поговорить. Затем она садится в своё кресло, откинувшись назад, скрестив руки на животе и глядя в потолок. Между её бровей возникает вертикальная складка – морщина размышлений, как её называет Барбара Робинсон. Холли не волнует пропавший рюкзак; как сказала Пенни, он, скорее всего, вместе с её дочерью. А вот велосипедный шлем Бонни Рэй интересует Холли. И сам велосипед. Обе вещи *очень* интересуют её по схожим, но слегка отличающимся причинам.

Через пять минут или около того вертикальная складка пропадает и Холли звонит Изабелле Джейнс.

– Привет, Иззи. Это Холли Гибни. Надеюсь, ты не против, что я звоню тебе по личному номеру.

– Вовсе нет. Мне было очень печально услышать о твоей матери, Хол.

– Как ты узнала? – Иззи не присутствовала на онлайн похоронах в «Зум», если только – и это как раз в её духе – она не наблюдала скрытно.

– Мне сказал Пит.

– Что ж, спасибо. Это тяжёлая потеря. И бессмысленная.

– Не делала прививок?

– Нет. – Пит, вероятно, рассказал Иззи и об этом. Холли не знала, насколько они были близки, но что близки, не сомневалась. Грусть никогда не исчезает. Так ей говорил Билл.

– Как дела у Пита?

– Приходит в себя не так быстро, как я надеялась.

– Жаль это слышать. Чем я могу тебе помочь?

Холли рассказывает, что Пенелопа Даль наняла её расследовать исчезновение своей дочери. Холли не ожидала, что Иззи сочтёт это вмешательством в полицейское расследование, и ожидания её оправдались. На самом деле Иззи только рада и желает Холли успехов.

– Миссис Даль не верит, что Бонни уехала из города, – говорит Холли. – И она отвергает мысль о суициде. Категорически. Что ты думаешь?

– Только между нами? Не для публикации?

– Конечно, нет!

– Я пошутила, Холс. Иногда я забываю, насколько буквальной ты можешь быть. Думаю, либо девушка под влиянием момента решила сорваться с места в поисках лучшей доли... либо её похитили. Если ты припрёшь меня к стенке, то я ставлю на похищение. За которым, вероятно, последовало изнасилование, убийство и избавление от тела.

– Ох.

– Да уж, ох. Я уведомила нужных людей и ввела в курс дела полицию штата.

– В число нужных людей входят сотрудники ФБР?

– Я разговаривала с главой городского отделения ФБР в Цинциннати. Они не станут заниматься расследованием, у них и так дел по горло, но, по крайней мере, дело попало в их базу данных. Если какое-либо их расследование коснётся Даль, они узнают об этом. Что до обстановки здесь, в городе, то ты представляешь этот дурдом. Мало нам проблем с ковидом, теперь ещё это дело с Маликом Даттоном. Всё немного поутихло, последние пару недель не бьют витрины магазинов и не поджигают машины, но всё равно... отдаётся эхом.

– Прискорбно. – Это еще слабо сказано, но Даттон – щекотливая и старая история: молодой чернокожий мужчина, разбитая задняя фара,

остановка полицией. Приближающийся офицер велит ему держать руки на руле, но Даттон тянется за своим телефоном.

– *Глупо*, так будет вернее. *Вопиюще* глупо. – Голос Иззи звучит так, будто говорит сквозь стиснутые зубы. – Ты этого не слышала.

– Конечно, нет.

– Большое жюри оправдало долбанного «ковбоя» – этого ты тоже не слышала – но, по крайней мере, он больше не служит в полиции. И не только он. Из-за «короны» и неприятностей в Лоутауне нас сократили на двадцать пять процентов. Если губернатор обяжет городских и госслужащих носить маски и сделать прививки, сократится ещё больше. Тонкая синяя линия тоньше, чем когда-либо¹⁷.

Холли издаёт звук, похожий на выражение сочувствия. Она сочувствует, но с оговорками. Это была бездумная стрельба – неоправданная, что бы ни заявляло большое жюри – и она никогда не поймёт, почему полицейские, всегда надевающие перчатки перед введением дозы «Налоксона»¹⁸, против прививок от ковида. Разумеется, не все из них отказываются от вакцины, но значительная часть. Как бы то ни было, Холли привыкла к такому ворчанию. Иззи Джейнс, по сути, очень несчастный человек.

– Послушай, Холс, я знаю, Даль считает, будто мы её подвели. Может и так. Возможно. Но их соседи говорят, что они всё время спорили, и инфраструктура этого города почти накрылась. Ты знаешь, что заключённых освобождают из-за ковида? Выпускают плохих парней обратно на улицу. Иногда я думаю, хорошо, что Билл не дожил до всего этого.

«Лучше бы он дожил, – думает Холли. – Пусть бы он дожил до чего угодно». Смерть её матери – новая горе в дополнение к тому, что она испытывает по Биллу.

Иззи вздыхает.

¹⁷ Имеются в виду полицейские ряды, которые в Америке называют «синими» за цвет униформы.

¹⁸ «Налоксон» (Naloxone) – применяется как антидот при передозировках опиоидов, в первую очередь героина.

– В любом случае, я рада, что ты взялась за это дело, детка. Мне жаль её, но Даль – ещё одна заноза в и без того больной заднице. Дай мне знать, если я смогу чем-то помочь.

– Обязательно.

Холли заканчивает разговор и возвращается к созерцанию потолка. Она проверяет свой телефон на предмет присланных Пенни фотографий дочери. Их пока нет. Холли опускается на колени.

– Боже, прошу Тебя, помоги мне сделать всё, что в моих силах, для Пенни Даль и её дочери. Если кто-то похитил эту девушку, я надеюсь, что она всё ещё жива, и по воле Твоей я отыщу её. Я принимаю «Лексапро» и это хорошо. Я снова курю, и это плохо. – Холли вспоминает молитву святого Августина и улыбается в сложенные ладони. – Помоги мне бросить... но не сегодня.

Закончив, Холли открывает свой «ковидный» ящик. Рядом с коробкой салфеток лежит коробка с чистыми масками. Она берёт одну и выдвигается на расследование исчезновения Бонни Рэй Даль.

2

Двадцать минут спустя Холли медленно едет по Ред-Бэнк-Авеню. Недалеко от Дирфилд-Парк она проезжает мимо «Дэйри Уип», где группа детей катается на скейтах на почти пустынной парковке. Холли минует центр хранения «Джон Бой: Оплата ежемесячно или ежегодно». Она проезжает мимо заброшенной станции «Экссон», обклеенной объявлениями. Мимо «Квик-Пик», также заброшенного, с витринами, заколоченными досками.

Минуя заросший пустырь, Холли подъезжает к автомастерской, где был обнаружен велосипед Бонни. Это длинное здание с провисшей крышей и ржавыми стенами из гофрированного металла. На цементной парковке сквозь растрескавшуюся поверхность пробиваются сорняки и даже несколько подсолнухов. По мнению Холли, здание не стоит своего содержания, не говоря уже о покупке, но Марвин Браун, вероятно, имел другое мнение, потому что перед входом стоит таб-

личка с надписью «ПРОДАЖА НА РАССМОТРЕНИИ». Табличку украшает круглое улыбающееся лицо мужчины, по всей видимости, специалиста по недвижимости Джорджа Рафферти. Холли паркуется перед подъёмными воротами и записывает имя агента и его номер телефона.

В бардачке у Холли лежит коробка с нитриловыми перчатками. Барбара Робинсон специально заказала их в качестве подарка на день рождения, с принтом разных смайликов: улыбающимися рожицами, хмурыми, целующимися и обиженными. Довольно забавно. Холли надевает пару перчаток, затем обходит свою маленькую машину и открывает багажник. На ящике с инструментами лежит аккуратно сложенный дождевик. Сейчас он не понадобится, потому что день солнечный и жаркий, но Холли пригодятся её красные резиновые калоши. Здесь, на открытом месте, её беспокоит не ковид, но по обе стороны заброшенной автомастерской растут кусты, а Холли очень восприимчива к ядовитому плющу. Кроме того, там могут быть змеи. Холли ненавидит змей. У них противная чешуя, а черные глаза-бусинки еще противнее. *Ой-ой.*

Холли останавливается, рассматривая парк Дирфилд на другой стороне улицы. По большей части это мечта ландшафтного дизайнера, но здесь, на окраине Ред-Бэнк-Авеню, деревьям и кустарникам позволили бурно разрастись, и зелень пробивается сквозь кованую ограду, вторгаясь на территорию пешеходных дорожек. Холли замечает одну интересную вещь: неровный спуск, почти овраг, увенчанный каменным выступом. Даже с противоположной стороны улицы Холли видит, что камень сплошь покрыт граффити, так что, вероятно, там собираются подростки, покурить травку. С камня, как ей кажется, открывается хороший обзор на эту сторону авеню, включая автомастерскую. Интересно, думает Холли, сидели ли там какие-нибудь подростки тем вечером, когда Бонни оставила свой велик? Она вспоминает детвору, валяющую дурака на парковке «Дэйри Уип».

Холли натягивает галоши, заправляет в них брюки и идёт вдоль фасада здания мимо трёх подъёмных ворот, затем мимо офиса. Она не

рассчитывает ничего найти, но всякое бывает. Дойдя до угла, она поворачивается и идёт обратно, шагает медленно, опустив голову. На земле ничего нет.

«Теперь самое трудное, – думает она. – Самая неприятная часть».

Холли идёт вдоль южной стороны здания, двигаясь медленно, раздвигая кусты и глядя под ноги. Окурки от сигарет, пустая пачка от «Типарилло», ржавая банка «Уайт Кло», и старый спортивный носок. Заднюю сторону здания она проходит быстро, потому что кто-то сливал здесь масло (ай-яй-яй!) и кустов тут меньше. Холли видит что-то белое и кидается к нему, но это всего лишь треснувшая свеча зажигания.

Холли поворачивает за дальний угол и снова начинает продирается сквозь кусты. Красноватые листья некоторых выглядят подозрительно маслянистыми; Холли рада, что надела перчатки. Велосипедного шлема нет. Холли допускает, что его могли забросить за сетчатый забор позади мастерской, но она, вероятно, увидела бы его, потому что там ещё один пустырь.

У переднего угла здания что-то блестит в глубине этих подозрительно маслянистых листьев. Холли отодвигает их в сторону, стараясь, чтобы ни один листик не коснулся её обнажённой кожи, и поднимает серёжку-клипсу. Золотой треугольник. Естественно, это не настоящее золото, просто импульсивная покупка в «Ти Джей Макс» или «Айсинг Фэшн», но Холли испытывает жаркий прилив возбуждения. Бывают дни, когда она не понимает, почему занимается этой работой, а бывают – когда она точно уверена, почему. И этот день именно такой. Ей придётся сделать фото и отправить Пенни Даль, но Холли не сомневается, что серьга принадлежит Бонни Рэй. Возможно, она просто слетела – с клипсами это случается – но, может, её сорвали. Вероятно, во время борьбы.

«А велосипед? – думает Холли. – Он стоял не за мастерской и не сбоку. Он стоял спереди. Я должна проверить, но сомневаюсь, что Браун и его агент по недвижимости ползали по кустам, как только

что я». По её мнению, есть только один сценарий, в котором это имеет смысл.

Холли крепче сжимает серьгу, пока острые края не впиваются ей в ладонь, и решает вознаградить себя сигаретой. Она кончиками пальцев стягивает перчатки со смайликами, и кидает их на коврик под водительским сиденьем своей машины. Затем прислоняется к переднему колесу с пассажирской стороны, надеясь, что никто из проезжающих по авеню её не заметит, и зажигает сигарету. Пока курит, она рассматривает пустующее здание.

Докурив сигарету, Холли тушит её о бетон и прячет окурок в жестяную коробочку из-под леденцов от кашля, которую держит в сумочке в качестве переносной пепельницы. Она проверяет телефон. Пенни прислала фотографии дочери. Шестнадцать штук, включая ту, где Бонни верхом на своём велосипеде. Холли эта фотография интересует больше всего, но она просматривает и остальные. На одной Бонни и молодой человек – вероятно, Том Хиггинс, бывший бойфренд – прижимаются лбами друг к другу и смеются. Они стоят к камере в профиль. Холли движением пальцев растягивает изображение, пока весь экран не занимает лишь часть лица Бонни.

И тут, на мочке её уха, сверкает золотой треугольник.

3

Холли гораздо лучше умеет разговаривать с незнакомцами – даже допрашивать их – чем она представляла, но мысль о том, чтобы представиться этим гогочущим и сквернословящим подросткам на парковке «Дейри Уип», пробуждает неприятные воспоминания. Травму, если называть вещи своими именами. Такие же мальчишки безжалостно дразнили и насмехались над ней в старших классах. Девочки тоже, они по-своему проявляют ядовитую жестокость, но худшим из всех был Майк Стердевант. Он первым прозвал её Буба-Буба, потому что она (по его словам) буба-буба-бубнилка. Мать Холли разрешила ей

сменить среднюю школу – о, Холли, деваться некуда, – но до окончания школы она жила в страхе, что прозвище будет преследовать её, как дурной запах: Буба-Буба-Гибни.

Что, если она начнёт буба-буба-бубнить, разговаривая с этими мальчиками?

«Я не стану, – думает она. – Тогда я была другой».

Но даже будь это правдой (Холли знает, что это не совсем так), им было бы легче общаться с молодым человеком ненамного старше их самих. У Холли хватает самосознания понимать, что так и есть, и это логично. В конце концов, она звонит Джерому Робинсону. По крайней мере, она не отвлекает его от работы; в обед он всегда свободен, а сейчас уже почти полдень. Разве 10:50 не близко к обеду?

– Холлиберри! – восклицает Джером.

– Сколько раз повторять, чтобы ты не называл меня так?

– Никогда отныне, торжественно обещаю.

– Чушь собачья, – говорит она и улыбается при звуке его смеха. – Ты занят? Работаешь, да?

– Застыл как вкопанный, пока не сделаю несколько звонков, – отвечает он. – Нужна информация. Я могу тебе чем-то помочь? Пожалуйста, скажи, что могу. Барбара стучит по клавиатуре дальше по коридору, вызывая у меня чувство вины.

– Что она там настукивает в разгар лета?

– Не знаю, она сердится, если я спрашиваю. И на самом деле это продолжается с прошлой зимы. Что бы это ни было, кажется, она с кем-то встречается по этому поводу. Однажды я спросил, парень ли это, и она велела мне успокоиться, это дама. Пожилая дама. Что у тебя стряслось?

Холли объясняет, что стряслось, и спрашивает Джерома, не возьмётся ли он расспросить нескольких мальчиков, катающихся на скейтах у «Дэйри Уип». Если, конечно, они всё ещё там.

– Пятнадцать минут, – отвечает Джером.

– Ты уверен?

– Абсолютно. И Холли... мне так жаль твою маму. Она была лично-стью.

– И не только, – говорит Холли. Она сидит задницей на горячем бетоне, прислонившись к колесу, вытянув вспотевшие ноги в дурацких красных калошах, и готовая заплакать. *Снова*. Это абсурд, настоящий абсурд.

– Отличная траурная речь.

– Спасибо, Джером. Ты правда уве...

– Ты уже спросила, и я уверен. Ред-Бэнк-Авеню, через дорогу от Дебрей, спереди табличка о продаже недвижимости. Буду через пятнадцать минут.

Холли убирает телефон в свою маленькую сумочку через плечо, и вытирает слёзы. Почему это так больно? Почему, если она недолюбливала свою мать, она так злится из-за её столь глупой смерти? Не у «Джей Джилс Бэнд» ли поётся, что любовь смердит? Так как у Холли есть время (и пять «палок» на телефоне), она уточняет это в интернете. Затем решает отправиться на разведку.

4

Арочный вход в Дирфилд-Парк, ближайший к большой скале, обрамлён табличками: «ПОЖАЛУЙСТА, СОБИРАЙТЕ ЭКСКРЕМЕНТЫ СВОИХ ПИТОМЦЕВ» и «УВАЖАЙТЕ СВОЙ ПАРК! НЕ МУСОРЬТЕ!» Холли медленно идёт по тенистой тропинке, ведущей вверх, раздвигая нависающие ветви и всегда глядя налево. Недалеко от вершины она видит проторенную тропинку, ведущую в подлесок. Она следует по ней и в итоге выходит к большой скале. Земля вокруг неё усеяна окурками и банками из-под пива. А также кучками битого стекла, которые, вероятно, когда-то были винными бутылками. «*Вот тебе и «не мусорьте»*», – думает Холли.

Она садится на нагретый солнцем камень. Как она и ожидала, отсюда отличный вид на Ред-Бэнк-Авеню: заброшенная заправка, брошенный круглосуточный магазин, «Ю-Стор-Ит», далее «Джет Март» и – звезда нашего шоу – гараж автомастерской, который теперь, возможно, принадлежит Марвину Брауну. Холли видит и кое-что ещё: белый прямоугольник экрана автомобильного кинотеатра. Как полагает

Холли, любой находящийся здесь после наступления темноты может посмотреть фильм бесплатно, хотя и без звука.

Она всё ещё сидит на камне, когда к её «Приусу» подъезжает подержанный чёрный «Мустанг» Джерома. Он выходит и осматривается. Холли встаёт на скале, прикладывает ладони ко рту и зовёт:

– Джером! Я здесь, наверху!

Он замечает её и машет рукой.

– Я сейчас спущусь!

Холли торопится. Джером ждёт её перед воротами и крепко обнимает. Он кажется ей выше и красивее, чем когда-либо.

– То место, где ты была – это «Кинотеатр на Скале», – говорит он.

– Он популярен, по крайней мере, в этой части города. Когда я учился в старших классах, дети обычно ходили туда по вечерам в пятницу и субботу, пили пиво, курили траву, и смотрели всё, что крутили в «Мэджик Сити».

– Судя по количеству мусора наверху, – неодобрительно говорит Холли, – они по-прежнему этим занимаются. А что насчёт будней? – Бонни исчезла в четверг.

– Я не уверен, что по будням есть сеансы. Можешь проверить, но обычные кинотеатры из-за «короны» работают только по выходным.

Холли понимает, что возникла ещё одна трудность. Бонни вышла из «Джет Март» с газировкой в 8:07, и могла всего за несколько минут добраться до автомастерской, где был найден её велосипед. Первого июля как минимум до девяти вечера было слишком светло для просмотра фильма, и зачем тогда детям собираться в «Кинотеатре на Скале», смотреть на пустой экран?

– Ты выглядишь расстроенной, – говорит Джером.

– Есть одна нестыковка. Пойдем, поговорим с этими детьми. Если они всё ещё там.

Большинство скейтбордистов ушли, но четверо неутомимых парней сидят за одним из столиков для пикников в дальнем конце парковки «Дэйри Уип», уплетая бургеры и картошку фри. Холли колеблется, но Джером проявляет напористость. Он берёт её за локоть и удерживает рядом с собой.

– Я хотела, чтобы ты взял инициативу на себя!

– Рад помочь, но начинай ты. Это пойдёт тебе на пользу. Покажи им своё удостоверение личности.

Мальчики – Холли предполагает, что их средний возраст двенадцать-четырнадцать лет – смотрят на них. Не то чтобы с подозрением, просто оценивают их взглядом. У одного из них, местного клоуна, из носа торчит пара картофелин фри.

– Привет, – говорит Холли. – Меня зовут Холли Гибни. Я частный детектив.

– Серьёзно или гонишь? – спрашивает один из парней, глядя на Джерома.

– Так точно, бука, – говорит Джером.

Холли роется в своём бумажнике, чуть не выронив при этом переносную пепельницу, и показывает им своё ламинированное удостоверение частного детектива. Все парни подаются вперёд, разглядывая её ужасную фотографию. Клоун вынимает картошку из носа и, к ужасу Холли (ох), съедает её.

Оратор этой группы – рыжеволосый веснушчатый мальчик с лимонно-зелёным скейтбордом, прислонённым к его столику.

– Ладно, как знаешь, но мы не стукачи.

– Стукачи – это бичи, – добавляет клоун. У него чёрные волосы до плеч, которые стоило вымыть ещё две недели назад.

– Стукачам дают по щам, – вставляет тот, что в очках и с «площадкой» на голове.

– Стукачей пуля быстрее, – говорит четвёртый. У него катастрофический случай угревой сыпи.

Закончив этот «хоровод», они смотрят на Холли, ожидая, что будет дальше. Холли с облегчением понимает, что её страх исчез. Это просто мальчишки, недавно закончившие среднюю школу (может быть, всё

ещё учатся в ней), и в них нет ничего плохого, каких бы глупых стишков они ни нахватились из хип-хоп клипов.

– Классная доска, – говорит Джером лидеру. – «Бэйкер»? «Тони Хоук»?¹⁹

Парень-лидер ухмыляется.

– Похоже, что у меня водятся деньжата, ребята? Обычный «Мет-роллер», но мне хватает. – Он переключает своё внимание на Холли. – Следопыт, как Вероника Марс?²⁰

– У меня не так много приключений, как у неё, – отвечает Холли... хотя была парочка, о да. – И я не хочу, чтобы вы стучали о чём-либо. Я ищу пропавшую девушку. Её велосипед нашли в четверти мили отсюда... – она указывает в нужном направлении – ...у заброшенного здания, где раньше была автомастерская. Кто-нибудь из вас узнаёт её или велосипед?

Холли показывает фотографию Бонни на велосипеде.

Мальчики передают её телефон по кругу.

– Мне кажется, я видел её пару раз, – говорит длинноволосый, и парень, сидящий рядом с ним, кивает. – Просто проезжала по Ред-Бэнк на своём велике. Правда, не в последнее время.

– В шлеме?

– Ну да, – говорит длинноволосый. – Таков закон. Копы могут выписать штраф.

– Как давно вы видели её в последний раз? – спрашивает Джером.

Длинноволосый и его приятель задумываются. Приятель говорит:

– Не этим летом. Может быть, весной.

Джером:

– Ты уверен?

– Почти, – отвечает длинноволосый. – Симпатичная цыпочка.

Нельзя не обратить внимание. Таков закон.

Все смеются, включая Джерома.

Лидер говорит:

¹⁹ Марка досок для скейтбординга, названная в честь знаменитого американского скейтбордиста, или выпускаемая принадлежащей ему компанией.

²⁰ Вероника Марс – героиня одноимённого детективного молодежного сериала.

– Вы думаете, она сбежала или кто-то похитил её?

– Мы не знаем, – отвечает Холли. Её пальцы нащупывают через карман серьгу треугольной формы.

– Ну же, – говорит мальчик в очках и с «площадкой». – Будем откровенны. Она хороша собой, но не подросток. Если бы она просто сбежала, вы бы не стали её искать.

– Её мать очень переживает, – говорит Холли.

Они это понимают.

– Спасибо, – говорит Джером.

– Да, – произносит Холли. – Спасибо.

Они начинают разворачиваться, но рыжий с веснушками – Лидер – останавливает их.

– Хотите знать, чья ещё мать переживает? Мать Вонючки. Она сходит с ума, а копы ничего не делают, потому что она алкашка.

Холли оборачивается.

– Кто такой Вонючка?

27 ноября 2018

Зима в этом городе на берегу озера обещает быть холодной, с обилием снега, но этой ночью температура не по сезону – шестьдесят пять градусов. По мокрой поверхности Ред-Бэнк-Авеню стелется туман. Уличные фонари освещают плотный покров облаков, парящих не далее, чем в ста футах от земли. Без четверти семь Питер «Вонючка» Стейнман едет на своём скейте «Аламеда» по пустому тротуару, время от времени лениво отталкиваясь ногой, чтобы скейт продолжал катиться. Он направляется в «Дэйри Уип». Впереди виден гигантский подсвеченный рожок, проглядывающий сквозь туман. Вонючка смотрит на него и не замечает фургон, припаркованный перед заброшенной заправкой «Экссон», между витриной и островками, где раньше стояли насосы.

Давным-давно, очень давно (три года кажутся «давным-давно», когда тебе одиннадцать), юный Стейнман был известен своим сверстникам скорее как Пит, чем Вонючка. Он не был одарён особым интеллектом, но обладал живым воображением. В тот давний день, по пути в начальную школу Нила Армстронга (где учился в третьем классе у миссис Старк), Пит притворялся Джеки Чаном, сражающимся со множеством врагов на пустом складе, используя свои превосходные навыки кунг-фу. Он уже уложил дюжину человек, но на него надвигались всё новые. Пит так погрузился в свои фантазии («Ха!», «Хо!», «Кийя!»), что не заметил невероятно большую кучу экскрементов на тротуаре, оставленную невероятно крупным немецким догом. Пит ступил в неё и вошёл в начальную школу имени Нила Армстронга с «душком». Миссис Старк заставила его снять свои кроссовки – одна из них была измазана дерьмом вплоть до логотипа «Конверс» – и оставить их в коридоре, пока не придёт время идти домой. Мать Пита заставила его отмывать кроссовки из шланга, а потом бросила в стиральную машину. Они стали как новенькие, но было уже слишком поздно. С того дня и навсегда Пит Стейнман стал Вонючкой Стейнманом.

Сегодня вечером он надеется застать своих приятелей по скейтбордингу, делающих олли и кик-флипы на парковке. Двое из них:

Ричи Гленманн (любитель засовывать картошку фри в нос, а иногда в уши) и Томми Эдисон (рыжеволосый, веснушчатый, признанный лидер их маленькой банды). Двое лучше, чем ничего, но они на мели, уже темнеет, и они как раз собираются уходить.

– Погодите, давайте потусуемса ещё немного, – говорит Пит.

– Не могу, – отвечает Ричи. – Будет рестлинг, чел. Нельзя пропускать такую вкуснятину.

– У меня домашка, – отвечает Томми. – Анализ книги.

Двое мальчиков уходят, держа скейтборды подмышками. Вонючка делает пару забегов, пробует кик-флип и падает с доски (радуясь, что этого не видят Ричи и Томми). Он осматривает свой ободраный локоть и решает вернуться домой. Если его мать наверху, он тоже сможет посмотреть рестлинг, убавив звук, чтобы не мешать ей заниматься своей бухгалтерской фигнёй. Она много работает с тех пор, как взялась за ум.

«Уип» открыт и Пит убил бы за чизбургер, но у него всего лишь пятьдесят центов. К тому же, на смене Злая Ванда. Если он попросит у неё в долг – или, может, полтора доллара из банки для чаевых, – она рассмеётся ему в лицо.

Пит направляется обратно на Ред-Бэнк-Авеню и как только оказывается за пределами туманного круга света, отбрасываемого фонарём перед парковкой – то есть там, где Злая Ванда не может его видеть и посмеяться, – он начинает расправляться с воображаемыми врагами. Сегодня вечером, будучи в более зрелом возрасте, он воображает себя Джоном Уиком. Врагов победить труднее со скейтом, зажатым подмышкой, и он может наносить удары лишь одной рукой, но у него отличные навыки, *сверхъестественные*, и поэтому...

– Молодой человек?

Пит выныривает из своих фантазий и видит пожилого мужчину, стоящего на краю парковки, куда не достигает свет фонаря (не говоря уже об одинокой камере видеонаблюдения «Дэйри Уип»). Он сгорбился, опираясь на трость, и на нём крутая широкополая шляпа, как в старом чёрно-белом шпионском фильме.

– Я тебя напугал? Сожалею, но мне нужна кое-какая помощь. Видишь ли, моя жена сидит в кресле-коляске, а аккумулятор сел. У нас есть фургон с пандусом, но я не могу сам вкатить кресло. Если бы ты мог помочь...

Вонючка, находящийся в режиме настоящего героя, полон желания помочь. Ему неоднократно твердили не разговаривать с незнакомцами, но этот старикан выглядит так, будто для него проблема опрокинуть ряд костяшек домино, не говоря уже о том, чтобы толкать кресло-коляску по пандусу.

– Куда идти?

Старик указывает по диагонали на другую сторону улицы. Сквозь поднимающийся туман Вонючка едва различает очертания фургона, припаркованного на территории старой автозаправки «Экссон». А рядом с машиной – кресло-коляска, в котором кто-то сидит.

Родди и Эмили по очереди изображают седоков в отказавшем кресле-коляске, и на самом деле сейчас очередь Родди, но ишиас Эм настолько разошёлся – в основном из-за чертовски упрямой девчонки Краслоу, – что ей и правда понадобилось кресло.

– Я дам тебе десять долларов, если сможешь мне затолкать её в наш фургон, – говорит старик.

Вонючка вновь вспоминает бургер, о котором недавно мечтал. Имея десятку в кармане, он может вдобавок взять картошку фри и шоколадный коктейль, и у него ещё останутся деньги. Куча. Но стал бы Джеки Чан брать деньги за доброе дело?

– Не, я помогу бесплатно.

– Как любезно с твоей стороны.

Они вместе уходят в туманную ночь, старик опирается на свою трость. Они пересекают авеню. Когда добираются до тротуара перед заправкой, пожилая дама в кресле-коляске слабо машет Вонючке. Он машет в ответ и поворачивается к старикану, держащему одну руку в кармане пальто.

– Я тут подумал.

– Да?

– Может, дадите мне три бакса за помощь? Тогда я смогу купить в «Уип» королевский бургер.

– Ты голоден, да?

– Всегда.

Старикан улыбается и хлопает Вонючку по плечу.

– Я понимаю. Голод надо утолить.

23 июля 2021

1

– Вы уверены насчёт того вечера, когда исчез ваш друг? – спрашивает Холли. Джером купил мальчишкам молочные коктейли, и они прихлёбывают их, растянувшись на траве в зоне для пикников.

– Почти уверен, – говорит Томми Эдисон, рыжий, – потому что его мама позвонила моей, узнать, остался ли он на ночь, а на следующий день его не было в школе.

– Неа, – говорит Ричи Гленман, местный клоун с отвратительной привычкой засовывать картофель фри себе в нос. Холли записала в телефон их имена. – Это было позже. Через неделю или две. Я так думаю.

– Я слышал, он сбежал к своему дяде во Флориду, – говорит мальчик с «площадкой» на голове. Это Энди Вickers. – Его мать... – Он подносит невидимую бутылку ко рту и издаёт звук глотания. – Как-то раз её арестовали за вождение в нетрезвом виде.

Мальчик с угревой сыпью качает головой. Это Ронни Свидровски. Он выглядит серьёзным.

– Он не сбежал и не уезжал во Флориду. Его забрали. – Он понижает голос. – Я слышал, это был Слендермен.

Остальные хохочут. Ричи Гленман хлопает Ронни по плечу.

– Слендермена не существует, дебил. Это городская легенда, как Ведьма из парка.

– Ай! Из-за тебя я пролил коктейль.

Обращаясь к Томми Эдисону, который кажется самым сообразительным, Холли говорит:

– Ты действительно думаешь, что твой друг исчез в ту же ночь, когда ты виделся с ним в последний раз?

– Не уверен, это было больше двух лет назад, но я так считаю. Я же сказал, на следующий день его не было в школе.

– Прогулял, – говорит Ронни Свидровски. – Вонючка постоянно так делал. Потому что его мать...

– Неа, это было позже, – настаивает Ричи Гленман. – Я знаю, потому что после этого мы с ним играли в «орёл или решка». На игровой площадке.

Они мусолят эту тему снова и снова, и Свидровски начинает приводить аргументированные и логичные доводы в пользу существования Слендермена, который, говорят, давным-давно забрал какого-то преподавателя колледжа, но Холли услышала достаточно. Пропажа Питера «Вонючки» Стейнмана (если он вообще исчезал) почти наверняка не имеет никакого отношения к исчезновению Бонни Даль, но она намерена выяснить чуть больше, хотя бы потому, что «Дэйри Уип» и автомастерская находятся всего в полумиле друг от друга. Магазин «Джет Март», где Бонни видели в последний раз, тоже довольно близко.

Джером бросает взгляд на Холли, и она кивает ему. Пора уходить.

– Хорошего вам дня, парни, – говорит она.

– Вам тоже, – отвечает Томми Эдисон.

Клоун тычет в них пальцем, измазанным в кетчупе, и объявляет:

– Вероника Марс и Джон Шафт!²¹

Все гогочут, как кони.

На полдороге через парковку Холли останавливается и возвращается назад.

– Томми, в ту ночь, когда вы с Ричи видели Пита, у него был скейтборд, верно?

– Точняк, – отвечает Томми.

Ричи говорит:

– И неделю спустя, когда мы играли в «орёл или решка», скейт тоже был с ним. Отстойный «Аламеда» с гнутым колесом.

– А что? – спрашивает Томми.

– Просто любопытно, – отвечает Холли.

И это правда. Ей всё любопытно. Так уж она устроена.

²¹ Джон Шафт – герой нескольких художественных фильмов (а также серии романов и комиксов), крутой чернокожий детектив.

Пока они поднимаются по холму обратно к своим машинам, Холли достаёт серьгу из кармана и показывает её Джерому.

– Ого! Это её?

– Почти уверена.

– Почему её не нашли копы?

– Не думаю, что они искали, – говорит Холли.

– Что ж, ты выиграла медаль Шерлока Холмса за выдающиеся детективные навыки.

– Спасибо, Джером.

– Кому из них ты больше веришь насчёт Вонючки Стейнмана? Рыжему или хохмачу?

Холли бросает на него неодобрительный взгляд.

– Почему бы нам не называть его Питером? Вонючка – неприятное прозвище.

Джером не знает всей истории Холли (его сестра Барбара знает больше), но он понимает, что ненароком задел больное место.

– Питер. Понял, понял. Пит сейчас, Пит навсегда. Так был ли это последний вечер, когда они видели его, или неделю спустя они кидали монетки с Мистером Картошка-фри-в-носу в парке?

– Если подумать, я склоняюсь к мысли, что Томми прав, а Ричи перепутал. В конце концов, прошло два с половиной года. В таком возрасте это долгий срок.

Они добираются до автомастерской. Джером говорит:

– Позволь мне немного поработать над делом Стейнмана. Можно?

– А как же твоя книга?

– Я же сказал, что жду информацию. Редактор настаивает. Мы описываем Чикаго примерно девятидесятилетней давности, а это значит *much*²² исследований.

– Ты уверен, что это не прокрастинация?²³

²² Много, очень (исп.)

²³ Прокрастинация – в психологии склонность к постоянному откладыванию даже важных и срочных дел, приводящая к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам.

У Джерома чудесная улыбка – mucho обаятельная, – и он сверкает ею.

– Думаю, отчасти, но искать потерявшихся детей интереснее, чем потерявшихся собак. – Что является обычной работой Джерома на полставки в «Найдём и сохраним». – Ты же не думаешь, что Даль и Стейнман родственники?

– Разный возраст, разный пол, пропали с разницей более двух лет, так что, вероятно, нет. Но что я всегда говорю о «вероятно», Джером?

– Это слово для ленивых.

– Да. Это... – Холли вздыхает, приложив руку к груди.

– Что?

– На нас не было масок! Я даже не подумала об этом! На них тоже не было!

– Но ты же привита, да? Дважды. Как и я.

– Думаешь, они тоже?

– Вероятно, нет, – говорит Джером. Он осознаёт, что сказал, и смеётся. – Извини. Старые привычки умирают долго.

Холли улыбается. Старые привычки действительно умирают долго, и именно поэтому ей хочется сигарету.

3

Джером говорит, что побеседует с родителями мальчика. По крайней мере, он может выяснить, действительно ли Стейнман исчез или переехал жить к своему дяде. Если мать Стейнмана алкашка, парня могли отдать в приёмную семью. Задача, по мнению Джерома, лишь в том, чтобы подтвердить отсутствие связи между Стейнманом и Даль.

Холли обещает ему сто долларов в день, минимум за два дня, плюс расходы. Она почти уверена, что он уговорит Барбару шерстить интернет, но поделится с ней поровну, так что всё в порядке.

– Что собираешься делать? – спрашивает Джером.

– Пожалуй, прогуляюсь по парку, – отвечает Холли. – И подумаю.

– Хорошо. Это полезный навык.

Холли находит тропинку, уходящую влево, и идёт по ней к большому камню, возвышающемуся над Ред-Бэнк-Авеню. Там она садится и закуривает.

В мыслях Холли постоянно возвращается к велосипедному шлему Бонни Даль. Серьга, возможно, оторвалась и потерялась, но велосипедный шлем не мог так просто потеряться. Если Бонни решила, в значительной степени под влиянием момента, что ей надоело спорить с матерью, и она решила уехать из города, зачем оставлять велосипед, но брать с собой шлем? Если уж на то пошло, зачем оставлять довольно дорогой десятискоростной агрегат там, где он буквально напрашивался, чтобы его украли? Просто удача, что этого не случилось... то есть, если предположить, что Марвин Браун говорил правду, хотя Холли считает, что в этом она может быть почти уверена.

Пропавший велосипедный шлем – самая веская причина, по которой Холли верит, что Даль была похищена. Она представляет себе ситуацию, в которой Бонни пытается убежать от своего потенциального похитителя, но он настигает её у дальнего конца автомастерской. Девушка сопротивляется. У неё отрывается серьга. Её запихивают в машину (перед мысленным взором Холли маленький фургон без окон), на ней всё ещё надет шлем. Возможно, мужчина вырубает её или связывает, может даже убивает прямо на месте, намеренно или случайно. Он оставляет написанную печатными буквами записку, приклеенную скотчем к сиденью велосипеда: С МЕНЯ ХВАТИТ. Если кто-то украдёт велосипед – хорошо. Если никто не позарится на него, будет похоже, словно она решила уехать из города – тоже хорошо.

Холли сомневается, что всё произошло именно так (если вообще произошло), но это могло случиться; смеркается, на Ред-Бэнк-Авеню мало машин, короткая борьба, которая постороннему может показаться всего лишь болтовней или объятиями влюблённой парочки... Конечно, такое могло случиться.

Что касается другой возможности – Бонни уехала из города под влиянием момента, – насколько это вероятно, если подумать? Подросток мог бы внезапно решить, что его всё достало, и свалить. Холли сама лелеяла подобные фантазии, учась в старших классах, но двадцатичетырёхлетняя девушка, занимавшаяся работой, которая явно ей нравилась? Что насчёт её последнего зарплатного чека? Остался лежать в кабинете босса? И никакого чемодана, только вещи в рюкзаке? Холли в это не верит, и уверена, что Изабелла Джейнс тоже. Но если кто-то и сможет пролить свет на душевное состояние Бонни, то это её подруга и коллега, Лэйкиша Стоун.

Холли докуривает сигарету, тушит её и кладёт в свою маленькую жестяную коробочку к другим «павшим бойцам». Вокруг большого камня разбросаны окурки, но это не значит, что она должна добавлять свой мусор в общую кучу.

Холли достаёт мобильник из сумочки. Перед выходом из офиса она включила режим «Не беспокоить» и с тех пор пропустила два звонка, оба от кого-то по имени Дэвид Эмерсон. Это имя кажется знакомым, как-то связанным с её матерью. Он оставил голосовое сообщение, но Холли пока игнорирует его и звонит Джерому. Она не хочет отвлекать его за рулём, поэтому говорит коротко.

– Если будешь говорить с матерью Питера Стейнмана, и если мальчик действительно пропал, спроси, остался ли у неё его скейтборд.

– Будет сделано. Что-нибудь ещё?

– Да. Следи за дорогой.

Она завершает звонок и прослушивает голосовую почту.

«Здравствуйте, мисс Гибни, это Дэвид Эмерсон. Перезвоните мне, пожалуйста, как только вам будет удобно. Это касается имущества вашей матери. – После паузы он добавляет: – Очень сожалею о вашей потере и благодарю за слова на прощальном собрании».

Теперь Холли знает, почему она узнала имя; её мать упомянула Эмерсона во время одного из звонков по «Фэйс Тайм» после того, как Шарлотту госпитализировали в больницу Милосердия. Это было до того, как её подключили к аппарату искусственной вентиляции лёгких, когда она ещё могла говорить. Холли кажется, что только юрист мог

избрать столь причудливый способ сказать «похороны». Что касается имущества Шарлотты... Холли даже не думала об этом.

Она не хочет разговаривать с Эмерсоном. Ей хотелось хотя бы день не думать ни о чём, кроме расследования, поэтому она немедленно перезванивает, задержавшись лишь на секунду, прикуривая ещё одну сигарету. Железное изречение её матери, которое та вдолбила Холли в голову ещё в детстве: *если чего-то не хочешь делать, сделай это в первую очередь. И дело с концом.* Эта привычка осталась с Холли, как и многие уроки детства... хорошие или плохие.

Отвечает сам Эмерсон, поэтому Холли догадывается, что он, как и многие другие, сейчас работает на дому, без помощи, которую квалифицированные специалисты считали само собой разумеющейся до ковида.

– Здравствуйте, мистер Эмерсон. Это Холли Гибни, вы просили перезвонить. – В полумиле от неё раскинулась Ред-Бэнк-Авеню. Которая интересует Холли гораздо больше, чем юрист.

– Спасибо, что перезвонили, и ещё раз приношу соболезнования по поводу вашей утраты.

«Там всё заброшено, кроме «Ю-Стор-Ит», – думает Холли. – И не похоже, что бизнес у них идёт полным ходом. На этой стороне улицы расположен наименее посещаемый участок парка, куда добropорядочные граждане боятся заходить с наступлением темноты. Если вы задумали кого-то похитить, что может быть лучше?»

– Мисс Гибни? Вы отключились?

– Нет, я здесь. Чем я могу помочь, мистер Эмерсон? Что-то насчёт имущества моей матери, я правильно поняла? Там, вероятно, особо не о чем говорить. – *«После Дэниела Хэйли»*, добавляет она про себя.

– Я занимался правовыми делами вашего дяди Генри до его выхода на пенсию, поэтому Шарлотта наняла меня составить завещание и назначила душеприказчиком. Это случилось после того, как она почувствовала недомогание и тест показал положительный результат на вирус. Нет необходимости зачитывать документ на семейном собрании...

«Какая семья? – думает Холли. – Теперь, когда кузина Джейни мертва, а дядя Генри прозябает в доме престарелых «Роллинг Хиллз», я – последняя горошина в стручке».

– ...оставила вам.

– Прошу прощения? – говорит Холли. – На секунду вы пропали.

– Простите. Я сказал, что за исключением незначительных пожертвований, ваша мать оставила всё вам.

– Вы имеете в виду дом.

Холли не нравится эта идея, она в смятении. Воспоминания, связанные с этим домом (и с предыдущим в Цинциннати), по большей части мрачные и печальные, вплоть до того последнего рождественского ужина, когда Шарлотта настояла, чтобы её дочь надела шляпу Санты, ту, что Холли надевала на праздник в детстве. «Это традиция!» – воскликнула её мать, разрезая сухую-как-Сахара индейку. И оба-на: пятидесятипятилетняя Холли Гибни в шляпе Санты.

– Да, дом и вся обстановка в нём. Я полагаю, вы захотите его продать?

Конечно, она так и сделает, сразу говорит юристу Холли. Она ведёт свои дела в городе. И в любом случае, жить в доме матери в Мидоубрук Эстейт всё равно, что жить в Доме-на-Холме.²⁴ Тем временем адвокат Эмерсон продолжает говорить – что-то о ключах – и Холли приходится снова попросить его повторить.

– Я сказал, что ключи у меня, и думаю, нам следует назначить время, когда вы сможете прийти и осмотреть имущество. Решить, что хотите сохранить, а что продать.

Смятение Холли усиливается.

– Я не хочу ничего сохранять!

Эмерсон усмехается.

– Это не такая уж необычная первая реакция после смерти близкого человека, но вам придётся прийти. Боюсь, как душеприказчик миссис Гибни, я вынужден настаивать на этом. Для начала, нужно по-

²⁴ Вероятнее всего, отсылка к роману Ширли Джексон «Призрак дома на холме» (The Haunting of Hill House).

смотреть, потребуется ли ремонт перед продажей. А исходя из многолетнего опыта, я думаю, вы найдёте вещи, которые пожелаете сохранить. Не могли бы мы встретиться завтра? Я понимаю, что это несвоевременно, и сегодня суббота, но в таких ситуациях чем раньше – тем лучше.

Холли хочет возразить, сказать, что она занята, но снова вмешивается голос её матери: *«Это причина, Холли, или просто отговорка?»*

Чтобы ответить, она должна спросить себя, является ли исчезновение Бонни Даль срочным делом, гонкой со временем, как тогда, когда Брейди Хартсфилд планировал взорвать аудиторию Минго во время рок-концерта. Она так не думает. Бонни пропала больше трёх недель назад. Иногда пропавших после похищения людей находят и спасают. Чаще всего нет. Холли никогда не стала бы говорить этого Пенни, но что бы ни случилось с Бонни Рэй, почти наверняка это уже произошло.

– Полагаю, я смогу прийти, – говорит Холли и делает последнюю чудовищную затяжку. – Вы не могли бы прислать кого-нибудь сегодня для дезинфекции дома? Возможно, это кажется чрезмерным, может даже параноидальным, но...

– Вовсе нет, вовсе нет. Мы же ещё так мало знаем об этом вирусе, не так ли? Ужасная штука, просто ужасная. Я позвоню в компанию, с которой уже сотрудничал по одному страховому вопросу. Думаю, я смогу договориться с ними на девять. Если да, то не могли бы мы встретиться в одиннадцать?

Холли вздыхает и тушит сигарету.

– Согласна. Я предполагаю, что дезинфекция обойдётся недёшево. Особенно в выходные.

Эмерсон снова хихикает. Приятно, ухо не режет. Холли полагает, что он часто так делает.

– Думаю, вы сможете себе это позволить. Ваша мать была довольно состоятельной, о чём, думаю, вы знаете.

Холли не то чтобы проглатывает язык от потрясения, но она определённо удивлена. Потрясение придёт позже.

– Холли? Мисс Гибни? Вы ещё здесь?

– Боюсь, я об этом не в курсе, – отвечает Холли. – Она *была* состоятельной. Мой дядя Генри тоже. Но это было до Дэниела Хэйли.

– Простите, мне не знакомо это имя.

– Она никогда не упоминала Хэйли? Великого беспроектного консультанта по инвестициям с Уолл-Стрит, забравшего всё, что было у моей матери и дяди, прежде чем сбежать на один из тех островов, где нет экстрадиции? Вместе с чёрт знает какой кучей денег многих других людей, включая большую часть моих?

– Простите, мисс Гибни, но я не понимаю.

– Серьёзно? – Холли осознаёт, что замешательство юриста вполне объяснимо. Когда доходило до неприятной правды, Шарлотта Гибни была мастером недомолвок. – В общем, деньги *были*, но больше их нет.

Тишина. Затем юрист произносит:

– Давайте отмотаем всё назад. Ваша кузина Оливия Трелони умерла...

– Да. – Фактически покончила с собой. Некоторое время Холли водила «Мерседес» своей гораздо более старшей кузины – управляемую ракету на колёсах, которую Брейди Хартсфилд использовал, чтобы убить восемь человек в центре города и ранить ещё десятки. Для Холли ремонт «Бенца», перекраска и последующее вождение были словно актом исцеления. И, по её мнению, вызовом. – Она оставила значительную сумму денег своей сестре Джейни. Джанель.

– Да. И когда Джанель умерла так внезапно...

«Можно сказать и так, – думает Холли. – Брейди Хартсфилд взорвал Джейни, надеясь добраться до Билла Ходжеса».

– Большая часть её состояния перешла к вашему дяде Генри и вашей матери, а для вас был открыт трастовый фонд. Деньги с доли Генри идут на оплату его текущего, гм, проживания, и будут идти дальше, пока он жив.

В голове Холли что-то начинает проясняться. Только это неправильное слово. Что-то в ней начинает *темнеть*.

– Имущество Генри также перейдёт к вам после его кончины.

– Моя мать умерла богатой? Вы это хотите сказать?

– Довольно богатой. Вы не знали?

– Нет. Я знала, что она раньше *была* богатой.

Холли представляет костяшки домино, падающие ровной линией. Муж Оливии Трелони сколотил состояние. Оливия унаследовала его. Оливия покончила с собой. Джейни унаследовала его. Джейни взорвал Брейди Хартсфилд. Шарлотта и Генри унаследовали его, или большую часть. Деньги неуклонно урезаются из-за налогов и гонораров юристов, но всё равно это чрезвычайно кругленькая сумма. Мать Холли вложила свои и деньги Генри через Дэниела Хэйли из компании «Бёрдик, Хэйли и Уоррен». Позже она также инвестировала большую часть средств дочери, с согласия Холли. И Хэйли всё украл.

Так Шарлотта сказала своей дочери, и у Холли не было причин не верить.

Холли закуривает ещё одну сигарету. Которая за сегодня? Девятая? Нет, одиннадцатая. И сейчас только время обеда. Она вспоминает пункт в завещании Джейни, заставивший её расплакаться. «Я оставляю 500000 долларов на началах доверительной собственности моей кузине Холли Гибни, чтобы она могла следовать своей мечте».

– Мисс Гибни? Холли? Вы ещё здесь?

– Да. Дайте мне секунду. – Но ей нужно больше секунды. – Я вам перезвоню, – говорит она и заканчивает разговор, не дожидаясь ответа.

Могла ли её кузина Джейни знать, что у Холли, запуганной, одинокой девочки, были поэтические амбиции? Не от самой Холли, но, возможно, от Шарлотты? От Генри? Да и какое это имеет значение? Холли не была хорошей поэтессой, как бы отчаянно ей этого ни хотелось. Она нашла то, в чём *была* хороша. Благодаря Биллу Ходжесу у неё появилась ещё одна мечта, за которой она могла следовать. Даже лучше. Она появилась поздно, но лучше поздно, чем никогда.

В голове Холли звучит одна из любимых присказок её матери: «*Ты думаешь, я купаюсь в деньгах?*» По словам Эмерсона так и было. Не раньше, а позже, после смерти Джейни. И что насчёт их потери, как и денег Генри и большей части трастового фонда Холли из-за подлеца

Дэниела Хэйли? Холли быстро гуглит Дэниела Хэйли, а также двух его партнёров, Бёрдика и Уоррена. Но ничего не находит.

Как Шарлотте удалось это проверить? Не потому ли, что Холли была убита горем из-за кончины Билла Ходжеса и в то же время так поглощена расследованием, *шла по следу*? Не потому ли, что она доверяла своей матери? Тройное «да», но даже в этом случае...

– Я видела бланки, – шепчет она. – Пару раз я даже видела *финансовые ведомости*. Генри помог ей обмануть меня. Скорее всего.

Хотя Генри, теперь глубоко погружённый в деменцию, никогда не сможет рассказать ей об этом и объяснить почему так поступил.

Холли перезванивает Эмерсону.

– О какой сумме идёт речь, мистер Эмерсон? – На этот вопрос Эмерсон обязан ответить, ведь то, что принадлежало Шарлотте, теперь принадлежит ей.

– Учитывая её банковский счёт и текущую стоимость портфеля акций, – говорит Дэвид Эмерсон, – я бы оценил ваше наследство чуть больше чем в шесть миллионов долларов. Если вы переживёте Генри Сируа, к ним прибавится ещё три миллиона долларов.

– И эти деньги никогда не пропадали? Их никогда не крал инвестор, получивший доверенность от моей матери и дяди?

– Нет. Не представляю, как вам в голову пришла эта мысль, но...

Рычащим тоном, совершенно непохожим на её обычный мягкий голос, Холли произносит:

– *Потому что она мне так сказала.*

2–14 декабря 2018

1

Наступил Рождественский сезон, и жители Ридж-Роуд отмечают его сдержанно, но со вкусом. Здесь не стоят подсвеченные Санты, северные олени на крышах или газонные фигуры волхвов, с благоговением вззирающие на младенца Иисуса. И конечно, нет домов, украшенных таким количеством мигающих гирлянд, что они выглядят, как казино. Такая безвкусица может и подходит для других районов города, но не для благообразных домов «викторианского ряда», между колледжем и парком Дирфилд. Здесь только можно увидеть электрические свечи в окнах, дверные косяки, украшенные спиралями из ели и остролиста, а на газонах – несколько маленьких рождественских ёлочек, усыпанных крошечными белыми лампочками. Таймеры выключают их в девять вечера, как того требует Ассоциация соседей.

На лужайке перед коричнево-белым домом в викторианском стиле по адресу Ридж-Роуд 93, нет никаких украшений. В этом году Родди и Эм Харрис не сочли нужным их вешать, обошлись даже без венка на двери или большого красного банта, что обычно красуется на их почтовом ящике. Родди в лучшей форме, чем Эм, но его артрит всегда обостряется к холодам, и теперь, когда температура опустилась ниже нуля, он боится поскользнуться на льду. У стариков хрупкие кости.

Эмили Харрис совсем нездоровится. Теперь ей и правда нужно кресло-коляска, обычно используемое ими как часть стратегии захвата. Её ишиас неумолим. И всё же в конце туннеля брезжит свет. Облегчение уже близко.

В их доме имеется столовая (во всех викторианских домах на Ридж-Роуд есть столовые), но Харрисы пользуются ей лишь для приёма гостей, а после того, как им перевалило за восемьдесят, такие случаи бывают всё реже. Когда они вдвоём, то едят на кухне. Эм полагает, что столовая послужит им, если они будут проводить традиционную

рождественскую встречу для студентов семинара Родди и ребят с курсов писательского мастерства, но это произойдёт только если она почувствует себя лучше.

«Так и будет, – думает она. – Наверняка на следующей неделе, а может уже и завтра».

У неё не было аппетита, сказывалась постоянная боль, но аромат, доносящийся из духовки, вызывает в её желудке лёгкий приступ голода. Это чудесное чувство. Чувство голода – признак здоровья. Жаль, что девчонка Краслоу оказалась слишком глупа, чтобы понять это. У паренька Стейнмана такой проблемы не было. Преодолев первоначальное отвращение, он ел, как... как растущий ребенок, каким и являлся.

Кухонный уголок выглядит скромно, но Родди накрыл обеденный стол перед окном, выходящим на задний двор, хорошей льняной скатертью, расставил веджвудский фарфор,²⁵ бокалы для вина «Люксион», разложил их лучшие серебряные приборы. Всё так и сверкает. Хотела бы Эм чувствовать себя хорошо, чтобы насладиться всем этим.

Она в своём лучшем платье. Надела его с трудом, но справилась. Когда входит Родди с графином – на нём его лучший костюм. С печалью она отмечает, что костюм сидит немного мешковато. Они оба похудели. Но это, напоминает себе Эм, лучше, чем располнеть. Не обязательно быть врачом, чтобы знать: толстяки редко доживают до старости, достаточно взглянуть на немногочисленных коллег того же возраста. Некоторые из них будут на рождественской вечеринке 23-го числа, если окажутся для этого достаточно здоровы.

Родди наклоняется и целует жену в висок.

– Как ты, любовь моя?

– Неплохо, – отвечает она и пожимает его руку... осторожно, из-за его артрита.

– Ужин будет готов с минуты на минуту, – говорит он. – А пока, давай немного выпьем.

²⁵ Посуда знаменитой британской фирмы "Джозайя Веджвуд и Сыновья" (или сокр. "Веджвуд").

Родди разливает по бокалам вино из графина, стараясь не расплескать. Полбокала для него, столько же для неё. Они поднимают бокалы узловатыми руками, когда-то давно, во времена Ричарда Никсона, бывшими молодыми и гибкими. Бокалы соприкасаются ободками, издавая очаровательный тихий перезвон.

– На здоровье, – произносит он.

– На здоровье, – соглашается она.

Их взгляды встречаются над бокалами – его голубые глаза с её ещё более голубыми, – затем они пьют. Первый глоток вызывает у Эмили дрожь, всегда так бывает. Это из-за солоноватого привкуса, скрытого за прозрачностью «Мондави» 2012 года. Потом она выпивает остаток, радуясь жару, прилившему к щекам и пальцам рук. Даже к пальцам ног! Прилив жизненных сил – слабый, как голодные спазмы в желудке, но несомненный – и от того ещё более желанный.

– Ещё капельку?

– А осталось?

– Более чем.

– Тогда налей. Чуть-чуть.

Родди снова разливает вино. Они пьют. На этот раз Эм почти не замечает солоноватый привкус.

– Ты голодна, дорогая?

– Вообще-то да, – говорит она. – Немного.

– Тогда позволь шеф-повару Родни подать на стол. Оставь место для десерта. – Он подмигивает ей и Эм не может удержаться от смеха. Старый плут!

Брокколи и морковь – в пароварке. Картофельное пюре (так легче для старческих зубов) – подогревается. Родди растапливает сливочное масло на сковородке (он всегда кладёт слишком много, но вечно жить никто не будет), затем высыпает тарелку нарезанного лука и обжаривает. Запах божественный, и на этот раз приступ голода у Эм становится сильнее. Помешивая лук, переворачивая, чтобы он сперва стал прозрачным, а потом подрумянился, Родди напевает «Прелестные глазки ангелочка», песню из старых добрых времен.

Эмили вспоминает танцы во времена учёбы в школе – мальчики в пиджаках, девочки в платьях. Она помнит, как плясала шейк под «Ди

Ди Шарп», степ под «Довеллс», ватуси под «Каннибал и Голово-резы».²⁶ Сегодня такое название сочли бы неполиткорректным, считает она.

Родди ставит тарелки на столешницу, чтобы разложить овощи, картофельное пюре, и *pièce de résistance*²⁷ из духовки – трехфунтовый кусок запечённого мяса в собственном соку (приправленный любимыми специями Родди). Он показывает его Эмили, которая аплодирует.

Он нарезает печень ломтиками, посыпает их поджаренным луком и подаёт тарелки на стол. Теперь Эм чувствует себя не просто голодной, а изголодавшейся. Сначала они едят почти не разговаривая, но, по мере того, как наполняются желудки, они вспоминают, как часто бывает, о былых временах, о тех, кто умер или уехал. С каждым годом список становится всё длиннее.

– Ещё? – предлагает он. Они съели немалую часть печени, но и осталось порядочно.

– Мне больше не съесть, – отвечает Эмили. – Боже мой, Родни, на этот раз ты превзошёл самого себя.

– Выпей немного вина, – говорит он и наливает. – Десерт оставим на потом. В девять начнётся твой сериал.

– «Досье на признаков» – говорит она.

– Он самый. Как твой ишиас, дорогая?

– Кажется, немного лучше. Но будь добр, приберись и помой посуду сам, если не возражаешь. Я хочу просмотреть остальные письменные работы.

– Совсем не возражаю. Кто готовит – тот и убирает, как говорила моя бабушка. Нашла что-нибудь стоящее?

Эм морщится.

– Два или три прозаика, которые не так ужасны, но это тот случай, когда похвала только для вида, тебе не кажется?

Родди смеётся.

– В точку.

²⁶ Dee Dee Sharp, Dovells, Cannibal & the Headhunters – певцы и группы, популярные в 1960-х.

²⁷ Главное блюдо (фр).

Она посылает ему воздушный поцелуй и уезжает в кресле-коляске.

2

Позже, когда таймеры выключили и без того неяркую рождественскую иллюминацию на Ридж-Роуд, Эм погружается в просмотр «Досье на призраков», где экстрасенс-исследователь составляет карту холодных зон особняка в Новой Англии, выглядящего как обветшавшая копия их собственного дома. Она чувствует себя намного лучше. Ещё слишком рано для чувства настоящего облегчения после печени и вина... или уже началось? Спину определённо отпускает, и стреляющие боли в левой ноге кажутся не такими уж сильными.

С кухни доносился звук работающего блендера, но теперь он смолк. Минуту спустя входит Родди, неся на подносе два охлажденных бокала с десертом. Он переоделся в пижаму, тапочки и синий велюровый халат, который она подарила ему на Рождество в прошлом году.

– Вот и я, – говорит он, протягивая один из бокалов и длинную ложку. – Десерт, как и обещал!

Он садится рядом с Эм в мягкое кресло, завершая образ пары, которую в кампусе часто приводили как хороший – нет, идеальный – пример долговечной любви.

Эмили берёт свой бокал.

– Спасибо, любовь моя.

– Всегда пожалуйста. Что показывают?

– Холодные зоны.

– Это *сквозняки*.

Эм бросает на мужа быстрый взгляд.

– Учёный всегда остаётся учёным.

– Совершенно верно.

Они смотрят телевизор вместе, наслаждаясь малиновым десертом с мозгами Питера Стейнмана.

3

За одиннадцать дней до Рождества Эмили Харрис медленно, но уверенно, возвращается от почтового ящика дома № 93 по Ридж-Роуд. Она поднимается по ступенькам крыльца, подперев кулаком поясницу с левой стороны, но это скорее привычка, чем необходимость. Ишиас вернётся, она знает это по печальному опыту, но сейчас болезнь почти совсем отступила. Эм поворачивается и с одобрением смотрит на красный бант на почтовом ящике.

– Венок я повешу позже, – говорит Родди.

Она вздрагивает и оборачивается.

– Так и норовишь подкрасться к девушке, да?

Он улыбается, глядя вниз на свои ноги в носках.

– Тихий и смертоносный – это про меня. Как твоя спина, дорогая?

– Довольно неплохо. Даже прекрасно. А твой артрит?

Родди вытягивает руку и сгибает пальцы.

– Молодчина, – говорит она с тягучим австралийским акцентом.

Вскоре после выхода на пенсию, они отправились в страну Оз,²⁸ арендовали дом на колесах и пересекли континент от Сиднея до Перта. Это была незабываемая поездка.

– Этот был неплох, – замечает Родди. – Как считаешь?

Ей не нужно спрашивать, о ком речь.

– Так и есть.

Хотя никто из них не знает, как долго продлится эффект. Этот парень был самым молодым из тех, кого они ловили, едва достигший половой зрелости. Они многого не знают о том, чем занимаются, но Родди утверждает, что с каждым разом узнаёт всё больше. Кроме того – и это очевидно – выживание является главной целью.

Эм согласна. Больше не будет поездок в Австралию, возможно, даже в Нью-Йорк на бродвейские гулянки раз в два года, но жизнь по-прежнему стоит того, чтобы жить, особенно когда каждый шаг не вызывает мучений.

– Есть что-нибудь в газете, дорогая?

Он обнимает жену за худые плечи.

²⁸ Такое прозвище Австралии появилось благодаря её жителям, часто называющим свою страну сокращенно: Aussie – «Оззи».

– Ничего, начиная с самого первого случая, обычные домыслы. Про какого-нибудь бродягу или чужака, наткнувшегося на лёгкую добычу. Что ты думаешь насчёт рождественской вечеринки, дорогой? Оставим или отменим?

Она приподнимается на цыпочки, чтобы поцеловать его. Никакой боли.

– Оставим, – говорит она.

23 июля 2021

1

Холли идёт через Ред-Бэнк-Авеню к закрытой автомастерской, садится на водительское сиденье своего «Приуса» и захлопывает дверь. Машина стояла на солнце и внутри жарче, чем в сауне, и хотя у Холли почти сразу выступает пот на лбу и затылке, она не заводит двигатель, чтобы включить кондиционер. Она лишь смотрит сквозь лобовое стекло, пытаясь осмыслить то, что только что узнала. *«Я бы оценил ваше наследство чуть больше чем в шесть миллионов долларов»*, сказал Эмерсон. Плюс ещё три миллиона, если умрёт дядя Генри.

Холли пытается представить себя миллионером, но у неё не получается. Даже близко. Всё, что рождает её воображение – это дядюшка Пеннибэгс, усатый персонаж в цилиндре из «Монополии». Она пытается придумать, что делать со своим новообретённым богатством. Накупить одежды? У Холли достаточно этого добра. Купить новую машину? Её «Приус» – очень надёжный автомобиль, к тому же всё ещё на гарантии. Нет необходимости помогать с образованием Джерому, у него и так всё на мази, хотя Холли предполагает, что могла бы помочь с образованием Барбары. Путешествия? Иногда она мечтает отправиться в круиз, но со свирепствующим ковидом...

– Ох, – бормочет она. – Нет.

Ей приходит в голову мысль о новой квартире, но она любит место, в котором сейчас живёт. Оно ей в самый раз, как «Кресло медвежонка» и «Кровать медвежонка»²⁹. Вложить больше денег в бизнес? Зачем? Только в прошлом году она получила предложение от «Мидвест Инвестигейтив Сервисес» стать их партнёром за 250000 долларов. Посоветовавшись с Питом, она им отказала. Идея переезда из Фредерик-Билдинг с его тормозным лифтом и ленивым управляющим чуть более привлекательна, но расположение в центре города удобное и арендная плата невысока.

²⁹ Детские книги.

«Можно подумать, мне теперь стоит беспокоиться об этом», – думает Холли и издаёт короткий бурный смешок.

Холли наконец понимает, что вот-вот расплавится, и заводит двигатель. Она опускает окна, пока кондиционер не разгонится, и просматривает список людей, с которыми собирается побеседовать. Это помогает ей немного сосредоточиться, потому что главное – это дело. Деньги – просто журавль в небе, а что касается возмутительной подоплёки ошеломляющей новости Дэвида Эмерсона (Холли помнит, как её мать звонила в слезах после того, как Дэниел Хейли якобы ограбил их троих и сбежал в Сент-Круа, Сент-Томас или ещё куда-то), она не хочет сейчас об этом думать. Позже она ничего не сможет с собой поделать, но здесь и сейчас нужно найти пропавшую девушку.

Часть Холли настаивает, что она уклоняется от неприятной правды. Остальная её часть отвергает эту мысль. Она не уклоняется, она *ищет*. По крайней мере, пытается.

– *Cherchez la femme*,³⁰ – говорит Холли и достаёт свой телефон. Она хочет позвонить Марвину Брауну, который отвёз велосипед Бонни в библиотеку Рейнольдса, но потом у неё появляется идея получше. Вместо Брауна она звонит Джорджу Рафферти, агенту по недвижимости. Холли объясняет, что мать Бонни Даль наняла её для поисков дочери, затем спрашивает о том дне, когда они с мистером Брауном нашли велосипед Бонни.

– О боже, я надеюсь, с ней всё в порядке, – говорит Рафферти. – Она не связывалась со своими родителями?

– Я тоже надеюсь, – говорит Холли, уклоняясь от вопроса. – Кто первым увидел велосипед, вы или мистер Браун?

– Я. Я всегда приезжаю на встречу пораньше, чтобы ещё раз оглядеть объект. Эта мастерская, раньше бывшая «Мастерской Билла по ремонту автомобильных и малолитражных двигателей», конечно, выглядит заброшенной, но подъемники всё ещё работают, а расположение...

³⁰ Ищите женщину (фр.)

– Да, сэр. Я уверена, что место отличное. – На самом деле Холли так не считает; с тех пор как в 2010 году открыли платную магистраль, движение по Ред-Бэнк-Авеню значительно сократилось. – Вы прочли записку, приклеенную скотчем к сиденью?

– Разумеется. «С меня хватит». Будь я отцом девочки, что-то подобное напугало бы меня до смерти. Это могло означать, что она сбежала, или, знаете ли, что похуже. Мы с мистером Брауном обсудили, что делать с велосипедом, и после осмотра мастерской он положил его в свой пикап и отвёз в библиотеку.

– Из-за наклейки на багажнике.

– Да. Велосипед был хороший. Я не помню бренд, но он был добротный. Куча скоростей и всякое такое. Удивительно, что его никто не украл. В этой части парка постоянно околачиваются дети. Они называют её Дебрями.

– Да, сэр, я знаю.

– А то кафе-мороженое дальше по дороге? Там тоже много детей. Всё время. Внутри они играют в видеоигры, а снаружи катаются на скейтах. Вы давно работаете частным сыщиком?

От этого термина у Холли всегда сводит зубы. Она гораздо больше, чем *сыщик*.

– Да, довольно долго, сэр. Значит, вы первым увидели велосипед.

– Всё верно.

– И через какое время появился мистер Браун?

– Через пятнадцать минут, может, чуть позже. Как правило я приезжаю на объекты пораньше, проверить нет ли следов вандализма, а также любых повреждений, не указанных в объявлении о продаже. Я говорил вам об этом?

– Да, сэр, говорили.

– Как считаете, вы найдёте её? Есть какие-нибудь зацепки? Вы напали на след?

Холли отвечает, что ещё слишком рано что-то утверждать. Рафферти начинает говорить, если её вдруг интересует недвижимость, то

сейчас самое подходящее время для покупки, и у него имеется широкий выбор, как для бизнеса, так и для проживания. Прежде чем он успевает зайти слишком далеко со своей болтовней, Холли говорит, что ей звонят, и она должна ответить. На самом деле она сама хочет сделать звонок – в библиотеку колледжа Белла.

«Моя мать солгала. Дядя Генри тоже».

Она заканчивает разговор и набирает номер.

2

– Библиотека Рейнольдса, Эдит Брукинг слушает.

– Здравствуйте. Меня зовут Холли Гибни. Я бы хотела поговорить с Лэйкишей Стоун.

– Извините, но Лэйкиша уехала на север, провести выходные с друзьями. Купание и кемпинг в Апсала-Вилледж. Жаль, что мне так не повезло. – Эдит Брукинг смеётся. – Я могу вам чем-то помочь? Или передать сообщение?

Так случилось, что Холли знает Апсала-Вилледж, сельскую общину, в которой проживает много амишей. Это место находится не более чем в двадцати пяти милях от дома её матери, где она будет завтра. Возможно, ей удастся поговорить там с Лэйкишей. Завтра днём, если инвентаризация дома не займёт слишком много времени, или в воскресенье, если затянется. А пока что, *возможно*, поможет эта Брукинг.

– Мисс Брукинг, я частный детектив. Меня наняла Пенелопа Даль – Пенни – для поиска её дочери.

– О, боже! – Её голос звучит менее официально и даже моложе. – Я надеюсь, вы найдёте её. Мы страшно беспокоимся о Бон!

– Могу я подъехать и поговорить с вами в библиотеке? Это не займёт много времени. Возможно, в послеобеденный перерыв...

– О, приходите в любое время. Прямо сейчас, если хотите. Мы всем не заняты. Большинство летних сессий отменили, ну, вы знаете, из-за коронавируса.

– Отлично, – говорит Холли. – Спасибо.

Выезжая на Ред-Бэнк-Авеню, Холли ещё раз бросает взгляд на большой камень, с которого открывается вид на улицу и экран кинотеатра, находящегося в паре миль. Интересно, бывал ли там Пит Стейнман, он же Вонючка Стейнман? Она бы вовсе этому не удивилась.

3

В библиотеке Рейнольдса Холли встречается с Эдит Брукинг («Зовите меня Эди») и ещё одной помощницей заведующего – Маргарет Бреннер, о которой упоминала Пенни. Эди оккупировала главный стол, но предлагает пройти в читальный зал, где она сможет обслужить любого, у кого есть вопросы или желающих почитать книгу.

– Я бы не осмелилась, будь здесь Мэтт Конрой, – говорит Эди, – но он в отпуске.

– Безумный Мэтт, – вставляет Маргарет. Она корчит гримасу, и обе женщины хихикают в свои маски.

– На самом деле он не сумасшедший, – говорит Эди, – но он такой душный тип. Если будете встречаться с ним, пожалуйста, не говорите, что я так сказала.

– Пожа-а-а-лста, – произносит Маргарет, и они снова хихикают. «*Кот из дома – мыши в пляс*», – думает Холли. Но в этих мышках нет ничего плохого; они всего лишь пара симпатичных молодых женщин, у которых в обычный полусонный рабочий день случилось что-то интересное. К сожалению, они очень мало знают о Бонни Рэй, за исключением того, что она рассталась со своим бойфрендом Томом Хиггинсом.

– Хотите узнать что-то еще – спросите Кишу, – говорит Маргарет. – Они были *близки*.

Холли так и думает поступить. Она спрашивает номер телефона Лэйкиши и Эди даёт его.

– Бонни что-нибудь говорила о поездке за город? – спрашивает Холли. – Может, просто мимоходом, мол, как было бы здорово куда-нибудь сорваться?

Две молодые женщины переглядываются. Маргарет пожимает плечами и качает головой.

– По-моему, не было такого, – говорит Эди. – Но вы должны понимать, что Бонни в основном держится особняком. Она милая, но не из тех, кого можно назвать общительной.

– Разве что с Кишей, – говорит Маргарет.

– Да, если только с ней.

– Я вам кое-что покажу. – Холли достаёт из кармана серьгу и протягивает на ладони. Их расширившиеся глаза говорят всё, что ей нужно знать.

– Это Бонни! – произносит Эди и дотрагивается до серьги кончиком пальца. Холли не против; как только она нашла серьгу, то сразу поняла, что та слишком мала, чтобы надеяться на отпечатки пальцев, в том числе самой Бонни Рэй. – Где она была?

– В кустах неподалёку от того места, где нашли её велосипед. Само по себе это ничего не значит. Это клипса, возможно, она просто слетела с уха.

– Вам правда стоит поговорить с Лэйкишей, – говорит Маргарет. – Она вернётся в понедельник.

– Я так и сделаю, – отвечает Холли, но не думает, что придётся ждать до понедельника.

4

Парковка у библиотеки почти пуста, и Холли без труда находит тенистое местечко, но в салоне машины всё ещё слишком жарко. Она включает кондиционер и звонит матери Бонни. Пенни даже не утруждает себя приветствием, сразу спрашивает: узнала ли что-нибудь Холли? В её голосе слышны нетерпение и страх. Холли вспоминает

«Вольво», оклеенное фотографиями улыбающейся Бонни Рэй, и жалеет, что у неё нет ободряющих новостей.

– Я отправлю тебе фото серьги, которую подобрала недалеко от места, где нашли велосипед твоей дочери. Две женщины, её коллеги по работе в библиотеке, опознали серьгу как принадлежащую Бонни, но мне нужно быть уверенной.

– Пришли фото! Пожалуйста!

– Сделаю, как только смогу. Пока ты на связи, у тебя случайно нет информации по кредитной карте Бонни?

– Есть. Примерно через неделю после исчезновения, я пришла к ней домой и посмотрела два последних чека по «Визе». Это была идея той женщины из полиции. «Виза» – единственная карта Бонни. Я думала, что чеки скажут мне что-нибудь, не знаю что, но в них не оказалось ничего примечательного. Пара обуви, две пары джинсов с «Амазон», продукты, кое-какая готовая еда из «ДорДэш», пицца из «Доминос»... что-то в этом роде.

– А её телефон? Она платит за него «Визой»?

– Да. Её оператор – «Веризон», как у меня.

Холли больше всего волнует кредитная карта.

– Пожалуйста, скинь мне номер кредитки. Включая срок действия. А также номер мобильного.

Пенни соглашается. Холли отсылает фото серёжки. Пенни перезванивает через две минуты, она заливается слезами. Холли успокаивает её, как может. В конце концов Пенни берёт себя в руки, но Холли понимает, что её собеседница вступает на тёмную дорогу. Ту, по которой Холли уже прошла чуть дальше. Возможно, Бонни Рэй всё ещё жива, но шансы на обратный исход увеличиваются.

Холли сидит, сложив руки на коленях, а прохладный воздух из вентиляционных отверстий развеивает её чёлку. Ей нужно подумать, но первое что приходит в голову – это начало анекдота: *заходит как-то новоиспечённая миллионерша в бар, и...*

А дальше? Это анекдот без добавки. Что в некотором роде уместно. Холли отгоняет мысли об этом и сосредотачивается на деле.

Зачем Бонни оставлять велосипед на, вероятно, самом пустынном отрезке Ред-Бэнк-Авеню? Ответ: она этого не делала. Зачем ей оставлять записку, но забирать велосипедный шлем? Ответ: она этого не делала.

– Оставь пистолет, возьми канноли, – бормочет она фразу из своего любимого гангстерского фильма.³¹

Кто-то схватил её? Выскочил и схватил? Если так, то...

Она звонит Марвину Брауну, представляется, рассказывает ему, кто она и чем занимается, затем спрашивает о велосипеде – не выглядел ли он повреждённым? Браун отвечает, что всё было в порядке, ни царапинки. Холли благодарит его, заканчивает разговор и снова принимается размышлять.

Никто не выскакивал и не сбивал Бонни с велосипеда. Бетонное покрытие перед бывшей «Мастерской Билла по ремонту автомобильных и малолитражных двигателей» настолько покрыто трещинами и колдобинами, что, вероятно, не подлежит ремонту. Марвину Брауну придётся всё восстановить, если он намерен вести там бизнес. Велосипед, упавший на такую неровную поверхность, почти наверняка бы пострадал. Холли придётся проверить для уверенности, но пока она верит Брауну на слово. Всё-таки он зарабатывает на жизнь ремонтом транспортных средств, и разве велосипед к ним не относится?

«Заходит как-то дочь лгуньи в бар. А если так: дочь лгуньи и вор заходят в бар. Она оставляет пистолет, но берёт канноли».

– *Перестань*, – бормочет Холли. – Велосипед был в порядке, думай об этом. Почему велосипед был в порядке?

Ей кажется, что ответ так же ясен, как голубые глаза, что смотрят на неё с зеркала заднего вида. Потому что Бонни остановилась сама. Остановилась и слезла с велосипеда. Зачем останавливаться, если она не собиралась в деловой район, сесть на один из «всю-ночь-в-пути-заналичку» автобусов? Потому что увидела кого-то знакомого? Потому что кому-то нужна была помощь? Или кто-то притворялся, что нуждается в помощи?

³¹ Из «Крёстного отца».

Билл Ходжес всё ещё иногда разговаривает с Холли, и она слышит его сейчас: *«Если ты полезешь дальше по этой ветке, Холли, она обломится»*.

Мысль звучит здраво, поэтому она отступает... но не до конца. Состояние велосипеда наводит на мысль, что Бонни Рэй остановилась по собственной воле. Хотела ли она оставить велосипед там, или была другая причина – вопрос по-прежнему открытый.

Но опять же: зачем оставлять велосипед и брать шлем?

Раздаётся звук входящего сообщения. Пришла информация о «Визе» Бонни и номер её телефона. Холли больше не может усидеть на месте. Она выходит из машины, звонит Питу Хантли и начинает расхаживать по библиотечной парковке, стараясь держаться как можно дальше в тени. Солнце всё ещё бьёт словно кувалда – охо-хо.

Первым делом Пит говорит:

– Ты всё-таки взялась за это дело. Господи, Холли, после того как твоя мать... – Он начинает кашлять.

– Пит, ты в порядке?

Он берёт себя в руки.

– Я в порядке. Ну, не совсем в порядке, но и не хуже, чем когда проснулся. Холли, твоя мать только что умерла!

«Да, и оставила мне приличное состояние, – думает Холли. – Заходит как-то новоиспечённая миллионерша в бар и... происходит что-то смешное».

– Работа идёт мне на пользу. И завтра я поеду в Мидбрук-Эстейт. Похоже, я унаследовала дом, который мне не нужен.

– Дом твоей матери, да? Что ж, я рад за тебя. Лакомый кусок для покупателей. Если ты собираешься от него избавиться.

– Собираюсь. Купишь?

– Мечтать не вредно, Гибни.

– Как ты узнал, что я взялась за это дело?

– Мне уже позвонил высокий чернявый красавчик. – Пит имеет в виду Джерома. – Хотел, чтобы я пробил адрес, который ему было лень искать самому.

Холли это слегка возмущает.

– У нас есть приложение для поиска адресов, и раз уж мы платим за него, следует хоть изредка им пользоваться. Кроме того, тебе тоже нужно чем-то заняться, Пит. Помимо кашля и хрипения. – Последний круг Холли по парковке приводит её обратно к «Приусу». Она думает о пачке сигарет на приборной панели, думает о кашле и хрипах и идёт дальше. – Чей адрес он хотел получить?

– Некой Веры Стейнман. Она живёт в одном из этих типовых домов возле кладбища «Сидар Рест». Что нужно тебе?

– У меня есть информация по «Визе» и «Веризону» Бонни Даль. Мне нужно знать об операциях по обоим счетам.

– Могу сделать, у меня есть источник, но это не совсем законно. Вообще-то... – Пит шумно сморкается, – ...это совсем незаконно. И значит влетит в копеечку, а списывать расходы на Даль может быть рискованно.

– Думаю, не стоит использовать твой источник, – говорит Холли. – Держу пари, Иззи может проверить за тебя.

Повисает пауза, нарушаемая только хриплым дыханием Пита. Холли не нравится этот звук.

– Правда?

– Она практически отдала мне это дело, и ничего удивительного. Ты в курсе, что сейчас творится в полиции?

– ПП. Это значит...

– Я знаю, что это значит.

– Вот что я тебе скажу, Гибни. Глядя на то, что сейчас происходит с копами, я охрененно рад, что соскочил.

– Скажи Иззи, если мы узнаем что-то существенное, мы её подключим.

– Да? Правда что ли?

– Я ещё не решила, – чинно отвечает Холли.

– Как эта Вера Стейнман связана с девочкой Даль?

– Вероятно, никак. – Холли подумывает сказать Питу, что в свои двадцать четыре Бонни Рэй вряд ли можно назвать девочкой, но это

бесполезно. Пит – человек старой закалки. Однажды она слышала, как он жаловался Джерому на отмену конкурса купальников на «Мисс Америка», а женскую грудь он называет «дыньками» или «буферами».

– Пит, мне нужно идти.

– Если подхватишь там «корону», Холли, мы будем закрыты гораздо дольше.

– Я всё понимаю, Пит. Ты позвонишь Иззи?

– Ага. Удачи, Холс. Мне правда жаль твою маму.

Холли медленно идёт к своему «Приусу», размышляя на ходу. Допустим, Бонни поджидал тот, кто знал её распорядок дня. Знал ли её бывший парень? Может быть. Возможно. А велосипед? Мысли Холли продолжают возвращаться к велосипеду, который стоял на виду и просто напрашивался на угон. Если бы его украли, стал бы её так волновать пропавший шлем?

– Нет, – произносит Холли. – Не стал бы.

Она садится в машину, снова заводит двигатель, затем улыбается. Она придумала добавку для своего анекдота.

4–19 декабря 2020

1

4 декабря президент колледжа Белла Хьюберт Крамли объявил, что отпускает всех студентов домой пораньше, из-за разгула ковида в кампусе. 7-го числа – в годовщину Перл-Харбора – он огласил, что весенний семестр будет состоять только из дистанционных занятий.

Родди Харрис в ужасе.

– Для вас, литераторов, это нормально, – жалуется он Эмили. – С незапамятных времён большая часть письменного творчества создавалась в замкнутых помещениях. Но разве мы не должны следовать за наукой, как сказал великий доктор Фаучи?³² Ради Бога, а как же лабораторное время? Биологические лаборатории? Химические и физические лаборатории? Как насчёт *них*? Это *наука*!

– И это пройдёт, дорогой, – говорит Эм.

– Да, но когда? И что делать до тех пор? Мне нужно обсудить это с Хэмишем.

Хэмиш Андерс – глава кафедры естественных наук, и Эм сомневается, что выпады Родди – а это именно выпады – сильно его тронут. Они с Родди по-прежнему играют активную роль в жизни своего колледжа, но их положение по большей части почётное. Она осознаёт это и довольна своей работой, заключающейся в чтении заявок на участие в писательском семинаре, особенно после того, как не стало Хорхе Кастро, путавшегося у неё под ногами. Это занятие помогает Эм держать себя в форме. И иногда в горах мусора попадает драгоценный камень. Но её беспокоит кое-что ещё.

– В этом году не состоится рождественская вечеринка, – говорит она, – Мы не пропускали её с 1992 года – почти тридцать лет! Какой позор.

Родди даже не задумывался об этом.

³² Доктор Энтони Фаучи – американский учёный-медик, иммунолог и инфекционист. Во время эпидемии ковид-19 был членом Группы Белого дома по борьбе с коронавирусом.

– Ну... это не официальная изоляция, дорогая. Так что люди *могут* прийти, – он замечает, как она закатывает глаза. – Хотя бы несколько человек.

– Я сомневаюсь. Даже если кто-то придёт, как они будут есть канпе и пить шампанское в масках? – тут ей приходит в голову еще одна мысль. – А «Звонарь»? Эти олухи, выступающие против элиты и считающие себя репортёрами, будут в восторге!

«Звонарь» – это название студенческой газеты.

Эм обводит руками воображаемый заголовок:

– Вечеринка старых профессоров в то время как Америка пылает в лихорадке! Как тебе такое?

Родди не может удержаться от смеха и Эм присоединяется к нему. Зима не идёт на пользу старым суставам и костям, и они испытывают обычные недомогания, но в целом чувствуют себя неплохо. Настоящая боль вернётся, они знают это по опыту, но в то же время Питер Стейнман очень их выручил.

Конечно, нужно думать наперёд, и они уже начали составлять список подходящих вариантов. Родди любит повторять, что Бог не дал бы им мозги, если бы не хотел, чтобы они ими пользовались. Нельзя сказать, что кто-то из них верит в Бога или счастливую загробную жизнь, – тем больше причин продлить *эту* жизнь как можно дольше.

– Вдобавок ко всему никакой рождественской вечеринки! – восклицает Родди, – Чёрт бы побрал эту чуму!

Она обнимает мужа.

2

Неделю спустя Эмили заходит в гараж, где Родди занят наклеиванием идентификационных стикеров на 2021 год³³ на номерные знаки их универсала «Субару». Рядом стоит фургон с бело-голубыми номерами соседнего штата. Родди время от времени заводит его, подзаряжая аккумулятор, но фургоном они пользуются только в особых слу-

³³ Наклейки, подтверждающие уплату регистрационных взносов за автомобиль и привязывающие номерной знак автомобиля к его владельцу. Выпускаются и требуют замены ежегодно.

чаях. Висконсинские инвалидные номера не краденные, ведь об украденных номерах, как правило, сообщают. Родди изготовил их в подвальной мастерской, и мог бы обдурить любого, пытающегося отличить номера от настоящих.

– Почему ты без пальто? – спрашивает он.

– У меня родилась идея, – отвечает она, – и мне не терпелось поделиться. Думаю, это хорошая идея, но судить тебе.

Родди выслушивает жену и объявляет, что это не просто хорошая, а великолепная идея. По сути, гениальная. Он обнимает её, может, слишком крепко.

– Полегче, здоровяк, – говорит Эм, – Ишиас спит. Не буди его.

3

Ежегодная рождественская вечеринка Харрисов всё-таки состоялась. Её провели в субботу перед Рождеством. Посещаемость лучшая за все последние годы, и никто не носил маску. Некоторые завсегда и вечеринки приехали из других штатов (один даже из Бангладеш), но большинство живут неподалеку. Был президент Крамли, а также писатель, преподающий в этом году литературу – Генри Стрэттон (Эмили никогда бы в этом не призналась, но ей приятно думать, что эту должность вновь занимает белый мужчина).

Разумеется, эта вечеринка проходит в «Зум», но с «изюминкой», благодаря которой Родди назвал идею Эм не только великолепной, но и гениальной. Они не могут угостить едой и напитками участников вечеринки в Мэне, Колорадо или Бангладеше, но живущих здесь, в этом городе – еще как могут, особенно тех, кто проживает в «викторианском ряду», между колледжем и парком.

Чета Харрисов воспользовалась веб-сайтами кафедр английского языка и естественных наук для поиска желающих подзаработать этой ночью, объяснив в чём заключается работа. Предлагаемая оплата невелика (Харрисы не испытывают нужду, но и не богачи), но желающих нашлось немало. Эмили считает, что дело в новизне. Множество сотрудников кампуса – даже несколько преподавателей! – записываются на службу в качестве рождественских эльфов. В ночь вечеринки они наготове, в шапках, как у Санты, и с накладными бородами, как у

Санты. Некоторые добавляют к образу черные сапоги и цепляют на нос очёчки а-ля Санта. Каждый из рождественских эльфов, как антипод хеллоуиновских попрошаек, доставляет небольшой поднос с канапе местным участникам вечеринки. Плюс упаковку пива «Айрон Сити» вместо шампанского.

Вечеринка имеет оглушительный успех.

Рождественский эльф также приходит и на Ридж-Роуд 93, в дом Харрисов – на этом настояла Эмили. Родди впускает её. Это чертовски привлекательная эльфийка с копной светлых волос и весёлыми карими глазами над белой бородой. Красные брюки Санты подчёркивают длинные ноги, Родди тайком любуется ими (но не слишком тайком для Эм). Эмили проводит эльфийку в гостиную, где стоят оба ноутбука Харрисов – так удобнее для «Зума», дорогая. Эм берёт тарелку с канапе, Родди принимает упаковку «АС».

На экранах ноутбуков поддатые Генри Стрэттон и его девушка из своего викторианского дома (когда-то там проживал Хорхе Кастро и его «друг») расппевают «Приходит в город Санта-Клаус».

– Ты, наверное, самая симпатичная эльфийка на свете, – говорит Родди.

– Будь настороже, он как акула, – добавляет Эмили. Эльфийка смеётся и обещает последовать совету. Эмили показывает на дверь. – Тебе нужно ещё куда-нибудь?

– В пару мест, – отвечает эльфийка, показывая на свой велосипед, стоящий в конце дорожки. К багажнику эластичным шнуром примотан холодильник, в котором, вероятно, еще две завернутые в пленку тарелки с канапе и две шестибаночные упаковки пива. – К счастью сейчас достаточно тепло для езды на велосипеде. Профессор, это была фантастическая идея!

– Спасибо, дорогуша. Очень любезно с твоей стороны.

Эльфийка искоса бросает на Эмили застенчивый взгляд.

– Я посещала ваш курс о ранних американских писателях за год до того, как вы ушли на пенсию. Потрясные лекции.

– Рада, что тебе понравилось.

– А в этом году я наконец-то решила подать заявку на участие в семинаре. Ну, вы знаете – писательский семинар? Вы, вероятно,

наткнетесь на мою работу, если будете читать их для мистера Стрэттона.

– Да, но если ты запишешься на осенний семестр в следующем году, думаю, у нас будет кто-то новый. – Эм понижает голос, – Мы пригласили Джима Шепарда. Хотя я сомневаюсь, что он согласится.

– Это было бы чудесно, но я, наверное, не пройду отбор. У меня не очень хорошо получается.

Эм изображает, будто затыкает уши.

– Не желаю слышать, что писатели говорят о своей работе. Важно то, что работа говорит о писателе.

– О, думаю, это очень верно. Ну, мне пора. Наслаждайтесь своей вечеринкой!

– Конечно, – говорит Эм. – Как тебя зовут, дорогуша?

– Бонни, – отвечает эльфийка. – Бонни Даль.

– Ты всегда едешь на велосипеде?

– Кроме как в непогоду. У меня есть машина, но я люблю велосипед.

– Очень полезно для здоровья. Ты живешь поблизости?

– У меня небольшая квартирка в доме возле озера. Я работаю в библиотеке Рейнольдса и подрабатываю – от случая к случаю – когда могу.

– Если в ближайшем будущем ты захочешь подработать, возможно, ты могла бы мне кое с чем помочь. – Эм гадает, ответит ли Бонни «чудесно» или «потрясно».

– Правда? Это было бы чудесно!

– Ты ведь дружишь с компьютерами? Должна, раз работаешь в библиотеке. Я с трудом могу включить свой ноутбук без помощи Родди. – Эмили лжёт с обезоруживающей улыбкой.

– Чинить не умею, но работаю с ними, конечно!

– Можно твой номер, на всякий случай? Но ничего не обещаю, имей в виду.

Бонни с радостью соглашается. Эм могла бы добавить номер в контакты своего айфона в мгновение ока, но, не выходя из образа компьютерного «чайника», она царапает телефон на салфетке с изображением танцующего и явно нетрезвого Святого Ника и надписью «СЧАСТЛИВОГО ПРАЗДНИКА!»

– Счастливого Рождества, Бонни. Возможно, мы ещё увидимся.

– Круто! Счастливого Рождества!

Девушка уходит по дорожке. Эмили закрывает дверь и смотрит на Родди.

– Красивые ножки, – замечает тот.

– Мечтай дальше, Лотарио,³⁴ – отвечает она и оба смеются.

– Не только эльф, но и начинающий писатель, – говорит Родди.

Эм фыркает.

– Потрясно. Круто. Чудееееесно. Сомневаюсь, что она сможет написать что-то оригинальное, даже если приставить ей пистолет к виску. Но нас ведь интересуют не её мозги. Так?

– О, не говори *так*, – отвечает Родди, и они снова смеются.

У них есть небольшой список возможных кандидатов на следующую осень, и эта рождественская эльфийка будет неплохим дополнением.

– При условии, что она не веган, – говорит Родди. – Нам не нужна ещё одна их *этих*.

Эмили целует его в щёку. Ей нравится грубоватое чувство юмора Родди.

³⁴ Лотарио – персонаж трагедии Николаса Роу. Имя стало нарицательным для обозначения бессовестного соблазнителя, бабника.

23 июля 2021

Вера Стейнман живёт на Сикомор-Стрит, где не растёт никаких сикоморов. Никаких деревьев вообще. Их предостаточно на ухоженных и хорошо орошаемых краях земли за тупиком Сикомор-Стрит, но они скрыты за воротами и извилистыми каменными стенами кладбища «Сидар-Рест». Этот район с улицами без деревьев, но названными в честь деревьев, застроен типовыми домами, стоящими почти впритык друг к другу под палящими лучами предвечернего солнца.

Джером паркуется у обочины. На потрескавшейся подъездной дорожке стоит «Шевроле». Ему по меньшей мере лет десять, может быть, пятнадцать. Пороги заржавели, а шины стёрлись. Выцветшая наклейка на бампере гласит: «ЧТО БЫ СДЕЛАЛ СКУБИ ДУ»? Джером предварительно позвонил и начал объяснять, что наткнулся на имя Питера Стейнмана, расследуя другое дело, но женщина тут же прервала его.

– Если хотите поговорить о Питере, обязательно загляните. – У неё был приятный голос, почти музыкальный. Такой голос, подумал Джером, можно ожидать у хорошо оплачиваемой секретарши в престижной юридической или инвестиционной фирме в центре города. Теперь, видя маленький домик, стоящий на голой лужайке, он не находит в нём ничего престижного.

Джером надевает маску и звонит в дверь. Слышен звук приближающихся шагов. Дверь открывается. Появившаяся женщина выглядит под стать шикарному голосу: светло-зелёная блузка, темно-зелёная юбка, чулки, несмотря на жару, каштановые волосы забраны. Единственное, что выбивается из образа – запах джина в её дыхании. Даже больше, чем запах, а в руке она держит полупустой стакан.

– Вы мистер Робинсон, – говорит она, как будто он сам в этом не уверен. Под прямыми солнечными лучами Джером видит, что её приятная внешность женщины средних лет, возможно, во многом объясняется магией макияжа. – Входите. И можете снять маску. Конечно,

при условии, что вы прошли вакцинацию. Я переболела и теперь в полном порядке. Антител под завязку.

– Спасибо. – Джером проходит внутрь, снимает маску и засовывает её в задний карман. Он ненавидит эту долбаную штуку. Они стоят в гостиной, опрятной, но тёмной и скромной. Мебель без излишеств. Единственная картина на стене – будничная пейзаж в саду. Где-то тархтит кондиционер.

– Я не раздвигаю шторы, потому что кондиционер на последнем издыхании, и я не могу позволить себе купить новый, – говорит она. – Не хотите ли чего-нибудь выпить, мистер Робинсон? У меня есть джинс с тоником.

– Можно немного тоника. Или стакан воды.

Женщина идёт на кухню. Джером садится в кресло с откидной спинкой – осторожно, надеясь, что оно не прогнётся под двумя сотнями фунтов его веса. Кресло скрипит, но держится. Джером слышит позвякивание кубиков льда. Вера Стейнман возвращается со стаканом тоника для него и со своим, наполненным до края. Позвонив тем вечером Холли, он признается ей, что несмотря на слова скейтбордиста у «Дэйри Уип», он даже представить не мог, что будет иметь дело с заправской пьянчужкой, не просыхавшей до конца их беседы. Которая оборвалась внезапно.

Вера Стейнман садится в другое кресло, ставит выпивку на кофейный столик, где лежат подстаканники и разложены журналы, и разглаживает юбку на коленях.

– Чем я могу вам помочь, мистер Робинсон? Вы кажетесь слишком юным, чтобы заниматься поисками пропавших детей.

– На самом деле я ищу пропавшую женщину, – говорит он и вкратце рассказывает о Бонни Даль: где обнаружили её велосипед, как они с Холли («Мой босс») отправились в «Дейри Уип», поговорить с мальчиками, катающимися там на скейтбордах, и как всплыло имя Питера.

– Я не думаю, что исчезновение Питера как-то связано с исчезновением Бонни Даль, но хотел бы удостовериться. И мне любопытно. –

Он подбирает другое слово. – Небезразлично. Вы что-нибудь слышали о своём сыне, миссис Стейнман?

– Ни слова, – отвечает она и делает большой глоток из своего стакана. – Может быть, мне стоит купить спиритическую доску.

– Значит вы думаете, что он... – Джером понимает, что не может закончить фразу.

– Мёртв? Да, именно так я и думаю. Днём я всё ещё питаю надежду, но ночью, когда не могу уснуть... – Она поднимает стакан и делает большой глоток. – Когда даже полный желудок этой дряни не способен усыпить меня... Я знаю.

Скупая слезинка стекает по её щеке, пробиваясь сквозь макияж и открывая бледную кожу под ним. Миссис Стейнман вытирает её тыльной стороной ладони и делает ещё один глоток.

– Извините меня.

Она идёт на кухню, совершенно ровной походкой. Джером слышит звяканье бутылочного горлышка о стакан. Миссис Стейнман возвращается и садится, осторожно расправляя юбку сзади, чтобы не помять. Джером думает: *«Она приделась для меня. Сняла пижаму и домашний халат и приделась для меня»*. Он не может это утверждать, но он знает.

Следующие двадцать минут или около того Вера Стейнман говорит, потягивая свой напиток и делая недолгие паузы, чтобы наполнить стакан. Говорит она внятно. Не отклоняется от темы. Не шатается во время походов на кухню и обратно.

Поскольку Питер исчез до ковида и нынешнего бардака в городском полицейском управлении, его дело довольно тщательно расследовали. Вывод, однако, был тот же самый. Дэвид Портер, детектив, проводивший расследование, верил (или сказал, что верит), что Питер сбежал из дома.

Часть доводов детектива Портера основывалась на беседе с Катей Грейвс, одной из двух консультантов-психологов в начальной школе Брека. Примерно за год до исчезновения, у Питера ухудшились оценки, он часто опаздывал, а иногда отсутствовал, и было несколько

случаев «взрывного» поведения, один из которых привел к отстранению от занятий.

На приёме после окончания двухдневного отстранения, Грейвс пробилась через невнятное бормотание и глаза-в-пол, и плотину, наконец, прорвало. Мать Питера слишком много пила. Ему наплевать, что друзья называли его Вонючкой, но он ненавидел, если они смеялись над его мамой. Отец бросил её, когда Питеру было семь. Она потеряла работу, когда ему было десять. Питер ненавидел насмешки, а иногда и её саму. Он сказал мисс Грейвс, что часто думал о том, чтобы уехать автостопом во Флориду и жить там со своим дядей, у которого был дом в Орландо, недалеко от Диснейуорлда.

Вера говорит:

– Он там так и не появился, но детектив Портер всё равно думал, что он сбежал. Держу пари, вы знаете почему.

Разумеется, Джером знал.

– Его тела так и не нашли.

– Да, – соглашается она. – По сей день, и нет более изощрённой пытки, чем надежда. Извините меня.

Миссис Стейнман идёт на кухню. Слышен звон бутылки. Она возвращается, идёт ровно, шелестит юбка, шуршат чулки. Она садится. Прямая осанка. Чёткая речь. Она говорит Джерому, что фотографию Питера можно найти среди тысяч других на сайте Центра по делам пропавших и эксплуатируемых детей. Она есть на сайте ФБР о похищенных и пропавших без вести. В Глобальной сети пропавших детей. На MissingKids.org. На сайте Фонда Полли Клаас, двенадцатилетней девочки, похищенной с пижамной вечеринки и впоследствии убитой. И на протяжении нескольких месяцев после того, как Вера заявила об исчезновении Питера, его фотография появлялась на экране актового зала департамента полиции при каждой переключке.

– Разумеется, меня тоже допрашивали, – говорит Вера. Запах джина теперь очень сильный. Джерому кажется, что он не просто исходит у неё изо рта, но буквально сочится из всех пор. – Родители не-

редко убивают своих детей, согласны? В основном отчимы или биологические отцы, но иногда отмечают и матери. Например, Диана Даунс. Вы когда-нибудь смотрели фильм о ней? В нём снималась Фарра Фосетт. Меня допрашивали на полиграфе и, полагаю, я прошла проверку. – Она пожимает плечами. – Мне нечего было им сказать, кроме правды. Я его не убивала, он просто однажды вечером вышел покататься на своём скейтборде и не вернулся.

Вера рассказывает Джерому о своей встрече с Катей Грейвс, состоявшейся после её разговора с Питером.

– Она предложила встретиться в удобное для меня время, что прозвучало забавно, потому что мне было удобно в любое время. Последнюю работу я потеряла из-за вождения в нетрезвом виде. Пока я сидела без дела, мы с Питером жили на сбережения и ежемесячные чеки от бывшего мужа – на содержание ребёнка и алименты. Сэм меня терпеть не может, но он ответственно относился к этим выплатам. До сих пор относится. Он знает, что Питер пропал, но всё равно отправляет чеки. Я думаю, это суеверие. Он любит Питера. Это меня он не выносит. Однажды он спросил меня, почему я так много пью, не из-за него ли? Я ответила, чтобы он не льстил себе. Дело не в нём, и не в детской травме, на самом деле ни в чём таком. Это глупый вопрос. Я пью, следовательно, я существую. Извините меня.

Вернувшись – прямая, как штык, и расправив юбку сзади, прежде чем сесть, сведя колени вместе, – Вера рассказывает Джерому, что узнала от мисс Грейвс, как друзья Питера смеялись над ним, потому что его мама была пьяницей, потерявшей работу и вынужденной провести ночь в кутузке.

– Это было тяжело слышать, – говорит она. – Я пала ниже плинтуса. По крайней мере, на тот момент. Я ещё не знала, насколько глубоким может оказаться дно. Теперь знаю. Грейвс дала мне расписание собраний АА, и я начала посещать их. Устроилась на новую работу в «Фенимор Риал Эстейт». Это одна из крупнейших фирм в городе. Босс – бывший алкоголик, и нанимает многих людей, которые «завязали» с алкоголем или пытаются это сделать. В тот последний год жизнь стала

налаживаться, мистер Робинсон. Оценки Питера улучшились. Мы перестали ссориться. – Она замолкает. – Ну, нет, *не совсем*. Невозможно не ссориться со своим ребёнком.

– Мне ли не знать, – говорит Джером. – Я тоже таким был.

Вера громко и безрадостно смеётся, давая Джерому понять, что джин не усваивается каким-то волшебным образом, а она действительно пьяна. Как свинья. И всё же она не выглядит пьяной, что удивительно. Видимо, дело привычки, полагает он.

– Вот почему глупо думать, что Питер сбежал из-за моего пьянства. Всего за три недели до его исчезновения я получила значок на годовщину трезвости. Не думаю, что мне когда-нибудь дадут второй. Я снова начала пить только через шесть недель после его исчезновения. За эти шесть недель я практически стёрла ковёр, стоя на коленях, умоляя высшую силу вернуть Питера. – Вера издаёт ещё один громкий и невесёлый смешок. – С таким же успехом я могла бы биться головой о стену. Когда до меня дошло, что Питер пропал навсегда, я заново подружилась с местным винным магазином.

Джером не знает, что сказать.

– Питер числится пропавшим без вести, потому что полиции так проще, но я думаю, детектив Портер прекрасно знает, как и я, что Питер мёртв. К счастью для меня, высшая сила действительно *есть*. – Она поднимает свой стакан.

– Когда он пропал, мисс Стейнман?

Ей не приходится думать над ответом. Джером полагает, что этот день отпечатался в её памяти.

– 27 ноября 2018 года. Не тысячу дней назад, но уже близко к тому.

– Один из мальчиков возле «Дейри Уип» сказал, что вы звонили его матери.

Вера кивает.

– Мэри Эдисон, мама Томми. В девять вечера, через полчаса после того, как Питер должен был вернуться домой. У меня были телефоны родителей нескольких его друзей. В течение того последнего года я была хорошей матерью, мистер Робинсон. Добросовестной. Пыталась

загладить вину за те года, когда я была не очень хорошей. Думала, может, Питер решил остаться на ночь у Томми и забыл меня предупредить. Это казалось вероятным... вроде как... потому что на следующий день занятия в школе начинались поздно. Питер сказал, что с утра будет собрание учителей для обсуждения инцидентов с применением насилия. Это я хорошо запомнила. Миссис Эдисон сказала, что Питер не у них, но я подождала ещё час в надежде на его возвращение. Я встала на колени и помолилась тому парню из высшей силы, чтобы Питер явился домой с каким-нибудь безумным оправданием позднего возвращения... Пусть бы даже от него пахло пивом... лишь бы увидеть его, понимаете?

Ещё одна слезинка, которую она вытирает тыльной стороной ладони. Джером не жалеет, что пришёл, но это тяжело. Он почти чувствует запах её боли, и боль эта пахнет джином.

– В десять вечера я позвонила в полицию.

– У Питера был телефон, миссис Стейнман?

– О, конечно. Я набрала его ещё до звонка Мэри Эдисон. Телефон зазвонил в его комнате. Питер никогда не брал его с собой, катаясь на скейтборде. Боялся, что разобьет. Я сказала, что если он сломает свой телефон, я не смогу купить ему новый.

Джером вспоминает, что Холли просила его выяснить.

– А его скейт? Что с ним?

– Скейтборд? Он в комнате Питера. – Вера встаёт, слегка покачивается, затем восстанавливает равновесие. – Не хотите ли взглянуть на его комнату? Я держу её в том же состоянии, какой она была. Знаете, как сумасшедшая мамаша в фильме ужасов.

– Я не думаю, что вы сумасшедшая, – говорит Джером.

Вера ведёт его по короткому коридору. С одной стороны расположена прачечная, одежда небрежно свалена в кучу перед стиральной машиной, и Джерому кажется, что он только что мельком увидел настоящую Веру, растрёпанную, потерянную и часто подшофе. Или, скорее, пьяную вусмерть.

Вера замечает его взгляд и закрывает дверь прачечной.

На двери комнаты Пита наклейка «ШТАБ-КВАРТИРА ПИТА СТЕЙН-МАНА». Под ней велоцираптор из «Парка юрского периода» с облачком текста возле зубастой пасти: **Держитесь Подальше Или Будете Съедены Заживо.**

Вера открывает дверь и протягивает руку, как модель на игровом шоу.

Джером входит внутрь. Односпальная кровать безупречно застелена – от одеяла отскочит и монетка. Над кроватью висит плакат с изображением Рианны в призывной позе, но в том возрасте, когда мальчик исчез из привычного мира, интерес к сексу ещё не затмил его детское воображение... особенно, думает Джером, если речь о ребёнке, прозванном своими сверстниками Вонючкой. По обе стороны от окна (которое выходит на почти такой же дом по соседству) висят плакаты с Джоном Уиком и Капитаном Америкой. На комод в док-станции стоит сотовый телефон Питера и модель «Тысячелетнего сокола» от «Лего».

– Я помогла Питеру собрать модель, – говорит Вера. – Это было весело. – Наконец Джером замечает маленький огрех: не *«было весело»*, а *«было вешило»*. Он почти испытывает облегчение. Её способность... в общем, он не хочет об этом думать. В углу слева от комода стоит синий скейтборд «Аламеда», поцарапанный от частого использования. Рядом с ним на полу лежит шлем.

Джером указывает на него.

– Можно я...?

– Будьте как дома. – *«Путте»*.

Джером берёт скейт, проводит рукой по слегка вогнутой поверхности из стекловолокна, затем переворачивает его. Одно колесо кажется слегка погнутым. Выцветшим маркером, но всё ещё вполне разборчиво, написаны имя владельца, адрес и номер телефона.

– Где он был? – спрашивает Джером, внезапно уверенный в ответе: на потрескавшемся дворе заброшенной автомастерской, где нашли велосипед Бонни Рэй. Только оказывается, что это не так.

– В парке. В Дирфилде. Его прочесали в поисках, ну, вы понимаете, тела, и отыскали скейтборд в кустах недалеко от Ред-Бэнк-Авеню. Я думаю, именно там кто-то схватил Питера, чтобы убить его, а перед этим сделать с ним что-нибудь ещё. Или, возможно, кто-то сбил его машиной тем туманным вечером и увёз тело. Чтобы закопать. Какой-нибудь пьяница, вроде меня. Я только надеюсь, понимаете... ради Бога, лишь бы он не страдал. Извините меня.

Вера направляется обратно на кухню, выправка по-прежнему идеальная, но теперь она заметно вихляет бедрами при ходьбе. Джером ещё немного рассматривает скейтборд, затем ставит его обратно в угол. Он больше не уверен, что между Стейнманом и Даль нет никакой связи. Сходство мест исчезновения и мест обнаружения оставленных вещей, может быть случайным, но оно определённо имеется.

Джером возвращается в гостиную. Вера Стейнман выходит из кухни с новой порцией алкоголя.

– Большое спасибо за...

Джером не успевает договорить, как у Веры подгибаются колени. Стакан выпадает у неё из рук и катится по ковру, расплёскивая неразбавленный джин. Джером занимался лёгкой атлетикой и играл в футбол в старших классах, поэтому его рефлексy по-прежнему хороши. Он подхватывает Веру подмышки прежде, чем она успевает приложиться лицом об пол, что могло стоить ей сломанного носа и выбитых зубов. В его объятиях она кажется совершенно обмякшей. Её волосы растрепались и спадают на лицо. Она издаёт пыхтящий звук, то ли пытаясь произнести имя своего сына, то ли нет. Затем начинается припадок, охватывает её тело и она трясётся, как крыса в собачьей пасти.

6 января 2021

1

– Хватит, – говорит Эм Родди. – Выключи.

– Дорогая, – отвечает Родди. – Это же *история*. Ты согласна, Бонни?

Бонни Рей стоит в дверях кабинета Эм на первом этаже, со стопкой прошлогодних рождественских открыток в руках и не отрываясь смотрит на экран телевизора, где толпа штурмует Капитолий, разбивая окна и карабкаясь на стены. Некоторые размахивают звёздно-полосатыми флагами, другие – гадсденовскими флагами³⁵ с изображением гремучей змеи и надписью «НЕ НАСТУПАЙ НА МЕНЯ», многие с баннерами Трампа размером с простыню.

– Мне все равно, это ужасно, выключи.

Да, для неё *это* ужасно, но в то же время ужасно волнительно. Эмили считает Дональда Трампа нахалом, но в придачу кем-то вроде колдуна, с помощью некой магии, которую Эм не понимает (но в глубине души завидует) превратившего неуклюжий и сонный американский средний класс в революционеров. Разумом она ощущает отвращение, но у неё есть и другое мнение, обычно отображаемое только в её дневнике, и последние девять лет изменили его, хоть и считается, что в таком возрасте изменение личности почти невозможно. Эм никогда бы не призналась, но это политическое святотатство завораживает её. Отчасти она надеется, что протестующие ворвутся в кабинеты, выволокут избранных представителей обеих партий и вздёрнут их. Пусть кормят птиц. На что ещё они годятся?

– Выключи *сейчас же*, Родди. Посмотри наверху, если хочешь.

– Как тебе будет угодно, дорогая.

Родди тянется к пульту, лежащему на столе, но тот выскальзывает из рук и падает на пол, пока репортёр произносит: «Это может быть

³⁵ Гадсденовский флаг – один из первых американских флагов, созданный Кристофером Гадсденом в конце 18-го века. Позже был заменён на современный звёздно-полосатый. Современное значение и применение гадсденовского флага (особенно в описываемой ситуации) – как символ разногласий с властью или как символ поддержки гражданских свобод.

бунтом или настоящим восстанием. В данный момент нельзя сказать наверняка».

Родди неловко поднимает пульт, держа его не пальцами, а между рёбрами ладоней. Скорчив гримасу, он давит большим пальцем на кнопку выключения, прерывая закадровый голос репортёра на полуслове. Положив пульт обратно на стол, он поворачивается к Бонни.

– А ты как считаешь, дорогуша? Бунт или восстание? Это что, современная версия осады форта Самтер?³⁶

Бонни качает головой.

– Я не знаю, что это. Но, могу поспорить, если бы это творили чернокожие – полиция открыла бы по ним огонь.

– Пфф, – фыркает Эмили. – Ни на минуту в это не поверю.

Родди поднимается.

– Эмили, не могла бы ты немного поколдовать над моими руками? Они не любят такую холодную погоду.

– Через несколько минут. Я хочу посмотреть, как Бонни начнёт.

– Хорошо, – он выходит из комнаты, и через некоторое время слышно, как он без задержек поднимается по лестнице. Никакого артрита, ни в коленях, ни в бедрах. Во всяком случае, пока.

– Я загрузила в ваш ноутбук файл под названием «РОЖДЕСТВО И НОВЫЙ ГОД», – говорит Бонни. – Он содержит имена и адреса всех, кто прислал открытку вам и профессору Харрису. Их там очень много.

– Хорошо, – отвечает Эмили. – Теперь нам нужно что-то вроде письма... Не знаю, как это называется... – Она отлично всё знает и у неё есть полный список контактов в телефоне. Она могла бы вмиг перенести его на компьютер, но Бонни не обязательно об этом знать. Бонни нужно видеть перед собой стереотипную пожилую учёную: витающую в облаках, мыслящую с черепашьей скоростью и почти беспомощную вне границ её области знаний. И безобидную, конечно. Не способную даже представить, что бунтующие начнут вешать представителей правительства Соединённых Штатов на фонарных столбах. Особенно чёр-

³⁶ Осада и обстрел форта Самтер в штате Южная Каролина в 1861 году послужило формальным поводом для начала американской Гражданской войны.

ных (слово, которое она *никогда* не напишет с заглавной буквы) и любителей гробить чужие жизни. Которых с каждым годом становится всё больше.

– Ну, если бы вы занимались бизнесом, – серьезным тоном поучает Бонни, – полагаю, это было бы формальное письмо. Я предпочитаю слово «базовое». Могу показать вам, как персонализировать каждый ответ, чтобы он включал не только слова благодарности – за подарок, например – и пожелания счастливого Нового года, но личные детали, касающиеся семьи, карьеры, наград, чего угодно.

– Поразительно! – восклицает Эм. – Ты гений! – А мысленно добавляет: *«Да любой подросток проделает то же самое в перерыве между игрой в «Колл оф Дьюти» и отправкой фотографий своего члена девушке по «Вацапу».*

– Ничуть, – отвечает Бонни. – Это довольно просто. – Но она краснеет от удовольствия. – Если вы продиктуете текст базового письма, я наберу его.

– Отличная идея. Но сначала мне нужно подумать, как это будет звучать. Пока схожу посмотрю, что с руками бедного Родди.

– У него довольно сильный артрит, да?

– О, он то приходит, то уходит, – отвечает Эм. И улыбается.

2

Родди лежит на кровати, прижав к груди скрюченные руки. Эм не нравится видеть его таким, так он выглядел бы, лежа в гробу. Но мертвецы не улыбаются, а он улыбается ей. Родди по-прежнему *такой* обаятельный. Она прикрывает дверь спальни и подходит к туалетному столику. Достает баночку без этикетки.

– Думаю, нам следует вычеркнуть её из списка, – говорит Родди, когда жена возвращается и садится рядом с ним на кровать.

– А ведь кто-то был очарован её упругой грудью и тонкой талией, – напоминает Эм, откручивая крышку банки. – Не говоря уж о длинных ногах.

Внутри банки желтоватое желеобразное вещество. На покойном Питере Стейнмане было не так уж много жира, но они собрали всё, что возможно.

– Конечно, она хороша собой, – нетерпеливо говорит Родди. – Но дело не в этом. Мы никогда не брали кого-то, с кем у нас близкие отношения. Это опасно.

– Я работала на той же кафедре, что и Хорхе Кастро, – отмечает Эм. – Меня даже *допрашивали*, – её глаза расширяются. – А ты, кстати, играл в боулинг в той лиге, «Золотые Старички»...

– Но не сейчас. – Он показывает свои руки. – А что касается допроса по поводу Кастро, то на вашей кафедре допрашивали всех. Это обычная процедура. Тут другое. Она работает в нашем *доме*.

Это правда. Эмили позвонила девушке в День подарков³⁷ и предложила ей работу на неполный день: обновить компьютер, чтобы упростить переписку, и создать электронную таблицу с именами претендентов на участие в писательском семинаре.

Эм проводит пальцем по желтоватому веществу, ещё недавно находившемуся в брюшной полости Питера Стейнмана.

– Вытяни руки, радость моя.

Родди протягивает руки со слегка скрюченными пальцами и заметно опухшими суставами.

– Полегче, полегче.

– Будет немного больно, а затем полегчает, – говорит она и начинает обрабатывать его пальцы мазью, уделяя особое внимание костяшкам. Иногда он морщится и втягивает воздух, издавая звук, похожий на змеиное шипение.

– Теперь согни, – велит она.

Родди медленно сжимает пальцы рук.

– Лучше.

– Конечно.

– Ещё немного, пожалуйста.

– Тут немного и осталось, дорогой.

– Ну хоть чуточку.

Эмили снова проводит пальцем, словно рисуя запятую на дне банки. Затем переносит мазь на левую ладонь Родди и втирает в его пальцы, теперь сгибая их почти как здоровые.

³⁷ Праздник, отмечаемый в англоязычных странах на второй день после Рождества (26 декабря). Первоначально в этот день было принято раздавать подарки и остатки праздничного обеда бедным.

– Её работа скоро закончится, – говорит Эмили. – И она это понимает. Как только закончатся рождественские каникулы и начнётся весенний семестр, она вернется в библиотеку на полный рабочий день. И конечно, она будет дальше работать над своей писаниной, с моей поддержкой.

– И как она пишет, хорошо?

– Я пока не читала, но, судя по тематике, предполагаю, что нет.

– А что за тематика?

Эмили наклоняется ближе и шепчет:

– Влюблённые вампиры.

Родди хихикает.

– Во время разговоров я многое узнала о ней, и это хорошо. Она рассталась со своим парнем и, несмотря на то, что она сама решила его бросить, расставание причиняет ей боль. Её мучает мысль, что с ней что-то не так, некий изъян, не позволяющий строить постоянные отношения.

Родди усмехается.

– Судя по тому, что она мне рассказывала – да, она общалась и со мной, – этот её парень, Том, просто воплощение неудачника. Я бы сказал, хорошо, что она от него избавилась.

– Полностью согласна, но речь о её чувствах и о том, что это значит для нас. Её отношения с матерью я бы охарактеризовала, как напряжённые. Молодые девушки и их матери часто сталкиваются лбами, и это нам на руку. Знаешь, что она мне сказала? «Моя мать властная сука, но я люблю её». И ещё... продолжай растирать руки, дорогой, втирай эту субстанцию поглубже в суставы... так вот, глава библиотеки Рейнольдса по имени Конрой, положил глаз на нашу Бонни. По её словам, он не может держать при себе свои шаловливые ручонки.

Родди коротко хихикает.

– Давненько не слышал такого выражения.

– Если мы подождём до октября или ноября, как обычно, то к тому времени пройдёт уже девять или даже десять месяцев, как она работала у нас. Если нас будут допрашивать, а я полагаю, что будут, мы можем рассказать чистую правду. – Эм один за другим сгибает пальцы Родди, почти такие же изящные, как во времена её молодости, когда она носила юбки до щиколоток и длинные гольфы. – Драматичный

разрыв с парнем. Желание вырваться из-под влияния матери. И самое главное – сексуальное домогательство на работе. Ты видишь, как всё удачно складывается? Разве не может она решить всё бросить и уехать?

– Думаю, может, – соглашается он. – Раз ты так говоришь.

– И мы знаем её распорядок дня. Она всегда возвращается из библиотеки одним и тем же маршрутом. – Эмили делает паузу, затем продолжает, понизив голос. – Знаю, тебе нравится смотреть на её грудь. Я не возражаю.

– Мой отец часто говорил, что человек, сидящий на диете, всё же может читать меню. Так что да, я смотрел. Она обладает, как сказали бы мои студенты мужского пола, превосходными формами.

– Если отбросить эстетические вопросы, то грудь содержит около четырех процентов жира всего тела. – Эм показывает почти пустую банку. – Это отличное средство от артрита, солнышко. Не говоря уж о моем ишиасе. – Она завинчивает крышку. – Итак? Я тебя убедила?

Родди быстро сгибает пальцы, не испытывая ни малейшей боли.

– Скажем так: ты дала мне пищу для размышлений.

– Хорошо. Теперь поцелуй меня. Мне пора спуститься вниз и продолжать притворяться компьютерным «чайником». А ты можешь следить за новостями о беспорядках.

23 июля 2021

1

Джером звонит Холли в четверть седьмого из дома Стейнманов и докладывает о своих приключениях. Ему пришлось самому отвезти Веру в больницу, потому что все машины скорой помощи Кинер Мемориал, и машины городского управления аварийных служб, находились на вызовах по ковиду. Джером отнёс мать Пита к своему автомобилю, усадил на пассажирское сиденье, пристегнул и помчался в больницу так быстро, как только мог.

– Я опустил окно, думая, что свежий воздух хоть немного приведёт её в чувство. Сомневаюсь, что это помогло; она всё ещё была довольно вялой, когда мы добрались до места, но так я сэкономил на паровой чистке салона «Мустанга». По дороге её дважды вырвало, но наружу. Это отмоется. Гораздо труднее вывести вонь с ковриков.

Джером также говорит Холли, что Веру дважды рвало во время судорог.

– Я уложил её на бок, прежде чем её вырвало второй раз. Благодаря этому у неё очистились дыхательные пути, потому что сначала она не дышала. Я испугался до усрачки. Сделал ей искусственное дыхание рот в рот. Может, она бы сама начала дышать, но я боялся – вдруг нет.

– Вероятно, ты спас ей жизнь.

Джером смеётся. Холли этот смех кажется каким-то натянутым.

– Насчёт этого не знаю, но я прополоскал рот с полдюжины раз и до сих пор чувствую привкус рвоты со вкусом джина. Когда я только приехал, она сказала, что я могу снять маску, мол, она переболела ковидом и у неё под завязку антител. Надеюсь, она не соврала. Даже не знаю, пересилит ли двойная доза «Пфайзера» этот поцелуй страсти.

– Почему ты всё ещё там? Разве они не оставили её на ночь?

– Ты что, шутишь? В больнице нет ни одной свободной койки. В коридоре лежал парень после автокатастрофы, стонущий и весь в крови.

«Моя мать вот так умерла в больнице, – думает Холли. – Она была богата».

– Они чем-нибудь ей помогли?

– Промыли желудок, и едва она смогла произнести своё имя, отправили домой со мной. Никаких бумажек или ещё чего-то, просто сделал дело – гуляй смело. Безумие. Будто вся система идёт вразнос, понимаешь?

Холли говорит, что понимает.

– Я завёл её внутрь – она могла идти – и отвёл в спальню. Она сказала, что может раздеться сама, и я поверил ей на слово, но когда заглянул, она лежала полностью одетая и храпела. Заблевала весь бок моей машины, но на одежде ни пятнышка – очень мило. Думаю, она приоделась для меня.

– Вероятно, ты прав. Всё-таки вы собирались поговорить о её сыне.

– Медсестра сказала, что в выкаченной из желудка массе обнаружены несколько полупереваренных таблеток. Я не уверен, что она пыталась покончить с собой, но кто её знает.

– Ты спас ей жизнь, – говорит Холли. Теперь без «вероятно».

– В этот раз, может быть. Как насчёт следующего раза?

У Холли нет подходящего ответа.

– Видела бы ты её, Холли... Я имею в виду до того, как она упала... идеально собранная, абсолютно последовательная. Но глотала джин так, будто на следующей неделе собираются объявить сухой закон. Я мог бы уйти, думая, что с ней всё будет в полном порядке, не считая утреннего похмелья. Как это возможно?

– У неё выработалась устойчивость. И, должно быть, выше, чем у большинства. Ты говоришь, скейт Питера был в его комнате?

– Ага. Поисковая группа прочёсывала парк в поисках Питера... или его тела... и один из них заметил скейт в кустах. Я не успел спросить её, но готов поспорить на что угодно, что скейт нашли в Дебрях. Недалеко

от того места, где стоял велосипед Даль. Думаю, что Даль и Стейнман могут быть связаны, Холли. Я правда так считаю.

Холли как раз собиралась приготовить себе на ужин говяжью отбивную «Стуффер» на тостах – её любимое блюдо, когда позвонил Джером. Сейчас она опускает замороженный пакетик в кастрюлю с кипящей водой. На упаковке сказано, что можно воспользоваться микроволновкой, так быстрее, но Холли никогда так не делает. Её мать всегда говорила, что микроволновые печи – первоклассные губители пищи и, как и многие другие наставления матери, это въелось в память её единственному ребёнку. *«Апельсины утром – золото, а вечером – свинец. Сон на левом боку изнашивает сердце. Только шлюхи носят нижнюю юбку».*

– Холли? Ты меня слышишь? Я сказал, по-моему, Даль и Стейнман могут быть...

– Я тебя слышала. Мне нужно подумать над этим. Был ли у него шлем для катания на скейтборде? Нужно было спросить тех ребят, но мне не пришло в голову.

– Не пришло, потому что *они* их не носили, – говорит Джером. – Как и Питер Стейнман, если он собирался провести тот вечер со своими друзьями. Они бы назвали его ссыклом.

– Серьёзно?

– Абсолютно. Он не взял свой телефон и не надел шлем. Он лежал в его комнате рядом со скейтом. Не думаю, что он *вообще* его надевал. Выглядел будто только что с магазина. Ни царапины.

Холли смотрит на пакет с говяжьей отбивной, плавающий в кипящей воде.

– А что насчёт дяди во Флориде? – Она сама отвечает на свой вопрос. – Миссис Стейнман, конечно же, позвонила бы ему.

– Она так и сделала, и детектив, ведущий дело – Портер – тоже. Она пыталась, Холли. Справиться с собой и с сыном. Не пила целый год. Нашла новую работу. Это долбаная трагедия. Как думаешь, мне стоит остаться с ней на ночь? Со Стейнман? В гостиной довольно

скверно пахнет, а диван не выглядит удобным, но я согласен, если ты скажешь.

– Нет. Отправляйся домой. Но перед уходом тебе стоит сходить проверить её дыхание и заглянуть в аптечку. Если у неё есть нейролептики или обезболивающие, или что-то от депрессии, вроде «Золофта» или «Прозака», смой их в унитаз. Выпивку тоже, если хочешь. Но это лишь временная мера. Она всегда может получить новые рецепты, а бухло продают повсюду. Ты ведь понимаешь это, да?

Джером вздыхает.

– Да. Понимаю. Холс, если бы ты видела её до того, как она упала... Я думал, с ней всё в порядке. Выглядела расстроенной, конечно, и пила слишком много, но я правда думал... – Он замолкает.

– Ты сделал всё, что мог. Она потеряла своего единственного ребёнка, и если не произойдёт чуда, то потеряет его навсегда. Она либо справится – вернётся на свои встречи, протрезвеет, продолжит свою жизнь – либо нет. Та китайская поговорка о том, что ты несёшь ответственность за того, кому спас жизнь, – полная чушь. Я знаю, это тяжело, но это правда. – Холли смотрит на кипящую воду. – По крайней мере, насколько я понимаю.

– Кое-что могло бы ей помочь, – говорит Джером.

– Что именно?

– Примирение.

«Примирение – это миф», – думает Холли... но не произносит вслух. Джером молод. Пусть у него будут свои иллюзии.

2

Холли ест говяжью отбивную на тосте за своим крошечным кухонным столом. Она считает это блюдо идеальным, потому что после него почти нечего мыть. Ей жаль Джерома и ужасно жаль мать Питера Стейнмана. Джером был прав, назвав это трагедией, но Холли не спешит связывать пропавшую девушку и пропавшего мальчика. Она прекрасно понимает, о чём думает Джером: о серийном убийце, как Тед

Банди, Джон Уэйн Гейси или Зодиак.³⁸ Но большинство серийников в основном не оригинальны, не способны преодолеть некую глобальную психологическую травму. Они продолжают выбирать один и тот же тип жертвы, пока их не поймают. Так называемый Сын Сэма³⁹ убил несколько женщин с тёмными волнистыми волосами, возможно, потому, что не мог убить Бетти Бродер, женщину, которая родила его, а затем бросила.

«Или, может, Берковицу просто нравилось смотреть, как разлетаются их головы», – замечает Билл Ходжес в её голове.

– Ох, – произносит Холли.

Но Бонни Рей и Питер Стейнман слишком разные для жертв одного человека. Холли уверена в этом. Или почти уверена; она готова признать совпадение мест и брошенных средств передвижения, велосипеда и скейтборда.

Это наводит её на мысль, что нужно спросить у Пенни про одежду Бонни. Пропало ли что-то из её гардероба? Возможно, у неё был припасён чемодан с вещами, например, у её подруги Лэйкиши? Холли достаёт блокнот и делает соответствующую пометку. Она позвонит сегодня вечером, попытается назначить встречу с Лэйкишей на следующий день, но важные вопросы прибережёт для личной встречи.

Холли ополаскивает тарелку и ставит её в посудомоечную машину – самую маленькую модель «Маджик Чиф», идеально подходящую для одинокой женщины, в жизни которой нет мужчины. Она возвращается к столу и закуривает сигарету. По мнению Холли, это идеальное завершение трапезы. А ещё это помогает дедуктивному процессу.

«Не то чтобы мне было из чего делать выводы, – думает она. – Может, после того, как я копну немного глубже, но пока что я могу только строить предположения».

– Это опасно, – говорит она своей пустой кухне.

³⁸ Имена (или, в случае с Зодиаксом, прозвище) знаменитых в 70-х годах двадцатого века серийных убийц.

³⁹ Настоящее имя – Дэвид Берковиц.

«Звенят» серебряные колокольчики, а это значит, что кто-то звонит ей на личный номер (на рабочем стоит стандартный ксилофон «Эппл»). Холли ожидает услышать Джерома, забывшего ей что-то сказать, но это Пит Хантли.

– Ты была права насчёт Иззи. Она с радостью поделилась со мной тем, что узнала о кредитке и телефоне Даль. По «Визе» никакой активности. По счетам «Веризона» – тоже. Из ещё раз проверила списания за последние десять дней. Ничего. Последней покупкой по кредитной карте были джинсы с «Амазон» 27 июня. Изабель говорит, что если звонишь на телефон Даль, больше нельзя оставить голосовое сообщение – робот просто сообщает, что лимит исчерпан. И нет никакого способа отследить телефон.

– Значит, Бонни или кто-то другой вынул SIM-карту.

– Это точно не из-за неуплаты. Телефонный счёт был оплачен 6 июля, через пять дней после исчезновения девушки. Все её счета были оплачены 6 июля. Обычно банк платит в первый понедельник месяца, но тот понедельник был праздничным, так что...

– Это «НорБэнк»?

– Ага. Как ты узнала?

– Там работает её мать. Или работала, пока некоторые филиалы не закрылись. Говорит, что ожидает возвращения на работу, когда они снова откроются. Сколько денег на счету Бонни Даль?

– Я не знаю, потому что этого не знает Изабелла. Для получения этой информации требуется постановление суда, и Из не видит смысла его запрашивать. Я тоже. Это не так уж важно. Ты знаешь, что действительно важно, да?

Холли знает, всё верно. С финансовой точки зрения, Бонни Рэй Даль приказала долго жить. Вероятно, ужасная метафора в данных обстоятельствах.

– Пит, ты звучишь лучше. Не так сильно кашляешь.

– Я и чувствую себя лучше, но этот ковид реально дал просрать. Думаю, без прививок я бы оказался в больнице. Или... – Он умолкает,

без сомнения вспомнив мать своего партнёра, которая не делала прививок.

– Ложись пораньше. И пей побольше жидкости.

– Спасибо, медсестра.

Холли заканчивает разговор и закуривает ещё одну сигарету. Она подходит к окну и смотрит наружу. До темноты ещё несколько часов, но солнечный свет приобрёл вечерний оттенок, который всегда вызывает у неё легкое чувство печали. *«Ещё на один день старше, ещё на один день ближе к могиле»*, говаривала её мать. Её мать, теперь сама лежащая в могиле.

– Она обокрала меня, – бормочет Холли. – Украла трастовый фонд, который я получила от Джейни. Не всё, но большую часть. Моя собственная мать.

Холли говорит себе, что это в прошлом. А Бонни Рэй Даль, возможно, всё ещё жива.

Но.

Никакой активности по «Визе». С её телефона не было сделано ни одного звонка. Холли предполагает, что обученный секретный агент – один из «джо» в романах Джона Ле Карре – мог бы вот так ускользнуть, порвав все связи в современном обществе, как змея сбрасывает кожу, но двадцатичетырёхлетняя библиотечка колледжа? Нет. Не «вряд ли», а просто «нет».

Бонни Рэй Даль мертва. Холли знает это.

3

У Холли есть смутное (и совершенно ненаучное) представление о том, что физические упражнения могут частично компенсировать вред, который она наносит своему организму, снова начав курить, поэтому после разговора с Питом она совершает двухмильную прогулку в сгущающихся сумерках и оказывается в южной части парка Дирфилд. Игровая площадка полна детей, которые раскачиваются на качелях, катаются с горки и свисают вниз головой с брусьев. Холли нескромно

наблюдает за ними, что не сошло бы с рук ни одному мужчине в наш век сексуальной сверхосторожности, сознательно не думая о своём новом деле, подсознательно не думая ни о чём другом. У неё возникает ноющее чувство, будто она что-то забыла, но отказывается вспоминать. В любом случае, рано или поздно оно даст о себе знать.

По дороге домой Холли звонит Лэйкише Стоун. Голос ответившей девушки звучит жизнерадостно, будто она под кайфом от жизни (возможно, и от каких-нибудь веществ). На заднем плане Холли слышит музыку – похоже на Отиса Реддинга – и чей-то смех. Периодически раздаются возгласы. «*Возможно, из-за каких-нибудь веществ*», – думает Холли.

– Приветствую, кто бы вы ни были, – произносит Лэйкиша. – Если вы хотите предложить гарантийное обслуживание автомобиля или улучшение кредитного рейтинга...

– Вовсе нет. – Холли представляется, объясняет, зачем звонит, и спрашивает, не могла бы она завтра встретиться с Лэйкишей, ближе к вечеру? Говорит, что будет по семейным делам недалеко от Апсала-Вилледж. Будет ли Лэйкише удобно?

Уже менее жизнерадостно Лэйкиша отвечает, что с радостью поговорит с Холли. Она с друзьями в кемпинге на шоссе 27, в том, что с индейским названием – знаете? Холли говорит, что не знает, не став уточнять, что в наши дни слово «*индеец*» в лучшем случае считается унижительным, а в худшем – расистским. Она говорит, что GPS в её телефоне приведёт её куда нужно.

– От Бонни ничего не слышно? Ни весточки?

– Ни единой, – отвечает Холли.

– Тогда я не знаю, чем могу вам помочь, мисс Гибни.

– Вы можете помочь мне кое-чем прямо сейчас. Как считаете, она сбежала?

– Боже, нет. – Голос Лэйкиши дрожит. Когда она снова заговаривает, от её жизнерадостности не остаётся и следа. – Я думаю, она мертва. Думаю, какой-то больной ублюдок изнасиловал её и убил.

В ту ночь Холли молится на коленях, не забыв упомянуть имена всех своих друзей; говорит, что сожалеет о возвращении к вредной привычке и надеется, что Бог поможет ей снова бросить курить в ближайшее время (но не сейчас). Она говорит Богу, что не хочет думать сегодня ночью о своей матери – о том, что сделала Шарлотта и почему она это сделала. Холли заканчивает молитву просьбой к Богу оказать ей любую помощь в деле пропавшей девушки, и в заключение выражает надежду, что Бонни Рэй ещё жива.

Холли забирается в постель и вглядывается в темноту, гадая, что же не давало ей покоя в парке. По мере приближения сна, готового поглотить её, в голову Холли приходит мысль: случались ли другие исчезновения в окрестностях Дирфилд-Парк?

Она считает, что было бы интересно это выяснить.

8 февраля 2021

Январь выдался очень холодным, но февраль приносит не по сезону теплую погоду, словно искупая трехнедельный снегопад и холодрыгу в районе нуля градусов.⁴⁰ В понедельник днём, когда термометр показывает больше пятидесяти,⁴¹ Родди Харрис решает отчистить универсал «Субару» от солевых отложений, которые могут привести к коррозии порожков и ходовой. Эм предлагает ему съездить в автомастерскую «Драйв энд Шайн» возле аэропорта, но Родди отвечает, что хотел бы побыть на свежем воздухе, пока погода позволяет. Она интересуется: как его артрит? Он заверяет, что болезнь его не беспокоит и самочувствие прекрасное.

– Сейчас не беспокоит, – говорит Эм. – Но вечером, могу поспорить, ты начнёшь стонать из-за болей, и тебе придётся довольствоваться «Бенгаем»,⁴² потому что хорошего средства осталось с гулькин нос. Мы должны приберечь его на крайний случай. – Имея в виду: *«Если снова откажет моя спина или твоя шея».*

– Я надену перчатки, – говорит он, и Эм вздыхает. Родди ей очень дорог, он свет её жизни, но если ему что-то втемяшилось в голову – его не переубедить.

Родди идёт в гараж через заднюю дверь, достаёт шланг и прикрепляет его к водопроводному крану на боковой стене дома. Затем возвращается, чтобы задним ходом вывести автомобиль наружу. На стене гаража три кнопки. Первая открывает левую часть, где стоит редко используемый фургон. Вторая – для правой части, где припаркован «Субару» Харрисов. Третья кнопка открывает обе части разом, и у Родди есть раздражающая привычка нажимать именно на неё. *«Потому что она посередине, а не вверху или внизу»*, – говорит он себе, когда с грохотом поднимаются обе двери, вместо одной нужной. *«Это не забывчивость, а просто непродуманный дизайн, не более того».*

Родди садится в универсал и подгоняет его туда, где ждёт шланг с уже накрученной на него насадкой для распыления. Родди не терпит

⁴⁰ Около -17 по Цельсию.

⁴¹ Около +10 по Цельсию.

⁴² Обезболивающее средство при артрите и других видах боли.

приступить к этой работёнке. Ему нравится смотреть, как струя под высоким давлением счищает налипшие комки дорожной соли. Он поднимает насадку, но останавливается. Кто-то стоит в начале подъездной дорожки и смотрит на него. Симпатичная девушка в красном пальто, вязаном шарфе и шапочке в тон. На её лице маска, тоже красная, как и галоши – по иронии судьбы, это рождественский подарок, потому что девушка восторгалась такими же галошами своей близкой подруги Холли. Одной рукой она прижимает к груди тонкую папку.

– Вы профессор Харрис? – спрашивает девушка.

– Он самый, – отвечает Родди. – Одну секунду, юная леди. – Он открывает водительскую дверь «Субару». На пульте гаражных дверей, прикреплённом к козырьку машины, две кнопки вместо трёх. Он нажимает одну из кнопок, и левая дверь опускается, скрывая стоящий за ней фургон. Родди сомневается, что девушка вообще заметила машину, она смотрит на него, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Родди с улыбкой подходит к девушке и протягивает руку. В последнее время она в основном здоровается с людьми локтем, но на его руках перчатки, а на её – варежки (в такой тёплый день в них нет необходимости, как и в шарфе, но мода диктует единый стиль), так что всё в порядке.

– Чем я могу вам помочь в такой прекрасный тёплый день?

– Вообще-то я надеялась увидеть вашу жену, – улыбается Барбара Робинсон. – Хотела её кое о чём спросить.

Заметив папку, которую девушка так бережно прижимает к груди, Родди догадывается, что её интересует писательский семинар. По его мнению, она слишком молода для этой программы – большинству начинающих писателей, что посещают семинар, за двадцать или тридцать. Он мог бы также сказать ей, что высока вероятность того, что этой осенью семинара не будет. Джим Шепард отказался, несколько других профессиональных писателей не проявили интереса. Нынешний приглашённый писака, Генри Стрэттон, также отказался от повторного приглашения. Он заявил заведующей кафедрой английского языка Розалин Беркхарт, что идея дистанционного обучения писательскому ремеслу абсурдна. По словам Эмили, узнавшей обо всём от Розалин,

Стрэттон сказал, что это похоже на занятие любовью в боксерских перчатках.

Но пусть Эм сама сообщает плохие новости хорошенькой Красной Шапочке. А Родди всего лишь скромный (и вышедший на пенсию) профессор биологии.

– Уверен, она будет рада поговорить с вами, мисс...?

– Меня зовут Барбара. Барбара Робинсон.

– Очень приятно познакомиться, Барбара. Просто позвоните в звонок. Моя жена немолода, но слух ещё сохранила.

Барбара улыбается в ответ.

– Спасибо. – Она направляется к дому, но затем возвращается. – Вам бы не помешало заняться и фургоном. Мой отец ездил на таком же, когда я была маленькой, и глушитель однажды отвалился прямо на шоссе. Он сказал, что соль проела его насквозь.

«Выходит, она все-таки видела фургон, – думает Родди, – Мне и правда нужно быть осторожней».

– Благодарю за совет.

Вспомнит ли она? Видела ли она что-то, чего не должна была увидеть? Родди надеется, что нет. Родди думает, что маленькую Красную Шапочку интересуют только те неограниченные сокровища литературы, что она носит в своей папке. Мечтает стать следующей Тони Моррисон или Элис Уокер.⁴³ Но в будущем ему придётся быть повнимательнее. *«Это из-за кнопки в неудобном месте, – думает он, – Дурацкая конструкция. С памятью у меня всё в порядке».*

Он включает воду и направляет шланг на «Субару». Соляная корка начинает смываться, обнажая блестящую зеленую краску под ней. Родди так ждал этого, но девушка, какой бы хорошенькой она ни была в своём красном одеянии, подпортила ему настроение.

Барбара машет ему на прощание, направляется к парадному входу и звонит. На пороге появляется Эм, выглядит она не старше семидесяти, одета в зелёное шёлковое платье, а причёска сделана этим утром в салоне красоты. Салону вообще-то полагается быть закрытым

⁴³ Тони Моррисон – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. Элис Уокер – американская писательница и поэтесса, получила Пулитцеровскую премию по литературе.

из-за пандемии, но Хелен делает исключение для постоянных клиентов, которые оставляют щедрые чаевые в течение года и не забывают её на Рождество.

– Да? Чем могу помочь?

– Я хотела бы узнать, можно ли поговорить с вами. Речь о... – Барбара сглатывает слюну. – Речь о писательстве.

Эм бросает взгляд на папку, затем одаривает Барбару виноватой улыбкой.

– Если вы насчёт писательского семинара, то они не принимают новых заявок. Боюсь, осенне-зимняя программа повисла в воздухе. Из-за этой болезни, как ты понимаешь.

– Нет, дело не в этом.

Эмили внимательно смотрит на гостью: симпатичная, крепкая, явно здоровая и, конечно, молодая. Через плечо девушки она видит, что Родди тоже разглядывает её, пока вода из шланга заливает подъездную дорожку. *«Всё обледенеет, если температура ночью понизится, – думает Эм, – Надо же хоть немного соображать».* Затем она переводит взгляд на девушку в красном.

– Как вас зовут, дорогуша?

– Барбара Робинсон.

– Что ж, Барбара, почему бы вам не войти в дом и не рассказать мне, в чём дело.

Эмили отступает в сторону, позволяя Барбаре войти. Закрывает дверь. Родди продолжает мыть элегантный зеленый универсал.

24 июля 2021

1

Холли прибывает в Мидбрук-Эстейт за сорок пять минут до назначенной встречи с юристом Эмерсоном. *«Холли всегда приходит заранее, – любил повторять дядя Генри. – Она и на свои похороны заявится пораньше»*. На свои-то похороны она, вероятно, придёт как раз вовремя – выбора нет – но она подключилась к онлайн-похоронам матери через «Зум» за пятнадцать минут до начала, что более-менее подтверждает слова дяди Генри.

Холли не направляется сразу к дому, а останавливается на углу Хэнкок-Стрит, не сводя глаз с фургона, припаркованного на подъездной дорожке к дому её покойной матери. Фургон ярко-красный, за исключением названия компании на боку: «П. С. Клининг», написанного жёлтыми буквами. Как владелец и главный следователь (менее приятные названия: *«шпик»*, *«шерлок»*, *«ищейка»* и *«пинкертон»*) частной детективной компании, Холли пару раз видела подобные фургоны. «П. С.» означает – «посмертный».

На этот раз они просто пропылесосят и протрут все поверхности дезинфицирующим средством (не забыв выключатели, ручки для смыва и даже дверные петли). После насильственных смертей, когда полицейские криминалисты выполнили свою работу, бригада «П. С.» прибывает, чтобы убрать кровь и рвоту, вывезти сломанную мебель и, разумеется, провести дезинфекцию. Последнее особенно важно, если речь о лабораториях по производству метамфетамина. Возможно, Холли даже знает одного-двух членов этой бригады, но она не хочет с ними сталкиваться или разговаривать. Она опускает стекло, закуривает и ждёт.

В десять сорок двое сотрудников «П. С.» выходят из дома со своими объёмистыми чемоданами, перекинутыми через плечо. На них перчатки, комбинезоны и маски. Обычные респираторы N95, а не про-

тивогазы, иногда необходимые после насильственных смертей. Хозяйка этого дома умерла от так называемых естественных причин, причём в больнице, так что тут просто профилактика ковида – прощепареной репы, одна нога здесь, другая там. Они обмениваются кивками. Один из них прикрепляет конверт – красный, как фургон – к входной двери. Они запрыгивают в свою машину и уезжают. Холли рефлекторно опускает голову, когда они проезжают мимо.

Она кладёт окурок в дорожную пепельницу (свежевымытую этим утром, но уже с тремя «павшими бойцами») и подъезжает на Лили-Корт, 42, к дому, купленному её матерью шесть лет назад. Холли снимает конверт с двери и открывает его. На листах бумаги внутри (их всего два; после самоубийства или убийства их было бы гораздо больше) подробно описаны оказанные услуги. В последней строке указано: **ВЫВЕЗЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ – 0**. Холли доверяет этому, и Дэвид Эмерсон, должно быть, тоже. «П. С.» оказывает свои услуги уже много лет, они держат марку, их репутация в этой не слишком приятной, но крайне необходимой работе безупречна... и кроме того, что можно украсть у её матери? Десятки её фарфоровых статуэток, включая поварёнка Пилсбери и ухмыляющегося Пиноккио, которые в детстве наводили ужас на Холли?

«Для миллионерши она жила прижимисто», – думает Холли. У неё возникают чувства, обычно не свойственные ей. Обида? Да, но в основном гнев и разочарование.

Она думает: *«Заходит как-то дочь лгуны в бар и заказывает май-тай».*

Конечно же, май-тай. В тех редких случаях, когда Холли заказывает выпивку, это именно май-тай, потому что он наводит её на мысли о пальмах, бирюзовой воде и пляжах с белым песком. Иногда лёжа ночью в постели (не часто, но иногда) она представляет себе загорелого спасателя в обтягивающих плавках, сидящего на своей вышке. Он смотрит на неё, улыбается, а потом кое-что происходит.

У Холли есть ключ, но у неё нет желания заходить и видеть этого фарфорового Пиноккио в альпийской шапочке с его ехидной улыбкой, как

бы говорящей: *«Я знаю всё о твоём желанном спасателе, Холли. Знаю, как ты вонзаешь ногти в его спину, когда...»*

– Когда я кончаю, и что с того, кого это волнует? – бормочет она, садясь на ступеньку в ожидании юриста.

В её мыслях мать отвечает, опечаленная, как всегда, когда её бес-
таланная и невзрачная дочь не дотягивает до нужного уровня: *«О, Холли»*.

Время открыть дверь – не в дом, а в её разум. Подумать о том, что произошло и почему это произошло. Холли полагает, что уже знает ответ. Всё-таки, она детектив.

2

Элизабет Уортон, мать Оливии Трелони и Джанель «Джейни» Паттерсон, умерла. На похоронах этой пожилой дамы Холли познакомилась с Биллом Ходжесом. Он пришёл с Джейни и был добросердечен. Он относился к Холли – ах! – как к обычному человеку. Она *не* была обычным человеком, не является им и сейчас, но ближе к обычному, чем раньше. Благодаря Биллу.

Джейни погибла вскоре после тех похорон. Её взорвал Брейди Хартсфилд. И Холли – одинокая женщина сорока с небольшим лет, без друзей, живущая со своей матерью – помогла поймать Брейди... хотя, как оказалось, Брейди ещё не закончил ни с одним из них. Ни с Биллом, ни с Холли, ни с Джеромом или Барбарой Робинсон.

Именно Билл убедил Холли, что она может быть сама собой. Он никогда не произносил этого вслух. Ему никогда не приходилось этого делать. Дело было в том, как он обращался с ней. Он возложил на неё обязанности и просто предположил, что она будет их выполнять. Шарлотте это не понравилось. *Он* не понравился ей. Холли едва обратила на это внимание. Предостережения и неодобрение её матери стали фоновым шумом. Работая с Биллом, она чувствовала себя живой, умной и полезной. В этот мир вернулись краски. После Брейди было другое расследование, поиск ещё одного плохого парня по имени Моррис

Беллами. Моррис искал зарытое сокровище и был готов на всё, чтобы заполучить его.

Затем...

– Билл заболел, – бормочет Холли, закуривая новую сигарету. – Проблемы с поджелудочной.

Ей всё ещё больно вспоминать об этом, даже пять лет спустя.

Далее последовало ещё одно волеизъявление, и Холли узнала, что Билл оставил ей компанию. «Найдём и сохраним». Тогда она не имела большого веса. Только зарождалась. Изо всех сил пыталась подняться на ноги.

«А я изо всех сил пыталась удержаться на своих, – думает Холли. – Потому что Билл разочаровался бы, если бы я пала. Разочаровался бы во мне».

Примерно тогда – Холли точно не помнит, но, должно быть, вскоре после смерти Билла – Шарлотта позвонила ей в слезах и сказала, что подлый Дэниел Хейли сбежал на Карибы с миллионами, которые Джейни оставила ей и Генри. Также прихватив большую часть трастового фонда Холли, которую она вложила в дело по настоянию своей матери.

Потом состоялось семейное собрание, на котором Шарлотта всё повторяла: *«Я не могу простить себя за это, и никогда не смогу».* А Генри отвечал, что всё в порядке, что у них всё ещё достаточно средств для существования. Как и у Холли, сказал он, хотя, возможно, ей следует подумать об отказе от квартиры и некоторое время пожить на Лили-Корт со своей матерью. Другими словами, поселиться в гостевой комнате, где её мать более-менее обустроила комнату детства Холли. *«Как музейный экспонат»*, – думает Холли.

Правда ли дядя Генри сказал на том собрании *«легко пришло, легко ушло»*? Сидя на ступеньках и куря сигарету, Холли не может точно вспомнить, но ей кажется, что так и было. Он мог так сказать, потому что деньги никуда на самом деле не пропали. Ни его, ни Шарлотты, ни Холли.

«И, естественно, тебе придётся закрыть бизнес», сказала Шарлотта. Это Холли точно помнит. О, да. Потому что это и было целью, разве нет? Разрушить безумный план её хрупкой дочери по управлению частным детективным агентством, идею, заложенную в её голову женщиной, из-за которого она чуть не погибла.

– Чтобы снова держать меня в узде, – шепчет Холли, и тушит сигарету с такой силой, что разлетаются искры, жалящие тыльную сторону её ладони.

3

Холли подумывает закурить ещё одну сигарету, когда Элейн из соседнего дома и Даниэлла из дома напротив подходят сказать, как они сожалеют о смерти её матери. Они обе присутствовали на похоронах. Обе без масок, и удивлённо переглядываются (этот «О, Холли» взгляд), когда Холли быстро натягивает свою. Элейн спрашивает, собирается ли она выставлять дом на продажу. Холли говорит: скорее всего. Даниэлла спрашивает, не собирается ли она устроить дворовую распродажу. Холли отвечает: скорее всего, нет. Она чувствует, что у неё начинает болеть голова.

Как раз в этот момент подъезжает Эмерсон на своём солидном «Шевроле». Позади него паркуется «Хонда Сивик» с двумя женщинами. Эмерсон тоже появился раньше, всего на пять минут, но слава Богу. Даниэлла и Элейн уходят к дому Даниэллы, болтая без умолку, делясь сплетнями, а также любыми невидимыми ползучими тварями, возможно, населяющими их дыхательную систему.

Женщины, вышедшие из «Хонды», примерно одного возраста с Холли. Эмерсон немного старше, у него броские поседевшие виски, волосы зачёсаны назад. Он высок и бледен, как мертвец, с тёмными кругами под глазами, наводящими Холли на мысль о бессоннице или дефиците железа. У него в руках самый настоящий адвокатский портфель. Холли рада видеть, что все трое в респираторах N95, а вместо

рукопожатия он предлагает касание локтем. Холли отвечает тем же. Женщины приветственно поднимают руки.

– Рад лично познакомиться с вами, Холли... могу я обращаться к вам «Холли»?

– Да, конечно.

– Я Дэвид. Это Рода Лэндри, а симпатичная дама рядом с ней – Андреа Старк. Они работают на меня. Рода – мой нотариус. Вы уже были внутри?

– Нет. Ждала вас. – *«Не хотела в одиночку встречаться с Пиноккио и поварёнком Пиллсбери»*, – думает она. Шутка, но как и в любой шутке, в ней есть доля правды.

– Как любезно, – говорит Дэвид, хотя Холли не понимает к чему бы это. – Не хотите ли оказать нам честь?

Холли пользуется своим ключом, который ей торжественно вручила мать, наказав *ради всего святого беречь и не терять, как ту библиотечную книгу, что ты однажды оставила в автобусе*. Упомянутая книга под названием «День, когда не умрёт ни одна свинья», на следующий день отыскалась в бюро находок автобусной компании, но Шарлотта вспомнила о ней и три года спустя. И позже. Когда Холли было шестнадцать, восемнадцать, двадцать один, и даже в *пятьдесят*, Господи ты Боже мой – бесконечное повторение *«помнишь, как ты оставила библиотечную книгу в автобусе»*? Всегда с грустным смехом, как бы говоря: *«О, Холли»*.

Как только дверь открывается, до Холли доносится смесь знакомых запахов. Мгновение она колеблется – ничто так сильно не навеивает воспоминаний, как хороших, так и плохих, как определённые запахи, – но затем она расправляет плечи и заходит внутрь.

– Какое милое местечко, – говорит Рода Лэндри. – Обожаю Кейп-Код.⁴⁴

⁴⁴ Кейп-Код (Cape Cod) – традиционный тип североамериканского сельского (загородного) дома с симметричным фасадом, деревянной отделкой, выступающими мансардными окнами. Название идёт от полуострова Кейп-Код, где селились первые переселенцы из Англии.

– Уютно, – добавляет Андреа Старк. Холли не понимает, зачем эта женщина здесь.

– У меня есть кое-что, на что вам нужно взглянуть, и несколько бумаг на подпись, – говорит Эмерсон. – Самое важное – это подтверждение уведомления о наследстве. Одна копия отправится в налоговое управление, а другая – в округ для заверения. Пройдём на кухню? Там мы с Шарлоттой вели большую часть наших дел.

По пути на кухню, Эмерсон уже возится с застёжками своего портфеля, а обе женщины осматриваются и словно составляют опись имущества, как обычно поступают женщины в чужом доме. Холли тоже оглядывается по сторонам и мысленно слышит свою мать отовсюду, на чём останавливается взгляд. Реплики матери, всегда начинающиеся словами *«сколько раз я тебе говорила»*.

Раковина: *«Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не ставила стакан в посудомойку, не сполоснув его?»*

Холодильник: *«Сколько раз я тебе говорила плотно закрывать дверь?»*

Посудный шкаф: *«Сколько раз я тебе говорила, никогда не убирать больше трёх тарелок за раз, если не хочешь, чтобы они побились?»*

Плита: *«Сколько раз я тебе говорила не уходить с кухни, не убедившись, что всё выключено?»*

Они садятся за стол. Эмерсон подаёт ей бумаги, которые Холли должна подписать, одну за другой. Среди них подтверждение, что её уведомили о завещании. Подтверждение, что ей была предоставлена копия последней воли Шарлотты Энн Гибни (которую следом вручает Эмерсон). Подтверждение, что Холли проинформирована о различных инвестиционных активах своей матери, включающих очень ценный портфель акций, в котором главные места делят акции «Тесла» и «Эппл». Холли подписывает соглашение о найме, уполномочивающее Дэвида Эмерсона представлять её интересы в суде по делам о наследстве. Рода Лэндри заверяет каждый документ своей большой старой

печатью, а Андреа Старк засвидетельствует их (так вот для чего она здесь).

Когда ритуал подписания завершается, женщины шёпотом выражают Холли соболезнования и уходят. Эмерсон говорит Холли, что с радостью пригласил бы её на ланч, но увы, ему предстоит встреча. Холли отвечает, что всё в порядке. Она не хочет обедать с Эмерсоном; она хочет, чтобы он поскорее ушёл. Её головная боль усиливается, и она хочет закурить. На самом деле, *жаждет* этого.

– Теперь, когда у вас было немного времени подумать, вы всё ещё склоняетесь к продаже дома?

– Да. – И не просто склоняется.

– С мебелью или без? Вы думали об этом?

– С мебелью.

– И всё же... – Из своего портфеля он достаёт небольшую стопку красных бирок с надписью «НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ». – Если после осмотра дома решите сохранить некоторые вещи, прикрепите к ним эти бирки. Просто отклейте подложку, ясно?

– Да.

– Например, фарфоровые статуэтки вашей матери в прихожей – возможно, вы захотите оставить их на память... – Он видит выражение лица Холли. – А может и нет, но могут найтись и другие вещи. Скорее всего, найдутся. По опыту знаю, что в подобных случаях наследники часто избавляются от каких-то вещей, а потом жалеют, что не оставили их.

«Вы верите в это, – думает Холли. – Верите всей душой, потому что вы «держатель», а держатель никогда не способен понять «отпускателя». Эти два племени никогда не поймут друг друга. Как прививочники и антипрививочники, трампысты и трампофобы».

– Я понимаю.

Он улыбается, возможно, считая, что убедил её.

– И последнее.

Эмерсон достаёт из своего портфеля тонкую папку. В ней лежат фотографии. Он раскладывает их перед Холли, как полицейский раскладывает фото преступников перед свидетелем. Холли смотрит на них с изумлением. Перед ней не лица преступников, а драгоценности, лежащие на кусках тёмной ткани. Серьги, кольца, ожерелья, браслеты, броши, нити жемчуга.

– Ваша мать настояла, чтобы я взял это на хранение, прежде чем её положили в больницу, – говорит Эмерсон. – Немного необычно, но таково было её желание. Теперь они ваши или будут вашими, как только завещание Шарлотты вступит в силу. – Он протягивает Холли лист бумаги. – Вот опись.

Холли быстро пробегает список глазами. Он подписан Шарлоттой, подписан Эмерсоном, и также Андреа Старк, служащей, видимо, профессиональным свидетелем. Холли снова смотрит на фотографии и отмечает две из них.

– Это свадебное кольцо моей матери, а это её обручальное кольцо, которое она почти не носила. *Всё* остальное мне не знакомо.

– Похоже, она была настоящим коллекционером, – говорит Эмерсон. Он как будто смущён, но не так чтобы очень. Смерть раскрывает тайны. Разумеется, он это знает. Он, как говорится, нюхнул пороху на своём веку.

– Но... – Холли пристально смотрит на Эмерсона. Она думала – надеялась, – что готова к этой встрече, даже к экскурсии по дому своей покойной матери и гостевой комнате, превращённой в музей, но к *такому*? Нет. – Это драгоценности или бижутерия?

– Чтобы определить стоимость, вам нужно будет провести оценку, – говорит Эмерсон. Он колеблется, затем добавляет менее юридическим языком: – Но по мнению Андреа, это не бижутерия.

Холли ничего не отвечает. Она думает о том, что это выходит за рамки обмана. Может быть, за грань прощения.

– Я сохраню эти вещи в сейфе фирмы до тех пор, пока завещание не будет заверено, но вы должны взять это. У меня есть копия. – Эмерсон имеет в виду список. В нём, должно быть, не менее трёх десятков

позиций, и если это настоящие драгоценные камни, то общая стоимость должна составлять... Господи, очень много. Сто тысяч долларов? Двести тысяч? *Пятьсот?*

Под неутомимой опекой Билла Ходжеса Холли научила свой разум следовать определённым фактам и не вздрагивать, когда они приводят к определённым выводам. Вот один факт: у Шарлотты, по-видимому, имелись драгоценности, стоившие больших денег. Вот ещё факт: Холли никогда не видела, чтобы её мать носила какие-либо из упомянутых побрякушек; она даже не знала об их существовании. Вывод: в какой-то момент после получения наследства и, вероятно, после того, как деньги якобы были украдены, Шарлотта превратилась в тайного скопидома, словно заточённый в пещере гоблин из сказки.

Холли провожает Эмерсона до двери. Он смотрит на фарфоровые статуэтки и улыбается.

– Моя жена обожает подобные вещи, – говорит он. – Я думаю, у неё есть все в мире гномы и феи, сидящие на грибах.

– Возьмите несколько для неё, – предлагает Холли. *«Возьмите их всех».*

Эмерсон выглядит встревоженным.

– О, я не могу. Нет. Спасибо, но нет.

– Возьмите хотя бы эту. – Холли берёт ненавистного ей Пиноккио и с улыбкой суёт ему в ладонь. – Уверена, что округ платит вам...

– Конечно...

– Но возьмите это от меня. За вашу доброту.

– Если вы настаиваете...

– Да, – отвечает Холли. Избавление от этой сраной мелкой длинноносой твари, будет лучшим событием за всё время, проведённое на Лили-Корт, дом 42.

Закрывая дверь и наблюдая в окно, как Эмерсон идёт к своей машине, Холли думает: *«Ложь. Так много лжи».*

Холли возвращается на кухню и собирает свои копии документов. Чувствуя себя женщиной из какой-то мечты – заходит как-то новоиспе-

чёрная миллионерша в бар, и так далее, и тому подобное – она подходит ко второму ящику слева от раковины, где всё ещё лежат пакеты «Бэггис», алюминиевая фольга, пищевая плёнка «Саран», завязки от хлебных упаковок (её мать никогда не выкидывала их), и другие мелочи. Она роется в ящике, пока не находит большой пластиковый зажим для чипсов и скрепляет им бумаги. Затем Холли берёт чашку с принтом «ДОМ ТАМ, ГДЕ СЕРДЦЕ» и возвращается к столу. Её мать никогда не разрешала курить в доме; Холли обычно курила в ванной, открыв окно. Теперь она закуривает, чувствуя одновременно остаточную вину и некое шаловливое удовольствие.

Однажды Холли сидела за столом, очень похожим на этот, в доме своих родителей на Бонд-Стрит в Цинцинатти, заполняя документы для поступления в учебные заведения: в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, в Университет Нью-Йорка, в Дюк. Это был выбор её мечты, стоящий каждого цента вступительных взносов. Места, далёкие от школы Уолнат-Хиллз, в которых никто не знал её прозвища Буба-Буба. Вдали от матери, отца и дяди Генри тоже.

Конечно, её не приняли ни в одно из них. Её оценки были посредственными, а результаты отборочного теста – ужасными. Возможно, потому, что в день сдачи теста сверху Холли донимала мигрень, а снизу менструальные спазмы – и то, и другое, вероятно, вызванное стрессом. Благосклонным к ней оказался лишь Университет Юты, что не удивительно. Поступить туда – всё равно что выбить питчера в бейсбольном матче. Но даже от Университета Юты не поступило предложения о стипендии.

«Мы с твоим отцом, разумеется, не может позволить себе отправить тебя в колледж, а выплачивать ссуду тебе пришлось бы до сорока лет, – сказала Шарлотта. Вероятно, тогда она говорила правду. – И если тебя отчислят, то ты всё равно останешься по уши в долгах». Подразумевалось, что Холли непременно отчислят, потому что это слишком тяжёлое испытание для такой хрупкой девочки. Разве однажды Шарлотта не нашла Холли, свернувшейся калачиком в ванне,

наотрез отказавшуюся идти в школу? А посмотрите-ка, что случилось после сдачи теста? Пришла домой, разревелась и полночи блевала!

В конце концов Холли устроилась на работу в «Митчелл Файн Хомс энд Эстейтс» и посещала вечерние занятия в местном колледже. В основном по информатике, хотя пару раз Холли заглядывала на занятия по английскому. Всё шло довольно хорошо – она часто была несчастна, но смирилась с этим, как люди смиряются с родимым пятном или косолапием, – пока Фрэнк Митчелл, младший сын босса, не начал донимать Холли.

– Лапал меня за всякое! – жалуется Холли пустой кухне. – Преследовал меня! Хотел трахнуть!

Когда она рассказала матери кое-что из того, что происходило в офисе, Шарлотта посоветовала Холли отшутиться. Мужчины есть мужчины, сказала она, они идут по жизни, ведомые своими членами, и они никогда не меняются. Сталкиваться с ними неприятно, но это часть жизни, нужно принимать горькую пилюлю вместе со сладкой, это нельзя исправить, нужно перетерпеть, и так далее, и тому подобное.

«Папа не такой», – ответила Холли, на что её мать небрежно махнула рукой, мол, *разумеется, он бы так не поступил, пусть бы только попробовал.* Можно многое передать простым жестом руки, и Шарлотта умела это делать.

В чем Холли не призналась ей, так это в том, что она почти сдалась, почти дала пучеглазому, с рыбьим лицом сынку кое-кого то, чего он добивался. *«Ты здесь никому не нравишься, – сказал младший Митчелл. – Ты нелюдимая и плохо выполняешь свои обязанности. Без меня тебя бы давно выпнули. Так как насчёт небольшой благодарности, а? Думаю, как только ты попробуешь, тебе очень понравится».*

Они вошли в его кабинет, и Младший начал расстёгивать её блузку. Первая пуговица... вторая... третья... А потом она дала ему пощёчину, настоящую смачную оплеуху, вложив в удар все силы, сбив с него очки и разбив ему губу до крови. Он назвал её бесполезной сукой и сказал, что может добиться её ареста за нападение. Собравшись с

духом, о котором Холли и не подозревала, говоря холодным уверенным голосом, совсем не похожим на обычный (настолько тихий, что людям часто приходилось просить её повторить), она заявила Младшему, что если он вызовет полицию, она скажет им, что он пытался изнасиловать её. И что-то в его лице – какая-то инстинктивная гримаса – заставило её подумать, что полиция, вероятно, поверит именно ей, потому что Фрэнк-младший уже влипал в неприятности. Неприятности именно такого рода. Как бы то ни было, на этом всё и закончилось. По крайней мере, для него. Не для Холли, которая неделю спустя пришла пораньше, разгромила его офис, а потом сжалась в комок в своей ненавистной маленькой кабинке, положив голову на стол. Она бы заползла пол стол, но там не хватало места.

Последовал месяц в «лечебном центре» (на *это* её родители нашли достаточно денег), затем три года консультаций. Консультации закончились, когда умер отец Холли, но она продолжала принимать различные лекарства, которые позволяли ей функционировать, хотя она видела мир как бы сквозь целлофановую обёртку.

То, что нельзя исправить, нужно перетерпеть – Евангелие от Шарлотты Гибни.

4

Потушив сигарету под краном, Холли споласкивает чашку, ставит её в сушилку и поднимается вверх. Первая дверь справа – это гостевая комната. Только не совсем та. Для начала другие обои, но она всё равно до жути похожа на комнату, в которой Холли жила в Цинциннати, будучи подростком. Возможно, Шарлотта верила, что её психически и эмоционально неуравновешенная дочь осознает, что ей не суждено жить среди людей, не понимающих её проблем. Зайдя внутрь, Холли снова думает: *«Музейный экспонат. Тут должна быть табличка с надписью «ОБИТЕЛЬ ГРУСТНОЙ ДЕВОЧКИ, TRISTIS PUELLA⁴⁵».*

⁴⁵ Грустная девушка (лат.)

В том, что мать любила её, Холли по-прежнему не сомневается. Но любовь – это не всегда поддержка. Иногда любовь лишает поддержки.

Над кроватью висит плакат с изображением Мадонны. На одной стене – Принс, на другой – Ральф Маччио в роли парня-каратиста. Если бы Холли взглянула на полки под своей аккуратной маленькой аудиосистемой (маленькая табличка гласит: «*Ludio Ludius*»⁴⁶), то нашла бы записи Брюса Спрингстина, Ван Халена, «Уэм!», Тины Тёрнер и, разумеется, «Пёрпл Уан». Всё на кассетах. Кровать застелена клетчатым покрывалом, которое Холли всегда терпеть не могла. Когда-то среди этих вещей жила девушка, она смотрела в окно на Бонд-Стрит, слушала музыку и писала стихи на голубой пишущей машинке «Оливетти». Которую сменил персональный компьютер «Коммодор» с маленьким экраном.

Холли опускает глаза на красные бирки с надписью «НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ», которые держит в руках. Она даже не помнит, как достала их.

– Я рада, что приехала сюда, – произносит она. – Как чудесно вернуться домой.

Холли подходит к мусорной корзине в стиле «Звёздных войн» (*Bella Siderea*⁴⁷ – как могла бы гласить маленькая табличка, не будь латынь мёртвым языком) и бросает в неё бирки. Затем она садится на кровать, зажав ладони между бёдер. Здесь так много воспоминаний. Вопрос прост: принять или забыть?

Конечно, принять, и не потому, что она теперь другой человек, лучше и смелее, переживший ужасы, невероятные для большинства людей. Принять, потому что другого выбора нет.

5

После нервного срыва и пребывания в так называемом «лечебном центре», Холли откликнулась на объявление небольшого издательства, которому требовался индексатор для серии из трёх талмудов по

⁴⁶ Здесь: проигрыватель (лат.)

⁴⁷ Здесь: «Звездные Войны» (как название фильма) (лат.)

местной истории, написанных профессором Университета Ксавье. Она нервничала во время собеседования – скорее, её трясло до чёртиков, – но редактор Джим Хаггерти, похоже, не имел ни малейшего понятия об индексации, так что Холли смогла рассказать ему об этой работе, не заикаясь и не путаясь в собственных словах, как это часто бывало с ней на уроках в старших классах. Она сказала, что сначала составит алфавитный указатель-цитатник, затем подготовит компьютерный файл, а потом распределит всё по категориям и алфавиту. После этого текст отправится автору, который займётся проверкой, редактированием и вернёт для внесения окончательных изменений.

– Боюсь, у нас пока нет компьютера, – сказал Хаггерти, – только несколько «Эй-Би-Эм Селектрикс».⁴⁸ Хотя, я полагаю, нам придётся приобрести один – говорят, за ними будущее.

– У меня есть компьютер, – сказала Холли. Она подалась вперёд, настолько взволнованная открывшейся возможностью, что забыла о собеседовании, забыла о Фрэнке-младшем, забыла о четырёхлетнем обучении в средней школе с прозвищем «Буба-Буба».

– И вы могли бы использовать его для индексации? – Хаггерти выглядел озадаченным.

– Да. Возьмём к примеру слово «Эри». Это категория, но она может относиться к озеру, округу или индейскому племени эри. От которого, разумеется, тянутся ссылки к «кошачьему народу»⁴⁹ и ирокезам. Даже больше! Мне придётся ещё раз просмотреть материал, чтобы разобраться, но вы же понимаете теперь, как это работает, верно? Или возьмём «Плимут», это очень интересно...

На этом Хаггерти остановил Холли и сказал, что работа её. «*Он с первого взгляда распознал во мне ботана*», – думает Холли, сидя на кровати.

За первой работой, которую можно было назвать учись-в-процессе, последовали другие работы по индексации. Холли съехала из

⁴⁸ Электрическая пишущая машинка.

⁴⁹ Другое название племени эри. В начале 17-го века племя эри жило на южном берегу озера Эри. Их врагами было племя ирокезов.

дома на Бонд-Стрит. Она купила свою первую машину. Она обновила свой компьютер и стала посещать курсы. Также она не забывала принимать свои таблетки. Погрузившись в работу, Холли чувствовала себя бодрой и знающей. Без работы – возвращалось ощущение жизни в целлофановом пакете. Она ходила на несколько свиданий, но это были неуклюжие некомфортные встречи. Обязательный поцелуй в конце свидания слишком часто напоминал ей о Фрэнке-младшем.

Когда работа по индексации подошла к концу (издатель исторических «кирпичей» разорился), Холли занималась медицинской транскрипцией в различных филиалах местных больниц. К этому добавилась работа по подготовке пары исков в Окружной суд Цинциннати. Она обязательно приезжала в гости домой, после смерти отца – ещё чаще. Холли выслушивала жалобы матери на всё подряд – от своих финансов и соседей до демократов, от которых один лишь вред. Иногда во время этих визитов Холли вспоминалась фраза из одной из частей «Крёстного отца»: *«Только я подумал, что покончил с этим, как они втянули меня обратно»*. На Рождество они с матерью и дядей Генри сидели на диване и смотрели «Эта замечательная жизнь». Холли была в своей шапочке Санты.

6

Пора уходить.

Холли встаёт, собираясь выйти из комнаты, но слышит повелительный голос матери (*«Оставь всё так, как было – сколько раз тебе повторять?»*), и возвращается, чтобы поправить клетчатое покрывало. Для кого? Для женщины, которая мертва? Это одна из тех ситуаций, когда или плачут, или смеются, поэтому Холли смеётся.

«Я по-прежнему слышу её. Будет ли так вечно?»

Ответ – да. По сей день Холли не слизывает глазурь с венчика (*от этого можно подхватить столбняк*), она моет руки после бумажных денег (*нет ничего более грязного, чем долларовая купюра*), она не ест апельсины на ночь и никогда не пользуется сиденьем общественного

туалета без крайней необходимости, а если до этого доходит, то всегда с дрожью ужаса.

Никогда не разговаривай с незнакомыми мужчинами – ещё один совет. Совет, которому Холли следовала, пока не встретила Билла Ходжеса и Джерома Робинсона, после чего всё изменилось.

Холли направляется к лестнице, потом вспоминает совет, данный ей Джерому насчёт Веры Стейнман, и идёт по коридору в комнату своей матери. Здесь нет ничего, что она хотела бы забрать – ни фотографии в рамках на стене, ни флаконы с духами на комодe, ни одежда или обувь в шкафу, – но *есть* вещи, от которых следует избавиться. Они в верхнем ящике ночного столика рядом с кроватью Шарлотты.

По пути Холли поглядывает на стены, где фотографии в рамках образуют своего рода галерею. Среди них нет ни одного фото покойного (и не особо оплакиваемого) мужа Шарлотты, и лишь на одной – дядя Генри. На остальных фотографиях только мать и дочь. Две из них привлекают внимание Холли. На первой ей около четырёх лет, она в джемпере. На втором снимке ей девять или десять, на ней модная в то время юбка: с большим запахом и застёжкой в виде яркой золотой буквы. В спальне она не могла вспомнить, почему ненавидела покрывало, но теперь, глядя на эти фотографии, Холли понимает. И джемпер, и юбка – из шотландки, в клетку; также у неё были блузки из шотландки и (возможно) свитер. Шарлотта просто обожала шотландку, наряжала Холли и восклицала: «Моя шотландская девчушка!»

На этих фотографиях – как и почти на всех остальных – Шарлотта обнимает Холли за плечи. Такой жест, своего рода объятие сбоку, можно расценить как проявление защиты или любви, но, глядя на то, как жест снова и снова повторяется на фотографиях, где дочери Шарлотты от двух до шестнадцати лет, Холли думает, что он может выражать кое-что ещё: чувство собственности.

Холли подходит к ночному столику и открывает верхний ящик. В основном она хочет избавиться от успокоительных, а также от обезболивающих, отпускаемых по рецепту, но она забирает всё, даже мультивитамины «Для каждой женщины». Смывать их в унитаз нельзя, но

на обратном пути к автостраде есть аптека «Уолгринс», и Холли уверена, они будут рады утилизировать таблетки за неё.

На Холли брюки-карго с объёмными карманами, что очень кстати; ей не придётся спускаться вниз за большим пакетом, лежащим в ящике стола. Она начинает распихивать баночки по карманам, не глядя на этикетки, затем замирает. Под лекарствами матери лежит стопка блокнотов, которые Холли хорошо помнит. На обложке верхнего изображён единорог. Холли достаёт блокноты и пролистывает один наугад. Это её стихи. Ужасно неказистые, но каждый написан от чистого сердца.

*«Проплывают облака над моей беседкой,
Провожая взглядом их, словно птица в клетке.
Мой любимый далеко, по нему скучаю.
Расставанье нелегко, с грустью я вздыхаю».*

Несмотря на то, что она одна в доме, Холли чувствует, как горят её щёки. Эти строчки – творение бесталанного подростка – были написаны много лет назад, но её мать не только сохранила их, но и держала под рукой, возможно, читая плохие стихи своей дочери перед сном. И зачем бы ей так делать?

– Потому что она любила меня, – говорит Холли, и как по команде на её глаза наворачиваются слёзы. – Потому что она скучала по мне.

Если бы дело было лишь в этом. Если бы не рыдания и причитания из-за подлого Дэниела Хейли. Холли сидела за кухонным столом в этом доме на Лили-Корт, пока Шарлотта и Генри объясняли, каким образом их одурачили. Они били себя в грудь. Они показывали *бумаги и таблицы*. Должно быть, Шарлотта сказала Генри, что всё это понадобится для убеждения Холли в их лжи, и Генри выполнил её просьбу. Он пошёл на поводу, как обычно в их отношениях с Шарлоттой.

Холли думает, что присутствие Билла на том семейном собрании, позволило бы почти сразу раскусить обман. (*«Не обман, а аферу, – думает она, – Будем называть вещи своими именами»*). Но Билла там не было. Холли могла полагаться только на себя, но тогда она была новичком в игре и, несмотря на головокружительную сумму, которую

они называли – *семизначную сумму* – на самом деле ей было всё равно. Её поглотила новая страсть к расследованиям. Можно сказать, она была одурманена. Не говоря уже о том, что ослеплена горем.

«Если бы я навела справки о своей собственной семье, вместо того, чтобы искать потерявшихся собак и гоняться за беглецами из-под залога, всё могло бы сложиться по-другому».

И так далее, и тому подобное.

И что же теперь ей делать с блокнотами, этими обескураживающими реликвиями её юности? Оставить их себе или, может, сжечь. Холли примет это решение после того, как дело Бонни Рэй Даль будет закрыто, либо разрешится своим чередом, как это бывает с некоторыми делами. Но не сейчас...

Холли кладёт блокноты туда, откуда взяла, и резко задвигает ящик. Выходя из комнаты, она снова смотрит на фотографии на стене. Они с матерью на каждом снимке, ни одного фото с часто отсутствующим отцом; чаще всего рука матери обнимает её за плечи. Это любовь, защита или хватка офицера, производящего арест? Может, всё вместе.

7

Пока Холли спускается по лестнице, с карманами её брюк-карго, оттопыренными баночками с таблетками, ей приходит в голову одна идея. Она спешит обратно в свою комнату и сдёргивает с кровати клетчатое покрывало. Сворачивает его в комок и несёт вниз.

В гостиной имеется декоративный камин с поленом, которое никогда не горит, потому что это не настоящее полено. По идее в камине должен гореть газ, но он уже давно отключен. Холли расправляет покрывало в камине, затем идёт на кухню за мусорным пакетом под раковиной. Она встряхивает его по дороге в прихожую. Затем складывает все фарфоровые статуэтки в пакет и возвращается в гостиную.

Все деньги по-прежнему на месте. Холли стоит отдать должное своей матери хотя бы за это. Даже её трастовый фонд – та часть, которую Холли вложила в так называемую инвестиционную возможность

– в целостности и сохранности. Холли уверена, что её мать покупала драгоценности на свою долю наследства, но это не меняет того факта, что она выдумала всю эту историю лишь для того, чтобы агентство «Найдём и сохраним» потерпело крах. Загнулось в зародыше. Тогда Шарлотта могла бы сказать: *«О, Холли. Приезжай жить ко мне. Побудь какое-то время. Оставайся навсегда».*

Оставила ли она письмо? Объяснение? Оправдание своих поступков? Нет. Если бы она оставила такое письмо Эмерсону, он бы уже отдал его Холли. Всё это причиняет боль, но больше всего ранит то, что её мать не чувствовала никакой необходимости что-либо объяснять или оправдываться. Потому что у неё не было сомнений в правоте своих действий. Как не было сомнений в правильности отказа от вакцинации.

Холли начинает бросать статуэтки в камин, с силой швыряя их. Некоторые остаются целы, но большинство разлетается вдребезги. Особенно те, что попадают в ненастоящее полено.

Холли получает от этого не так много удовольствия, как она ожидала. Гораздо приятнее было курить на кухне, где курение всегда запрещалось. В конце концов она вываливает остальные статуэтки из мусорного пакета на покрывало, подбирает несколько осколков, вылетевших из камина, и сворачивает покрывало. Холли слышит, как внутри звякают осколки, и *это* доставляет ей несомненное злобное удовольствие. Она относит покрывало к мусорной площадке сбоку дома и засовывает в один из контейнеров.

– Вот так, – говорит она, отряхивая руки. – *Вот так.*

Холли возвращается в дом, но не собирается обходить все комнаты. Она увидела всё, что хотела, и сделала всё, что нужно было сделать. Они с матерью не квиты, и никогда не будут квиты, но избавление от статуэток и покрывала стало первым шагом к избавлению от лежащего на плечах привычного груза. Всё, что ей нужно из дома № 42 по Лили-Корт – это бумаги, лежащие на кухонном столе. Холли берёт их, затем принюхивается. Запах сигаретного дыма, слабый, но ощутимый.

Хорошо.

Хватит воспоминаний; нужно расследовать дело, нужно найти пропавшую девушку.

– Новоиспечённая миллионерша садится в свою машину и едет в Апсала-Вилледж, – произносит Холли.

И смеётся.

8 февраля 2021

1

Эмили рассматривает красное пальто, шапку и шарф Барбары и произносит:

– Какая же вы прелесть! Прямо как рождественский подарочек!

«*Как забавно, – думает Барбара, – Женщинам можно говорить такие вещи, но не мужчинам*». Взять, к примеру, мужа профессора Харрис. Он, правда, оглядел её с головы до ног, но к «МиТу» это не относится. Иначе пришлось бы клеймить так каждого мужчину. Кроме того, он старый. И безобидный.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной, профессор. Я отниму у вас всего несколько минут. Надеюсь, вы мне поможете.

– Что ж, посмотрим, что я могу сделать. Если речь не о писательской программе. Проходите на кухню, мисс Робинсон. Я как раз заварила чай. Не угодно ли чашечку? Это моя особая смесь.

Барбара предпочитает кофе, поглощает его галлонами во время работы над тем, что её брат Джером называет «сверхсекретным проектом», но она хочет произвести хорошее впечатление на эту пожилую (но довольно проницательную) женщину, поэтому соглашается.

Они проходят через хорошо обставленную гостиную в столь же хорошо обставленную кухню. Плита «Вольф»; Барбара хотела бы иметь такую дома, где она пробудет недолго, прежде чем отправится в колледж. Её приняли в Принстон. На одной из конфорок кипит чайник.

Пока Барбара разматывает шарф и расстёгивает пальто (сегодня и правда слишком тепло для таких вещей, но они добавляют ей привлекательности – девушка прекрасно выглядит), Эмили насыпает немного чая из керамической банки в пару заварочных шариков. Барбара, которая никогда не пила чай иначе, как в обычных пакетиках, зачарованно наблюдает.

Эмили заливает заварку кипятком и говорит:

– Теперь мы дадим ему настояться. Всего минуту или две. Чай крепкий. – Она прислоняется тощим задом к столу и скрещивает руки на почти плоской груди. – Итак, чем же я могу вам помочь?

– Ну... это касается Оливии Кингсбери. Как я знаю, она иногда наставляет начинающих поэтов... во всяком случае раньше...

– Она всё ещё может этим заниматься, – говорит Эмили. – Хотя я сомневаюсь. Она очень стара. Вы можете подумать, что и я стара – не смущайтесь, в моём возрасте нет нужды приукрашивать правду, – но по сравнению с Ливви я юная дева. Кажется, сейчас ей далеко за девяносто. Она так слаба, что её сдует и от лёгкого дуновения ветерка.

Эм извлекает заварочный шарик и ставит чашку перед Барбарой.

– Попробуйте. Но сперва, ради бога, снимите пальто. И присядьте.

Барбара кладёт папку на стол, снимает пальто и вешает на спинку стула. Затем она отхлёбывает чай. Вкус отвратительный, а красноватый оттенок наводит на мысли о крови.

– Как вам нравится? – спрашивает Эм, садясь на стул напротив Барбары и внимательно глядя на неё.

– Очень вкусно.

– Да. Так и есть. – Эмили не отхлёбывает, а пьёт большими глотками, хотя от чашки поднимается пар. У Барбары появляется мысль, что её горло, должно быть, задубело. *«Может быть, так происходит, когда приходит старость, – думает она, – Горло теряет чувствительность. Возможно и чувство вкуса пропадает».*

– Как я понимаю, вы служительница Каллиопы и Эрато.⁵⁰

– Ну, не особо Эрато, – отвечает Барбара. – Обычно я не пишу любовные стихи.

Эмили издаёт радостный смешок.

– Девушка с классическим образованием! Как необычно и восхитительно!

– Не совсем так, – говорит Барбара, надеясь, что ей не придётся допивать всю чашку, которая кажется бездонной. – Я просто люблю читать. Дело в том, что мне нравятся работы Оливии Кингсбери. Они побудили меня заняться поэзией. *«Никаких сомнений»...* *«Из конца в конец»...* *«Улица сердца»...* Я зачитала их до дыр. – Это не просто метафора, её экземпляр *«Улицы сердца»* буквально развалился на части; страницы, расставшись с дешёвым переплетом издательства «Белл

⁵⁰ Музы эпической и любовной поэзии.

Колледж Пресс», разлетелись по всему полу. Ей пришлось купить новый.

– Она весьма хороша. В молодости получила множество наград и не так давно попала в шорт-лист Национальной Книжной премии. Кажется, в 2017. – Эм уверена, что это был 2017, и она была очень довольна, когда вместо Оливии победил Фрэнк Бидарт. Ей никогда не нравились стихи Оливии. – Знаешь, она ведь живёт прямо через дорогу от нас... Ага! Вот так поворот.

Входит муж Эм, другой профессор Харрис.

– Я собираюсь заправить нашу свежеевымытую колесницу. Тебе что-нибудь захватить, любовь моя?

– Только звёзд с неба, – шутит она. – И луну в придачу.

Он смеётся, посылает в ответ воздушный поцелуй и уходит. Барбаре может и не нравится чай, которым её угостили (если честно, чай отвратительный), но ей приятно видеть пожилых людей, всё ещё достаточно влюблённых, чтобы обмениваться глупыми шутками. Она снова обращается к Эмили:

– Мне не хватает смелости просто подойти и постучать в её дверь. Я едва собралась с духом, чтобы прийти сюда – чуть не передумала по дороге.

– Я рада, что вы этого не сделали. Вы украшаете это место. Пейте чай, мисс Робинсон. Или можно называть вас Барбарой?

– Да, конечно. – Барбара делает ещё один глоток, отметив, что Эмили уже выпила половину своей чашки. – Дело в том, профессор...

– Эмили. Ты Барбара, я Эмили.

Барбара сомневается, что сможет называть эту остроглазую пожилую леди по имени. На губах профессора Харрис улыбка, в её глазах, как говорят, пляшут огоньки, но Барбара не уверена, что это огоньки веселья. Скорее *оценивающий* взгляд.

– Я сходила на кафедру английского языка в колледж Белла и поговорила с профессором Беркхарт – знаете, заведующая кафедрой...

– Да, я хорошо знаю Роуз, – сухо говорит Эмили. – Последние лет двадцать или около того.

– Да, конечно, – Барбара краснеет. – Я попросила её познакомить меня с Оливией Кингсбери, но она сказала поговорить с вами, потому что вы с мисс Кингсбери подруги.

«Ливви может считать, что мы подруги, – думает Эмили, – но так сказать можно лишь с большой натяжкой. С такой натяжкой, что того и гляди лопнет». Но она кивает.

– У нас были кабинеты по соседству на протяжении многих лет, и мы довольно часто общались. У меня есть подписанные экземпляры всех её книг, у неё – моих. – Эмили отпивает чай и смеётся. – Обеих моих, точнее говоря. Она была гораздо более плодовитой, хотя не думаю, что что-то публиковала в последние годы. Хочешь, чтобы я вас познакомила, да? Думаю, не только это. Возможно, ты хочешь, чтобы Оливия стала твоим наставником, ведь ты её поклонница и всё такое, но боюсь тебя разочаровать. Ум Оливии по-прежнему остёр, во всяком случае на мой взгляд, но она сильно хромает. Едва может ходить.

Это, впрочем, не объясняет отсутствие Оливии на последней рождественской вечеринке, ведь она могла принять участие с помощью имеющегося у неё компьютера. Но Ливви (или её домработница) не отказалась от пива и канапе, доставленных эльфами, значит они были достаточно веселы, чтобы выпить и закусить. Эмили это возмутило. Как сказал бы Родди: *«Я помечу её в своей книжечке. Чёрными чернилами, не синими».*

– Меня не интересует наставничество, – говорит Барбара. Ей удаётся сделать ещё один глоток чая не поморщившись, затем она касается своей папки, словно проверяя, на месте ли она. – Что я хочу... всё, чего я хочу, это чтобы она прочла несколько моих стихотворений. Может быть, всего парочку, или даже одно. Я хочу знать... – Барбара с ужасом осознаёт, что её глаза наполняются слезами. – Мне нужно знать, гожусь ли я хоть на что-то, или зря трачу время.

Эмили сидит неподвижно, глядя на Барбару. Которая теперь, высказав то, ради чего пришла, избегает встречаться взглядом со старой женщиной. Вместо этого она смотрит на противную бурду в своей чашке. Осталось ещё так много!

Наконец, Эмили произносит:

– Покажи-ка мне одно.

– Одно...? – Барбара искренне не понимает.

– Одно из твоих стихотворений, – теперь в голосе Эмили звучит нетерпение, как в годы её преподавательской практики, когда она

сталкивалась с тупицей. Таких было немало, и терпения на всех не хватало. Она протягивает руку с синими венами. – То, которое тебе нравится, но покорооче. На страницу или меньше.

Барбара растерянно открывает свою папку. Она принесла дюжину стихотворений и все они короткие. Надеюсь, что если мисс Кингсбери захочет что-то посмотреть (Барбара понимает, как это маловероятно), она не выберет что-нибудь вроде «Регтайм, клочок ритма», которое занимает почти восемнадцать страниц.

Барбара начинает говорить что-то банальное, вроде «вы уверены...», но один взгляд на лицо профессора Харрис, особенно на её блестящие глаза, убеждает её не тупить. Она услышала не просьбу, а требование. Барбара роется в папке, дрожащими руками перебирает несколько листков со стихотворениями и выбирает «Лица меняются». Стихотворение связано с одним ужасным событием, произошедшим годом ранее и до сих пор напоминающим о себе в ночных кошмарах.

– Тебе придётся извинить меня, – говорит профессор. – Я не читаю в компании. Это безыскусно и мешает сосредоточиться. Дай мне пять минут. – Направляясь к выходу из комнаты со стихотворением Барбары в руке, она показывает на банку рядом с чайными принадлежностями. – Там печенье. Возьми, если хочешь.

Как только до Барбары доносится звук, с которым закрывается дверь в дальнем конце гостиной, она несёт свою чашку к раковине и выливает всё, кроме одного глотка. Затем она заглядывает в банку с миндальным печеньем и берет одно. Она слишком нервничает, чтобы испытывать голод, но это просто вежливый жест. По крайней мере, она на это надеется. Вся эта встреча вызывает у неё странное чувство неловкости. Это началось ещё до входа в дом, с того момента, как профессор Харрис мужского пола поспешил закрыть дверь гаража, словно не хотел, чтобы она увидела фургон.

Что касается профессора Харрис женского пола... Барбара не ожидала, что её пригласят войти. Она думала, что объяснит своё дело, попросит профессора Харрис поговорить с Оливией Кингсбери и пойдёт своей дорогой. В результате она сидит на кухне Харрисов, ест миндальное печенье, хотя ей не хочется, и приберегает последний глоток ужасного чая, за который нужно будет поблагодарить, как учила мама.

Эмили возвращается через десять с лишним минут. Она заставляет Барбару поволноваться, пока, наконец, не присаживается и не произносит:

– Очень даже неплохо. Можно сказать, экстраординарно.

Барбара не знает, что ответить.

– Тебе удалось вместить изрядный груз отвращения и страха в девятнадцать строк. Это как-то связано с тем, что ты чернокожая?

– Я... ну... – Вообще-то стихотворение не имеет никакого отношения к цвету кожи Барбары. Оно связано с существом, называвшем себя Чет Ондовски. Существо выглядело человеком, но таковым не являлось. Оно убило бы её, если бы не Холли и Джером.

– Я снимаю вопрос, – говорит Эмили. – Должно говорить стихотворение, а не поэт, и твоё говорит вполне ясно. Просто я удивлена. Ожидала чего-то более легкомысленного, учитывая твой возраст.

– О, боже, – произносит Барбара, затем вспоминает, чему учила мама. – Спасибо.

Эмили подходит к столу со стороны Барбары и кладёт листок со стихотворением поверх папки. Вблизи от неё пахнет корицей, и Барбаре это совсем не нравится. Если это духи, то Эмили стоит их поменять. Только Барбара не думает, что это запах духов, это похоже на запах тела.

– Не спеши благодарить. Вот эта строчка не работает. – Эм постукивает пальцем по четвертой строке стихотворения. – Не просто топорно, но и банально. *Лениво*. Ты не можешь сократить её, стихотворение и так короткое, поэтому нужно заменить чем-то получше. Другие строки говорят мне, что ты на это способна.

– Хорошо, – отвечает Барбара. – Я что-нибудь придумаю.

– Постарайся. Ты сможешь. Что касается последней строки, то как насчёт заменить в *«Именно так пронзают птицы небо на закате»* *«Именно так...»* на просто *«Как...»*? Экономь слова. – Эмили берёт ложечку с чайного блюдечка и начинает помахивать ею вверх-вниз. – Длинные поэмы могут вызывать глубокие чувства, но короткие стихи должны *сечь, сечь* и дело с концом! Паунд, Уильямс, Уолкотт! Ты согласна?

– Да, – говорит Барбара. Сейчас она, наверное, согласилась бы с чем угодно – это так странно, – но в данном случае она действительно

согласна. Она не помнит, кто такой Уолкотт, но разузнает о нём или ней позже.

– Хорошо. – Эмили кладёт ложку и садится на своё место. – Я поговорю с Ливви и скажу ей, что талант у тебя имеется. Она может ответить «да», потому что талант, особенно молодой, всегда привлекал её. Если она скажет «нет» – это из-за того, что теперь она слишком слаба, чтобы взять подопечного. Не могла бы ты оставить мне номер телефона и электронную почту? Я передам их Оливии вместе с копией этого стихотворения, если ты не возражаешь. Внеси небольшое изменение – просто зачеркни – и не волнуйся из-за неудачной строчки. Я сфотографирую текст на свой телефон. Как тебе план?

– Конечно, я согласна. – Барбара вычёркивает *«Именно так»*, вставив *«Как»*.

– Если не получишь от неё ответа через неделю или две, я, возможно, сама свяжусь с тобой. Если ты не против считать меня... заинтересованной стороной.

Эм не использует слово «наставник», но по паузе Барбара понимает, что именно это имелось в виду. И это после одного-единственного стихотворения!

– Просто замечательно! Большое вам спасибо!

– Хочешь еще печенья? Пока будешь ехать домой.

– О, я пешком. – говорит Барбара. – Я много хожу. Это хорошее упражнение, особенно в такие погожие дни, как сегодня, и оно даёт мне время поразмышлять. Иногда я езжу в школу на машине, в прошлом году я получила права. Но не часто. Если тороплюсь, то беру велосипед.

– Раз ты идешь пешком, я настаиваю – возьми два.

Эмили достаёт печенье для Барбары. Когда она поворачивается обратно, Барбара поднимает свою чашку и делает последний глоток.

– Спасибо вам, профессор... Эмили. Чай был очень вкусным.

– Рада, что тебе понравился, – говорит Эмили всё с той же тонкой улыбкой. Барбаре кажется, будто она что-то задумала. – Спасибо, что поделилась своим творчеством.

Барбара уходит, не застегивая своё красное пальто. Красный шарф свободно свисает, а не обмотан вокруг шеи, вязаный красный берет лихо сидит на голове, маска забыта в кармане.

«Хорошенькая, – думает Эмили, – Хорошенькая маленькая негрятяночка».

Хотя это слово (и другие) само собой приходит на ум, будучи произнесённое вслух в эти пуританские времена, оно бы запятнало репутацию на всю оставшуюся жизнь. И всё же Эмили понимает и прощает себя, как простила за недобрые мысли о покойной Эллен Краслоу. В те годы, когда складывалась личность Эмили Дингман Харрис, единственными чернокожими, которых можно было увидеть в кино и по телевизору, были слуги. В ту эпоху на фантиках конфет и в стишках, под которые дети прыгали через скакалку, встречалось слово на букву «н». А её собственная мать была гордой обладательницей первого издания романа Агаты Кристи с таким расистским названием, что позже книга была переименована в «Десять маленьких индейцев», а еще позже в «И никого не стало».

«Так уж я воспитана, вот и всё. Я ни в чём не виновата».

А эта девушка талантлива. Неприлично талантлива для такого юного возраста. Не говоря уж о том, что она чёрная.

2

Когда Родди возвращается из своей поездки на заправку, Эмили говорит ему:

– Хочешь увидеть кое-что забавное?

– Я живу ради забавы, дорогая, – отвечает он.

– Ты живешь ради науки и питания, но, я думаю, это тебя позабавит. Пойдём со мной.

Они приходят в кабинет Эмили. Именно здесь она читала стихотворение Барбары, но не только это. Эм заходит на ноутбуке в «Камеры», вводит пароль и выбирает ту, что скрыта за панелью над холодильником. Отсюда можно видеть всю кухню сверху-вниз под небольшим углом. Эмили перематывает запись до того момента, когда она выходит из комнаты со стихотворением Барбары в руке. Затем нажимает «пуск».

– Она ждёт, пока я не закрою дверь кабинета. Смотри.

На экране Барбара встаёт. Быстро оглядывается по сторонам, потом, убедившись, что она одна, выливает свой чай в раковину. Прежде чем вернуться к столу и сесть, она берёт из банки миндальное печенье.

– И правда забавно, – смеётся Родди.

– Но неудивительно. Себе я заварила чай сверху банки, где он свежий. А «Инглиш брекфаст» на дне стоит там уже бог знает сколько. Семь лет? Десять? Я заварила ей его, и чай получился, должно быть, крепче врат ада. Ты бы видел её лицо, когда она сделала первый глоток. Ха-ха-ха, это просто замечательно! Подожди. Вот это тебе тоже понравится.

Она снова перематывает запись вперед. Вот они с девушкой обсуждают её стихотворение, затем Эм отходит к банке с печеньем. Девушка поднимает чашку... подносит ко рту...

– Вот! – восклицает Эм. – Видел, что она сделала?

– Ждала, пока ты повернешься и увидишь, как она допивает чашку, которая, якобы, была полной. Умная девочка.

– *Хитрая* девочка, – с восхищением уточняет Эм.

– Но зачем угощать её старым чаем?

Она одаривает Родди взглядом, словно говорящим «*не терплю тупиц*», но этот взгляд смягчен любовью.

– Любопытство, дорогой мой, простое любопытство. Тебе интересны различные эксперименты из области биологии, касающиеся питания и старения, а мне интересна человеческая природа. Эта девушка находчивая, яркая и хорошенькая. И... – Эм постукивает мужа пальцем по морщинистому лбу. – У неё есть мозг. *Талантливый* мозг.

– Ты же не предлагаешь внести её в список, да?

– Мне нужно хорошенько покопаться в исходных данных, прежде чем рассматривать такую возможность. У меня есть то, что нужно для этого. – Она похлопывает по корпусу компьютера. – Но, скорее всего, нет. Но всё же... в крайнем случае...

Она оставляет конец фразы висеть в воздухе.

24 июля 2021

1

Обе парковки кемпинга «Канонсионни», одна для легковых машин, другая для кемперов и домов на колёсах, забиты битком, чёрт бы взял эту пандемию. Сам кемпинг выглядит переполненным. Холли проезжает ещё четверть мили по Олд-Роут 17 и паркуется на обочине. Она звонит Лэйкише Стоун, которая предлагает подождать Холли в тени магазина в кемпинге. Холли отвечает, что она недалеко, будет через пять-десять минут.

– Не повезло с парковкой, – говорит Лэйкиша. – Думаю, половина машин на стоянке – наши. В этом году у нас просто нашествие. Большинство работают или раньше работали в колледже.

– Ничего страшного, – говорит Холли. – Я не против пройти. – Это правда. Ей кажется, что от запахов материнского дома в носу – или они у неё в голове – невозможно избавиться. Холли надеется, что свежий воздух поможет ей. И, возможно, избавит её от неприятных эмоций, которые она не может принять.

Она продолжает вспоминать первые месяцы после смерти Билла. То, что осталось от её трастового фонда, перешло в «Найдём и Сохраним», несмотря на протесты матери. Холли помнит, как молилась о клиентах. Она помнит, как перебирала счета, как картёжник, выбирая, что оплатить сейчас, а что отложить на потом, даже когда счета приходили с красным штампом «ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ». А её мать тем временем покупала украшения.

От мыслей Холли ускоряется и чуть ли не бежит трусцой, поэтому заставляет себя остановиться. Впереди маячит вывеска кемпинга: ухмыляющийся вождь коренных американцев в пёстром красно-белосинем головном уборе, держащий что-то, по-видимому, являющееся трубкой мира. Холли задаётся вопросом, понимают ли люди, установившие вывеску, насколько она абсурдно расистская. Конечно, нет. Вероятно, они считают, что старый вождь, курящий трубку мира – это

способ почтить память коренных американцев, когда-то живших на озере Апсала, а теперь живущих в резервации за много миль от того места, где когда-то охотились и рыбаки...

– Прекрати, – бормочет Холли. Она на мгновение закрывает глаза и шепчет молитву. Ту, которая чаще всего ассоциируется с выздоравливающими алкоголиками, но она подходит и для многих других ситуаций и людей. Включая её.

«Дай мне терпение вынести то, что я не могу изменить».

Её мать умерла. Ужасные дни приближающегося банкротства миновали. «Найдём и сохраним» приносит доход. Сейчас нужно выяснить, что случилось с Бонни Рэй Даль.

Холли открывает глаза и продолжает идти. Она почти на месте.

2

Благодаря работе по индексированию исторических талмудов, Холли знает, что «Канонсионни» на староирокезском языке означает «длинный дом», и в центре кемпинга действительно стоит длинный дом. В одной половине – магазин, а другая, похоже, предназначена для групповых посиделок. Сейчас там полно парней и девушек, распевających «День, когда пал Старик Дикси», пока руководитель хора (если это он) аккомпанирует на электрогитаре. Это не Джоан Баэз, но их голоса, разносящиеся в предвечернем воздухе, звучат довольно приятно. Идёт игра в софтбол. Группа мужчин занимается метанием подков; звон сотрясает жаркий летний воздух, и один из них кричит: «В яблочко!» На озере полно купающихся и просто любителей помочить ноги. Люди потоком входят и выходят из магазина, что-то жуя и попивая газировку. Многие одеты в сувенирные футболки кемпинга с изображением великого вождя с трубкой мира. Мелькает только несколько масок. Хотя Холли надела свою, она чувствует прилив счастья при виде всех этих бодрых и радостных людей с открытыми лицами. Америка оживает, готовая к ковиду или нет. Это беспокоит Холли, но в то же время вселяет в неё Святую надежду.

Она обходит длинный дом с тенистой стороны и видит Лэйкишу Стоун, сидящую на скамейке у стола для пикника, с поверхностью, изрезанной инициалами. На ней светло-зелёный халатик поверх тёмно-зелёного бикини. По мнению Холли, она ровесница Бонни, плюс-минус год, и выглядит просто сногшибательно – юная, жизнерадостная и сексуальная. Холли предполагает, что Бонни выглядела не хуже. И хочет надеяться, что по-прежнему так выглядит.

– Привет, – говорит Холли. – Ты Лэйкиша? Я Холли Гибни.

– Просто Киша, – отвечает девушка. – Я купила тебе «Снэпл». С сахаром. Надеюсь, ты не против.

– Отлично, – говорит Холли. – Очень приятно с твоей стороны. – Она берёт бутылку, отвинчивает крышку и садится рядом с Кишей. – Могу я полюбопытствовать и спросить, прошла ли ты вакцинацию?

– Двойную. «Пфайзер».

– «Модерна», – говорит Холли. Новый способ поздороваться. Она снимает свою маску и секунду сжимает в руке. – Чувствую себя здесь глупо в маске, но я недавно потеряла члена семьи. Из-за ковида.

– О, мне очень жаль. Кто-то близкий?

– Моя мама, – отвечает Холли и думает: *«Которая накупила украшений и не носила их»*.

– Это ужасно. Она была привита?

– Она не верила в прививки.

– Ох, жёстко. Как ты себя чувствуешь?

– Как говорят по телеку, всё сложно. – Холли засовывает маску в карман. – Стараюсь сосредоточиться на работе по розыску Бонни Даль и выяснению обстоятельств её исчезновения. Я не буду надолго отрываться от друзей.

– Не беспокойся. Они все играют в софтбол или купаются. Из меня никудышный игрок в мяч и большую часть дня я провела в озере. Можешь не торопиться. – С матча по софтболу доносятся восторженные крики. Киша оглядывается. Кто-то машет ей рукой. Она машет в ответ, затем поворачивается к Холли. – Большинство из нас собираются здесь

последние три года, и я с нетерпением ждала этого момента. Но после того, как Бонни исчезла... – Киша пожимает плечами. – Как-то не очень.

– Ты правда думаешь, что она мертва?

Киша вздыхает и смотрит на воду. Когда она поворачивается, её карие глаза – прекрасные глаза, – наполняются слезами.

– А что ещё мне думать? Она как будто растворилась в воздухе. Я обзвонила всех, кого смогла вспомнить, всех наших друзей, и, разумеется, мне звонила её мать. Ничего. Она моя лучшая подруга, и ни слова?

– Полиция объявила её пропавшей без вести. – Конечно, Иззи Джейнс так не думает. Или Пит Хантли.

– Естественно, – говорит Киша и делает глоток из своей бутылки «Снаппл». – Ты слышала о Малике Даттоне?

Холли кивает.

– Это прекрасный пример того, как стражи порядка работают в этом городе. Парня убили из-за разбитой задней фары. Можно было ожидать, что они проявят больше интереса к белой девушке, но нет.

Это минное поле, на которое Холли не хочет ступать.

– Могу я записать наш разговор? – *«Никогда не называй это допросом, – говорил Билл Ходжес. – Допросы проводят копы. Мы просто разговариваем».*

– Конечно, но я мало чем могу тебе помочь. Она пропала и это неправильно. Это всё, что я знаю.

Холли думает, что Киша знает больше, и хотя она не ожидает какого-то откровения, но лелеет ту самую Святую надежду. И ей любопытно. Она кладёт свой телефон на изрезанный стол и нажимает кнопку записи.

– Я работаю на мать Бонни, и меня интересует, как они ладили.

Киша собирается ответить, но запинается.

– Ничего из того, что ты скажешь, не дойдёт до Пенни. Даю тебе слово. Я просто расставляю точки над «i».

– Хорошо. – Киша, нахмурившись, глядит вниз, на озеро, затем вздыхает и снова смотрит на Холли. – Они не ладили, в основном из-

за того, что Пенни всегда стояла у Бонни над душой, если ты понимаешь, о чём я.

Холли понимает.

– Что бы ни делала Бонни, в глазах её матери это было неправильно. Бон рассказывала, что терпеть не могла возить куда-либо свою мать, потому что Пенни всегда настаивала, что знает дорогу покорооче или где меньше пробок. Она вечно твердила Бонни: «Перестройся, перестройся, езжай по левой полосе». Понимаешь?

– Да.

– Ещё Бонни говорила, что Пенни всегда давила невидимый тормоз с пассажирской стороны или напрягалась, если Бон поджималась слишком близко к впереди идущей машине. Это чертовски раздражало. Однажды Бонни покрасила в рыжий прядь волос, очень мило... по крайней мере, *мне* так казалось... но её мать сказала, что она похожа на распутницу. А если бы она когда-нибудь сделала татуировку, о которой говорила...

Киша закатывает глаза, на что Холли смеётся. Она ничего не может с собой поделывать.

– Они всё время ссорились из-за её работы в библиотеке. Пенни хотела, чтобы Бонни работала в том же банке, где она сама. Говорила, что зарплата и льготы там гораздо лучше, и кроме как при личных встречах ей не придётся носить маску по семь часов в день. Но Бонни нравилось работать в библиотеке, и, как я уже сказала, у нас отличная команда. Все дружны. За исключением Мэтта Конроя, конечно. Он заведующий и не слишком приятный тип.

– Приставучий? – Холли вспоминает слова, услышанные от одной из библиотекарейш, которых сейчас не было на озере. – Любитель распускать руки?

– Ага, но вообще в этом году он немного присмирел. Возможно, из-за ассистента профессора с кафедры социологии. Ты, наверное, не слышала, администрация держала это в секрете, но мы-то в библиотеке всё знаем. Это центр сплетен. Тот парень схватил за задницу какую-то аспирантку, при свидетеле, и его уволили. С того времени Мэтт

стал вести себя прилично. – Киша ненадолго замолкает. – Хотя он никогда не упускает возможности заглянуть девушке под юбку. Ничего необычного, не считая того, что он охеренно бессовестный сукин сын.

– Он может иметь какое-либо отношение к исчезновению Бонни? Киша весело смеётся.

– Господи, нет. Моя мама сказала бы, что он худой, как велосипед. Бонни фунтов на тридцать тяжелее. Если бы Мэтт схватил её за задницу, она бы перекинула его через плечо или припечатала к стене.

– Она владеет дзюдо или другими боевыми искусствами?

– Нет, ничего особенного, но она проходила курс самообороны. И я вместе с ней. Для её матери это стало ещё одним поводом понудить. Она назвала это лишней тратой денег. В глазах своей матери Бон просто ничего не могла сделать правильно. И когда миссис Ди захотела, чтобы Бонни работала в её банке, разгорелись настоящие скандалы.

– Недолюбливали друг друга.

Киша обдумывает это.

– Конечно, можно и так сказать, но любовь никуда не ушла.

Холли вспоминает о потрёпанных блокнотах в ящике ночного столика своей матери и соглашается.

– Киша, решила бы Бонни уехать из города, чтобы отвязаться от своей матери? Все эти постоянные придирки и жалобы, эти ссоры?

– То же самое интересовало женщину из полиции, – отвечает Киша. – Мы не виделись, она звонила по телефону. Задала два-три вопроса, а потом «спасибо, мисс Стоун, вы мне очень помогли». Как банально. Ответ на твой вопрос: ни за что. Если я навела тебя на мысль, что Бон и миссис Ди вцепились друг другу в глотки, я этого не хотела. Они ссорились, иногда кричали друг на друга, но без рукоприкладства, и они всегда мирились. По крайней мере, насколько я знаю. Их отношения были больше похожи на ситуацию, когда ты никак не можешь вытряхнуть из ботинка надоедливый камешек.

Холли поражена этими словами. Она задумывается, была ли для неё Шарлотта камешком в ботинке? Она вспоминает Дэниела Хэйли,

вора, который не был вором, и решает, что сравнение с камешком слишком мягкое.

– Мисс Гибни? Холли? Ты ещё здесь или овец считаешь? – Киша улыбается.

– Кажется, да. Имелся ли у неё запас наличных, о котором ты знала? Спрашиваю, потому что по её кредитке не было никаких расходов.

– У Бонни? Нет. Всё, что она не тратила, отправлялось на счёт в банке, и, возможно, в кое-какие вложения. Она интересовалась фондовым рынком, но воротилой не была.

– Она оставляла у тебя дома одежду? Ту, которой теперь там нет? Киша прищуривается.

– Что ты имеешь в виду?

Холли, как правило, застенчива, но всё меняется, когда она идёт по следу.

– Буду откровенна. Я хочу знать, покрываешь ли ты её. Ты её лучшая подруга. Я вижу, ты верна ей, и думаю, ты бы согласилась, если бы Бонни попросила.

– Это слегка возмутительно, – говорит Киша.

Холли, которая после ковида стала избегать прикосновений, кладёт руку на плечо девушки, даже не задумываясь.

– Иногда моя работа заключается в том, чтобы задавать неприятные вопросы. Возможно, у Пенни и Бонни были не идеальные отношения, но эта женщина платит мне за поиски её дочери, потому что ей осталось полшага до безумия.

– Ясно. Я поняла. Нет, Бон не хранила у меня дома никакой одежды. Нет, у неё не было тайника с наличкой. Нет, Мэтт Конрой не лапал её. Он также всех расспросил: отдел кадров колледжа, охрану кампуса, нескольких завсегдатаев библиотеки. Проявил старание, надо отдать ему должное. Записка, которую якобы оставила Бонни? Это полная чушь. И бросила своей велик? Он ей нравился. Она копила на него. Говорю тебе, кто-то преследовал её, схватил, изнасиловал и убил. Мою милую Бонни.

На этот раз у Киши текут слёзы, и она опускает голову.

– А что насчёт её парня? Тома Хиггинса? Знаешь что-нибудь о нём? Киша издаёт резкий смешок и поднимает глаза.

– *Бывший* парень. Слабак. Неудачник. Укурок. Насчёт него мать Бонни была права. Определённо не из тех, кто способен на похищение. Я с самого начала не понимала, что Бон в нём нашла. – Затем она повторяет слова Пенни: – Наверное, он был великолепен в постели.

Холли возвращается к версии о *преследовании*. Она кажется всё более и более вероятной, и это говорит о том, что преступление не было спонтанным. Следовательно, нужно ещё раз очень внимательно просмотреть видеозапись с камеры «Джет Март». Но это подождёт до завтра, когда её глаза и разум будут свежими. Этот день был таким долгим.

– Ты давно работаешь частным детективом?

– Несколько лет, – отвечает Холли.

– Это интересно?

– Да, я так думаю. Конечно, бывают периоды безделья.

– А бывает опасно?

Холли вспоминает одну пещеру в Техасе. И существо, притворявшееся человеком и падающее в шахту лифта с затихающим криком.

– Не часто.

– Я интересуюсь, потому что ты женщина и всё такое. Как ты к этому пришла? Ты служила в полиции? Ты не похожа на копа.

Раздаётся ещё один лязг подковы, сопровождаемый восторженными криками. Подростки поют «Сегодня вечером» из «Вестсайдской истории». Доносятся их юные голоса.

– Я никогда не была копом, – говорит Холли. – Что касается того, как я попала в этот бизнес... тут тоже всё сложно.

– Что ж, надеюсь, ты преуспеешь. Я люблю Бонни как сестру, и надеюсь, ты выяснишь, что с ней случилось. Но я не могу избавиться от чувства горечи. Мать Бонни богата, у неё хорошая работа в банке. Она может позволить себе оплатить твои услуги. Я знаю, неправильно так думать, но ничего не могу с собой поделать.

Холли могла бы сказать Кише, что Пенни Даль не так уж и богата, её уволили с работы из-за ковида, и хотя она, возможно, продолжает получать чеки от «НорБэнк», это не сравнится с её прошлой зарплатой. Холли могла бы сказать всё это, но молчит. Вместо этого она делает то, что у неё получается лучше всего: не сводит глаз с Киши. Её глаза говорят: *расскажи мне больше*. Киша так и делает, и от расстройства, гнева или того и другого сразу, она теряет часть своей осторожности *при разговоре с белой женщиной*. Немного, совсем чуть-чуть.

– Как по-твоему, много ли есть у мамы Малика Даттона? Она работает в прачечной «Адамс» в центре. Муж бросил её. У неё дочки-близнецы, которые вот-вот пойдут в среднюю школу, и им понадобится одежда. И школьные принадлежности. Старший сын работает в «Мидас Маффлер» и помогает ей, чем может. И тут она теряет Малика. Убит выстрелом в голову, мозги размазаны по всему пакету с обедом. Ты слышала такую присказку: большое жюри осудит и сэндвич с ветчиной, если прокурор как следует попросит? Они ведь не предъявили обвинение полицейскому, застрелившему Малика, верно? Думаю, просто этот сэндвич был с арахисовым маслом и джемом.

Нет, но он *потерял* работу. Холли не говорит об этом, потому что для Лэйкиши Стоун этого недостаточно. Для самой Холли тоже. И к чести Изабеллы Джейнс, для неё тоже. А что с копом? Вероятно, работает охранником, или, может, устроился в тюрьму надзирателем, вместо того, чтобы самому сидеть за решёткой.

Киша сжимает кулак и тихонько ударяет по исцарапанной поверхности стола.

– Гражданского иска тоже нет. Нет на него денег. «Блэк Ньюс» собрали средства, но их недостаточно, чтобы нанять хорошего адвоката. Старая песня.

– Слишком старая, – бормочет Холли.

Киша трясёт головой, как будто пытаюсь прояснить мысли.

– Что касается поиска Бонни, то действуй с Божьей помощью и с моими наилучшими пожеланиями. Я говорю это от всего сердца. Найди того, кто это сделал, и... Ты носишь оружие, Холли?

– Иногда. Если необходимо. – У неё есть пистолет Билла. – Но не сегодня.

– Что ж, если найдёшь его, всади в него пулю. Прямо в его блядский мешок с яйцами, прости за мой французский. А Малик? Никто не ищет для него справедливости. И для Эллен Краслоу тоже. Зачем им? Это же просто чёрные, ну ты понимаешь.

Холли вспоминает парковку «Дейри Уип», где разговаривала с подростками. Вспоминает слова их лидера, Томми Эдисона, рыжеволосого и белого, как ванильное мороженное. Сказанное им тогда и сказанное только что Кишей – звучит в унисон.

«Хотите знать, чья ещё мать переживает? Мать Вонючки. Она сходит с ума, а копы ничего не делают, потому что она алкашка».

Холли вспоминает как они с Биллом Ходжесом однажды сидели на крыльце его дома. Билл сказал: *«Иногда вселенная бросает тебе верёвку. Если так случается, карабкайся по ней. Посмотри, что наверху».*

– Киша, кто такая Эллен Краслоу?

3

Вернувшись к своей машине, Холли сразу же закуривает сигарету. Она делает затяжку (первая всегда самая вкусная), выпускает дым в открытое окно и достаёт из кармана телефон. Холли быстро перематывает запись назад, к последней части разговора с Кишей, к Эллен Краслоу, и прослушивает её дважды. Возможно, Джером был прав насчёт того, что тут действует серийник. Не стоит делать поспешных выводов, но некоторая закономерность наблюдается. Дело не в поле, возрасте или цвете кожи жертвы. Дело в месте. Дирфилд-Парк, колледж Белла, а может, и то, и другое.

Эллен Краслоу работала уборщицей в корпусе естественных наук и в подвальном ресторанчике при колледже Белла. «Колокольня» находится в Мемориальном союзе, излюбленном месте студенческих

тусовок. Библиотечная братия Киши обычно собирается там выпить кофе, пообедать и частенько глотнуть пива после работы. Это удобно, ведь библиотека Рейнольдса находится рядом, и не приходится далеко ходить в зимние дни, когда с озера дует ветер со снегом.

По словам Киши, Эллен была яркой общительной девушкой, вероятно, лесбиянкой, хотя и без партнёрши, по крайней мере, в последнее время. Киша сказала, что однажды спросила Эллен, не думала ли она о посещении занятий, но Эллен не проявила интереса.

– Она сказала, что жизнь её учитель, – говорит Киша на аудиозаписи. – Мне это запомнилось. Она сказала будто бы в шутку, но в то же время нет. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Холли ответила, что понимает.

– Она была счастлива в своём маленьком трейлере в трейлерном парке на окраине Лоутауна. Сказала, для неё это в самый раз, и она довольна своей работой. Сказала, что у неё есть всё, о чём может мечтать девушка из округа Бибб, штат Джорджия.

Киша привыкла видеть Эллен подметающей полы в «Колокольне» или со шваброй в вестибюле актового зала Дэвисона, стоящей на стремянке и меняющей лампочки, в женском туалете пополняющей запас бумажных полотенец в диспенсере или счищающей надписи с кабинок. По словам Киши, если она была одна, то всегда останавливалась поболтать с Эллен, а если вместе с коллегами по библиотеке, то они всегда втягивали её в свой разговор, если Эллен не работала в корпусе естественных наук или не была слишком занята. Не то чтобы Эллен тусила с ними, но всегда была рада немного поболтать или по-быстрому глотнуть кофе, обычно не присаживаясь, а просто прислонившись к стенке. Киша вспомнила, как однажды они спорили по поводу спектакля «Выхода нет», поставленного театральным клубом в Дэвисоне, и Эллен с преувеличенным джорджийским акцентом сказала: «Просто прочухайте это экзистенциальное дерьмо. И, скажу вам чувихи, получится жизнь, какой мы её знаем».

– Сколько ей было лет? – спрашивает Холли на аудиозаписи.

– Наверное... тридцать? Двадцать восемь? Она была старше большинства из нас, но ненамного. Она отлично вписывалась в нашу компанию.

И однажды Эллен не появилась. Через неделю Киша решила, что она, должно быть, взяла отпуск.

– Раньше я никогда особо не задумывалась о ней. – Записанный голос Киши звучит смущённо. – Она была на моём радаре, но ближе к краю экрана, если ты понимаешь, о чём я.

– Не подруга, просто знакомая.

– Точно. – В голосе слышится облегчение.

Примерно через месяц Киша спросила Фредди Уоррена, завхоза Союза, не перевели ли Эллен на полный рабочий день в корпус естественных наук. Уоррен ответил «нет» – в один прекрасный день она просто не появилась на работе. И в следующие дни тоже. Однажды во время обеденного перерыва Киша и Эди Брукинг заглянули в отдел кадров колледжа, узнать, куда подевалась Эллен. Там этого не знали. Женщина, с которой они разговаривали, попросила Кишу узнать адрес Эллен, если та объявится. Потому что она так и не получила свой последний чек.

– Ты искала её? Может, ходила к ней домой?

Долгая, очень долгая пауза. Затем Киша сказала тихим голосом:

– Нет. Наверное, я решила, что она просто не готова провести ещё одну зиму у озера. Или вернулась домой в Джорджию.

– Когда это произошло?

– Три года назад. Нет, меньше. Это было осенью, кажется, как раз перед Днём Благодарения, потому что, когда я видела её в последний раз – или в один из последних, я не уверена, – все столы в «Колокольне» украшали бумажные индейки. – Долгая пауза. – Когда я говорю, что никто её не искал, думаю, это относится и ко мне. Не так ли?

На записи есть ещё кое-что – Холли показала Кише фотографию серьги, и Киша подтвердила, что она принадлежала Бонни, но больше

ничего существенного, поэтому Холли выключает телефон. Она выкурила сигарету до фильтра. Холли тушит её в переносной пепельнице и тут же думает, не закурить ли ещё одну.

Киша не связывала Эллен Краслоу с Бонни Даль, вероятно, потому, что они исчезли с разницей в несколько лет. Связь она увидела между Эллен и Маликом Даттоном, потому что оба были чернокожими. Она смутилась, будто рассказ о внезапно пропавшей девушке заставил её осознать, что она не так уж сильно отличается от остальных людей – вероятно, большинства людей в городе, – которым было наплевать на ещё одного молодого чернокожего парня, остановленного на дороге и застреленного полицией.

Но была огромная разница между молодым человеком, застреленным в своей машине, и знакомой, просто выпавшей из жизни. Холли могла бы сказать об этом Кише, но была слишком поглощена своими мыслями – тревожными мыслями, – поэтому поблагодарила Кишу за уделённое время и пообещала связаться с ней, если возникнут вопросы или дело будет раскрыто.

Вероятно, исчезновению Эллен Краслоу есть вполне рациональное объяснение. Работа уборщицы требует сноровки, но Холли считает, что на такой работе высокая текучка. Как и сказала Киша, Эллен могла переехать в какое-нибудь место потеплее – в Финикс, в Лос-Анджелес или Сан-Диего. У неё могло возникнуть желание повидать маму и отведать что-нибудь из её домашней стряпни. Если не брать в расчёт, что Эллен так и не забрала свой последний чек, а Питер Стейнман исчез примерно в то же время. Эллен жила в Лоутауне (*на окраине*), но работала в колледже, расположенном всего в паре миль от «Дейри Уип». Меньше, если срезать через парк.

Что касается Бонни Даль, то её велосипед нашли перед заброшенной автомастерской примерно на полпути между колледжем и «Дейри Уип». Холли заводит машину, аккуратно разворачивается и проезжает мимо кемпинга, где отдыхающие развлекаются под благожелательным взглядом вождя с трубкой мира.

Обратная дорога до квартиры стала бы для Холли долгой, слишком долгой после тяжелого дня. Дом 42 по Лили-Корт ближе, но у неё нет желания проводить ночь в доме своей покойной матери и вдыхать её запахи. Холли заселяется в «Дейзи-Инн» рядом с автострадой и заказывает ужин из курицы на вынос в «Кантри Чикен». У неё нет с собой сменной одежды, поэтому, поев в номере, Холли заглядывает в ближайший магазин «Доллар Дженерал» и покупает новое нижнее бельё. Вдобавок она берёт безразмерную ночную рубашку с изображением большого смайлика.

Вернувшись в номер – не роскошный, но достаточно уютный, и кондиционер дребезжит не слишком сильно, – Холли звонит Барбаре Робинсон, считая, что достаточно озадачила старшего брата Барбары за один уикенд. Барбара почти так же хорошо ищет информацию в интернете, как и сама Холли (но она готова признать, что Джером в этом заткнет за пояс их обоих). Кроме того, она хочет узнать, как дела у Барбары. Холли почти не видела её этим летом, хотя Барбара *была* на онлайн-похоронах Шарлотты в «Зум».

– Привет, Холс, – говорит Барбара. – Как дела? Как чувствуешь себя после похорон? – В данных обстоятельствах это ожидаемый вопрос, но Холли считает, что голос Барбары звучит как-то рассеянно. Так бывает, если обратиться к ней во время чтения её бесконечно длинных фантастических романов.

– У меня всё хорошо. Как ты?

– Нормально, нормально.

– У Джерома выдался тот ещё денёк, согласна?

– Да? А что с ним? – В голосе Барбары не слышно волнения.

– Пришлось отвезти женщину в больницу. Он задал ей несколько вопросов по моей просьбе, и у неё случился передоз от алкоголя и таблеток. Он тебе не сказал?

– Я его не видела. – Она точно рассеянная.

– Что касается дел, то я разыскиваю одну девушку и в процессе вышла на другую, тоже пропавшую. Вторую зовут Эллен Краслоу. Хотела попросить тебя разузнать что-нибудь о ней. Я бы сделала это сама, но Wi-Fi в мотеле никуда не годится. Уже два раза отваливался.

Долгая пауза. Затем:

– Я немного занята, Холс. Не мог бы Пит заняться этим?

Холли удивлена. И это девушка, обожавшая играть в Нэнси Дрю, но, похоже, не сегодня. Учитывая, что ей пришлось пережить в прошлом году, может, она не захочет никогда.

– Ты вспомнила Ондовски? Потому что тут всё совсем не так.

Барбара смеётся, и от этого Холли становится легче.

– Нет, я почти забыла об этом, Хол. Я правда очень-очень занята. По правде говоря, я на пределе.

– Это твой специальный проект? Джером говорил про него.

– Да, – отвечает Барбара, – и скоро я расскажу тебе о нём. Может быть, даже на следующей неделе. Тебе, Джерому, родителям, друзьям. Обещаю. Но не сейчас. Не хочу сглазить.

– Больше ни слова. Я поговорю с Питом. Ему будет чем заняться, кроме как каждые полчаса мерять себе температуру.

Барбара хихикает.

– Он так делает?

– Я не удивлюсь.

– У тебя действительно всё хорошо, ну, после...?

– Да, – твёрдо отвечает Холли. – Всё в порядке. И я не буду отрывать тебя от дел, чем бы ты ни занималась. Не хочу быть похожей на твою маму, но надеюсь, это связано с подготовкой к колледжу, потому что он не за горами.

– В итоге это может сыграть свою роль при подготовке к колледжу.

– Голос Барбары звучит веселее. – Послушай, если тебе действительно важно разузнать об этой девушке, я могу...

– Нет, нет, возможно, тут ничего особенного.

– И у нас всё хорошо, да?

– Всегда, Барб, всегда.

Холли заканчивает разговор, гадая, что же это за специальный проект Барбары. Напрашивается мысль: писательство. Видимо, что-то заложено в генах. Отец Барбары, Джим Робинсон, десять лет проработал репортёром в кливлендской газете «Плейн Дилер»; Джером пишет книгу о своём небезызвестном прадедушке – так почему бы и нет?

– Главное, будь счастлива, – бормочет Холли. – И пусть тебе не снятся кошмары о Чете Ондовски.

Холли плюхается на кровать – благодать! – и звонит Питу.

– Если ты чувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы протянуть мне руку помощи, она бы мне не помешала.

Пит отвечает чуть менее сдавленным и скрипучим голосом.

– Для тебя, Холс, всё, что угодно.

Это преувеличение, и она это знает, но всё равно на душе у неё становится тепло.

5

Прежде чем отключиться, Пит напоминает Холли, что сейчас выходные, и, возможно, он не сможет выполнить её просьбу до понедельника, до второй половины дня. Холли, погружаясь в расследование, работает всё время, и воспринимает выходные, как досадную помеху. У неё три пропущенных звонка от Пенни и три голосовых сообщения. ГС обычно все однотипные: *где ты, как дела*. Холли перезвонит ей и сообщит новости, но сперва она хочет выкурить сигарету.

Она вытряхивает свою переносную пепельницу в мусорное ведро возле регистратуры мотеля, затем курит рядом с автоматом для льда. Когда в подростковом возрасте у Холли появилась эта вредная привычка, курить можно было везде, даже в самолётах. Холли считает, что новые правила – это огромный прогресс. Заставляет вас задуматься о том, что вы делаете, и как постепенно убиваете себя.

Холли звонит Пенни и даёт отчёт о проделанной работе, точный, но далеко не полный. Она пересказывает беседу с Кишей Стоун, опуская часть об Эллен Краслоу, и хотя Холли передаёт разговор с «Бандой

«Дэйри Уип», она не упоминает Питера Вонючку Стейнмана. Она расскажет о них, если окажется, что Краслоу и Стейнман связаны, но не раньше. Душевное состояние Пенни и без того тяжёлое, незачем вселять ей в голову мысль о серийном убийце.

Холли раздевается, надевает ночнушку со смайликом (которая достаёт ей почти до колен), плюхается на кровать и включает телевизор. Довольно долго перебирая каналы, она останавливается на «Ти-Си-Эм» и смотрит какой-то старый мюзикл, затем выключает телек. В ванной Холли тщательно моет руки и чистит зубы пальцем, ругая себя за то, что вместе с нижним бельём и ночнушкой не купила зубную щётку.

– То, что нельзя исправить, нужно перетерпеть, – бормочет Холли. Уснёт ли она сегодня после такого насыщенного событиями дня, или её мысли обратятся к матери, когда она будет лежать и слушать гул автоприцепов на шоссе, звук, всегда вызывающий у неё чувство одиночества? Как ни странно, ей кажется, что она заснёт. Холли достаточно хорошо знает себя и понимает, что у неё никогда не будет полного примирения со своей матерью, и что ложь Шарлотты – *заходит как-то новоиспечённая миллионерша в бар, удивляясь, как её мать могла сделать то, что сделала* – может изводить её ещё долго (особенно куча утаённых драгоценностей), но разве кто-нибудь когда-нибудь приходил к полному примирению? Особенно с родителями? Холли так не думает. Она думает, что примирение – это миф, но, по крайней мере, сегодня она немного поостыла, покурив на кухне и разбив вдребезги те статуэтки.

Холли опускается на колени, закрывает глаза и, как всегда, начинает молиться, говоря Богу, что это она, Холли... как будто Он не знает. Она благодарит Бога за безопасную поездку и за своих друзей. Она просит Его позаботиться о Пенни Даль. А также о Бонни, Пите и Эллен, если они всё ещё жи...

Вдруг Холли озаряет и её глаза распахиваются.

Может, дело не в месте или не только в нём.

Она садится на край кровати, включает свет и звонит Лэйкише Стоун. Холли ожидает, что в субботний вечер вызов переключится на

голосовую почту. Возможно, она на танцах в длинном доме, или – что более вероятно – Киша с друзьями выпивают в местном баре. Холли с радостью слышит голос Киши.

– Привет, это Холли. У меня всего один короткий вопрос.

– Спрашивай сколько влезет, – говорит Киша. – Я в прачечной кемпинга, смотрю, как сушилка с полотенцами крутится, крутится и крутится...

Почему красивая молодая женщина, такая как ты, занимается стиркой в субботу вечером? – этот вопрос Холли не задаёт. А спрашивает она вот что:

– Ты не знаешь, был ли у Эллен Краслоу автомобиль?

Холли ожидает, что Киша скажет «я не помню» или «я не знаю», но Киша удивляет её.

– Не было. Помню, она говорила, что её права, выданные в Джорджии просрочены, а это чертовски хороший способ нажить себе проблем при остановке полицией. Чёрная за рулём, ну ты понимаешь. Как Малик Даттон. Она хотела получить права здесь, но всё откладывала. Сказала, что в автоинспекции всегда толпа народа. Эллен ездила на работу и обратно на автобусе. Это как-то поможет?

– Возможно, – отвечает Холли. – Спасибо. Оставляю тебя снова наедине с полотенцами...

– О, есть ещё кое-что, – говорит Киша.

– Что?

– Иногда, если позволяла погода, Эллен пропускала автобус и отправлялась в «НорБэнк», неподалёку от её дома.

Холли хмурится.

– Я не...

– Там стоят велосипеды напрокат, – говорит Киша. – Целая шеренга перед входом. Просто выбираешь любой и оплачиваешь кредиткой.

Холли заканчивает молитву – теперь это просто заученные строки. Её мысли заняты нынешним делом. Если что-то и помешает ей заснуть этой ночью, то только оно, а не раздумья о миллионах Шарлотты. Холли мысленно представляет парк Дирфилд, с одной стороны Ридж-Роуд, а с другой – Ред-Бэнк-Авеню. Она видит «Колокольню», заброшенную автомастерскую и кафе-мороженое «Дейри Уип». Она думает: *«Место, место, место»*. И ещё о том, что ни у кого из пропавших не было автомобиля.

Впрочем, у Бонни был, но она не ездила в нём на работу. Она предпочитала свой велосипед. Элен тоже пользовалась велосипедом, когда не ездила на автобусе. А у Пита Стейнмана был скейтборд. Лёжа в темноте, сложив руки на животе, Холли задаёт себе вопрос, рождённый этими двумя совпадениями. Эта мысль приходила ей в голову и раньше, но только как гипотеза. Теперь она начинает казаться куда более реальной. Ей известны все совпадения, или есть и другие?

12 февраля 2021

1

Барбара стоит рядом с домом № 70 по Ридж-Роуд, одним из не-больших особняков в викторианском стиле на улице, плавно идущей под уклон. С тех пор, как она видела профессора Харриса, отмывающего то, что он называл (довольно высокопарно) своей колесницей, температура упала на тридцать градусов, и сегодня её красное зимнее облачение – пальто, шарф, шапка – не дань моде, а необходимость. Она снова сжимает в руках папку со стихами и боится до смерти.

Женщина, живущая в этом доме – её кумир. Величайшая, по мнению Барбары, американская поэтесса за последние шестьдесят лет. Она была знакома с Т. С. Эллиотом.⁵¹ Она переписывалась с Эзрой Паундом, когда он содержался в больнице Святой Елизаветы для душевнобольных преступников. А Барбара Робинсон – всего лишь подросток, не опубликовавшая в своей жизни ничего, кроме нескольких скучных (и, без сомнения, банальных) заметок в школьной газете.

Что она здесь забыла? Как она посмела?

Эмили Харрис сочла, что прочитанное ей стихотворение было хорошим – по её словам, *«в девятнадцать строк вложен изрядный груз отвращения и страха»*. Она даже предложила пару исправлений, которые показались Барбаре дельными. Но Эмили Харрис не написала «Из конца в конец» или «Улицу сердца». Эмили Харрис написала две книги литературной критики, выпущенные издательством при колледже. Барбара уточнила в интернете.

Сегодня утром, когда она уже начала думать, что не дожждётся ответа, Барбара получила электронное письмо от Оливии Кингсбери.

«Я прочитала ваше стихотворение. Если позволит ваше расписание, вы можете навестить меня сегодня в два. Если вы заняты, пожалуйста, напишите на мою электронную почту. Извините за краткость письма». Подписано: «Оливия».

⁵¹ Томас Стернс Эллиот – американско-британский поэт, издатель, критик и драматург. Лауреат Нобелевской премии. Считается одним из крупнейших поэтов 20-го века.

Барбара напоминает себе, что её пригласили, и это что-то да значит, но что если она поставит себя в глупое положение? Что если она потеряет дар речи и будет просто пялиться, как полная дура? Слава богу, она хоть не сказала родителям и Джерому, куда собирается пойти сегодня. Слава богу, она никому не сказа...

Дверь дома № 70 по Ридж-Роуд открывается, являя невероятно старую женщину, закутанную в доходящую до щиколоток меховую шубу и опирающуюся на две трости.

– Вы что, так и собираетесь тут стоять, юная леди? Входите, входите. Я не переносу холод.

Чувствуя себя не в своей тарелке – словно глядя на себя со стороны, – Барбара подходит к крыльцу и поднимается по ступенькам. Оливия Кингсбери протягивает ей тонкую руку.

– Осторожно, юная леди, очень осторожно. Никаких пожатий.

Барбара едва прикасается к пальцам пожилой поэтессы, думая о чём-то абсурдно-грандиозном и в то же время ясном, как день: *«Я прикасаюсь к величию»*.

Они входят внутрь и идут по короткому коридору, обшитому деревянными панелями. Оливия на ходу похлопывает по своей огромной шубе со словами:

– Псевдо, псевдо.

– Что? – переспрашивает Барбара, чувствуя себя глупо.

– Псевдомех, искусственный, – поясняет Оливия, – Подарок от внука. Поможете мне, хорошо?

Барбара снимает шубу с плеч пожилой поэтессы и перекидывает её через руку. Держит крепко, не желая, чтобы шуба выскользнула и упала на пол.

Гостиная небольшая; в ней несколько стульев с прямыми спинками и диван перед телевизором с самым большим экраном, что Барбаре доводилось видеть. Она почему-то не ожидала увидеть телевизор в доме поэта.

– Положите на стул, пожалуйста, – говорит Оливия. – И свою одежду тоже. Мари уберёт их. Она моя Пятница. Что вполне уместно, ведь сегодня пятница. Присаживайтесь на диван. Мне легче вставать со стульев. Вы – Барбара. Та, о ком Эмили писала мне по электронной почте. Рада познакомиться. Вам делали прививку?

– Эээ, да. «Джонсон и Джонсон».

– Хорошо. Мне делали «Модерна». Садитесь, садитесь.

Всё ещё чувствуя себя неловко, Барбара снимает пальто и кладёт на стул, почти полностью погребённый под невероятной шубой. Ей трудно поверить, что такая хрупкая женщина носит эту шубу, не сгибаясь под её тяжестью.

– Большое вам спасибо, что согласились уделить мне время, мисс Кингсбери. Я обожаю ваше творчество, это...

Оливия останавливает её движением руки.

– Не нужно этих фанатских реплик, Барбара. В этой комнате мы равны.

«Если бы», – думает Барбара и улыбается абсурдности этой мысли.

– Да, – говорит Оливия. – Да. Здесь у нас может состояться плодотворная дискуссия, а может и не состояться, но если мы будем общаться, то на равных. Ты будешь звать меня Оливией. Поначалу может быть трудно, но ты привыкнешь. И можешь снять маску. Если я подхвачу эту ужасную болезнь, несмотря на прививки, и умру – что ж, я достаточно пожила.

Барбара делает всё, что ей сказали. На столике рядом со стулом Оливии имеется кнопка. Хозяйка нажимает на неё и в глубине дома раздаётся звонок.

– Выпьем чая и познакомимся поближе.

При мысли о чае у Барбары замирает сердце.

Входит стройная молодая женщина, одетая в светло-коричневые брюки и простую белую блузку. У неё в руках серебряный поднос с принадлежностями для чаепития и тарелкой с печеньем «Орео».

– Мари Дюшан, это Барбара Робинсон.

– Очень приятно познакомиться, Барбара, – говорит Мари. Затем обращается к пожилой поэтессе. – У вас полтора часа, Ливви. Потом пора баиньки.

Оливия показывает ей язык. Мари отвечает тем же. Барбара от неожиданности не может удержаться от смеха, но когда обе женщины смеются вместе с ней, ощущение неловкости почти улетучивается. Барбара думает, что всё будет в порядке. Она даже выпьет чаю. По крайней мере, чашки маленькие, не как та бездонная кружка, из которой ей пришлось пить в доме Харрисов.

После ухода Мари, Оливия замечает:

– Она босс, но хороший босс. Не будь её, я жила бы в доме престарелых. Больше у меня никого нет.

Барбара знает об этом благодаря онлайн-исследованию. У Оливии Кингсбери было двое детей от двух разных любовников, внук от одного из этих детей, но она пережила их всех. Внук, подаривший ей огромную шубу, умер два года назад. Если Оливия доживёт до следующего лета, ей исполнится сто лет.

– Мятный чай, – говорит Оливия. – Мне можно кофеин по утрам, но не в течение дня. Периодическая аритмия. Не разольёшь ли, Барбара? Добавь немного сливок – это настоящие сливки, неразбавленные – и приличную щепотку сахара.

– Чтобы подсластить пилюлю, – отваживается вставить Барбара.

– Да, и самым восхитительным образом.

Барбара наливает чай им обеим и по настоянию Оливии берёт парочку «Орео». Чай вкусный. В нём нет того крепкого непонятого привкуса, из-за которого она вылила в раковину большую часть бурды профессора Харрис. Откровенно говоря, чай восхитителен. На ум приходит слово «*бодрящий*».

Они пьют чай и едят печенье. Оливия съедает три, просыпав несколько крошек себе на грудь, но не обращая на это внимания. Она спрашивает Барбару о её семье, школе, о спорте (Барбара занимается лёгкой атлетикой и играет в теннис), есть ли у неё парень (в настоящий момент – нет). Она вообще не говорит о писательстве, и Барбара начинает сомневаться – заговорит ли? Может, её пригласили сюда только для того, чтобы скрасить монотонность очередного дня, когда не с кем поговорить, кроме домработницы. Это разочаровывает, но не так сильно, как могла бы ожидать Барбара. Оливия проникательна, остроумна и современна. Взять хоть тот телевизор с огромным экраном. И Барбару впечатлило, как небрежно Оливия употребила слово «*фанатский*», которое не ожидаешь услышать из уст пожилой дамы.

Лишь позже, возвращаясь домой словно в тумане, Барбара поймёт, что Оливия кружила вокруг той вещи, что привела её сюда, как бы очерчивая её контур. Снимая мерку. Слушая, как говорит гостя. Барбару подвергли мягкому и тактичному допросу, как на собеседовании при приёме на работу.

Мари забирает чайные приборы. Оливия и Барбара благодарят её. Когда Мари уходит, Оливия наклоняется вперед и произносит:

– Скажи, почему ты пишешь стихи? Чего ты хочешь от этого занятия?

Барбара опускает взгляд на свои руки, затем снова смотрит на пожилую поэтессу, сидящую напротив. Лицо поэтессы похоже на обтянутый кожей череп, лиф платья усеивают крошки «Орео», на ногах массивные старушечьи туфли и розовые чулки, но глаза сверкают и взгляд совершенно *осознанный*. Барбаре этот взгляд кажется волевым. Почти неистовым.

– Потому что я не понимаю этот мир. Я почти не *различаю* его. Иногда это сводит меня с ума, я не шучу.

– Хорошо, а делает ли сочинение стихов мир более понятным и менее безумным?

Барбара вспоминает, как изменилось лицо Ондовски в лифте, и как всё, что казалось ей реальностью, в этот миг пошло рябью. Она думает о звёздах на краю вселенной, невидимых, но горящих. Горящих. И она смеётся.

– Нет! *Менее* понятным! *Более* безумным! Но в этом занятии есть что-то особенное... Я не могу объяснить...

– Думаю, ты можешь, – говорит пожилая поэтесса.

Ну, может быть. Немного.

– Иногда я пишу строку... или больше одной строки... иногда целое стихотворение... и думаю: «Вооот. Хорошо получилось». И это умиротворяет. Словно у тебя чешется спина между лопатками, и ты думаешь, что не сможешь дотянуться, но ты можешь, ещё чуть-чуть, и, о боже... какое *облегчение*.

– Избавление от зуда приносит облегчение, – говорит пожилая поэтесса. – Не так ли?

– Да! – почти выкрикивает Барбара, – *Да!* Или словно это нарыв, гнойник, и ты... ты должна...

– Ты должна выдавить гной, – заканчивает Оливия. Она поднимает большой палец вверх, как автостопщик на дороге. – В колледже этому не учат, верно? Нет. Идея о том, что творческий порыв – это способ избавиться от яда... или своего рода творческая дефекация... нет. Там

такому не учат. Не смеют. Это слишком приземлённо. Слишком *заурядно*. Прочти мне написанную тобой строчку, которая тебе нравится. Ту, что дала тебе ощущение избавления от зуда.

Барбара задумывается. Она больше не нервничает. Она слишком занята, чтобы нервничать.

– Что ж, в стихотворении, которое вам прислала профессор Харрис, есть строка, которая мне по-прежнему нравится: *Именно так пронзают птицы небо на закате*». Она не идеальна, но...

Оливия поднимает руку, словно регулировщик уличного движения.

– В стихотворении, что я прочитала, ты написала «Как». «Как пронзают птицы небо на закате».

Барбара поражена. Оливия процитировала строчку дословно, хотя перед ней нет текста.

– Да. Профессор Харрис предложила заменить «Именно так ...» на «Как...». Поэтому я исправила.

– Потому что ты думала, что её версия лучше?

Барбара собирается сказать «да», но замолкает. Это похоже на вопрос с подвохом. Нет, не так. Эта женщина не задаёт вопросов с подвохом (хотя Эмили Харрис на такое способна, по мнению Барбары). Но это может быть контрольный вопрос.

– Тогда я так подумала, но...

– Но теперь ты уже не уверена. Знаешь почему?

Барбара обдумывает вопрос и качает головой. Если это был проверочный вопрос, то, как она догадывается, она только что завалила тест.

– Может, потому, что в твоей первоначальной версии слова продолжают *ритм* стихотворения? Может, «Именно так...» ложится в ритм, а «Как...» клацает, будто сломанная клавиша у пианино?

– Это же всего лишь одно слово... ну, два.

– Но в стихотворении важно каждое слово, разве нет? Даже в свободном стихе, *особенно* в свободном стихе, ритм должен присутствовать. Биение сердца. Твоя версия – это поэзия. У Эмили получилось прозаично. Она предлагала тебе помочь с творчеством, Барбара?

– Думаю, в некотором роде. Она сказала, что если я не получу ответа от вас, то могу рассматривать её, как заинтересованную сторону.

– Да, это та Эмили, которую я знала. Эмили повсюду. У неё страсть к управлению. Она начинает с советов, и в конечном итоге твои стихи становятся её стихами. В лучшем случае, это сотрудничество. Она хорошо справляется с тем, чем занимается сейчас, сидя на пенсии – с проверкой письменных работ для писательского семинара, но в качестве учителя или наставника она похожа на инструктора по вождению, который постоянно перехватывает руль у ученика. Она ничего не может с собой поделаться.

Барбара прикусывает губу, размышляя, и рискует зайти чуть дальше:

– Она вам не нравится?

Наступает очередь пожилой поэтессы задуматься. Наконец, она отвечает:

– Мы коллеги.

«*Это не ответ*, – думает Барбара, – *А может, как раз он и есть*».

– Когда много лет назад я преподавала поэзию в колледже Белла, мы с Эмили были соседями на кафедре английского языка. И когда она оставляла свою дверь открытой, я иногда невольно подслушивала её занятия со студентами. Она никогда не повышала голос, но часто он звучал... можно сказать, грозно. Многие взрослые способны противостоять подобным вещам, но студенты, особенно подлизы – совсем другое дело. *А тебе она понравилась?*

– Мне показалось, что с ней всё в порядке. Не отказалась поговорить с подростком, чуть ли не вломившимся к ней в дом. – Но в памяти Барбары оживает противный чай.

– Ага. А ты встречалась с её мужем, второй половиной их легендарного любовного союза?

– Мимоходом. Он мыл машину. Мы почти не разговаривали.

– Этот человек – сумасшедший, – говорит Оливия. В её голосе нет злости, но и не похоже, что она шутит. Это просто однозначное заявление, вроде «сегодня облачно». – Можешь не верить мне на слово. Перед выходом на пенсию, он был известен в научных кругах, как Буйный Родди, Безумный Диетолог. За несколько лет до того, как он окончательно оставил преподавание, – хотя, возможно, за ним сохранилось право на лабораторные работы, я точно не знаю, – он вёл восьминедельный семинар под названием «Мясо – это жизнь». Что наводит на

мысль о Ренфилде из «Дракулы». Ты ведь читала? Нет? Ренфилд – лучший персонаж. Он заключён в сумасшедшем доме, где поедает мух и без конца повторяет: «кровь – это жизнь». Блядь, я заболталась.

У Барбары отвисает челюсть.

– Не удивляйся так, Барбара. Нельзя хорошо писать без умения сквернословить и способности видеть грязь. Иногда, чтобы превозносить грязь. Всё, что я говорю – не из ревности, не из чувства собственности. Тебе следует держаться подальше от профессоров Харрис. Особенно от неё. – Оливия смотрит на Барбару. – А теперь, если считаешь меня ревнивой старухой, оклеветавшей свою коллегу, пожалуйста, так и скажи.

– Всё, что я знаю, – говорит Барбара, – её чай ужасен.

Оливия улыбается.

– На этом мы закроем тему, хорошо? В этой папке твои стихи?

– Некоторые из них. Те, что покороче.

– Прочти их мне.

– Вы уверены? – Барбара в ужасе. Барбара в восторге.

– Конечно, уверена.

Барбара дрожащими руками открывает свою папку, но Оливия этого не замечает; она откидывается на спинку кресла и прикрывает свои волевые глаза. Барбара читает стихотворение под названием «Двойной образ». Она читает еще одно, под названием «Око декабря». И еще одно, «Трава поздним вечером»:

– Кончилась буря и солнце на небе

Скажет своим миллионам теней,

Ветра почувствовав вдруг дуновенье:

"Вечность пребудет, и вы вместе с ней".

И они подчинятся.

Пожилая поэтесса открывает глаза и зовёт Мари. У неё на удивление сильный голос. Барбара встревоженно думает, что её сочли бестолковой пустышкой, и женщина в светло-коричневых слаксах выводит её вон.

– У вас ещё двадцать минут, Ливви, – напоминает Мари.

Оливия не обращает на это внимания. Она смотрит на Барбару.

– Ты посещаешь занятия лично или с помощью «Зума»?

– Пока через «Зум», – отвечает Барбара. Она надеется, что сдержит слёзы до тех пор, пока не выйдет отсюда. Она-то думала, что всё идёт хорошо, вот незадача.

– Когда ты сможешь прийти? Лучше всего утром. Я тогда бодр... насколько можно быть бодрой в мои годы. Тебя устроит? Мари, принеси книжку.

Мари выходит, оставив Барбаре ровно столько времени, сколько нужно, чтобы вновь обрести дар речи.

– У меня нет занятий до одиннадцати.

– Полагаю, ты рано встаёшь, это прекрасно.

Вообще-то Барбара далеко не «жаворонок», но она думает, что это скоро изменится.

– Ты сможешь приходить с восьми до девяти? Или до половины десятого?

Мари возвращается с записной книжкой.

– До девяти, – говорит она. – До полдесятого слишком долго, Ливви.

На этот раз Оливия не высовывает язык, но корчит забавную рожицу, как ребёнок, которого заставляют доедать брокколи.

– Тогда, с восьми до девяти. В понедельник, вторник и пятницу. Среды отданы чёртовым докторам, а четверги – грёбаной тёлке-физиотерапевту. Этой *гарпии*.

– Меня всё устраивает, – говорит Барбара. – Конечно, я могу приходить.

– Оставь принесённые стихи. И принеси ещё. Если у тебя есть мои книги, которые ты хотела бы подписать – приноси в следующий раз, и мы покончим с этой ерундой. Я тебя провожу. – Оливия нащупывает свои трости и начинает медленно подниматься. Это всё равно, что наблюдать в замедленной съёмке за возведением здания из деталей конструктора. Мари приближается, желая помочь, но пожилая поэтесса отмахивается, чуть не падая при этом обратно на кресло.

– Вам не нужно... – начинает Барбара.

– Нужно, – отрезает Оливия. Она уже запыхалась. – Я справлюсь. Пойдём. Накинь мне на плечи мою шубу.

– Псевдо, псевдо, – неосознанно произносит Барбара. Также она пишет некоторые свои строки – часто лучшие строки – неосознанно.

Оливия не просто смеётся над этим, она гогочет. Они медленно бредут по короткому коридору, старушку поэтессу почти не видно под меховой шубой. Мари поблизости, наблюдает за ними. *«Наверное, готовится собирать осколки, если Оливия упадёт и разобьётся, как древняя фарфоровая ваза»*, – думает Барбара.

Возле двери, хрупкая рука хватается за запястье Барбары. Тихим голосом с лёгким запахом изо рта, Оливия говорит:

– Эмили спрашивала, связаны ли твои стихи с тем, что ей нравится называть «чёрным опытом»?

– Ну... она говорила что-то подобное...

– Прочитанное мной стихотворение, и те, что читала ты, не о том, каково быть чёрным, не так ли?

– Нет, не о том.

Рука на запястье Барбары сжимается.

– Я собираюсь задать тебе вопрос, юная леди, и не смей мне солгать. Не смей. Пообещай мне.

– Я обещаю.

Пожилая поэтесса наклоняется ближе, вглядываясь в юное лицо Барбары. Она шепчет:

– Ты ведь понимаешь, что у тебя хорошо получается?

«Как вы можете знать, на основе трёх или четырёх стихотворений?» – думает Барбара.

Но она шепчет в ответ:

– Да.

2

Она идёт домой словно в тумане, думая о последних словах Оливия. «Подарки хрупкие. Ты никогда не должна доверять свою жизнь тем, кто может её разрушить». Она не уточняет, о ком говорит, но Барбаре это и не нужно. Она получила, что хотела, и не собирается вновь возвращаться в дом Харрисов.

25 июля 2021

1

Холли заходит в свой офис и видит, что вся мебель пропала. Не только стол с креслами, но и её компьютер, телевизор и ковёр. Её мать стоит у окна и смотрит на улицу, так же, как это делает Холли, когда, по выражению Шарлотты, надевает свою *думательную шапочку*. Шарлотта оборачивается. Её глаза глубоко запали, а лицо серовато-жёлтое. Она выглядит как в последний раз, когда Холли разговаривала с ней в больнице, незадолго до того, как её мать впала в кому.

– Теперь ты можешь пойти домой, – произносит Шарлотта.

2

Открыв глаза, Холли сначала не понимает, где находится, но испытывает облегчение, что не в своём пустом офисе. Она оглядывается вокруг, и мир – реальный мир – обретает свою форму. Это комната на втором этаже «Дейз Инн», находящегося на полпути к городу. Её мать мертва. Первая мысль Холли после пробуждения: *я в безопасности*.

Она идёт в ванную помочиться, затем некоторое время просто сидит на унитазе, закрыв лицо руками. Она ужасный человек, потому что приравнивает безопасность к смерти своей матери. И ложь Шарлотты этого не оправдывает.

Холли принимает душ и надевает чистое нижнее бельё, пока её мать твердит ей, что купленную одежду всегда следует стирать перед ноской. *«О, Холли, неизвестно, чьи руки к ней прикасались – сколько раз я тебе говорила?»*

Под дверь номера просунуты два листка бумаги. Один – это счёт за ночёвку. Другой озаглавлен «ПОРЯДОК ЗАВТРАКА». В нём говорится, что вакцинированные постояльцы могут свободно насладиться шведским столом в «нашей приятной обеденной зоне». Если вы не привиты, пожалуйста, возьмите поднос с собой в номер.

Холли никогда особенно не любила шведский стол в мотелях, но она проголодалась, и поскольку прошла вакцинацию, она завтракает в маленькой столовой, где кроме неё присутствует только полный мужчина, с угрюмой сосредоточенностью уткнувшийся в свой телефон. Холли отказывается от яичницы-болтуни (в буфетах мотелей яйца всегда полусырые или пережаренные до угольков), и берёт один резиновый блинчик, овсяные хлопья «Альфа-Битс» в одноразовой тарелке и чашку дрянного кофе. Холли забирает с собой булочку к завтраку в целлофановой обёртке и съедает её рядом с автоматом для льда после первой за день сигареты. Электронное табло перед банком через дорогу в семь утра показывает уже семьдесят пять градусов.⁵² Её мать мертва, а день предстоит жаркий.

Холли возвращается в номер, заправляет маленькую кофеварку – одной чашки недостаточно после ужасного сна – и включает свой айпад. Она находит видеозапись с камеры наблюдения «Джет Март» и просматривает её. Жаль, что гадский объектив камеры так загажен. Неужели никому никогда не приходило в голову почистить его? Холли идёт в ванную, закрывает дверь, выключает свет, садится на крышку унитаза и снова просматривает видео, держа айпад в трёх дюймах от лица.

Она выходит из ванной, наливает себе кофе – не такой дрянной, как в буфете, но немногим лучше, – и выпивает его стоя. Затем возвращается в ванную, закрывает дверь, выключает свет и смотрит видео в третий раз.

8:04 вечера, ночь на первое июля, чуть больше трёх недель назад. А вот и Бонни, едет на велосипеде по Ред-Бэнк-Авеню со стороны колледжа на вершине холма. Снимает шлем. Встряхивает волосы. Шлем она оставляет на сиденье велосипеда, который позже найдут брошенным дальше по улице, и просто напрашивающимся на угон. Бонни заходит в магазин...

⁵² +24 градуса по Цельсию.

Холли перематывает видео назад – Бонни снимает шлем, встряхивает волосы – и нажимает на *паузу*. Перед тем как волосы Бонни падают ей на лицо, Холли замечает проблеск золота. Она пальцами увеличивает изображение, и сомнений тут быть не может: это такая же треугольная серёжка, что Холли нашла в кустах.

– Эта девушка мертва, – шепчет Холли. – О, Боже, она мертва.

Холли снова запускает видео. Бонни достаёт содовую из холодильника, разглядывает снеки, собирается взять упаковку «Хо-Хос», передумывает и подходит к кассе. Продавец что-то говорит, от чего они оба смеются, и Холли думает: *«Она не первый раз заходит в этот магазин»*. Холли нужно поговорить с этим продавцом. Если возможно, то сегодня.

Бонни убирает бутылку в рюкзак. Говорит что-то ещё продавцу. Он показывает ей поднятый большой палец. Она уходит. Надевает шлем. Взбирается на велосипед. Крутит педали, на прощание коротко помахав продавцу. Он машет в ответ. И это всё. Часы в нижней части экрана показывают: 8:09.

Холли встаёт, тянется к выключателю, затем снова опускается на крышку унитаза. Она опять запускает видео, в этот раз не обращая внимание на Бонни и продавца. Холли жалеет, что камеру не установили немного ниже, но, разумеется, её предназначение – показывать магазинных воришек, а не следить за движением на Ред-Бэнк-Авеню. Благо, Холли не интересуется часть дороги, идущая в гору, только автомобили, движущиеся в направлении заброшенной автомастерской, где был найден велосипед. Она может рассмотреть только нижнюю часть машин; верхнюю часть закрывает передняя витрина магазина.

Похититель Бонни – Холли больше не сомневается, что это *был* похититель – мог уже поджидать её у автомастерской, но мог и следовать за ней, а затем проехать вперёд, на нужное место, пока она совершала привычный поход в магазин.

«Поступив так, он бы сократил время нахождения на стоянке в ожидании Бонни, – думает Холли. – Меньше шансов засветиться и навлечь на себя подозрения».

Восемь часов вечера в будний день, и платное ответвление магистрали оттянуло большую часть трафика, идущего в центр города. *«Вот почему, – думает Холли, – большинство фирм на этом участке Ред-Бэнк-Авеню закрылись, включая заправочную станцию, «Квик-Пик» и автомастерскую».*

Холли насчитала всего пятнадцать легковых машин, проехавших с холма мимо магазина, плюс два пикапа и фургон. Она перематывает запись назад и просматривает заново, в этот раз нажимая на паузу, когда мимо проезжает фургон. Бонни застыла у стойки со снеками. Продавец кладёт сигареты на одну из полок в витрине за кассой.

Холли снова подносит экран вплотную к лицу и пальцами увеличивает картинку. Долбаная грязная камера! К тому же верхняя часть фургона отрезана границей передней витрины магазина. Холли удаётся разглядеть руку водителя на руле, и это белая рука, если бы это могло как-то помочь, но совершенно не помогает. Она уменьшает изображение до первоначального размера. Фургон либо грязно-белый, либо светло-синий. Сбоку, вдоль нижней части водительской двери и кузова идёт полоса. Она определённо тёмно-синяя. Холли интересно, смогли бы Пит или Джером определить, что это за фургон. Она сомневается, но если вы собираетесь похитить молодую женщину, подобный фургон как раз то, что нужно. Боже, если бы она только могла разглядеть номерной знак!

Холли отправляет видеозапись Питу и Джерому с вопросом, может ли кто-нибудь из них определить марку фургона или, по крайней мере, сузить круг поиска. Сегодня утром Wi-Fi работает лучше, и перед отъездом Холли заходит на сайт департамента полиции с сообщениями о пропавших без вести, введя 2018 год. В районе озера проживает более четырёхсот тысяч жителей, поэтому Холли без особого удивления обнаруживает в списке более сотни имён. Среди них имя Питера Стейнмана. Но не Эллен Краслоу. Вероятно, потому что о её исчезновении никто не сообщал; Киша предположила, что та просто уволилась с работы и вернулась в Джорджию. Рядом с именами пяти человек,

числившихся пропавшими без вести, указана дата обнаружения их тел и одно слово: ПОГИБ.

3

По дороге в город Холли изводит мысль о нижнем белье «Доллар Дженерал», новом, но не стиранном, и она осознаёт, что её мать на самом деле не умерла и не умрёт, пока не умрёт сама Холли. Она сворачивает на съезд к Риджленду и, стоя на красном сигнале светофора, проверяет заметки в айпаде, затем направляется на Истленд-Авеню, проходящую недалеко от колледжа Белла. Она подмечает, что дело Бонни продолжает возвращать её в район колледжа.

На южной стороне холма располагаются величественные дома в викторианском стиле, спускающиеся к парку; на этой же стороне – в основном трёхэтажные многоквартирные дома, где проживают студенты. Некоторые из домов в довольно хорошем состоянии, но многие другие пришли в упадок, краска облупилась, а на участках бардак. В некоторых дворах валяются пустые пивные банки, а в одном из них стоит двенадцатифутовая надувная фигура, шелестящая, болтающаяся из стороны в сторону и машущая своими длинными красными руками. Холли предполагает, что её, возможно, спёрли из автосалона.

Она проезжает через торговый район, занимающий два квартала и ориентированный на студентов: три книжных магазина, пара травяных лавок (одна называется «Грейтфул Деад»),⁵³ множество пиццабургер-тако заведений, и не меньше семи баров. В это жаркое воскресенье (ещё нет и полудня) большинство заведений закрыто, и пешеходов почти нет. За магазинами, общепитами и барами снова начинаются многоквартирные дома. На лужайке перед домом № 2395 по Истленд-Авеню нет надувной фигуры, вместо неё из выжженной травы

⁵³ Американская рок-группа, популярная в 60-80-х, возглавляемая скандально известным Джерри Гарсиа.

торчат по меньшей мере две дюжины фламинго. На одном берет, привязанный обрывком ленты; на голове другого болтается ковбойская шляпа; третий стоит в ненастоящем колодце желаний.

«Студенческий юмор», – думает Холли, подъезжая к обочине.

В доме всего два этажа, но он раскинулся по всему участку, будто изначальный строитель не мог заставить себя остановиться. На подъездной дорожке, бампер к бамперу, бок о бок, теснятся пять автомобилей. Шестой стоит на траве, на взгляд Холли до того пожухлой и вялой, что хуже ей уже не будет.

На бетонной ступеньке крыльца сидит, низко опустив голову, молодой парень и курит то ли сигарету, то ли косяк. Пока Холли выходит из машины, он поднимает голову – голубые глаза, чёрная борода, длинные волосы, – затем, снова опускает. Она пробирается между фламинго, которые показались какому-то парню или парням верхом остроумия.

– Приветствую. Меня зовут Холли Гибни, и я хотела...

– Если ты мормон или из этих адвентистов, то уходи.

– Я не из них. Ты случайно не Том Хиггинс?

Услышав имя, парень поднимает голову. Ярко-голубые глаза пронизаны красными прожилками.

– Нет, не я. Уходи. У меня самое ебучее похмелье в мире. – Он машет рукой, показывая себе за спину. – Остальные ещё дрыхнут.

– Лихорадка субботним вечером, после которой следует воскресный отходняк, – говорит Холли.

Бородач смеётся над этим, затем морщится.

– Твоя правда, шеф.

– Не хочешь кофе? Дальше по улице есть «Старбакс».

– Звучит заманчиво, но я не думаю, что смогу дойти.

– Я отвезу.

– И заплатишь, Долли?

– Холли. Да, и заплачу.

Присутствие в её машине незнакомого человека – крупного, бородатого и страдающего похмельем – при других обстоятельствах могло бы потрепать нервы Холли, но этот парень по имени Рэнди Холстен, кажется ей не более опасным, чем Пи-Ви Херман,⁵⁴ по крайней мере, в его нынешнем состоянии. Он опускает пассажирское стекло и подставляет лицо жаркому ветру, как лохматый пёс, жадно ловящий каждый проносящийся мимо запах. Это радует Холли. Если его вырвет, то, скорее всего, на дорогу, а не в салон. Холли вспоминает поездку Джерома в больницу с Верой Стейнман.

В «Старбаксе» немногочисленно. У некоторых посетителей тоже похмелье, хотя, возможно, не такое сильное, как у молодого мистера Холстена. Холли берёт ему двойной капучино, а себе американо. Они занимают места снаружи, в скудной тени навеса. Холли снимает маску. Кофе крепкий, вкусный, и перебивает послевкусие после мотельной жижи, выпитой утром. Когда Холстен начинает потихоньку оживать, Холли спрашивает его, не отсыпается ли и Том Хиггинс в том Доме Фламинго.

– Нет. Он в Лост-Вэйгес⁵⁵. По крайней мере, насколько я знаю. Билли и Хината двинули в ЛА, но Том остался. Что неудивительно.

Холли хмурится.

– Лост-Вэйгес?

– Сленг, сестричка. Это Лас-Вегас. Город, созданный для таких, как монсренёр Хиггинс.

– Когда он уехал?

– В июне. В середине месяца. Угнал, не внеся свою долю квартплаты. И, скажу тебе, таким Том был во всём.

Холли вспоминает короткое и жёсткое описание личности Тома Хиггинса, данное Кишей: *слабак, неудачник, укурок*.

⁵⁴ Комедийный персонаж с безобидной «детской» внешностью, созданный Полом Рубенсом.

⁵⁵ Lost Wages – профуканные деньги. Прозвище Лас-Вегаса, отсылающее к туристам, проигрывающим там деньги в казино.

– Ты уверен, что это была середина июня? А те двое других уехали с ним?

– Ага. Сразу после вечеринки на День Свободы⁵⁶. И да, они втроём укатили на «мустанге» Билли. Том Офигенный из тех челов, которые будут высасывать из своих корешей, всё, что только можно. Думаю, они поумнели. Кстати, о сосании: можно мне ещё кофе?

– Я заплачу, а ты принесёшь. И мне тоже.

– Снова американо?

– Да, пожалуйста.

Когда Холстен возвращается с кофе, Холли говорит:

– Похоже, Том тебе не очень нравился.

– Поначалу нет. Он в какой-то мере обаятельный – например, девушка, с которой он встречался, была ему *далеко* не по зубам, – но обаяние быстро сходит на нет. Как позолота на дешёвом кольце.

– Красиво ввернул. Чувствуешь себя лучше, да?

– Немного. – Холстен качает головой... но осторожно. – Всё, отныне в завязке.

«*До следующей субботы*», – думает Холли.

– В чём, собственно, дело? Какой у тебя интерес к Тому?

Холли рассказывает, умалчивая об Эллен Краслоу и Питере Стейнмане. Рэнди Холстен увлечённо слушает. Холли с интересом наблюдает, как из его глаз быстро уходит краснота. Чем старше она становится, тем больше её поражает стойкость молодёжи.

– Ага, Бонни. Значит, так её звали. Она пропала, да?

– Точно. Ты её знал?

– Встречал, не более того. На вечеринке. Может быть, пару раз до этого. Вроде бы на новогоднем тусиче. Она просто бомба. Ноги от ушей. – Холстен трясёт рукой, будто дотронулся до чего-то горячего. – Её привёл Том, но наш дом не совсем в её *антураже*, если ты понимаешь, о чём я.

– Не понравились фламинго?

⁵⁶ День отмены рабства, отмечается 19-го июня.

– Это недавняя придумка. С той вечеринки я её не видел. Она порвала с Томом. Я немного поболтал с ней. Ничего такого, просто обычный разговор ни о чём. И думаю, как раз после этого произошёл разрыв. Или вот-вот должен был произойти. Я был на кухне. Там-то мы и трепали языками. Может, она ушла от пустой болтовни, или, может, от Тома. Он ошивался в гостиной, наверное, пытался намотать дури.

– Что она сказала?

– Не помню. Я был сильно пьян. Но если ты думаешь, что он мог что-то с ней сделать, то забудь. Том неконфликтный тип. Он больше «не-одолжишь-мне-полтинник-до-следующей-пятницы» тип.

– И ты уверен, что он не возвращался с июня? – Холли повторяет ему то, что говорила Кише. – Я просто пытаюсь расставить все точки над «і».

– Если и вернулся, то я его не видел. Но не думаю. Как я и сказал, Лас-Вегас создан для таких, как он.

– У тебя есть его номер?

Холстен находит номер в своём телефоне и Холли переписывает к себе, хотя она уже близка к тому, чтобы исключить Тома Хиггинса из списка вероятных подозреваемых, тем более он никогда не был в первой тройке. Не то чтобы у неё был список.

– Если позвонишь ему, то ответит робот, который только повторит номер и попросит оставить сообщение.

– Он отслеживает звонки.

– Такие, как Том, только этим и занимаются. Думаю, он должен денег. И не только за квартиру.

– А за неё сколько он задолжал?

– Свою долю за два месяца. Июнь и июль. Пятьсот долларов.

Холли протягивает Холстену визитку из своей сумочки.

– Если что-нибудь вспомнишь, может, что-то сказанное девушкой на вечеринке, позвони мне.

– Блин, я не знаю. Я был в говно. Могу утверждать только одно: она была хороша собой. Не по зубам Тому, как я уже сказал.

– Я понимаю, но на всякий случай.

– Хорошо. – Холстен кладёт карточку в задний карман джинсов, где, по мнению Холли, она так и останется, пока после стирки не превратится в пыль. Рэнди Холстен улыбается. Это очаровательно. – Я думаю, Томми начал ей надоедать. Как итог – разрыв.

Холли отвозит Холстена обратно к хаотично выстроенному многоквартирному дому. Он достаточно очухался и больше не высовывается из окна. Благодарит её за кофе, и Холли снова напоминает ему позвонить, если он что-нибудь вспомнит, в этот раз просто для проформы. Она почти уверена, что получила от Холстена всё, что он мог дать – номер телефона, который, вероятно, ни к чему не приведёт.

Тем не менее, когда Холли возвращается в торговый район Истленд-Авеню, она заезжает на пустую парковку – их там хватает – и набирает номер Тома Хиггинса. В Лас-Вегасе на два часа раньше, но не *слишком* рано. После первого гудка раздаётся механический голос, о котором предупреждал Холстен. Холли представляется, говорит, что Бонни Даль исчезла и просит Тома перезвонить (она называет его мистер Хиггинс). Затем Холли едет домой, снова принимает душ и бросает нижнее бельё из «Доллар Дженерал» в стиралку.

5

Пока стиральная машина делает своё дело, Холли заходит в «Твиттер» и вводит фамилию Краслоу. Она не ожидает длинного списка – это не та фамилия, которую можно услышать каждый день – и получает всего дюжину результатов. На страницах двух Краслоу есть уменьшенные фото чернокожих мужчины и женщины. У двух других на фото белые женщины. У остальных восьми либо пустые аватарки, либо мультяшные.

По работе Холли регулярно использует «Фэйсбук», «Инстаграм» и «Твиттер». Билл её этому не учил; он был старой школы. Она может отправить сообщения дюжине Краслоу в «Твиттере» с одного из своих аккаунтов, написав вкратце: *«Я ищу информацию об Эллен Краслоу из округа Бибб, штат Джорджия. Если вы её знаете, – пожалуйста,*

ответьте». Даже если Краслоу, с которой надеется связаться Холли, нет в «Твиттере», велика вероятность, что с ней знаком и передаст сообщение кто-то из остальных двенадцати. Проще простого, ничего особенного, Холли делала так и раньше, во время поисков пропавших людей (в основном беглецов из-под залога) и потерявшихся домашних животных. Нет причин не поступить сейчас также, но Холли задумывается, хмуро разглядывая список имён на своём настольном компьютере.

Откуда сомнения?

Холли не может придумать никакой веской причины, но интуиция подсказывает ей не делать этого. Она решает отложить этот логичный шаг и всё обдумать. У неё будет на это время, пока она ездит в «Джет Март» на беседу с продавцом, обслужившим Бонни.

Когда Холли выходит из квартиры, у неё звонит телефон. Она думает, что это либо Пенни, желающая узнать новости, либо Том Хиггинс, звонящий из Лас-Вегаса, если предположить, что он там. Но это Джером и голос у него взволнованный.

– Ты думаешь, кто-то затащил её в тот фургон, Холли? Я прав?

– Я допускаю, что это возможно. У тебя есть что мне сообщить?

– Я просмотрел множество автомобильных сайтов, и это может быть «Тойота Сиенна». *Может* быть. Камера видеонаблюдения слишком грязная...

– Я знаю.

– ...И видно только нижнюю половину. Но это не «Шеви Экспресс», будь уверена. Мог быть «Форд», но будь это финал викторины, я бы поставил на «Сиенну».

– Хорошо, спасибо. – Не сильно-то это помогло.

– Есть что-то странное в машине.

– Правда? Что?

– Не знаю. Я посмотрел видео дюжину раз и всё равно не знаю.

– Полоса? Синяя, внизу.

– Нет, не это. На многих фургонах есть полосы. Что-то другое.

– Что ж, если поймёшь, дай мне знать.

- Жаль не видно номерного знака.
- Да, – отвечает Холли. – Вот бы было здорово, а?
- Холли?
- Я всё ещё тут. – Она направляется к лифту.
- Думаю, это серийник. Я уверен.

6

Холли выезжает с парковки, когда её телефон снова звонит. На экране высвечивается «НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР». Она останавливается и отвечает на звонок. Холли почти уверена, что мистер Неизвестный Номер – это Том Офигенный.

– Здравствуйте, это Холли Гибни, чем могу помочь?

– Я Том Хиггинс. – На заднем плане Холли слышит электронное «звяк», «дзинь» и звон колокольчиков. Звуки казино. Все сомнения в том, что Том Хиггинс не в Лас-Вегасе, отпадают. – Можете помочь, если объясните, что вы там говорили про исчезновение Бонни?

– Подождите. Я припаркуюсь. – Холли встаёт на свободное место. Она никогда не разговаривает по телефону за рулём, если только совсем уж припрёт, и считает людей, ведущих себя иначе, идиотами. Это не просто противозаконно, это опасно.

– Где она?

Холли подумывает, не спросить ли у него, какая часть слова «исчезла» ему непонятна. Вместо этого она говорит Хиггинсу, что её наняла мать Бонни и пересказывает то, что ей удалось выяснить на данный момент. Не так уж много. Когда Холли заканчивает, наступает долгая пауза. Холли не утруждает себя вопросом, там ли ещё Хиггинс – звяканье и дзиньканье продолжают.

Наконец он произносит:

– Ага.

«И это всё?» – думает Холли.

– У вас есть предположения, где она может быть, мистер Хиггинс?

– Нет. Я бросил её прошлой зимой. Она завела разговор – не напрямую, а как обычно делают женщины, ну вы знаете – о долгосрочных отношениях, а я уже запланировал поездку сюда.

Холли не говорит ему, что *слышала другую версию «кто-кого-бросил»*.

– Вам кажется возможным, что она уехала, никому ничего не сказав?

– По вашим словам, она всем рассказала, – отвечает Том. – Она оставила записку, разве нет?

– Да, но вот так спонтанно? Бросив свой велосипед? Бонни была настолько импульсивной?

– Иногда... – Этот осторожный ответ наводит Холли на мысль, что он говорит то, что она, по его мнению, хочет услышать.

– Не взяв с собой никакой одежды? И не пользуясь кредитной картой или телефоном последние три недели?

– Ну и что? Наверное, Бонни надоела её мать. Она люто ненавидела её.

По словам Киши, нет. Если верить Кише, они недолюбливали друг друга, но любовь никуда не ушла. Как-никак, Пенни ездит на машине, обклеенной фотографиями дочери.

– Вероятно, она никому не звонит, чтобы её мать не отправила за ней Королевскую канадскую конную полицию. Или кого-то, вроде вас. Ждёт не дождётся, когда вернёт её и снова начнёт учить жизни.

Холли решает сменить тему.

– Вам нравится Лас-Вегас, мистер Хиггинс?

– Да, тут классно. – Осторожность сменяется оживлением. – Это город событий.

– Судя по звукам, вы в казино.

– Да, в «Бинионс». Пока я работаю крупье, но стремлюсь выше. И чаевые просто фантастические. Кстати, насчёт работы, у меня почти закончился перерыв. Приятно было с вами пообщаться, миз Гибни. Хотел бы пожелать вам удачи в поисках Бонни, но поскольку вы работаете на Королеву-Сучку, увы, воздержусь. Извините.

– Пожалуйста, ещё один вопрос, пока вы не ушли.

– Давайте побыстрее. Мой гадский босс уже машет рукой.

– Я разговаривала с Рэнди Холстеном. Вы задолжали пятьсот долларов за квартиру.

Том смеётся.

– Когда рак на горе свистнет.

– Сейчас я как свистну, – говорит Холли. – Я знаю, где вы работаете. Что, если я попрошу своего юриста позвонить вашему руководству, и у вас вычтут пятьсот долларов из зарплаты? – Холли не знает, сможет ли на самом деле проверить это, но прозвучало внушительно. Она всегда проявляла больше находчивости в телефонных разговорах. И больше напора.

На этот раз ни осторожности, ни оживления в голосе. Обида.

– Зачем вам это? Вы же не работаете на Рэнди!

– Потому что, – говорит Холли тем же строгим голосом, каким разговаривает с Джеромом, – вы не кажетесь мне хорошим человеком. По многим причинам.

На мгновение воцаряется тишина, нарушаемая только звяканьем и дзиньканьем. Затем:

– Аналогично, сучка.

– До свидания, мистер Хиггинс. Приятного дня.

7

Холли едет через весь город к магазину «Джет Март» на Ред-Бэнк-Авеню, чувствуя себя необычно счастливой и лёгкой. Она думает: *«Заходит как-то сучка в бар и заказывает май-тай»*.

Даже сомнение: на работе ли сегодня нужный ей продавец, не может испортить ей хорошее настроение. Но, конечно, следовало этого ожидать; если парень работает достаточно долго и знает Бонни, как постоянного покупателя, то не удивительно, что по воскресеньям у него выходной. Холли описывает нужного ей человека нынешнему продавцу, бедолаге с косоглазием.

– Это Эмилио, – отвечает молодой парень. – Эмилио Эррера. Его смена завтра, с трёх до одиннадцати. В одиннадцать эта дыра закрывается.

– Спасибо.

Холли подумывает съездить к колледжу и порасспросить об Эллен Краслоу в «Колокольне» и в корпусе естественных наук, но какой в этом смысл? Сегодня не просто воскресенье в середине лета, это воскресенье в середине ковидного лета. Колледж искусств и наук Белла будет так же пуст, как карман нищего. Лучше поехать домой, закинуть ноги повыше и поразмыслить. О том, почему она не решилась связаться со всеми Краслоу, которых нашла в «Твиттере». О том, замешан ли в деле фургон с видеозаписи. Иногда сигара – это просто сигара, а фургон – просто фургон. О том, действительно ли она вышла на след серийного убийцы или нет.

У Холли снова звонит телефон. Это Пит Хантли. Заехав в подземный гараж своего многоквартирного дома, Холли закуривает сигарету и перезванивает ему.

– Без понятия, что это за фургон, – говорит он, – но есть в нём что-то странное.

– Но ты не знаешь, что.

– Да. Как ты догадалась?

– Потому что Джером сказал то же самое. Может, тебе поговорить с ним? Возможно, вдвоём вы разберётесь.

8

Этой ночью Холли долго не может заснуть. Она лежит на спине, сложив руки на груди, и смотрит в темноту. Она думает о велосипеде Бонни, буквально умоляющем украсть его. Она думает о Пите Стейнмане, известном среди друзей как Вонючка. Скейтборд потерялся, но его нашли и вернули матери Пита. Вернули ли матери Бонни велосипед её дочери? Наверняка. Она вспоминает слова Киши: любовь никуда не ушла. И она думает об Эллен Краслоу. *Это* не даёт ей уснуть.

Холли встаёт, подходит к столу и открывает «Твиттер». Используя свой любимый никнейм – ЛоренБэколлПоклонник⁵⁷, – она отправляет сообщения всей дюжине Краслоу, спрашивая, знакома ли им Эллиен Краслоу из округа Бибб, штат Джорджия. Холли прикрепляет вопрос к последнему твиту каждого Краслоу. Это лишает приватности, но что с того? У каждого из них не более дюжины подписчиков. Покончив с этим, Холли возвращается в постель. Какое-то время она по-прежнему мучается бессонницей, терзаемая мыслью, что сделала неверный шаг, но как же иначе? Не поступить так было бы неправильно. Верно?

Верно.

Наконец, Холли отключается. И видит во сне свою мать.

⁵⁷ Дорен Бэколл – американская актриса, признанная одной из величайших кинозвезд в истории Голливуда. Снялась в фильме «Поклонник» 1981 года.

15 февраля – 27 марта 2021

1

Барбара и Оливия Кингсбери начинают свои встречи. Чай им всегда приносит Мари Дюшан, которая, похоже, обладает неисчерпаемым запасом белых блузок и светло-коричневых слаксов. И всегда есть печенье. Иногда имбирное, иногда песочные «пальчики», иногда «Чипс Ахой!», чаще всего – «Орео». Оливия Кингсбери равнодушна к «Орео». Каждое утро в девять часов в дверях гостиной возникает Мари и напоминает, что пора закругляться. Барбара закидывает на спину рюкзак и отправляется в школу. Она могла бы посещать занятия по «Зуму» из дома, но у неё есть разрешение на посещение библиотеки, где она меньше отвлекается.

В середине марта Барбара перед уходом целует Оливию в щёку.

Родители Барбары знают, что она занимается неким специальным проектом, но думают, что это происходит в стенах школы. Джером догадывается, что это не так, но не выведывает подробности. Несколько раз Барбара была близка к тому, чтобы рассказать о своих встречах с Оливией. В основном её сдерживает специальный проект *Джерома* – книга, которую он пишет об их прадедушке и которую, вероятно, собирается опубликовать. Барбара не хочет, чтобы старший брат считал, будто она подражает ему или пытается примазаться к его успеху. Кроме того, речь о *поэзии*. Барбаре это представляется слишком вычурным по сравнению с досконально изученной её братом историей чернокожих гангстеров в Чикаго времён Депрессии. И потом, это её личное дело. Секрет, как дневник, который она вела в десятилетнем возрасте, перечитала в семнадцать (не весь, а сколько смогла вынести), а затем сожгла, когда дома никого не было.

На каждую встречу – каждый *семинар* – Барбара приносит новое стихотворение. На этом настаивает Оливия. Если Барбара говорит, что некоторые стихи не очень хороши или *не закончены*, пожилая поэтесса отмечает её возражения. Мол, это не имеет значения. Она считает, что важно поддерживать канал открытым, а поток слов текущим.

«Если этого не делать, – говорит Оливия, – твой канал может засориться. А затем и пересохнуть».

Они читают вслух. Вернее, читает Барбара; Оливия выбирает стихи, но бережёт остатки своего голоса. Они читают Дикки, Ретке, Плат, Мура, Бишоп, Карра, Элиота, даже Огдена Нэша.⁵⁸ Однажды Оливия просит Барбару почитать «Конго» Вейчела Линдсея. Когда Барбара заканчивает чтение, Оливия спрашивает, не показалось ли ей стихотворение расистским.

– О, конечно, – отвечает Барбара со смехом. – Чертовски расистское. «Негры в винном погребе подняли шум».⁵⁹ Вы что, шутите?

– Значит, стихотворение тебе не нравится?

– Нет, я его *обожаю*. – Барбара снова взрывается смехом, отчасти от удивления.

– Почему же?

– Какой ритм! Всё равно, что топот ног! «Бумлэй, бумлэй, бумлэй, **БОМ!**»⁶⁰ Как песня, которую не можешь выбросить из головы, – прилипает, как пиявка.

– Выходит ли поэзия за рамки расы?

– Да!

– А за рамки расизма?

Барбара задумывается. В этой комнате, за чаем с печеньем, ей часто нужно подумать. Но это возбуждает её, можно сказать – возвышает. Она никогда не чувствовала себя настолько живой, как в обществе этой морщинистой старушки с волевыми глазами.

– Нет.

– Ага.

– Но, если бы я могла написать похожее стихотворение о Малике Даттоне, я бы обязательно это сделала. Только вместо «бумлэй-бом!» был бы выстрел. Это тот парень, который...

– Я знаю кем он был, – говорит Оливия, указывая на телевизор. – Почему бы тебе не попробовать написать о нём?

⁵⁸ В основном американские и английские поэты и поэтессы, среди которых затесался Томас Мур – ирландский поэт-песенник.

⁵⁹ Строка из стихотворения «Конго» дана в переводе И. Кашкина. В оригинале начало стихотворения звучит несколько более расистски: «Fat black bucks...» («Жирные черные самцы»).

⁶⁰ Тоже перевод И. Кашкина.

– Потому что я не готова, – отвечает Барбара.

2

Оливия читает стихотворения Барбары и просит Мари сделать копию каждого, а во время следующей встречи – не всегда, лишь иногда, – она предлагает что-либо изменить или подобрать другое слово. Оливия всегда произносит одну из двух фраз: либо «Ты отсутствовала, когда писала это», либо «Ты была слушателем, а не писателем». Однажды она говорит Барбаре, что восхищаться написанным можно лишь в одном случае: во время акта творения. «После этого, Барбара, ты должна быть безжалостной».

Когда они не беседуют о стихах и поэтах, Оливия с удовольствием слушает рассказы Барбары о её жизни. Барбара говорит, что выросла в ВСК – так её отец называет верхушку среднего класса, – и её иногда смущает, если к ней вежливо обращаются. А иногда она чувствует стыд и гнев, когда люди словно смотрят сквозь неё. И Барбара не гадает, повинен ли в этом цвет её кожи – она знает точно. Точно так же, как она знает, что сотрудники магазинов следят за ней – не украдёт ли она что-нибудь. Ей нравится рэп и хип-хоп, но выражение «*мой нигга*» вызывает у неё дискомфорт. Барбара понимает, что не должна из-за этого переживать, ей даже нравится YG,⁶¹ но она ничего не может с собой поделать. Она считает, что эти слова должны вызывать дискомфорт у белых, не у неё. Но что есть, то есть.

– Скажи об этом. Покажи это.

– Я не знаю как.

– Найди способ. Найди нужные образы. Нет идей, кроме как в вещах, но это должны быть истинные вещи. Когда твои глаза, сердце и разум сливаются в гармонии.

Барбара Робинсон молода, лишь недавно получила право голосовать, но ей довелось пережить ужасные вещи. Она перенесла короткий суицидальный период. То, что случилось на прошлое Рождество в лифте с Четом Ондовски, было ещё хуже – это подорвало её представ-

⁶¹ YG (Young Gangsta) – американский рэпер.

ление о реальности. Барбара пыталась рассказать Оливии об этом, несмотря на то, что произошедшее казалось слишком невероятным, но каждый раз, когда она приближается к теме – например к тому, как чуть не бросилась под грузовик в Лоутауне, – пожилая поэтесса поднимает руку, словно полицейский, останавливающий поток автомобилей, и качает головой. Можно говорить о Холли, но, когда Барбара пытается рассказать, как Холли спасла её от взрыва на рок-концерте в аудитории Минго, рука вновь поднимается. *Стоп.*

– Это не психиатрия, – говорит Оливия. – И не терапия. Это *поэзия*, дорогая. У тебя был талант ещё до того, как с тобой случилось нечто ужасное, он с тобой от рождения, как и у твоего брата. Но талант – это как выключенный мотор. Он включается при каждой нерешённой проблеме – при каждой невылеченной *травме*, если угодно – в твоей жизни. С каждым конфликтом. С каждой тайной. С каждой сокрытой частью твоей личности, которая может быть не просто неприятной, а отвратительной.

Оливия поднимает руку и сжимает кулак. Барбаре кажется, что Оливии больно, но та всё равно крепко сжимает пальцы, впиваясь ногтями в тонкую кожу ладони.

– Храни это, – говорит она. – Храни долго, как сможешь. Это твое сокровище. Ты можешь пустить его по ветру и тогда тебе останется лишь память о восторге, который ты однажды испытала. Но пока оно с тобой – храни. Запомни это.

Оливия ничего не говорит про новые стихи, принесённые Барбарой – хороши они или нет. Не сегодня.

3

Обычно рассказывает Барбара, но несколько раз Оливия меняет этот порядок и принимается вспоминать, с грустью и радостью, о литературном обществе 50-х и 60-х годов, которые она называет «ушедшим миром». Поэты, с которыми она встречалась, поэты, которых она знала, поэты, которых она любила, поэты (и по меньшей мере один писатель – лауреат Пулитцеровской премии), с которыми она спала. Она рассказывает про боль от потери внука и о том, что это единственная тема, которой она не может коснуться в творчестве. «Это словно

камень, застрявший в горле», – говорит Оливия. Она рассказывает о своей длительной карьере преподавателя, в основном «на вершине холма», то есть в колледже Белла.

Однажды в марте, когда Оливия вспоминала о шестинедельном курсе Шэрон Олдс,⁶² и о том, как это было замечательно, Барбара задаёт вопрос про поэтический семинар.

– Разве раньше не было и того и другого, литературного и поэтического? Как в Айове.

– В точности как в Айове, – соглашается Оливия. Вокруг её рта образуются складки, словно она съела что-то горькое.

– Неужели не нашлось достаточно желающих?

– Желающих поучаствовать было много. Конечно, не так много, как в семинаре по художественной литературе, и поэтический семинар был убыточен. Но, поскольку литературный семинар приносил прибыль, баланс сохранялся. – Складки вокруг рта Оливии становятся глубже. – Это Эмили Харрис настояла на его закрытии. Она подчёркивала, что в этом случае мы сможем не только пригласить больше выдающихся писателей, но и значительно увеличить общий бюджет кафедры английского языка. Кое-кто протестовал, но точка зрения Эмили одержала победу, несмотря на то, что уже тогда она была эмеритом.

– Какая досада.

– Так и есть. Я утверждала, что поэтический семинар колледжа Белла имеет важное значение, и Хорхе – мне *нравился* этот молодой человек – говорил, что это часть нашей ответственности. «Мы должны нести факел», заявлял он. У Эмили это вызвало улыбку. Она по-особому улыбается в подобных случаях. Чуть-чуть, не показывая зубов, но режет, словно бритвой. Она сказала: «Наша ответственность больше, чем у нескольких людей, мнящих себя поэтами, дорогой Хорхе». Это не значит, что Хорхе был ей дорог. Он ей жутко не нравился и, думаю, Эмили была в восторге, когда он сбежал. Наверное, её возмутило, что он вообще пришёл на ту встречу. – Оливия делает паузу. – Вообще-то это я его пригласила.

– Кто такой этот Хорхе? Он работал на кафедре?

⁶² Американская поэтесса.

– Хорхе Кастро был нашим приглашённым автором в 2010-2011 годах и в начале 2012. Пока, как я уже говорила, он не сбежал.

– Это он написал «Забытый город»? Эта книга есть в нашем списке на лето. – Не то чтобы Барбара собиралась её читать; в июне она закончит школу.

– Да. Прекрасный роман. Все три его романа хороши, но этот, пожалуй, лучший. Хорхе привлекала сила поэзии, но он не мог проголодать, когда для этого пришло время. Видите ли, не входил в постоянный преподавательский состав.

– Что вы имеете в виду, говоря, что он сбежал?

– Это странная история, грустная и довольно загадочная. Это не та тема, ради обсуждения которых мы встречаемся, – если Хорхе и писал стихи, я их в глаза не видела, – но я расскажу, если тебе это интересно.

– Будьте так добры.

Но в этот момент входит Мари и сообщает Оливии и Барбаре, что пора заканчивать. Пожилая поэтесса поднимает руку в останавливающем жесте.

– Ещё пять минут, пожалуйста, – говорит она.

И рассказывает Барбаре историю странного исчезновения Хорхе Кастро в октябре 2012 года.

4

В последнюю субботу марта, когда Барбара, свернувшись калачиком в гостиной, читает «Забытый город» Хорхе Кастро, раздаётся телефонный звонок. Это Оливия Кингсбери.

– Думаю, я должна извиниться перед тобой, Барбара, – говорит она. – Возможно, я совершила серьезную ошибку. Решать тебе. Ты не могла бы прийти ко мне?

26 июля 2021

1

Холли поднимается вместе с солнцем. Она съедает миску овсянки с фруктами, затем подходит к компьютеру и открывает «Твиттер». Ей пришёл один ответ на запрос о Краслоу. Элмер Краслоу (фанат «Иглз», фанат САСВ, Найек⁶³ вперёд!) сообщает, что никогда не слышал об Эллен Краслоу из округа Бибб, штат Джорджия. Холли не так уж сильно расстроена. У неё есть ещё одиннадцать попыток. В бейсболе даётся три страйка перед аутом.

Когда Холли надевает кроссовки, готовясь к утренней прогулке – именно в это время она лучше всего соображает, – звонит её телефон. Это Джером и он кажется взволнованным. Голосом, слегка приглушённом маской, он говорит ей, что сейчас «Убере» и едет в аэропорт. Он отправляется в Нью-Йорк.

Холли встревожена.

– На самолёте?

– Это лучший способ преодолеть тысячу миль, – отвечает Джером и смеётся. – Расслабься, Холлиберри, я привит и всё время полёта буду в маске. Как ты догадалась, я и сейчас в ней.

– Зачем в Нью-Йорк? – Но, разумеется, Холли знает ответ. – Твоя книга!

– Вчера вечером позвонил редактор. Сказал, что может прислать контракт, или я могу сам приехать и подписать его сегодня, а он вручит мне чек на сто тысяч долларов! Говорит, что обычно всё происходит не так, но ему разрешили сделать исключение. Безумие, да?

– Безумие и чудо, если ты не заболеешь.

– Если верить статистике, в Нью-Йорке на самом деле безопаснее, чем в нашем городе, Холс. Я не смогу пойти на обед; очень жаль, обед с издателем своего рода традиция, но он предлагает встретиться сегодня днём, съесть по бургеру и выпить пива. Там будет и мой агент – я

⁶³ Город в штате Нью-Йорк.

даже ни разу не встречался с ней, не считая «Зума» – тоже безумие. Издатель сказал, что в прежние времена повёл бы нас в «Четыре сезона», но лучшее, что доступно сейчас, это «Бларни Стоун». Что, на мой взгляд, достаточно прилично.

Джером тараторит, но Холли не против. Её смущает мысль о том, что он полетит на самолёте, где воздух используется повторно, а у любого может оказаться ковид, но Холли не может не радоваться его невероятному счастью. *«Спонтанная поездка в Нью-Йорк ковидным летом, – думает она. – Хорошо быть молодым, а сегодня хорошо быть Джеромом».*

– Наслаждайся, и что бы ты ни делал – не потеряй чек.

– Об этом позаботится мой агент, – отвечает Джером. – Ох, как далеко всё зашло! Мы почти у терминала, Холлиберри.

– Удачного полёта. Когда пойдёшь в ресторан, обязательно садись снару...

– Да, мам. И ещё кое-что. Я распечатал карту Дирфилд-Парка и его окрестностей с «МапКвест». Пометил красным места, где Бонни и Пита Стейнмана видели в последний раз. Мы не знаем об Эллен Краслоу, но она работала в кампусе, поэтому я отметил Союз. Барбара передаст карту тебе, если хочешь. Я оставил её у себя на столе.

– Я знаю эти места, – говорит Холли слегка раздражённо. Она вспоминает присказку дяди Генри, мол, *я не вчера родился*.

– Да, но видеть их на карте жутковато. Тебе стоит выяснить, есть ли ещё такие места. Мы приехали. Нужно идти.

– Когда ты вернёшься?

– Могу остаться на пару дней, или вернусь завтра.

– Если задумался о Бродвее, то он закр...

– Нужно бежать, Холлиберри. – Бац – он отключился.

– Ненавижу, когда ты меня так называешь. – Но Холли улыбается. Потому что на самом деле это не так, и Джером знает.

Холли всё ещё на прогулке, когда снова звонит телефон.

– Кто тут папочка? – спрашивает Пит Хантли.

– Только не ты, Пит. Но у тебя радостный голос. К тому же, не болезненный.

– Я восстал из пепла ковида новым человеком, – говорит он, затем всё портит приступ кашля. – Почти. Я нашёл твою цыпочку, Холли.

Она останавливается.

– Ты нашёл Эллен Краслоу?

– Ну, не *её* саму, но раздобыл её ПИА. – Последний известный адрес. – А также есть фотография, которую пришлю тебе, как только смогу. Позвонил в отдел кадров Белла как только они открылись. Разве ты не гордишься мной?

– Очень горжусь. Какой адрес?

– Бульвар МЛК, 11114. Настолько далеко от Лоутауна, насколько можно забраться, не покидая его.

– Питер, спасибо.

– Не стоит, это моя работа. – Далее серьёзным тоном. – Ты думаешь, они связаны, я прав? Даль, Краслоу, парень, которого искал Джером?

– Думаю, они *могут* быть связаны.

– Но ты не собираешься говорить об этом Изабелле, да?

– Пока нет.

– Хорошо. Ты справишься с этим, Хол. Я помогу, чем смогу, отсюда. Вроде как на карантине, понимаешь?

– Да.

– Побуду Майкрофтом Холмсом⁶⁴ для Шерлока. Как переживаешь потерю матери?

– Свыкаюсь, – отвечает Холли. Она заканчивает звонок.

Пять секунд спустя телефон Холли подаёт сигнал входящего сообщения от Пита. Она не смотрит сразу, а возвращается домой, потому

⁶⁴ Майкрофт Холмс – старший брат знаменитого сыщика. Владеет дедуктивным методом в большей степени, чем его младший брат. Известен тем, что разгадывал тайны, не вставая со своего кресла в клубе «Диоген».

что хочет посмотреть фотографию на айпаде с большим экраном. Пит прислал пропуск Элен Краслоу в колледж Белла, всё ещё действительный; срок действия истекает только в октябре. На фото запечатлена чернокожая женщина с шапкой тёмных волос. Она не улыбается и не хмурится, просто смотрит в объектив со спокойным нейтральным выражением лица. Она хорошенькая. Холли думает, что внешне ей под тридцать или чуть больше, что соответствует словам Киши. Под именем указано: ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ КОЛЛЕДЖА ИСКУССТВ И НАУК БЕЛЛА.

– Где ты, Элен, – шепчет Холли, но думает другое: *«Кто похитил тебя?»*

3

Полчаса спустя Холли медленно катит по бульвару Мартина Лютера Кинга. Позади остались магазины, церкви, бары, круглосуточные лавки и закусочные. Пит сказал, что адрес настолько далеко от Лоутауна, насколько можно забраться, не покидая его. Кроме того, это настолько далеко от города, насколько можно забраться, оставаясь в нём; бульвар МЛК вот-вот перейдёт в автостраду 27. Впереди Холли видит поля с пасущимися коровами, а также пару силосных вышек. У Холли появляются сомнения, что Пит дал ей верный адрес, хотя GPS утверждает, что она едет правильно, но затем она оказывается в трейлерном парке Элм-Гроув, окружённом забором. Трейлеры аккуратные и ухоженные. Выкрашены в различные пастельные тона, перед каждым имеется лужайка. Много цветочных клумб. Между трейлерами въётся асфальтированная дорожка. GPS-навигатор сообщает, что Холли прибыла в пункт назначения.

В начале дорожки гнездятся почтовые ящики с номерами от 11114 до 11126. Холли медленно въезжает в трейлерный парк и притормаживает, когда пара детей в купальных костюмах, белокожий и чернокожий, выскакивают на дорожку за прыгающим мячом, даже не взглянув по сторонам. Холли снимает ногу с педали тормоза, затем снова

нажимает – вслед за детьми бежит маленькая рыжая собачка. Перед трейлером небесно-голубого цвета с приклеенным к входной двери изображением Барака Обамы, женщина в широкополой шляпе, защищающей от усиливающегося дневного солнца, поливает цветы из лейки.

Посреди трейлерного парка стоит зелёное здание с вывеской над дверью «ОФИС». Рядом с ним находится ещё одно зелёное здание, именуемое «ПРАЧЕЧНАЯ». Туда заходит женщина с платком на голове и с пластиковой корзиной, полной одежды, в руках. Припарковавшись, Холли надевает маску и заходит в офис. Внутри она видит табличку с надписью «СТЕЛЛА ЛЕЙСИ, МЕНЕДЖЕР». За стойкой дородная дама раскладывает пасьянс на экране компьютера. Она бросает взгляд на Холли и говорит:

– Если вы ищете место, мне очень жаль. У нас всё забито.

– Спасибо, но я здесь по другому поводу. Меня зовут Холли Гибни. Я частный детектив и пытаюсь отыскать одну женщину.

При словах «частный детектив» Стелла Лейси теряет интерес к своей игре, и с интересом смотрит на Холли.

– В самом деле? Кого? Что она натворила?

– Насколько мне известно, ничего такого. Вы узнаете её?

Холли протягивает свой телефон. Лейси берёт его и подносит к самому носу.

– Конечно. Это Эллен Каслоу!

– Каслоу, – поправляет Холли. – Не помните ли вы, когда точно она уехала?

– Какое вам дело?

– Я бы хотела знать, куда она отправилась. Она работала в колледже. В колледже Белла.

– Я знаю про Белл, – немного обиженно говорит Лейси – намекая: *я не глупая*. – Кажется, Эллен была там полумойкой.

– Уборщицей, да. Мисс Лейси, я просто хочу убедиться, что с ней всё в порядке.

Обида Лейси – если это была обида, а не воображение Холли – исчезает.

– Хорошо, я поняла. Вы знаете, в каком трейлере она жила?

– 11114.

– Верно, верно, один из тех, что за прачечной, у детского бассейна. Дайте-ка я проверю. – Пасьянс исчезает с экрана. Его место занимает электронная таблица. Лейси прокручивает список, всматривается, надевает очки и прокручивает снова. – Ага, вот. Эллен Краслоу. Она снимала трейлер полгода. Оплачено с июня по декабрь 2018 года. Потом пропала.

Она поворачивается к Холли и снимает очки.

– Теперь я вспомнила. Фил – мой муж – придерживал этот трейлер до января 19-го, поскольку она была хорошим жильцом. Никаких криков, споров, громкой музыки, никаких полицейских, являющихся посреди ночи. Мы предпочитаем таких жильцов, и *только* им сдаём трейлеры в долгосрочную аренду.

– Не сомневаюсь.

– У нас есть люди, живущие здесь уже долгое время, мисс Гибли. Так, мистер и миссис Каллен живут здесь, я бы сказала, лет двадцать. Нам нравятся люди постарше, мне и Филу. Эллен было всего двадцать с небольшим, но она обещала вести себя тихо, поэтому мы рискнули. И она сдержала слово. – Лейси качает головой. – Мы потеряли месячную плату на этом трейлере, пока он пустовал. Думаю, Фил запал на неё, хотя сомневаюсь, что он бы чего-то добился даже в тридцать лет, не говоря уж о шестидесяти. Похоже, она играла за другую лигу, если вы понимаете о чём я.

– Понимаю. – Такое же впечатление сложилось у Киши.

– Она действительно пропала? Я имею в виду, не только отсюда? Холли кивает.

– Примерно со Дня Благодарения 2018 года.

– И кто-то только сейчас взялся за её поиски? И чего я удивляюсь? Так и бывает с чернокожими.

– Дело в том, что никто не заявлял об исчезновении, – говорит Холли. – Может, она не пропала. Она родом из Джорджии, возможно, уехала домой. Я пытаюсь разыскать её близких и, по правде говоря, только начала поиски.

– Ну что ж, Бог в помощь. И, кстати, вам не нужно носить маску. Ковид – это просто старый добрый обман.

– Вы знаете, что стало с её вещами?

– Вообще-то, нет. Трейлеры, конечно, обставлены мебелью, но у неё скорее всего были личные вещи, верно?

– Надо полагать, – соглашается Холли.

– На этой неделе Фил в Акроне. На выставке трейлеров. Но если бы Эллен оставила много вещей, он бы мне сказал. Он всегда так делает. У нас здесь хорошая клиентура, мисс Гибби, но время от времени кто-нибудь ... – Лейси поднимает руку и перебирает в воздухе двумя пальцами. – Тогда мы собираем оставшиеся вещи и отправляем в Первую баптистскую церковь или в «Гудвилл». Если, конечно, они в хорошем состоянии.

– Как долго Эллен пробыла здесь?

Лейси надевает очки и открывает другую электронную таблицу.

– Она приехала в марте 2016 года. Два с половиной года? Да, у неё наверняка были вещи. Хотите, я позвоню Филу? Хотя я уверена, что он бы мне сказал.

– Было бы здорово, – говорит Холли. – Может, соседи возле трейлера 11114 помнят Эллен?

Лейси задумывается.

– Возможно, миссис Макгуайр из 11110? Не совсем по соседству, а по другую сторону детского бассейна. Кажется, Эллен и Имани Макгуайр когда-то дружили. Вместе стирали, понимаете? Обычно при этом женщины много болтают. И она сейчас дома. Её муж пока работает на полставки на городской штрафстоянке, но Имани вышла на пенсию с какой-то другой работы в городе. Теперь она просто вяжет и смотрит телевизор. Эта старая дама вяжет тоннами. И потом продаёт

на ярмарках ремёсел и тому подобных местах. Она может знать, куда девалась Эллен.

«Нет, если Эллен похитили в районе Дирфилд-Парк, – думает Холли. – Это за много миль отсюда». Но стоит поговорить с Имани Макгуайр. Холли поклонница детективного персонажа Майкла Коннели, Гарри Босха, и особенно его принципа номер один: поднимай свою задницу и иди стучать в двери.

– Я поговорю с Филом, вдруг он знает, что случилось с вещами Эллен. Я почти уверена, что её трейлер был пуст – ну, за исключением удобств? – когда мы сдавали его в аренду в феврале 2019. Вы можете поговорить с Джонсами, которые сейчас там живут, но они оба на работе. Да и откуда им знать? Они заехали, когда Эллен уже и дух простыл. – Лейси качает головой. – Пропала больше двух лет назад! Какая жалость! Возвращайтесь, мисс Гибси, я сейчас же позвоню Филу.

– Спасибо.

– И мой вам совет: избавьтесь от маски. Ковид – это обманка, чтобы продавать «волшебные зелья».

4

Имани Макгуайр высокая и худощавая, с такой седой афро, что её макушка похожа на одуванчик. У неё спаренный трейлер, выкрашенный в канареечно-жёлтый цвет. На полу в гостиной лежит красивый лоскутный ковёр с концентрическими кругами зелёного и коричневого цветов. Стены обшиты каким-то искусственным материалом, имитирующим дерево, и украшены фотографиями четы Макгуайеров на разных этапах их жизни. Самое почётное место занимает свадебное фото. Жених в белой морской форме. Невеста с чёрной афро поразительно похожа на Анджелу Дэвис. Имани не прочь поговорить, но сперва спрашивает:

– Вы прошли вакцинацию?

– Да.

– Двойную?

– Да. «Модерна».

– Тогда снимайте маску. Мне сделали второй укол в апреле.

Холли снимает маску и засовывает в карман. На лоскутном ковре стоят два кресла «Лэй-Зи-Бой»⁶⁵, обращённые к телевизору с экраном ненамного больше, чем у айпада Холли. Через мягкий подлокотник одного из кресел перекинут наполовину законченный свитер того же ярко-жёлтого цвета, что и трейлер. Рядом стоит корзина с клубками пряжи такого же цвета.

Имани кладёт своё рукоделие на колени. По телевизору Дрю Кэри расхваливает призы в программе «Выгодная цена». Взяв пульт, Имани выключает телевизор.

– Извините, что прерываю вас.

– О нет, я люблю компанию, – отвечает Имани, – и к тому же они уже крутили колесо. Это самая интересная часть. Потом начинается показательный раунд, и скажите-ка мне, зачем какому-то толстому старикану на соцобеспечении пара мотоциклов и туристическое снаряжение? Держу пари, после выигрыша они продают эти призы. Я бы так и сделала. – Её спицы уже летают, свитер заметно прибывает на глазах у Холли.

– Отлично получается.

– Чертовски приятно вязать, когда по прогнозу температура перевалит за девяносто.⁶⁶ Впрочем, холода всегда приходят... или нет, климат настолько испортился, что трудно сказать – год на год не приходится. Но если пойдёт снег и озеро замёрзнет, кто-нибудь да купит на церковной распродаже. У меня есть ещё запас, плюс шарфы и варежки. Я получаю за это хорошие деньги, больше, чем зарабатывает Ярдли, но работа на штрафстоянке позволяет ему держаться от меня подальше... полагаю, как и мне от него. Это работает в обе стороны. Пятьдесят два года – чертовски долгий путь от алтаря, скажу я вам. И порой ухабистый. Так чем я могу вам помочь?

⁶⁵ Такие были у Джо и Чендлера в сериале «Друзья».

⁶⁶ +32 по Цельсию.

Холли рассказывает, как Киша познакомилась с Эллен Краслоу и как Эллен словно испарилась: вот она была, а на следующий день уже исчезла.

– Я спросила о ней у других Краслоу в «Твиттере», но пока ответ пришёл только от одного человека, и он ничем не помог.

– Остальные тоже не помогут, судя по тому, что я о ней знаю. Эллен может быть где угодно, только не в Траверсе, штат Джорджия. Она милая, миз Гибни...

– Просто Холли.

Имани кивает.

– Милая, смышлёная, и *сильная*. Такая не пропадёт.

– Вы считаете, она не вернётся в родной город, где у неё остались близкие. Почему?

– Всё верно, у неё там семья, но она мертва для них, а они для неё. Не ждите весточки на «Фейсбуке».

– Что случилось?

Долгое время слышно только постукивание вязальных спиц Имани. Она хмуро смотрит на жёлтый свитер. Затем поднимает глаза.

– Ваше расследование придерживается правил конфиденциальности? Как у адвокатов, священников или врачей?

Холли кажется, что это не настоящий вопрос, а проверка. Она считает, что Имани и так известен ответ. В любой случае, не имеет значения. Честность – лучшая политика.

– У меня есть некоторые привилегии в неразглашении, но не такие значительные, как у адвокатов или священников. При определённых обстоятельствах мне придётся обратиться в полицию или к окружному прокурору, но в расследовании они не принимают участия. – Холли наклоняется вперёд – То, что вы мне скажете, останется при мне, мисс Макгайр.

– Зовите меня Имми.

– Хорошо. – Холли улыбается. У неё приятная улыбка. Джером считает, что Холли слишком редко ей пользуется.

– Я поверю вам на слово, Холли. Потому что я беспокоилась об этой девушке. Сочувствовала её невзгодам. Просто хочу, чтобы вы знали – я не сплетница и не клеветница.

– Ясно, – говорит Холли. – Могу я записать наш разговор?

– Нет, не можете. – *Клик-клик* – клацают спицы. – Не думаю, что вообще стала бы разговаривать с вами, будь вы мужчиной. Я никогда не говорила этого Ярду, но мы, женщины, знаем больше, чем они. Правда?

– Да. Да, именно.

– Вот и хорошо. Эллен – всегда Эллен, но никогда Элли – была не в ладах с семьёй с двенадцати или тринадцати лет, когда перестала есть мясо и любые мясные продукты. Абсолютная вегетарианка. Нет, не так. Абсолютная *веганка*. Её семья принадлежала к одной из этих узколобых шаек, к Первой нереформированной церкви «Я Знаю Лучше», и с тех пор, как она перестала есть мясо, они не давали ей шагу ступить без цитаты из Библии. Её наставлял пастор.

Имани делает язвительный акцент на слове «*наставлял*».

– Я и сама из бывших узколобых, и знаю, что всегда можно найти священные писания, подтверждающие то, во что ты веришь, а они нашли целую кучу. В послании к римлянам говорится, что слабый человек ест только овощи. Второзаконие: Господь сказал, да будешь есть ты мясо. Коринфяне: ешьте всё, что на мясном торгу. Ха! Должно быть, им бы понравилось в Ухане⁶⁷, откуда пришла чёртова чума. Потом, когда Эллен исполнилось четырнадцать, они застукали её с другой девушкой.

– О-ёй, – произносит Холли.

– Вот тебе и о-ёй. Она пыталась сбежать, но они её вернули. Её семья. Полагаю, вы догадываетесь почему?

– Потому что она была их крестом, – отвечает Холли, вспоминая времена, когда её собственная мать говорила что-то подобное, всегда с неизменным вздохом: «*О, Холли*».

– Значит, вы понимаете.

⁶⁷ Город в Китае, где впервые была зарегистрирована вспышка ковида.

– Да, понимаю, – отвечает Холли, и что-то в её голосе открывает доступ к продолжению истории, которую иначе Имани, возможно, сохранила бы при себе.

– Когда Эллен было восемнадцать, её изнасиловали. На них были маски, вроде тех, что надевают лыжники, но она узнала одного из них по заиканию. Он был из её церкви. Пел в хоре. Эллен говорила, у него хороший голос, и во время пения он не заикался. Извините меня.

Она поднимает ладонь и протирает левый глаз. Затем спицы снова отправляются в синхронный полёт. Солнечные блики на них гипнотизируют.

– Знаете, о чём они талдычили? О своём «мясе»! Они совали ей причиндалы, приговаривая: разве ей не нравится, разве ей не вкусно? Разве есть такое «мясо» у какой-нибудь *девки*? Эллен сказала, что один из них пытался засунуть ей в рот свою штуквину, велел есть «мясо», и она ответила, что он лишится его, если попытается. Тогда этот парень ударил её наотмашь по голове, и всё остальное время она провела как в тумане. И угадайте, чем всё кончилось?

Холли понимает и это.

– Она забеременела.

– Именно так. Пошла в «Планирование семьи»⁶⁸ и решила проблему. Когда об этом узнали родители – не знаю как, она им не говорила, – они заявили, что она больше не часть семьи. Она стала отлучённой. Её папочка назвал её убийцей, ничем не лучше Каина в Книге Бытия, и отправил её туда же, куда пошёл Каин, к востоку от Эдема. Но Траверс, штат Джорджия, не был для Эллен Эдемом, и она не поехала на восток. Она уехала на север. Десять лет проработала «синим воротничком» и оказалась здесь, в колледже.

Холли сидит молча, глядя на спицы. Ей приходит в голову мысль, что по сравнению с Эллен Краслоу, её жизнь не так уж и плоха. Майк Стердевант дразнил её Буба-Буба, но он никогда не насиловал её.

⁶⁸ Американская ассоциация планирования семьи – некоммерческая организация, занимающаяся репродуктивным и сексуальным здравоохранением, а также сексуальным просвещением.

– Эллиен рассказала мне не сразу. Всё выходило по частям. Кроме последней истории, об изнасиловании и аборте. Это вырвалось сразу. Она всё время смотрела в пол. Раз или два её голос дрогнул, но она так и не заплакала. Мы сидели в прачечной рядом с офисом, совсем одни. Когда Эллиен закончила, я взяла её пальцами за подбородок и сказала: «Взгляни на меня, девочка». Она послушалась. Я сказала: «В этой жизни Бог иногда просит нас заплатить вперёд, и ты заплатила высокую цену. Отныне у тебя будет хорошая жизнь. Благословенная жизнь». Вот *тогда-то* она и заплакала. Возьмите салфетку.

Только взяв салфетку и вытерев глаза, Холли осознаёт, что сама плачет.

– Надеюсь, я оказалась права, – говорит Имани. – Надеюсь, куда бы её ни занесло, с ней всё хорошо. Но я не знаю. Она ушла так внезапно... – Имани качает головой. – Я просто не знаю. Женщина, которая пришла за её вещами – одеждой, ноутбуком, маленьким телевизором, фарфоровыми птичками и всякими безделушками – сказала, что Эллиен вернулась в Джорджию, и мне это показалось как-то неправильно. Возвращение на юг не означает возвращение *домой*. В Джорджии не один маленький дерьмовый городок, простите мой французский. Эта женщина могла иметь в виду Атланту.

– Какая женщина? – спрашивает Холли. Внутри неё разом вспыхивают все тревожные огоньки.

– Не могу вспомнить имя – Диккенс, Диксон, что-то в этом роде, – но она не выглядела странной. – Что-то в выражении лица Холли беспокоит её. – С чего бы? Я подошла проверить, пока она входила и выходила из трейлера, и она вела себя вполне дружелюбно. Сказала, что знает Эллиен по колледжу, и у неё были ключи. Я узнала кроличью лапку, которую Эллиен носила на связке.

– У этой женщины был фургон? С синей полосой по нижнему краю?

Холли уверена, что ответ будет «да», но она разочарована.

– Нет, маленький универсал. Не знаю, какой именно, но Ярд бы сказал, не зря он работает на штрафстоянке. Он тоже был здесь. Стоял

на крыльце, когда я пошла проверить, всё ли в порядке. Я неправильно поступила?

– Нет, – говорит Холли, и действительно так думает. Имани никак не могла знать. Тем более сама Холли не совсем уверена, что с несчастной Эллен Краслоу случилось ещё одно несчастье. – Когда приходила эта женщина?

– Так-так. Прошло немало времени, но я думаю, после Дня Благодарения, но перед Рождеством. У нас только что выпал первый настоящий снег, я помню точно, но вам, вероятно, это ничем не поможет.

– Как она выглядела?

– Пожилая, – отвечает Имани. – Старше меня лет на десять, а мне только что перевалило за семьдесят. И белая.

– Вы узнаете её, если увидите снова?

– Вероятно, – говорит Имани. В её голосе звучит сомнение.

Холли вручает ей одну из своих визиток «Найдём и сохраним» и просит, чтобы её муж позвонил, если вспомнит марку машины.

– Я даже помогла ей вынести ноутбук и кое-что из одежды, – говорит Имани. – Бедная старушка, судя по её виду, испытывала боль. Утверждала обратное, но я узнаю ишиас с первого взгляда.

27 марта 2021

Когда Барбара, покрасневшая и сияющая после двухмильной велосипедной поездки, входит в викторианский дом пожилой поэтессы, Мари Дюшан сидит на диване рядом с Оливией. Мари выглядит встревоженной. Оливия выглядит расстроенной. Барбара, скорее всего, выглядит озадаченной, потому что чувствует себя такой. Она не понимает, за что Оливия чувствует необходимость извиняться.

Мари заговаривает первой.

– Я подстегнула её и отнесла конверт в «Федерал Экспресс». Так что, если нужно кого-то обвинить, вини меня.

– Это нонсенс, – произносит Оливия. – Я поступила неправильно. Я просто не представляла... и, мне кажется, ты будешь рада... но в любом случае я не должна была так делать без твоего разрешения. Это бесцеремонно.

– Я не понимаю, – говорит Барбара, расстёгивая пальто. – Что вы сделали?

Две женщины – одна в расцвете сил, другая морщинистая матрона на пороге своего столетия – обмениваются взглядами, затем снова смотрят на Барбару.

– Премия Пенли. – Губы Оливии подрагивают, втягиваясь внутрь, что всегда наводит Барбару на мысль о старомодной сумочке на шнурке.

– Я не знаю, что это, – говорит Барбара, ещё более озадаченная, чем раньше.

– Полное название – Премия Пенли для молодых поэтов. Совместно спонсируемая нью-йоркскими издателями, известными как «Большая пятёрка». Я не удивлена, что ты о ней не слышала, потому что ты, можно сказать, самоучка и не читаешь журналы для писателей. Да и зачем это тебе, если для поэтов нет прибыльного рынка? Но большинство специалистов по английскому языку на писательских курсах знают об этой премии, также как о премии «Новый голос» и литературной премии «Молодые львы». Премия Пенли принимает заявки

каждый год первого марта. Они получают тысячи заявок, и отвечают быстро. Полагаю, потому что большинство присланных работ в стиле «слёзы-грёзы».

Теперь до Барбары доходит.

– Вы... что? Отправили им несколько моих стихотворений?

Мари и Оливия переглядываются. Барбара молода, но понимает, когда видит в глазах вину.

– Сколько?

– Семь, – отвечает Оливия. – Коротких. В правилах указано не более двух тысяч слов. Я просто так впечатлена твоей работой... её болью... её трагедией... это...

Кажется, она не находит слов, чтобы продолжить.

Мари берёт Оливию за руку.

– Я подстегнула её, – повторяет она.

Барбара понимает, что они ожидали от неё гнева. Но ничего подобного. Она немного потрясена, вот и всё. Она держала свои стихи в секрете не потому, что стыдилась или боялась, что люди будут смеяться (ну... может быть, немного), а из страха ослабить напор, побуждающий её писать, если она покажет стихи кому-либо, кроме Оливии. И есть ещё кое-что или, вернее, кое-кто: Джером. Хотя она писала стихи – в основном в своём дневнике – с двенадцати лет, задолго до того, как начал писать он.

Затем, в последние два-три года что-то изменилось. Случился таинственный скачок не только в способностях, но и в амбициях. Барбаре вспоминается документальный фильм о Бобе Дилане. Фолк-певец из Гринвич-Виллидж в шестидесятых сказал: «Я был просто ещё одним гитаристом, пытавшимся походить на Вуди Гатри.⁶⁹ А потом вдруг стал Бобом Диланом».

Именно так и было с ней. Возможно, с этим как-то связана её схватка с Брейди Хартсфилдом, но Барбара не верит, что дело только в этом. Она считает, что в её мозгу включилась ранее незадействованная область.

⁶⁹ Американский певец и музыкант, популярный в начале-середине 20-го века.

Тем временем женщины смотрят на Барбару, нелепо напоминая пару старшеклассниц, застуканных за курением в школьном туалете, и она не может этого вынести.

– Оливия, Мари. Две девочки из моего класса сделали селфи в голлом виде – наверное, для своих парней, – и фото появились в интернете. Вот это конфуз. Но это? Вряд ли. Вы получили письмо с отказом? В этом всё дело? Могу я взглянуть на него?

Они снова переглядываются. Оливия говорит:

– Судьи Пенли составили предварительный список финалистов. Их количество варьируется, но список всегда *очень* длинный. Раньше шестьдесят, иногда восемьдесят, в этом году уже девяносто пять. Абсурдно выбирать столь многих, но... ты в списке. Письмо у Мари.

На столике рядом с Мари лежит единственный лист бумаги. Она протягивает его Барбаре. Бумага превосходная, плотнее обычной. Вверху тиснение с изображением гусиного пера и чернильницы. Получатель – Барбара Робинсон, адресат – Мари Дюшан, Ридж-Роуд 70.

– Я удивлена, что ты не злишься, – произносит Оливия. – И, разумеется, я рада. Это было так самонадеянно с моей стороны. Иногда мне кажется, что я просрала все свои мозги.

Мари вскакивает.

– Но я...

– Подстегнула её, я знаю, – шепчет Барбара. – Наверное, это *было* самонадеянно, но ведь это я однажды взяла и появилась тут со своими стихами. Тоже самонадеянно. – Не совсем так, но она всё равно почти себя не слышит. Она читает письмо.

В нём говорится, что комитет по присуждению премии Пенли рад сообщить мисс Барбаре Робинсон, проживающей на Ридж-Роуд 70, что она включена в лонг-лист премии и, если она желает, чтобы её кандидатуру рассмотрели в дальнейшем, не могла бы она до 15 апреля прислать более объёмные примеры своих работ, *не более* пяти тысяч слов. Пожалуйста, никаких стихов «эпической длины». Также в письме

есть небольшой абзац о предыдущих лауреатах премии. Барбаре знакомы три имени из списка. Нет, четыре. Письмо заканчивается поздравлением «с вашей превосходной работой».

Барбара откладывает листок в сторону.

– И каков же приз?

– Двадцать пять тысяч долларов, – отвечает Оливия. – Больше, чем многие хорошие поэты зарабатывают поэзией за всю свою жизнь. Но это не самое важное. Сборник работ победителя публикуется не мелким издательством, а одним из учредителей премии. В этом году – «Рэндом Хаус». Книга всегда привлекает внимание. Победитель прошлого года появился на телевидении вместе с Опррой Уинфри.

– Есть ли хоть один шанс, что я... – Барбара замолкает. Даже произнести это кажется бредом сумасшедшего.

– Очень маловероятно, – говорит Оливия. – Но, если ты попадёшь в шорт-лист, на тебя обратят внимание. Шансы на публикацию сборника в небольшом издательстве будут довольно высоки. Вопрос лишь в том, хочешь ли ты продолжить. Безусловно, у тебя достаточно стихов для условий лонг-листа, и если ты продолжишь писать, уверена, хватит и на книгу.

Теперь, когда несколько стихотворений Барбары прочитали и приняли с одобрением чужие люди, нет никаких сомнений в том, чего она хочет; вопрос в том: как этого добиться. Она говорит:

– Знаете, если бы вы спросили, я бы разрешила вам подать заявку от моего имени. Девушка может помечтать, как поётся в песне.

Щёки Оливии розовеют. Барбаре не верится, что у старушки поэтессы достаточное кровообращение, чтобы вызвать румянец, учитывая её ослабленное состояние, но, очевидно, так и есть.

– Это было так неправильно, – повторяет Оливия. – Я попросила Мари подписать конверт своим именем, потому что моё узнаваемо, а я не хотела давить пальцем на весы, так сказать. Я подумала, ты получишь несколько ободряющих слов. Это всё, на что я надеялась.

«Ободряющие слова, переданные через вас, – думает Барбара, – также поставили бы вас в неловкое положение из-за отправки стихов без разрешения... только были бы менее убедительны, чем в этом изумительном письме».

Барбара улыбается.

– Вы вдвоём не очень хорошо всё продумали, да?

– Да, – соглашается Мари. – Мы просто... твои стихи...

– Я так понимаю, вы их тоже читали?

Щеки Мари краснеют гораздо сильнее, чем у Оливии.

– Все. И они превосходны.

– Хотя тебе есть к чему стремиться, – быстро добавляет Оливия.

Барбара внимательнее перечитывает письмо. Удивление сменяет некое новое чувство. У Барбары уходит секунда, чтобы понять: она в восторге.

– Мы должны отправить стихи, – говорит она. – Можем замахнуться и на главный приз. Оливия, вы сможете выбрать нужные?

Пожилая поэтесса улыбается с облегчением. Барбара и понятия не имела, что они считают её такой примадонной. То, что они сделали – круто.

– С удовольствием. Полагаю, ставку сделаем на «Лица меняются», с его чувством ужаса и смятения. Есть целый ряд стихотворений, разделяющих этот лейтмотив, поднимающих вопрос о самосознании и реальности. Они самые сильные.

– Пока это должно остаться в секрете. Только между нами тремя. Из-за моего брата. Это он считается писателем в нашей семье, и я почти уверена, что его книга о нашем прадедушке будет опубликована. Я ведь рассказывала вам об этом?

– Да, – отвечает Оливия.

– Если его книгу напечатают, и он получит за неё хорошие деньги – его агент говорит, что это возможно, – тогда я смогу рассказать о своих успехах. Или если попаду в шорт-лист. Если нет, он не должен узнать. Ладно?

– Ты полагаешь он будет ревновать? – спрашивает Мари. – К поэзии?

– Нет. – не задумываясь отвечает Барбара. – У Джея нет ни капли ревности. Он порадовался бы за меня. Но он так усердно работал над своей книгой; мне кажется, слова даются ему не так легко, как иногда даются мне. И я не хочу оттенять его. Я слишком сильно люблю его, чтобы допустить даже самую малость такого. – Барбара протягивает письмо Мари. – Письмо останется здесь. Но я рада тому, что вы сделали.

– Ты великодушна, – говорит Оливия. – Поэты редко бывают такими, кроме как в своих работах. Мари, что скажешь, если мы втроём разопьём банку «Фостерс Лагер» – хотя бы отметить тот факт, что мы по-прежнему друзья?

– Я думаю, это замечательная идея, – вставая, говорит Мари. – Но это тоже секрет, который нам троим нужно сохранить, – она кивает в сторону Оливии, – от её врача.

Мари уходит на кухню. Барбара говорит:

– Это вы великодушны, Оливия. Я рада, что вы не только мой учитель, но и друг.

– Спасибо. Я должна была поступить правильно, ибо некое провидение приберегло лучшего ученика напоследок.

Теперь очередь Барбары краснеть, но не от смущения, а от счастья.

– Расскажи мне, что ты читаешь, – просит Оливия. Режим наставника снова включен.

– Вы предложили битников, их я и читаю. Купила антологию в книжном магазине колледжа. Гинзберг, Снайдер, Корсо, Эд Дорн... обожаю его... Лоуренс Ферлингетти... он ещё жив?

– Умер месяц назад. Он был старше меня. Советую почитать немного прозы, если ты не против. Тебе пойдёт на пользу. Начни с Джеймса Дики. Ты знакома с его стихами, и есть знаменитый роман «Избавление»...

– Я смотрела фильм. Мужчины плывут вниз по реке на каноэ.

– Да, но этот роман не читай. Прочти «К Белому морю». Менее известная книга, но, думаю, более сильная. Лучше для твоего развития. И прочитай хотя бы один роман Кормака Маккарти, «Кони, кони» или «Саттри». Согласна?

– Хорошо. – Хотя Барбаре не хочется расставаться с битниками, с их переплетением невинности и цинизма. – Вообще-то я и сейчас читаю прозу. Ту книгу, о которой вы мне рассказывали. «Забытый город» Хорхе Кастро. Мне нравится.

Мари возвращается с тремя бокалами и огромной банкой «Фостерс» на подносе.

– Полагаю, Хорхе наконец-то отправился в Южную Америку, – говорит Оливия. – Он и раньше говорил о возвращении к корням, что казалось полной чушью. Он знал испанский, как родной, но родился и вырос в Пеории. Думаю, он стыдился этого. Я говорила тебе, что видела его незадолго до исчезновения? На пробежке. Он всегда бегал по вечерам в парк и обратно. Даже под дождём, а в тот вечер шёл дождь. Может, он уже тогда планировал уехать. С тех пор я его не видела, но запомнила, потому что тогда писала стихотворение, и оно оказалось достойным. – Оливия вздыхает. – Фредди Мартин – его партнёр – был так подавлен. Вскоре он тоже уехал, думаю, в поисках Хорхе, любви всей его жизни. Уехал с разбитым сердцем и с зелёным змием на груди. Прожил здесь полгода и был таков. Лучше всего выразилась Злая Ведьма Запада:⁷⁰ «Что за мир, что за мир!»

– Хватит о грустном, – говорит Мария, разливая пиво. – Давайте выпьем за хорошие времена и большие надежды.

– Только за хорошие времена, – говорит Оливия. – Не будем заглядывать в будущее. Более несчастен, чем писатель, чьи надежды не оправдались – тот, чьи мечты сбылись.

Барбара смеётся.

– Поверю вам на слово.

Они чокаются бокалами и пьют.

⁷⁰ Персонаж «Волшебника из страны Оз» Баума.

26 июля 2021

1

Когда Холли в четверть четвертого въезжает на тесную парковку «Джет Март», она видит, что человек, которого она хочет расспросить, стоит за прилавком. Отлично. Холли смотрит что-то на своём айпаде, затем выходит из машины. Слева от двери располагается доска объявлений. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ТЕРРИТОРИЮ «ДЖЕТ МАРТ»! – гласит надпись. Доска увешана объявлениями о сдаче жилья, продаже автомобилей, стиральных машин и игровых приставок, о пропавшей собаке (*МЫ ЛЮБИМ НАШЕГО РЕКСИ!*) и двух потерявшихся кошках. Также есть одно о пропавшей девушке: Бонни Рэй Даль. Холли знает, кто повесил его, и мысленно слышит слова Киши Стоун: *недолюбливали друг друга, но любовь никуда не ушла.*

Холли входит внутрь. Сейчас в магазине никого нет, кроме неё и продавца по имени Эмилио Эррера. На вид он ровесник Пита, может, чуть моложе. Он совершенно не прочь пообщаться. У него круглое лицо и очаровательная ангельская улыбка. Да, Бонни была постоянной покупательницей. Она ему нравилась, и он очень сожалеет, что она пропала. Надеюсь, она скоро выйдет на связь со своей мамой и друзьями.

– Обычно она приходила около восьми вечера, – говорит Эррера. – Иногда чуть раньше, иногда чуть позже. Она всегда улыбалась и находила пару добрых слов, пусть даже простое «как дела?», «что думаешь о «Кавс»⁷¹ или «как поживает жена?». Знаете, сколько людей утруждают себя подобным?

– Полагаю, не так уж много, – отвечает Холли. Сама она не склонна болтать с незнакомыми людьми; в основном ограничивается «*пожалуйста*», «*спасибо*» и «*хорошего дня*». «*Холли живёт сама по себе*», обычно говорила Шарлотта с лёгкой гримасой на лице, как бы добавляя «*она ничего не может с собой поделатъ, знаете ли*».

⁷¹ Баскетбольная команда «Кливленд Кавальерс».

– Не много, правда, – говорит Эррера. – Но только не она. Всегда дружелюбна, всегда найдёт пару слов. Она покупала диетическую газировку, иногда какую-нибудь сладость со стойки. Она любила «Хо-Хос» и «Ринг Динг», но чаще проходила мимо них. Молодые девушки следят за фигурой, как вы, наверное, понимаете.

– Было ли что-то необычное в тот вечер, мистер Эррера? Хоть что-нибудь? Кто-то на улице, наблюдающий за Бонни? Может быть, он стоял вне поля зрения камер видеонаблюдения?

– Я ничего не видел, – говорит Эррера, оказав Холли любезность и немного поразмыслив над вопросом. – Уверен, я бы заметил. Круглосуточные магазины, вроде нашего, особенно на тихих улицах, как Ред-Бэнк-Авеню – излюбленная цель грабителей. Хотя наш, слава богу, никогда не грабили. – Эррера крестится. – Но я держу ухо востро. Кто приходит, кто уходит, кто слоняется без дела. В тот вечер, когда заходила девушка, которую вы ищете, я никого не видел. По крайней мере, никто не запомнился. Она взяла газировку, положила в рюкзак, надела шлем и уехала.

Холли открывает свой айпад и показывает ему фото, скачанное ею перед входом в магазин. Это «Тойота Сиенна» 2020 года.

– Вы помните такой фургон? В тот вечер или в любой другой? У него была синяя полоса по низу.

Эррера внимательно изучает фотографию, затем возвращает айпад.

– Я видел много похожих фургонов, но это ни о чём не говорит. Тот вечер... это было почти месяц назад, верно?

– Да, я понимаю. Позвольте показать вам кое-что ещё. Это может освежить вашу память.

Холли запускает видео с камеры наблюдения, снятое вечером первого июля, и нажимает на паузу, когда на заднем плане оказывается фургон. Эррера рассматривает его и говорит:

– Ого. Надо бы почистить объектив.

Холли не говорит ему, что бесполезно запирать ворота амбара, когда лошади уже украдены.

– Вы уверены, что не помните этот фургон? Может, видели его в другие дни?

– Мне очень жаль, мэм. Не помню. Фургоны встречаются сплошь и рядом.

Именно этого Холли и ожидала. Ещё одна точка над «i» поставлена.

– Спасибо вам, мистер Эррера.

– Жаль, что я не сильно помог.

– А как насчёт этого подростка? Вы узнаете его? – Холли показывает ему фото Питера Стейнмана. Групповой снимок его школьной музыкальной группы, найденный в интернете (в наши дни всё есть в сети). Холли увеличивает изображение так, что Питера, стоящего в заднем ряду, видно довольно отчётливо. Во всяком случае, лучше, чем изображение с камеры наблюдения «Джет Март». – Он катался на скейтборде.

Эррера всматривается, отрываясь на миг лишь когда входит женщина средних лет. Он приветствует её по имени, и она отвечает на приветствие. Затем продавец возвращается к айпаду Холли.

– Он выглядит знакомым, но это всё, что я могу сказать. Эти ребята со скейтбордами постоянно заходят сюда. Покупают конфеты или чипсы, а затем катятся на своих досках вниз по склону к «Уип». Вы знаете «Дейри Уип»?

– Да, – говорит Холли. – Мальчик тоже пропал. В ноябре 2018.

– Эй, вы же не думаете, что у нас тут завёлся какой-нибудь маньяк, а? Типа Джона Уэйна Гейси?

– Скорее всего, нет. Этот паренёк и Бонни Даль, вероятно, даже не связаны. – Хотя Холли становится всё труднее в это поверить. – Вряд ли вы вспомните каких-либо других постоянных клиентов, которые внезапно перестали появляться, правда?

Покупательница – её зовут Кора – ждёт поблизости, чтобы расплатиться за упаковку пива «Айрон Сити» и буханку «Уандер Брэд».

– Нет, – отвечает Эррера, но он больше не смотрит на Холли, ведь она не покупатель. В отличие от Кору.

Холли понимает намёк, но прежде чем отойти от кассы, даёт Эмилио Эррере одну из своих визиток.

– Вот мой номер телефона. Позвоните, если вспомните что-нибудь, что поможет найти Бонни, хорошо?

– Конечно, – говорит Эррера, и убирает визитку в карман. – Привет, Кора. Извини, что тебе пришлось ждать. Какой уж тут ковид, а?

Перед уходом Холли покупает банку «Фанты». Не потому, что ей хочется пить, а только из вежливости.

2

Вернувшись домой, Холли сразу же проверяет «Твиттер». Есть один новый ответ от Франклина Краслоу (христианин, гордый член Национальной стрелковой ассоциации, Юг снова возродится). Он короткий. *«Эллен убила своё дитя и будет гореть в аду. Оставьте нас в покое».*

«Нас», предполагает Холли, это клан Краслоу из округа Бибб.

Холли звонит Пенни Даль. Ей не очень-то хочется, но пришло время сказать Пенни то, во что она теперь верит: возможно, Бонни похищена. Вероятно, тем, кто ждал её в фургоне у бывшей «Мастерской Билла по ремонту автомобильных и малолитражных двигателей». Вероятно, знакомым. Холли подчёркивает слово «возможно».

Она ожидает слёз, но их нет, по крайней мере пока. Всё-таки, это именно то, чего боялась Пенни Даль. Она спрашивает Холли, есть ли шанс, что Бонни ещё жива.

– Шанс всегда есть, – отвечает Холли.

– Какой-то ублюдок забрал её. – Эта вульгарность удивляет Холли, но только на секунду. Ярость вместо слёз. Холли представляет Пенни в роли медведицы, потерявшей детёныша. – Найди его. Кто бы ни забрал мою дочь, найди этого ублюдка. Не важно, сколько это будет стоить. Я достану деньги. Ты меня слышишь?

Холли подозревает, что слёзы появятся позже, когда до Пенни дойдёт то, что она услышала. Одно дело – испытывать запертый

внутри сильнейший страх, какой только может испытывать мать; и совсем другое – слышать, как об этом говорят вслух.

– Я сделаю всё, что в моих силах. – Так Холли говорит всегда.

– Найди его, – повторяет Пенни и заканчивает разговор, не попрощавшись.

Холли подходит к окну и закуривает сигарету. Она пытается прикинуть следующий шаг, и приходит к выводу (неохотно), что прямо сейчас двигаться некуда. Она знает о трёх пропавших людях и чувствует, что их исчезновения связаны, но, кроме некоторых совпадений, у неё нет веских доказательств. Она в тупике. Нужно, чтобы вселенная бросила ей верёвку.

3

В тот вечер из Нью-Йорка звонит Джером. Он взволнован и счастлив, а почему бы нет? Обед прошёл хорошо, своевременно выписали чек. Агент переведёт деньги на его счёт (за вычетом пятнадцати процентов), но он и правда держал чек в руках, говорит Джером, и провёл пальцами по тиснёным цифрам.

– Я богат, Холлиберри. Я охрененно *богат!*

«*Не ты один*», – думает Холли.

– А ещё ты пьян?

– Нет! – Джером кажется обиженным. – Я выпил два пива!

– Что ж, хорошо. Хотя в таком исключительном случае, полагаю, у тебя есть право напиться. – Холли замолкает. – Но, только до тех пор, пока можешь устоять на ногах и нет желания наблевать на Пятой Авеню.

– «Бларни Стоун» находится на Восьмой, Холс. Рядом с «Мэдисон Сквер Гарден».

Очень интересно, говорит Холли, которая никогда не была в Нью-Йорке и не горит желанием попасть туда.

Затем, сам не подозревая, что копирует свою младшую сестру, Джером говорит Холли, что на самом деле его сводят с ума не деньги.

– Книгу собираются опубликовать! Всё началось со студенческой газеты, превратилось в книгу, и теперь её собираются опубликовать!

– Просто замечательно, Джером. Я очень рада за тебя. – Холли желает своему другу, однажды спасшему их с Биллом Ходжесом во время снежной бури, всегда быть таким же счастливым, но знает, что в жизни так не бывает. Может, оно и к лучшему. Иначе счастье ничего бы не значило.

– Как продвигается дело? Есть какой-нибудь прогресс?

Холли рассказывает Джерому обо всём. По большей части речь идёт об Эллен Краслоу, но она упоминает и то, что Том Хиггинс теперь вне подозрений. Когда Холли заканчивает, Джером говорит:

– Я бы отдал сто баксов, чтобы узнать, кто та пожилая дама. Та, что подчищала трейлер Эллен Краслоу. А ты?

– Да. – Холли думает (с улыбкой), что Джером мог бы выложить и тысячу, учитывая внезапно свалившееся на него богатство. Могла бы и она, если уж на то пошло. *Dives puella* – богатая девочка, как в песне Холла и Оутса, которая ей когда-то нравилась. – Меня больше всего заинтересовало, что все жители трейлерного парка – чернокожие. Неудивительно, ведь это западная окраина Лоутауна. Но пожилая дама была белой.

– Что будешь делать дальше?

– Не знаю, – отвечает Холли. – А ты, Джером?

– Пока побуду в Нью-Йорке. По крайней мере до четверга. Мой редактор – обожаю произносить это – хочет кое-что обсудить, некоторые изменения в рукописи, плюс хочет провести мозговой штурм по оформлению обложки. Говорит, что глава отдела рекламы собирается обсудить возможный рекламный тур. *Тур!* Ты можешь в такое поверить?

– Могу, – говорит Холли. – Я так рада за тебя.

– Могу я тебе кое-что сказать? Насчёт Барб?

– Конечно.

– Я почти уверен, что она тоже пишет. И думаю, она куда-то пробивается с этим. Разве не безумие, если мы оба станем писателями?

– Не безумнее семейки Бронте, – отвечает Холли. – Три сестры, Шарлотта, Эмили и Энн. Все писатели. Я зачитывалась «Джейн Эйр». – Это правда, но Холли, будучи несчастным подростком, особенно любила «Грозовой перевал». – Есть мысли, что пишет Барбара?

– Кажется, стихи. Почти наверняка. Со второго курса Барбара только поэзию и читает. Послушай, Холли, я пойду прогуляться. В этот город можно влюбиться. Хотя бы за то, что у них тут повсюду пункты вакцинации.

– Что ж, остерегайся грабителей. Держи бумажник в переднем кармане. И позвони маме с папой.

– Уже сделал.

– А Барбаре? Ты уже говорил ей?

– Скажу. Если она не слишком занята своим секретным проектом, чтобы ответить на звонок. Я люблю тебя, Холли.

Он говорит эти слова не в первый раз, но после них Холли всегда хочется плакать.

– Я тоже люблю тебя, Джером. Наслаждайся своим знаменательным днём.

Холли заканчивает разговор. Закуривает и подходит к окну.

Надевает свою *думательную шапочку*.

Но она не особо помогает.

4

Родди Харрис возвращается после своего обычного вечера понедельника, проведённого в «Победном страйке», без четверти девять. Они с Эмили следят за своим здоровьем (зачастую способами, неодобряемыми недалёким обществом), но после восьмидесяти лет его некогда сильные бёдра ощутимо ослабели, и прошло почти четыре года с тех пор, как он в последний раз катал шар по дорожке из твёрдого дерева. Однако он по-прежнему ходит в боулинг почти каждый понедельник, потому что ему нравится болеть за свою команду. «Золотые

Старички» играют в лиге «Старше 65». Почти все, с кем он играл в боулинг, когда вступил в «Старичков», ушли, но некоторые остались, в том числе Хью Клиппард, раньше работавший на кафедре социологии. Хью и самому сейчас за восемьдесят, он сколотил кучу денег на фондовом рынке, и у него по-прежнему отличный хук. Таким только делать бруклины⁷².

Как только закрывается входная дверь, из своего маленького кабинета выходит Эмили. Родди целует её в щёку и спрашивает, как прошёл её вечер.

– Так себе. Возможно, у нас небольшая проблема, дорогой. Ты знаешь, что я слежу за твитами и постами определённых людей.

– Веры Стейнман, – говорит он. – И, конечно, Даль.

– Я также время от времени проверяю Краслоу. Их немного, и они никогда не говорят об Эллен. И о ней никто не спрашивал. До вчерашнего дня.

– Эллен Краслоу, – произносит Родди, покачивая головой. – Та сука. Та... – На мгновение слово ускользает от него. Затем вспоминается. – Та упрямая сука.

– Точно. Некто под ником ЛоренБэколлПоклонник расспрашивал о ней в «Твиттере».

– Спустя почти *три* года? Почему сейчас?

– Потому что я уверена, что ЛоренБэколлПоклонник руководит частной детективной фирмой. Её настоящее имя Холли Гибни, фирма называется «Найдём и сохраним», и Пенелопа Даль воспользовалась её услугами.

Теперь Родди внимательно прислушивается, глядя на Эмили сверху вниз. Он на семь дюймов выше, но она равна ему по интеллекту, в чём-то даже превосходит. Она... слово опять ускользает от Родди, но он вспоминает его, как всегда. *Почти* всегда.

Эмили коварна.

– Как ты узнала?

⁷² Хук – бросок шара с подкручиванием. Бруклин – удар по неправильной стороне головной кегли. Для правши это будет левая сторона, для левши – наоборот.

– Миссис Даль очень болтлива в соцсетях.

– Болтливая Пенни, – повторяет Родди. – С той девкой, Бонни, мы допустили ошибку. Хуже, чем с проклятым мексикашкой, но нам простительно, потому что...

– Потому что он был первым. Я знаю. Пойдём на кухню. После ужина осталось полбутылки красного.

– От вина перед сном у меня изжога. Ты же знаешь. – Но он идёт за ней.

– Всего капельку.

Эмили достаёт из холодильника бутылку и разливает – немного Родди, чуть больше себе. Они сидят друг напротив друга.

– Вероятно, Бонни была ошибкой, – признаёт она. – Но из-за жары у меня разошёлся ишиас... и головные боли.

– Знаю, – говорит Родди. Он берёт её через стол за руку и нежно сжимает. – Моя бедная родненькая с её мигренями.

– А сам? Я замечаю, как порой ты с трудом подбираешь слова. И твои бедные руки, как они дрожат... нам пришлось.

– Сейчас я в порядке. Дрожь прошла. И любое... любое помутнение рассудка, которое у меня было... всё тоже прошло.

Это правда только наполовину. Дрожь и правда прошла, (ну, иногда бывает самую малость, когда Родди сильно устаёт), но те или иные слова подчас разбегаются врассыпную.

«У каждого возникают белые пятна, – говорит он себе, когда такое случается. – Ты же изучал этот вопрос. Временное нарушение связей, переходящая афазия, ничем не отличающаяся от мышечного спазма, который причиняет дьявольскую боль, а затем отпускает. Мысль о том, что это похоже на начало болезни Альцгеймера, просто нелепа».

– В любом случае, дело сделано. С последствиями мы разберёмся. Есть и хорошая новость: я не думаю, что нам стоит беспокоиться. Эта Гибни добилась некоторых заметных успехов – да, я навела о ней справки – но во время работы с партнёром, бывшим полицейским, умершим несколько лет назад. С тех пор она в основном разыскивает

пропавших собак, гоняется за беглецами из-под залога, и работает по договору с некоторыми страховыми компаниями. *Мелкими*, ничего особенного.

Родди потягивает вино.

– Судя по всему, у неё хватило ума выйти на Эллен Краслоу.

Эмили вздыхает.

– Правда. Но два исчезновения с разницей в почти три года не закономерность. Тем не менее, как ты всегда говоришь: готовь сани летом.

Он всегда так говорит? Кажется, да, раньше говорил. Как и *одна ошибка прогрессу не помеха* – поговорка отца Родди, владельца потрясающего небесно-голубого «Паккарда»...

– Родди! – Резкий тон Эмили возвращает его в реальность. – Ты уплываешь!

– Разве?

– Дай сюда. – Она берёт стоящий перед ним бокал с каплей вина, и выливает в раковину. Затем достаёт из морозилки вазочку с мутно-серой массой, поливает сверху взбитыми сливками и ставит перед ним вместе с длинной десертной ложкой. – Ешь.

– А ты не будешь? – спрашивает он... но у него уже текут слюнки.

– Нет. Ешь всё, тебе нужнее.

Эмили садится напротив, пока он жадно поглощает смесь из мозгов и ванильного мороженого. Эмили наблюдает. Это вернёт его к жизни. *Должно вернуть*. Она любит его. И она нуждается в нём.

– Послушай внимательно, любовь моя. Эта женщина поищет повсюду Бонни, ничего не найдёт, возьмёт свои деньги и отправится во свояси. Если она *станет* проблемой – один шанс из ста, если не из тысячи, – то она не замужем и, как я разузнала, ухажёра у неё тоже нет. Её мать скончалась в начале месяца. Единственный оставшийся в живых родственник – её дядя, пребывающий в доме престарелых с Альцгеймером. Есть партнёр по бизнесу, но он, по-видимому, *hors de combat*⁷³ из-за ковида.

⁷³ Не в строю (фр).

Родди чуть быстрее орудует ложкой, вытирая струйку, стекающую по морщине в уголке рта. Ему кажется, что уже наступает заметное прояснение в том, что он видит и в том, что говорит Эмили.

– Ты узнала всё это из «Твиттера»?

Эмили улыбается.

– Есть и другие места. У меня свои маленькие хитрости. Как в том сериале, что мы смотрим по телевизору. «Манифест». Там персонажи постоянно повторяют: «всё взаимосвязано». Глупый сериал, но слова эти *не* глупы. Моя логика проста, дорогой. У этой женщины никого нет. Она вполне предсказуемо чувствует себя подавленной и убитой горем после смерти матери. Если бы такая женщина покончила с собой, прыгнув в озеро и оставив предсмертную записку на компьютере, кто бы стал сомневаться?

– Возможно, её партнёр по бизнесу.

– Или он может всё понять. Я не говорю, что до этого дойдёт, просто...

– ...Сани стоит готовить летом.

– Именно. – «Десерт» почти закончился, и, пожалуй, с Родди хватит. – Дай-ка сюда.

Эмили берёт креманку и доедает остатки.

5

Барбара Робинсон в пижаме читает в своей спальне при свете прикроватной лампы, когда звонит телефон. Книга называется «Каталепсия», автор Хорхе Кастро. Она не так хороша, как «Забытый город», а название будто намеренно отталкивающее – заявка автора на звание «литератора», – но она довольно приличная. К тому же, рабочее название её собственной книги «Лица меняются» – тоже не походит на «Избранные стихи для чтения у камина».

Звонит Джером из Нью-Йорка. У неё сейчас четверть двенадцатого, так что в восточном часовом поясе уже наступило завтра.

– Привет, бро. Ты поздновато, и ты не на тусовке, если только не в компании немых.

– Нет, я в своём номере. Слишком возбуждён, чтобы спать. Я тебя разбудил?

– Нет, – отвечает Барбара, садясь на постели и подкладывая под спину подушку. – Просто читаю перед сном.

– Сильвия Плат или Энн Секстон? – Подтрунивает он.

– Роман. Человек, написавший его, какое-то время преподавал на холме. – *На холме* – имеется в виду в колледже Белла. – Как у тебя дела?

Джером выкладывает как на духу то, что уже рассказал родителям и Холли. Барбара рада за него и не скрывает этого. Она приходит в восторг, узнав о ста тысячах долларов, и визжит, когда он рассказывает ей о возможном туре.

– Возьми меня с собой! Я буду на побегушках!

– Я мог бы поймать тебя на слове. А как у тебя дела, Барбарелла?

Она чуть не рассказывает ему всё, но потом сдерживается. Пусть это будет день Джерома.

– Барб? Ты ещё здесь?

– Всё по-старому.

– Я тебе не верю. Ты что-то задумала? Что за большой секрет? Выкладывай.

– Скоро, – обещает она. – Правда. Расскажи, как там дела у Холли. На днях я вроде как отвертелась от её просьбы. Чувствую себя виноватой. – Но не слишком. Барбаре предстоит написать эссе, это важно, а она не сильно-то продвинулась. Не сильно? Она даже не начала.

Джером вкратце пересказывает, заканчивая упоминанием Эллен Краслоу. Барбара слушает вполуха, но в нужных местах вставляет «да», «ого» и «угу». Её мысли снова возвращаются к чёртовому эссе, которое нужно отправить к концу месяца. И она хочет спать. Она не связывает исчезновения, о которых рассказывает Джей, с тем, что ей поведала Оливия Кингсбери, хотя роман Хорхе Кастро лежит обложкой вверх на её одеяле.

Джером слышит зевок Барбары и говорит:

– Я тебя отпускаю. Но с тобой приятно поговорить, когда ты во внимании.

– Я всегда уделяю тебе внимание, мой дорогой братец.

– Врушка, – говорит он со смехом, и заканчивает разговор.

Барбара отодвигает Хорхе Кастро в сторону, не подозревая, что он является членом маленького и крайне несчастливого клуба, и выключает свет.

6

В ту ночь Холли снится её старая спальня.

Судя по обоям, спальня находится на Бонд-Стрит в Цинциннати, но также похожа на музейную выставку, которую себе представляла Холли. Повсюду маленькие таблички с названиями предметов, ставших артефактами. «LUDIO LUDIUS» рядом со звуковой системой, «BELLA SIDEREA» рядом с мусорной корзиной, «CUBILE TRISTIS PUELLA» на кровати.

Поскольку человеческий мозг построен на связях, Холли просыпается с мыслями об отце. Что случается нечасто. С чего бы? Он умер давным-давно и всегда был лишь тенью, даже в тех редких случаях, когда он находился дома. Ховард Гибни работал продавцом в «Рэй Гартон Фарм Машинери, Инк.» и проводил дни в разъездах по Среднему Западу, продавая комбайны и уборочные машины, а также тракторы «Рэй Гартон ТруМэйд» ярко-красного цвета, будто для того, чтобы никто не перепутал технику «Гартон» с продукцией «Джон Дир». Если он оставался дома, Шарлотта заботилась, чтобы он никогда не забывал, кто, по её словам, *поддерживает домашний очаг*. Раскатывая по всей стране он, возможно, и был генератором продаж, но дома являлся самым настоящим Мистером Размазнёй.

Холли встаёт и подходит к своему письменному столу. Свидетельства её трудовой жизни – жизни, созданной ею для себя – находятся либо в «Найдём и сохраним» на Фредерик-Стрит, либо в её маленьком

домашнем кабинете, но она хранит некоторые из них (настоящие *артефакты*) в нижнем ящике этого стола. Их немного, и большинство навевают воспоминания, вызывающие одновременно ностальгию и сожаление.

Вот почётный значок, полученный Холли за второе место на конкурсе ораторского мастерства, в котором участвовали несколько городских начальных школ (в ту пору, когда она была достаточно молода и уверена в себе, чтобы выступать перед большим скоплением людей.) Она продекламовала стихотворение Роберта Фроста «Починка стены», и после похвалы Шарлотта сказала, что Холли могла бы получить первый приз, не запнишь она на нескольких словах.

Вот фотография, на которой шестилетняя Холли попрошайничает на Хэллоуин с отцом; он в пиджаке, она в костюме призрака, сшитом отцом для неё. Холли смутно припоминает, что её мать, обычно ходившая с ней (часто волоча за руку от дома к дому), в тот год заболела гриппом. На снимке Ховард Гибни улыбается. Холли кажется, что она тогда тоже улыбалась, хотя из-за накинутой на голову простыни понять невозможно.

– Улыбалась, – шепчет Холли. – Потому что он не волочил меня за собой, желая поскорее вернуться домой и посмотреть телевизор. – Кроме того, он не напоминал ей говорить «спасибо» в каждом доме, зная, что она и так это сделает. Она и делала.

Но Холли нужен не значок, не фотография с Хэллоуина, не гербарий, не некролог её отца, аккуратно вырезанный и сохранённый. Ей нужна открытка. Когда-то их было больше – не меньше дюжины – и Холли предполагает, что остальные потерялись. После выявления лжи своей матери о наследстве, ей пришла в голову ещё менее приятная мысль: её мать украла память о человеке, которого Холли помнит лишь смутно. О человеке, жившем под каблуком жены, когда был дома (что случалось нечасто), но добром и забавном в тех редких случаях, когда оставался наедине со своей маленькой дочкой.

Он четыре года изучал латынь в средней школе и получил награду – первое место, а не второе – за двухстраничное эссе, написанное на

этом языке. Эссе называлось «Quid Est Veritas – Что есть истина?» Несмотря на решительные, почти резкие возражения Шарлотты, Холли сама два года – столько длилась программа – изучала латынь в старших классах. Она не блистала, как её отец в те дни, когда ещё не стал продавцом, но училась на твёрдую «А»⁷⁴, и она по-прежнему помнила, что *tristis puella* означает «грустная девочка», а *bella siderea* – «звёздные войны».

Теперь Холли думает – и ей это ясно, как день – она выбрала латынь как способ сблизиться с отцом. И он потянулся ей навстречу, разве нет? Посылал открытки из таких мест, как Омаха, Талса и Рапид-Сити.

Стоя в пижаме на коленях перед нижним ящиком стола, Холли перебирает эти немногие остатки своего прошлого *tristis puella*, думая, что исчезла даже та последняя открытка. И её не украла мать (полностью вычеркнувшая Ховарда Гибни из своей жизни), а потеряла сама Холли по глупости, вероятно, во время переезда в эту квартиру.

Наконец Холли находит открытку, застрявшую в задней части ящика. На лицевой стороне изображена арка «Гейтуэй» в Сент-Луисе. Сообщение, без сомнения написанное ручкой «Рэй Гартон Фарм Машинери», на латинском языке. Все его открытки, адресованные Холли, были подписаны на латыни. Переводить их было её работой – и удовольствием. Холли переворачивает открытку и читает сообщение.

«Cara Holly! Deliciam meam amo. Lude cum matre tua. Mox domi ero. Pater tuus».

Этим достижением он гордился даже больше, чем продажей нового трактора за сто семьдесят тысяч долларов. Однажды отец сказал Холли, что он единственный продавец сельскохозяйственной техники в Америке, изучивший латынь. Он произнёс это в присутствии Шарлотты, на что та ответила со смехом: «Только ты можешь гордиться тем, что говоришь на мёртвом языке».

Ховард улыбнулся, но ничего не сказал.

⁷⁴ Иначе говоря – пятёрка.

Холли берёт открытку в постель и перечитывает ещё раз при свете настольной лампы. Она помнит, как перевела послание с помощью латинского словаря, и сейчас шепотом произносит его вслух: «Дорогая Холли! Я люблю мою маленькую девочку. Не горюй там со своей мамой. Я скоро буду дома. Твой папа».

Холли не задумываясь целует открытку. Почтовый штемпель слишком размыт, чтобы разобрать дату, но Холли кажется, что открытка была отправлена незадолго до смерти её отца от сердечного приступа в номере мотеля на окраине Давенпорта, штат Айова. Холли помнит, как её мать жаловалась – *ныла* – по поводу стоимости отправки тела домой по железной дороге.

Холли кладёт открытку на прикроватный столик, решив, что вернёт её в ящик письменного стола утром. «*Реликвии*, – думает она. – *Музейные реликвии*».

Холли опечалена тем, как мало воспоминаний у неё осталось об отце, и тупо злится от осознания, что тень её матери почти полностью затмила его. *Украла* ли Шарлотта другие открытки, как украла наследство Холли? И пропустила лишь эту, потому что более молодая и гораздо более робкая версия Холли использовала открытку в качестве закладки или носила в сумке (разумеется из шотландки), которую она тогда повсюду таскала с собой? Она так и не узнает. Неужели её отец провёл так много времени в разъездах, потому что не хотел возвращаться домой к жене? Этого Холли тоже никогда не узнает. Но она точно знает, что он всегда был рад вернуться к *cara Holly*.

Она также знает, что они вместе вдохнули немного жизни в мёртвый язык. Такая у них была фишка.

Холли выключает свет. Засыпает.

Ей снится Шарлотта в старой спальне Холли.

– Помни, кому ты обязана, – говорит Шарлотта.

Она выходит и запирает за собой дверь.

19 мая 2021

1

Барбара торопливо входит в вестибюль больницы, не бегом лишь потому, что Мари предупредила: ситуация не чрезвычайная, всего лишь обычная процедура. У центральной стойки Кинер Мемориал она спрашивает на каком этаже отделение онкологии. Женщина направляет её к западному ряду лифтов. Барбара оказывается в уютном фойе с приятными картинами на стенах (закаты, луга, тропические острова) и ненавязчивой музыкой, доносящейся из динамиков под потолком. Здесь ожидает множество людей, надеющихся на хорошие новости и отгоняющих дурные мысли. Все они в масках. Мари читает роман Джона Сэндфорда в мягкой обложке. Она приберегла свободный стул для Барбары.

– Почему вы мне не сказали? – первое, что произносит Барбара.

– Чтобы не волновать тебя понапрасну, тебе совсем не нужно волноваться, – отвечает Мари. Она совершенно спокойна. На ней как обычно коричневые слаксы и белая блузка, неброский аккуратный макияж, и ни одна прядь не выбивается из причёски. – Оливия хотела, чтобы ты беспокоилась о своей поэзии.

– Я беспокоюсь о *ней*! – Барбара старается говорить тише, но несколько человек оглядываются.

– У Оливии рак, – говорит Мари. – Как она выражается, что не удивительно, жопорак. Он у неё уже давно. Доктор Браун – её онколог – говорит, что это тот рак, с которым ты умираешь, а не тот, *от* которого умираешь. В её преклонном возрасте он еле ползёт. Но за последние два года чуть ускорился.

– Злокачественный? – Барбара шепчет это слово.

– О да, – по-прежнему спокойно отвечает Мари. – Но он не дал метастазов и, возможно, не даст. Раньше она проверяла прирост два раза в год. В этом году – три раза. Конечно, если она проживёт ещё

год. Сама Оливия любит говорить, что срок её эксплуатации давно истёк. Я позвала тебя, потому что она хочет кое-что тебе сказать. Ты пропускаешь учёбу?

Барбара отмахивается от вопроса. Она выпускница, её средняя оценка «А», и она может взять выходной в любой день, когда захочет.

– Так в чём дело?

– Она сама тебе скажет.

– Это связано с премией Пенли?

Мари просто берёт книгу и продолжает читать. Барбара не захватила с собой книгу. Она достаёт телефон, заходит в «Инстаграм», просматривает несколько скучных постов, проверяет электронную почту и снова убирает его. Десять минут спустя Оливия выходит из распашных дверей, скрывающих оборудование, о котором Барбара ничего не хочет знать. Оливия идёт, опираясь на обе свои трости. С худого плеча свисает сумка-рюкзак. Медсестра поддерживает её под руку.

Оливия подходит к Барбаре и Мари, благодарит медсестру и плюхается на стул, вздыхая и морщась.

– Пережила еще одно унижение, когда тебя замуровывают в шумном агрегате и копаются в калопроводе, – говорит она. – Старость – это время, когда всё начинает отказывать, что плохо само по себе, но в придачу это время растущего унижения. – Затем она обращается только к Барбаре: – Полагаю, Мари сообщила тебе о раке и о том, почему мы скрывали это от тебя.

– Жаль, что не сказали раньше, – говорит Барбара.

Оливия выглядит уставшей (смертельно уставшей, на взгляд Барбары), но в то же время заинтересованной.

– Почему?

Барбара не находит ответа. Женщине перед ней осенью исполнится сто, а где-то за этими дверями облысевшие дети, которым не суждено дожить до своего десятого дня рождения. И правда, почему?

– Ты можешь закричать, Барбара? – Глаза над маской с изображениями красных, белых и синих символов мира, такие же ясные, как всегда.

– Что? Зачем?

– Ты когда-нибудь кричала? Так, чтобы во всё горло, аж до хрипоты?

Барбара вспоминает историю с Брейди Хартсфилдом, Моррисом Беллами и Четом Ондовски. Особенно Ондовски.

– Да.

– Здесь кричать не нужно, тут не место для криков, но, может быть, потом. Здесь нужно вести себя тихо. Я могла бы подождать до дома, и попросить Мари позвонить тебе оттуда, но чем старше становлюсь, тем хуже контролирую свои позывы. Кроме того, я не знала, сколько продлится МРТ. Поэтому попросила Мари позвать тебя сюда.

Оливия снимает с плеча свою большую сумку и открывает. Достает конверт с логотипом в виде пера и чернильницы, который Барбара узнаёт с первого взгляда. Её сердце, и так бившееся учащённо после звонка Мари, начинает колотиться во всю прыть.

– Я взяла на себя смелость открыть его, желая в мягкой форме сообщить тебе о плохих новостях, будь они таковыми. Но они не такие. В шорт-лист Пенли попали пятнадцать поэтов в возрасте до тридцати лет. Ты одна из них.

Барбара видит, как её рука берёт конверт. Она видит, как рука открывает его и вытаскивает сложенный лист плотной бумаги. Она видит тот же логотип в верхней части письма, начинающегося словами: «*Комитет по присуждению премии Пенли рад вам сообщить*». Затем глаза Барбары наполняются слезами.

2

Они возвращаются на Ридж-Роуд в машине Мари. Барбара сидит сзади. По радио, на волне «Сириус ХМ», постоянно звучат мелодии сороковых годов. Некоторым Оливия подпевает. Барбара догадывается, что когда они только набирали популярность, Оливия носила лоферы и укладывала волосы в стиле паж. По дороге Барбара снова и снова перечитывает письмо, уверяя себя, что оно настоящее.

Подъехав к дому, Барбара и Мари помогают Оливии выйти из машины и подняться по ступенькам; медленный процесс сопровождается чередой громких пуков.

– Обычные прострелы, – как ни в чём ни бывало замечает Оливия.
– Прочищаю выхлопную систему.

В прихожей за закрытой дверью Оливия останавливается лицом к лицу с Барбарой, сжимая в каждой руке по трости.

– Если ты хочешь закричать, сейчас самое подходящее время. Я бы и сама не отказалась, но у меня уже не те лёгкие.

Барбара по-прежнему на пути к главному призу премии Пенли и возможности публикации в «Рандом Хаус». Она полагает, это было бы здорово, деньги пригодятся на колледж, но это не самое важное. Оливия почти убедила её, что стихи будут опубликованы, даже если она не победит. Их прочитают. Не многие, но те, кому нравится то же, что и ей.

Барбара набирает в грудь воздуха и кричит. Не от ужаса, а от радости.

– Хорошо. – Оливия улыбается. – А ещё разик? Сможешь поднатужиться?

Барбара может. Мари обнимает её за плечи, и они кричат вместе.

– Отлично, – произносит Оливия. – Просто чтобы ты знала: я наставляла двух молодых людей, попавших потом в лонг-лист премии Пенли, но ты, Барбара Робинсон, первая, кто попал в шорт-лист, и безусловно самая юная. Однако нужно преодолеть ещё немало высоких преград. Помни, что ты в компании четырнадцати мужчин и женщин, обладающих огромным талантом и преданностью делу.

– Нужно отдохнуть, Оливия, – напоминает Мари.

– Так и поступлю. Но сначала нам нужно кое-что обсудить.

Без четверти одиннадцать утра вселенная бросает Холли верёвку.

Она у себя в офисе (вся мебель, к счастью, на своих местах), заполняет счёт на оплату для страховой компании. Каждый раз, видя по телевизору весёлую рекламу страховой компании – утку Эфлек, «Продвинутую» даму Фло, Дуга и его эму, – Холли выключает звук. Реклама страховки – это минутка юмора. В самих компаниях смешного мало. Можно сэкономить им четверть миллиона на фиктивном иске, и всё равно придётся выставлять им счёт два, три, а иногда четыре раза, прежде чем они раскошелятся. Заполняя эти счета, Холли часто вспоминает строчку из старой народной песни: «Жадность в руках и благодарность на словах».

Телефон звонит как раз в тот момент, когда Холли дописывает последние строки в дурацком трёхстраничном бланке.

– «Найдём и сохраним», говорит Холли Гибни, чем я могу помочь?

– Здравствуйте, мисс Гибни, это Эмилио Эррера. Из «Джет Март». Мы разговаривали вчера.

– Да, было дело. – Холли выпрямляется, забыв о счёте.

– Вы спрашивали, не перестал ли приходить кто-нибудь ещё из постоянных покупателей.

– Вы кого-то вспомнили, мистер Эррера?

– Ну, возможно. Прошлым вечером, лёжа в постели, я листал каналы в поисках чего-нибудь интересного, дожидаясь, пока подействует мелатонин,⁷⁵ и по «Эй-Эм-Си» шёл «Большой Лебовски». Вряд ли вы смотрели этот фильм.

– Я смотрела, – говорит Холли. Даже трижды.

– Короче говоря, он напомнил мне о парне из боулинга. Раньше он постоянно заходил. Покупал снеки и газировку, а иногда бумагу «Ризла» для самокруток. Славный парень – мне уже под шестьдесят,

⁷⁵ Антиоксидант, так называемый «гормон сна».

так что для меня он парень, – но его фото можно вставить в словарь перед словом «торчок».

– Как его звали?

– Я не припоминаю. Вроде бы, Кори. Или Кэмерон. Это же было пять лет назад, может, больше.

– Как он выглядел?

– Тощий. Длинные светлые волосы. Он собирал их сзади в хвост, вероятно, потому что ездил на мопеде. Не мотоцикл или скутер, а что-то вроде велосипеда с двигателем. Сейчас их делают электрические, а у него работал на бензине.

– Я представляю, какие они.

– И он был шумный. Не знаю, может, что-то не то с двигателем или мопеды все такие, но он действительно громко тарахтел, этак *быр-быр-быр*. И был весь в дурацких наклейках, вроде «ОТПРАВИТЬ ВСЕХ ГЕЕВ НА ЛУНУ» или «Я ДЕЛАЮ ТО, ЧТО МНЕ ГОВОРЯТ ГОЛОСА В ГОЛОВЕ». Плюс наклейки «Грейтфул Дэд». Вроде как их поклонник. Обычно он приходил почти каждый будний вечер пока на улице тепло, ну, знаете, с апреля по октябрь. Иногда даже по ноябрь. Обычно мы говорили о фильмах. Он всегда брал одно и то же. Два-три батончика «Пи-Ко». Иногда бумагу для самокруток.

– Что такое «Пи-Ко»?

– «ПеруКола». Что-то вроде «Джолт». Вы помните «Джолт»?

Разумеется, Холли помнит. В восьмидесятых она пила «Джолт» литрами.

– У них был слоган: «Сплошной сахар и вдвое больше кофеина».

– Он самый. В «Пи-Ко» была уйма сахара и раз в девять больше кофеина. Думаю, он ходил смотреть кино в «Кинотеатр на Скале». Говорил, оттуда превосходно виден экран «Мэджик Сити».

– Правда, я была там. – Теперь Холли взволнована. Она переворачивает злосчастный страховой счёт и царапает на обороте: «Кори или Кэмерон, мопед с дурацкими наклейками».

– Он сказал, что поднимается туда только по будням, по выходным там слишком много подростков, которые шумят и валяют дурака. Довольно приятный молодой человек, но торчок. Я уже говорил?

– Говорили, но ничего страшного. Продолжайте. – Холли царапает «Кинотеатр на Скале», а затем «РЕД-БЭНК-АВЕНЮ!!!»

– В общем, я спросил, какой смысл смотреть без звука, и он сказал – я даже обалдел: «Без разницы, я помню все диалоги наизусть». Что, скорее всего, правда, если говорить о фильмах, которые там крутят. Сплошное старьё. На самом деле, в некоторых тамошних фильмах я тоже помню все диалоги.

– Серьёзно? – Конечно, серьёзно. Холли сама помнит наизусть длинные куски по меньшей мере из шестидесяти фильмов. Может, из сотни.

– Да. «Тебе понадобится лодка побольше», «Продолжай жить или дожидайся смерти» и тому подобное.

– «Ты не можешь смириться с правдой»⁷⁶, – не может удержаться Холли.

– Точно, одна из самых известных. Вот что я вам скажу, мисс Гибни, в моём бизнесе клиент всегда прав. Конечно, кроме детей, которые хотят купить сигареты или пиво. Но это не мешает мне думать, согласны?

– Конечно.

– Вот я и подумал об этом парне: он как спидболер⁷⁷. Думаю, он забирался на скалу, курил немного дури, чтобы кайфануть, а потом выпивал банку «Пи-Ко», шлифануть это дело. Эту газировку перестали выпускать два или три года назад, и я не удивлён. Однажды я попробовал её и меня просто *затрясло*. Как бы то ни было, этот парень был завсегдаем. Как по расписанию. Заканчивал смену, приезжал сюда

⁷⁶ Цитаты из фильмов «Челюсти», «Побег из Шоушенка» и «Несколько хороших парней» соответственно.

⁷⁷ Спидбол – смесь кокаина и героина. Иногда используется по-отдельности: кокаин нюхают, героин вводят внутривенно.

на своём драндулете, покупал батончики и газировку, иногда бумагу для самокруток, немного болтал, а потом уходил.

– И когда он перестал появляться?

– Я точно не помню. Я так давно работаю в этом «Джет Март». Люди приходят и уходят. Но Трамп тогда баллотировался в президенты, я запомнил, потому что мы шутили по этому поводу. Похоже, пошутили над нами. – Он замолкает, возможно, обдумывая свои слова. – Если вы голосовали за него, то я просто пошутил.

«Да вы весельчак», – думает Холли.

– Я голосовала за Клинтон. Вы сказали «парень из боулинга»?

– Конечно, потому что он работал в «Победном страйке». Так было написано на его рубашке.

2

Они ещё немного разговаривают, но Эррера не припоминает больше ничего ценного. Впрочем, узнать имя парня из боулинга не так уж трудно. Холли одёргивает себя, ведь это может оказаться просто совпадением. И всё же... тот же магазин, та же улица, без машины, примерно тот же вечерний час, когда пропала Бонни Рэй. И «Кинотеатр на Скале», куда Холли ходила после обнаружения серьги Бонни.

Она уточняет по айпаду, что «Победный страйк» работает с одиннадцати. Там должны знать имя «парня из боулинга». Холли направляется к двери, но тут ей в голову приходит другая мысль. Имани Макгуайр не позволила записать их разговор, но позже Холли надиктовала основные моменты на телефон. Она находит запись, но только собирается нажать «пуск», как ей вспоминается имя мужа Имани. Ярд – штрафстоянка.

Холли ищет номер городской штрафстоянки и спрашивает, на месте ли мистер Ярдли Макгуайр.

– Я слушаю.

– Мистер Макгуайр, меня зовут Холли Гибни. Вчера я разговаривала с вашей женой...

– Насчёт Эллен, – подхватывает он. – Имми говорит, с вами было приятно пообщаться. Сомневаюсь, что вы нашли Эллен, я прав?

– Да, но, возможно, я наткнулась ещё на одного человека, пропавшего несколько лет назад. Может, это никак не связано, но вдруг. Он ездил на мопеде с наклейками. Одна из них «ОТПРАВИТЬ ВСЕХ ГЕЕВ НА ЛУНУ». На другой «Грейтфул Дэд»...

– О, конечно, я помню тот мопед, – говорит Ярд Макгуайр. – Он простоял здесь не меньше года, а то и дольше. В конце концов, Джерри Холт забрал его домой и отдал среднему сыну, который выпрашивал такой же. Но сначала он подлатал мопед, потому что...

– Он был шумный. *Тарахтел*, как трактор.

Ярд смеётся.

– Именно так.

– Где он был найден? Или брошен?

– Ну, я без понятия. Джерри может знать. Послушайте, мисс Гибни, нельзя сказать, что Джер украл его, понимаете? Номерной знак отсутствовал, а если и был регистрационный номер, никто не потрудился проверить его на DMV.org. Только не это ведро на колёсах.

Холли спрашивает номер Джерри Холта, благодарит Ярдли и просит его передать наилучшие пожелания Имани. Потом она звонит Холту. После трёх гудков включается голосовая почта, Холли оставляет сообщение и просит перезвонить. Затем она расхаживает по своему офису, теребя волосы, пока они не становятся похожи на стог сена после урагана. Ещё не выяснив имя парня из боулинга, она на девяносто процентов уверена, что он тоже в числе жертв человека, которого Холли начинает именовать «Хищником с Ред-Бэнк». Маловероятно, что «Хищник» – пожилая дама с ишиасом, но, возможно, она кого-то прикрывает? Подчищает за кем-то? Может, даже за сыном? Бог свидетель, подобное случалось и раньше. Недавно Холли прочитала историю об убийстве «за честь семьи», где старушка держала свою невестку за ноги, пока ту обезглавливал её разъярённый сын. Семья, убивающая вместе, – держится вместе; что-то типа того.

Холли подумывает набрать номер Пита. Она даже подумывает позвонить Изабелле Джейнс в полицейский участок. Но не всерьёз. Она хочет раскрутить дело сама.

3

Парковка у «Победного страйка» большая, но занято не так уж много мест. Холли паркуется, и стоит ей открыть дверь, звонит телефон. Это Джерри Холт.

– Конечно, я помню этот мопед. Когда через год – нет, скорее через шестнадцать месяцев – за ним никто не пришёл, я отдал его своему сыну. Кто-то хочет его вернуть?

– Нет, вовсе нет. Я просто...

– Хорошо, а то Грег разбил его, гоня в гравийном карьере неподалёку отсюда. Чёртов идиот сломал себе руку. Жена устроила мне ад на земле.

– Я просто хотела узнать, где был найден мопед. Вы случайно не знаете?

– О, да, – говорит Холт. – Место было указано в регистрационном журнале. Дирфилд-Парк. В той заросшей части, что называют Демблями.

– Рядом с Ред-Бэнк-Авеню, – говорит Холли. Скорее себе, чем Джерри Холту.

– Всё верно. Мопед нашёл один из парковых смотрителей.

4

На дверях боулинга две таблички. На одной «ОТКРЫТО». На другой «НЕТ МАСКИ? НЕ ПРОБЛЕМА!» Холли натягивает свою и заходит внутрь. Фойе увешено десятками групповых снимков детей. Над ними надпись «БОУЛИНГ УКРЕПЛЯЕТ ДЕТСКОЕ ЗДОРОВЬЕ!» Холли знает более полезные для здоровья занятия – плавание, бег, волейбол, – но полагает, что любая активность идёт на пользу.

В боулинге двадцать дорожек, все, кроме трёх, затемнены. Раздаётся громкий стук шаров. Грохот кеглей при ударе ещё громче, как в голливудском боевике, когда проходной персонаж перерезает красный провод вместо синего.

Долговязый длинноволосый парень в рубашке с оранжевыми полосами и надписью «Победный страйк» за стойкой наливает пиво одному из игроков. На мгновение Холли кажется, что она застала Кори или Кэмерона живым и здоровым, никуда не пропавшим, но когда парень поворачивается к ней, Холли читает на бейджике: Даррен.

– Нужны ботинки? Какой размер?

– Нет, спасибо. Меня зовут Холли Гибни. Я частный детектив...

Его глаза расширяются.

– Поди ты!

Холли воспринимает это скорее как признак удивления, чем как пожелание проваливать, и продолжает:

– Меня интересует информация о человеке, который работал здесь несколько лет назад. Молодой парень. Возможно, его зовут...

– Не могу помочь. Я тут только с июня. На летней подработке. Вам лучше поговорить с Алтеей Хэверти. Это её заведение. Она в офисе. – Он указывает направление.

Холли идёт в офис под грохот кеглей и ликующий возглас какой-то женщины. Холли стучит в дверь. Кто-то внутри отзывается «Йоу», что Холли воспринимает как разрешение войти. Она бы вошла, даже услышав «уходи». Холли идёт по следу, и когда она этим занимается, её врождённая робость исчезает.

Алтея Хэверти – чрезвычайно крупная женщина, восседающая за захлавленным письменным столом, как медитирующий Будда. В одной руке у неё стопка бумаг. Перед ней открытый ноутбук. Судя по кислой физиономии, с которой она смотрит на бумаги, Холли почти уверена, что это счета.

– В чём дело? Пинсеттер на одиннадцатой опять барахлит? Я же велела Даррену закрыть дорожку, пока Брок её не починит. Клянусь, у этого парня опилки вместо мозгов.

– Я пришла не играть в боулинг.

Холли представляется и объясняет цель визита. Алтея слушает и откладывает бумаги в сторону.

– Вы спрашиваете о Кэри Дресслере. Он был лучшим работником с тех пор, как мой сын переехал в Калифорнию. Ладил с клиентами и умел спровадить пьяниц, не выводя их из себя. А составление графика? Профи! Он был наркошей, но кто в наши дни без греха? Это никогда ему не мешало. Он никогда не опаздывал, никогда не болел. А потом, в один прекрасный день, просто взял и исчез. Вот так. Вы его ищете, да?

– Да. – Её клиентка Пенни Даль, но сейчас Холли разыскивает их всех. Пропавших. Или, как их называют в Южной Америке – *desaparecidos*.

– Ну, ваши услуги оплачивают не его родственники, не нужно быть детективом, чтобы это понять. – Алтея закидывает руки за голову и потягивается, выпячивая поистине необъятную грудь, заслоняющую половину стола.

– Почему вы так считаете?

– Он приехал сюда из какого-то захудалого городишки в Миннесоте. По его словам, его сильно прикладывал отчим. Мать закрывала на это глаза. В конце концов ему надоело, и он встал на лыжи. Никакой слезливой истории; Кэри говорил, как о чём-то обыденном. Правильное отношение. Всё, что заботило этого молодого человека – фильмы и здешняя работа. Плюс, возможно, дурь, но, если это не выходит за рамки, я придерживаюсь политики «ничего не вижу, ничего не слышу» К тому же речь всего лишь о травке. Думаете, с ним что-то случилось? Что-то плохое?

– Считаю, такое возможно. Не можете ли мне установить точное время его исчезновения? Я разговаривала с продавцом из «Джет Март», куда Кэри обычно заходил по дороге домой... полагаю, у него было какое-то жильё... и продавец почти уверен, что это случилось примерно во время первых президентских выборов Трампа.

– Блядские демократы нагнули его со вторым сроком, пардон за выражение. Сейчас, сейчас. – Алтея открывает верхний ящик своего стола и начинает в нём рыться. – Мне неприятно думать, что с Кэри что-то случилось, без него лига совсем не та.

Она роется, роется, роется.

– Я к тому, что сраный ковид угробил много лиг – было бы смешно, не скажись это и на моём бизнесе, – но без Кэри матчи и турнирные сетки накрылись медным тазом ещё до ковида. Кэри был настолько охрененно хорош в... М-м-м, вот оно.

Алтея вставляет флешку в ноутбук, надевает очки, что-то просматривает и стучит по клавишам, качает головой, снова просматривает и снова стучит. Холли приходится сдерживаться, чтобы не обогнуть стол и не поискать самой то, что пытается найти эта женщина.

Алтея всматривается в экран. В отражении её очков Холли видит что-то похожее на электронную таблицу. Алтея говорит:

– Так, Кэри начал работать здесь в 2012 году. Слишком юн, чтобы подавать алкоголь, но я всё равно наняла его. И ничуть не пожалела. Он получил последнюю зарплату 4 сентября 2015 года. Почти шесть лет назад! Время и правда летит незаметно, а? А потом он исчез. – Она снимает очки и смотрит на Холли. – Моему мужу пришлось заменить его. Ещё до того, как у Альфи случился сердечный приступ.

– У вас не сохранилась фотография Кэри?

– Пойдёмте со мной в «Боулару».

«Боулару» – это ресторан, где уставшая на вид женщина (Холли рада видеть на ней маску) подаёт бургеры и пиво парочке игроков. Облицованные плиткой стены увешены множеством фотографий в рамках. На некоторых снимках запечатлены улыбающиеся мужчины, держащие в руках таблицы очков сплошь в крестиках. Над ними надпись «КЛУБ 300!» На большинстве остальных снимков группы игроков, одетых в футболки лиги.

– Взгляните туда, – сетует Алтея, указывая на пустые кабинки, столы и табуреты у стойки. – Раньше это был хороший бизнес. Если так пойдёт и дальше, я *прогорю*. И всё из-за какого-то выдуманного

гриппа. Если бы блядские демократы не сорвали выборы... ладно, вот он. Впереди – это и есть Кэри.

На фото, возле которого остановилась Алтея, семь пожилых мужчин – у четырёх седые волосы, остальные лысые, – и один молодой парень с длинными светлыми волосами, стянутыми сзади в хвост. Он и один из стариков держат в руках призовой трофей. Снизу подпись: «ЧЕМПИОНЫ ЗИМНЕЙ ЛИГИ 2014-2015 «ЗОЛОТЫЕ СТАРИЧКИ».

– Можно я сфотографирую? – спрашивает Холли, уже доставая телефон.

– На здоровье.

Холли щёлкает.

– Он есть на паре других снимков. Посмотрите вот этот.

Здесь Кэри стоит с шестью улыбающимися женщинами, две из которых выглядят так, словно готовы съесть молодого мистера Дресслера вместе с ботинками. Судя по их футболкам, это «Горячие ведьмочки», чемпионки женского дивизиона 2014 года.

– Они хотели назваться «Горячие сучки», но Альфи зарубил это на корню. А здесь Кэри с одной из команд Пивной лиги. Они играют на ящик «Бада».

Холли делает ещё несколько снимков.

– Кэри готов был присоединиться к любой команде, где не хватало мужчины или женщины. Но только во время смены. Он работал с открытия, в одиннадцать утра, и до семи вечера. Его все обожали, и он хорошо играл в боулинг – в среднем набирал 200 очков, – но не сильно выкладывался, если был на замене. Он вписывался в любую команду, но эти – его любимчики, и именно с ними он играл чаще всего. – Алтея возвращается вместе с Холли к «Золотым Старичкам». – Потому что они играли во второй половине дня, когда тут довольно тухло, ещё до блядского ковида. «Старички» выступали днём, они же на пенсии, но думаю, Кэри тоже имел к этому отношение. Может, прямое.

– Что вы хотите сказать?

– Когда он перестал здесь работать, «Старички» перешли на вечер понедельника. У нас была свободная позиция и они заняли её.

– Возможно ли, что Кэри обсуждал с кем-то из этих людей решение уйти и даже уехать из города?

– Думаю, он мог. Всё может быть.

– Они всё ещё играют? В смысле, мужчины с этой фотографии?

– Некоторые да, но парочка перестали. – Алтея постукивает пальцем по улыбающемуся седовласому мужчине, держащему красный, похожий на мраморный шар, наверняка изготовленный на заказ. – Родди Харрис по-прежнему приходит почти каждую неделю, но теперь он просто наблюдает. Говорит, у него больные бёдра и артрит. Этот умер... у этого, я слышала, случился инсульт... но этот всё ещё играет. – Алтея постукивает по мужчине, держащему призовой трофей вместе с Кэри. – Вообще-то, он капитан команды. Что тогда, что сейчас. Его зовут Хью Клиппард. Если хотите поговорить с ним, могу дать адрес. У меня есть адреса всех членов команды на случай, если они выигруют. Или поступит жалоба.

– И много их бывает?

– Душечка моя, вы удивитесь сколько. Состязания бывают довольно жаркими, особенно в зимних лигах. Помню матч между «Ведьмами» и «Охламонами с района», который закончился дракой. Удары кулаками, расцарапанные лица, кругом пролитое пиво – полный бардак. Всё из-за маленького фола. Их разнял как раз Кэри. В этом он тоже был мастак. Боже, как я скучаю по нему.

– Я бы *хотела* получить адрес мистера Клиппарда. И его номер телефона, если есть.

– Есть.

Холли следует за Алтеей Хэверти обратно в её офис. Она совершенно не верит, что Кэри Дресслер рассказал кому-либо из «Старичков» о планах уехать, потому что не верит, что такие планы у него имелись. Его планы *изменились*, возможно, бесповоротно. Но если трейлер Эллен подчищала пожилая женщина, возможно, кто-то из этих стариков знает её. Может, даже является её роднёй, кровной или по браку. Потому что «Хищник с Ред-Бэнк-Авеню» выбирает своих жертв не случайно, или не совсем случайно. Он знал, что Эллен была сама по

себе. Он знал, что Кэри был сам по себе. Он мог знать, что у матери Пита Стейнмана проблемы с алкоголем. Он знал, что Бонни недавно рассталась с парнем, у неё не было отца, а отношения Бонни с матерью напряжённые. Иначе говоря, «Хищник» владел информацией. Выбирал свои жертвы.

Теперь Холли более опытная, чем раньше – более мотивированная, эмоционально стабильная, менее склонна к самобичеванию, – но она по-прежнему страдает низкой самооценкой и неуверенностью в себе. Ирония в том, что эти изъяны характера делают её более толковым детективом. Холли прекрасно понимает, что её предположения в этом расследовании могут быть совершенно неверными, но интуиция подсказывает обратное. Ей всё равно, рассказывал ли Кэри кому-нибудь из «Золотых Старичков» о своём намерении покинуть город; её интересует, знает ли кто-нибудь из них женщину, страдающую ишиасом, или, возможно, кто-то женат на ней. Маловероятно, но, как говорил Маски помощнику шерифа Догу в старом мультике: «Всё возможно, всё возможно».

– Вот, – говорит Алтея, протягивая Холли блокнотный листок. Холли засовывает его в один из карманов своих брюк-карго.

– Можете добавить что-нибудь ещё о Кэри, мисс Хэверти?

До этого Алтея снова взяла пачку счетов. Теперь она откладывает их и вздыхает.

– Только то, что мне его не хватает. Держу пари, «Старички», те, кто застал Кэри – например, Клиппард – тоже скучают по нему. «Ведьмы» скучают по нему. Даже школьники, которые приезжали сюда раз в месяц вместо физкультуры, наверняка скучают по нему. Особенно девочки. Он был наркошей и, готова поспорить, где бы Кэри ни находился, он, как и вы, Холли, верит в выдуманный грипп – нет, я не собираюсь спорить с вами, это Америка, тут можно верить во что хочешь. Я просто хочу сказать, что он был хорошим работником, а таких теперь днём с огнём не сыщешь. Взять, к примеру, Даррена. Он просто убивает время. Как думаете, смог бы он составить турнирную сетку? Нет, даже под дулом пистолета.

– Спасибо за *ваше* время, – говорит Холли и протягивает локоть. Алтея выглядит удивлённой.

– Без обид, но я пас.

Холли думает: *«Моя мать умерла от выдуманного гриппа, наивная ты сучка»*.

Но с улыбкой произносит другое:

– Ничего страшного.

5

Холли медленно пересекает зал, слыша перекатывания шаров и грохот кегель. Она вот-вот толкнёт дверь фойе, готовясь к волне жары и влажности, затем останавливается с широко раскрытыми от изумления глазами.

«Бог мой, – думает она. – Серьёзно?»

19 мая 2021

Мари и Барбара пьют кофе. Оливия, у которой в последние несколько лет проявляется нарушение сердечного ритма, предпочитает холодный чай без кофеина «Ред Зингер». Они рассаживаются в гостиной, и Оливия рассказывает Барбаре, чего ей ждать дальше от премии Пенли. Она говорит менее уверенно, чем обычно. Барбару это беспокоит, хотя Оливия не бормочет, говорит, как всегда, чётко и по существу.

– Они тянут кота за хвост, будто это «Танцы со звёздами», а не поэтическая премия, которая вряд ли кого-то волнует. Примерно к середине июня шорт-лист сократят до десяти человек. В середине июля объявят пятерых финалистов. Примерно через месяц будет объявлен победитель, как и полагается, со вздохами облегчения и под звуки фанфар.

– То есть не раньше *августа*?

– Как я и сказала, они тянут кота. Во всяком случае, больше не потребуется отсылать стихи, что тебе на руку. Поправь меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что коробочка уже пуста. Прости за эти слова, но последние два стихотворения показались мне немного вымученными.

– Возможно. – Барбара знает, что так оно и есть. Она чувствовала, что выдавливает из себя строки вместо того, чтобы нестись сквозь них.

– Тебе *позволяется* отправить ещё несколько – расплывчатый термин, от которого организаторам лучше бы отказаться, – но я предлагаю этого не делать. Ты отправила лучшее. Согласна?

– Да.

– Оливия, пора в постель, – говорит Мари. – Ты устала. Я вижу это по твоему лицу и слышу по голосу.

Барбаре Оливия всегда кажется усталой – не считая её волевых глаз, – но она полагает, что Мари видит больше и знает лучше. Должна; у неё есть лицензия медсестры и она ухаживает за Оливией почти восемь лет.

Оливия поднимает руку, не глядя на свою сиделку. На ладони почти не видно линий. «Как у младенца», – думает Барбара.

– Если попадешь в финальную пятёрку, от тебя потребуется написать комментарий о поэтическом предназначении. Эссе. Ты ведь читала об этом на веб-сайте?

Барбара читала, но бегло, не ожидая пройти так далеко. Но упоминание о веб-сайте премии Пенли наводит её на запоздалую мысль.

– На сайте перечислены все пятнадцать финалистов?

– Не знаю, но, скорее всего. Мари?

Телефон Мари уже наготове и, должно быть, сайт премии Пенли у неё в закладках, потому что ей требуется всего несколько секунд на поиски ответа на вопрос Барбары.

– Да, все здесь.

– Блин, – произносит Барбара.

– Ты всё ещё намерена держать это в секрете? – спрашивает Мари.
– Потому что пройти так далеко – чертовски громадное достижение, Барб.

– Ну, я *собиралась*. По крайней мере, пока Джером не подпишет свой контракт. Полагаю, кот выбрался из мешка?

Оливия издаёт смешок.

– Будь серьёзнее. О премии Пенли вряд ли напишут в «Нью-Йорк Таймс» или сообщат по новостям на «Си-Эн-Эн». Полагаю, единственные, кто заходят на сайт – это сами финалисты. Плюс их друзья и члены семей. Возможно, один или два любимых учителя. Остальной мир не обращает внимания. Если представить литературу как некий город, то те, кто читает и пишет стихи – это бедные семейства, прозябающие в хибарах. Я думаю, твой секрет в безопасности. Могу я вернуться к пресловутому эссе? – Оливия протягивает руку, пытаясь поставить стакан чая на край стола. Она промахивается, и он чуть не падает. Но бдительная Мари успевает подхватить.

– Конечно, прошу, – говорит Барбара. – Но после этого вам стоит отдохнуть.

Мари одобрительно ей кивает.

– Комментарий о поэтическом предназначении не должен превышать пятисот слов. Возможно, когда объявят финалистов, тебя среди них не будет, поэтому не стоит распинаться о том, почему ты делаешь то-то и то-то, но подумать об этом не помешает. Ты займёшься этим?

– Да.

Хотя Барбара понятия не имеет, что писать, если до этого дойдёт. Они вдвоём так много говорили о поэзии, и Барбара всё это впитывала, поэтому рада ответить «да»; всё, что она делает, это важно, это серьёзное предприятие, чтобы сказать «да». Но как выбрать самое важное для двух- или трёхстраничного эссе, когда всё кажется важным? Даже жизненно необходимым?

– Вы поможете мне, правда?

– Конечно, нет, – с удивлением отвечает Оливия. – Всё, что ты скажешь о своей работе, должно исходить из твоего сердца и разума. Понимаешь?

– Ну...

– Никаких «ну». Сердце. Разум. Вопрос закрыт. Теперь скажи мне – ты продолжаешь читать прозу? «К Белому морю», например?

– Оливия, хватит, – говорит Мари. – Прошу тебя.

И снова поднимается рука.

– Прочитала. Сейчас читаю «Кровавый меридиан» Кормака Маккарти.

– Ох ты, мрачная вещь. Страсти-мордасти. Но проникновенная.

– И я читаю «Каталепсию». Того профессора Кастро, что преподавал в колледже.

Оливия хихикает.

– Он не был профессором, но был хорошим учителем. И геем, я тебе говорила?

– Кажется, да.

Оливия пытается взять свой стакан с холодным чаем. Мари с многострадальным видом помогает ей. Судя по всему, Мари отчаялась усадить Оливию на лестничный подъёмник и доставить её в постель. Дама занята, её речь вновь становится бойкой и отчётливой.

– Гей до мозга костей. Десять лет назад к этому относились чуть менее терпимо, но большинство людей на факультете – включая по меньшей мере двоих, позже объявивших себя геями, – принимали его таким, какой он был, с его белыми ботинками, броскими жёлтыми рубашками и беретом. Мы восхищались его блестящим, как у Оскара Уайльда, остроумием, служившим щитом для его природной мягкости. Хорхе был очень добрым человеком. Но одному преподавателю он совсем не нравился. Возможно, даже был ненавистен. Думаю, будь она была главой кафедры вместо Розалин Беркхарт, она бы нашла способ вышвырнуть его за дверь.

– Эмили Харрис?

Оливия одаривает Барбару несвойственной ей кислой натянутой улыбкой.

– И никто другой. Мне кажется, ей не по душе люди с другим цветом кожи, и это одна из причин, почему я переманила тебя к себе, хотя я старше самого Господа Бога. И я *точно* знаю, что ей не нравятся те, кто, по выражению Эмили, «любят зайти с тыла». Помоги мне встать, Мари. Кажется, я сейчас снова пукну. Слава богу, в моём возрасте пердёж почти без запаха.

Мари помогает Оливии подняться. Она опирается на трости, но Барбара не уверена, что после долгого сидения Оливия сможет передвигаться без помощи Мари.

– Подумай над эссе, Барбара. Я надеюсь ты будешь одной из пяти счастливиц, кого попросят его написать.

– Я надену свою думательную шапочку. – Так иногда говорит её подруга Холли.

На полдороге к лестнице Оливия останавливается и оборачивается. Её глаза теперь не кажутся волевыми. Мыслями она опять в прошлом, что этой весной случается всё чаще.

– Я помню собрание кафедры, на котором обсуждалось будущее поэтического семинара, и Хорхе высказался – очень красноречиво – за его сохранение. Помню так, будто это происходило вчера. Как Эмили улыбалась и кивала, мол, «верно сказано, верно сказано», но её *глаза*

не улыбались. Она собиралась поступить по-своему. Она очень решительна. Мари, помнишь её рождественскую вечеринку в прошлом году?

Мари закатывает глаза.

– Как такое можно забыть?

– А что там было? – спрашивает Барбара.

– Оливия... – начинает Мари.

– О, тихо, женщина, это займёт всего минуту, да и история просто изумительная. Каждый год за несколько дней до Рождества Харрисы устраивают вечеринку, Барбара. Понимаешь, такая традиция. Ещё со времён потопа. В прошлом году из-за разбушевавшегося ковида колледж не работал, и казалось, что великая традиция прервётся. Но разве Эмили Харрис могла такое допустить?

– Полагаю, нет, – отвечает Барбара.

– Полагаешь правильно. Они устроили вечеринку в «Зум». На которой мы с Мари решили не присутствовать. Но «Зума» для нашей Эмили оказалось недостаточно. Она наняла кучку молодёжи, те разоделись как долбаный Санта и доставляли подарки местным участникам вечеринки. Мы тоже получили подарок, хотя решили не светиться в «Зум». Правда, Мари? Пиво и печенье, что-то вроде того?

– Именно, а доставила всё симпатичная блондинка. А сейчас, ради всего святого...

– Да, босс, да.

С помощью Мари пожилая поэтесса подходит к лестнице, где с очередным пукон усаживается в кресло-подъёмник.

– На том собрании по поводу поэтического семинара мне показалось... всего на минуту... что Хорхе может повлиять на голосующих. С лица Эм не сходила улыбка, но её глаза... – Оливия смеётся, вспоминая это, пока кресло начинает подъём. – Судя по её взгляду, она хотела его убить.

27 июля 2021

1

«БОУЛИНГ УКРЕПЛЯЕТ ДЕТСКОЕ ЗДОРОВЬЕ» – гласит надпись над групповыми снимками школьников, приходившими играть в боулинг до того, как ковид положил конец этим походам. Холли оглядывается по сторонам дабы убедиться, что за ней никто не наблюдает. Даррен – молодой человек, теперь заменивший Кэри Дресслера – подпирает стену неподалеку от пивных кранов, и пялится в свой телефон. Алтея Хэверти вернулась в свой офис. Холли боится, что нужная ей фотография приклеена к стене, но она просто висит на крючке. Холли переживает, что на обороте ничего не написано, но там аккуратно выведено: «*Девочки из средней школы на 5-й улице, май 2015*».

Холли вешает фото обратно на крючок, а затем – потому что она Холли, – бережно поправляет. Дюжина девочек одеты в тёмно-фиолетовые шорты – Холли узнаёт физкультурную форму средней школы на 5-й улице. Три ряда по четыре девочки. Они сидят, скрестив ноги перед одной из дорожек. В среднем ряду улыбается Барбара Робинсон. Тогда ей было двенадцать, она училась в шестом классе, если Холли правильно помнит. Кэри Дресслера на этой фотографии нет, как нет и на остальных детских фото, но если его рабочий день начинался в одиннадцать, когда открывался «Победный страйк», он находился на смене во время прихода детей.

Холли идёт к своей машине, едва обращая внимание на жару, и в кои-то веки не хочет курить. Она включает кондиционер и находит в телефоне сделанное ею фото «Золотых Старичков», на котором капитан команды Хью Клиппард и Кэри держат призовой трофей. Холли отправляет фото Барбаре с кратким сообщением: *ты помнишь его?*

Покончив с этим, Холли слышит звон маленького никотинового колокольчика. Она закуривает, ставит свою портативную пепельницу на приборную панель и берёт быка за рога. Пришло время стучать в двери. Начиная с двери Хью Клиппарда.

Дома «викторианского ряда» вдоль изящного спуска Ридж-Роуд хороши, но те, что на Лорел-Клоуз, дальше вглубь Шугар-Хайтс, ещё лучше. Если, конечно, в определение хорошего включить не просто «дорогие», а «чертовски дорогие». Холли на это наплевать. По её мнению, если бытовая техника в её квартире работает, а окна не протекают, то всё отлично; садовник в таком случае (или целая команда садовников) просто лишняя головная боль. Но в резиденции Клиппардов, построенной в тюдорском стиле, такой человек имеется. Садовник косит траву на обширной лужайке перед домом, пока Холли подъезжает к обочине.

Холли думает: *«Новоиспечённая миллионерша паркуется и наблюдает, как мужчина на газонокосилке подстригает траву у Клиппардов».*

Холли набирает номер Хью Клиппарда. Она готова оставить сообщение, но он отвечает и выслушивает краткий рассказ Холли о своём интересе к Кэри Дресслеру.

– Замечательный молодой человек! – восклицает Клиппард, едва Холли заканчивает. Чуть позже Холли выяснит, что он тот ещё любитель восклицать. – С радостью расскажу вам о нём. Проходите на задний двор. Мы с женой отдыхаем у бассейна.

Холли заруливает на подъездную дорожку и машет садовнику. Он машет ей, не отрываясь от вождения. Или покоса. Холли, хоть убей, не может понять – что там косить. На её взгляд лужайка и так выглядит, как только что вычищенное сукно на бильярдном столе. Холли берёт свой айпад – для фото у него побольше экран, – и обходит дом, задержавшись, чтобы заглянуть в столовую с таким длинным столом, что за ним можно разместить футбольную команду (или лигу по боулингу).

Хью Клиппард с женой расположились на одинаковых шезлонгах в тени огромного синего зонта. Бассейн того же синего цвета, не олим-

пийского размера, но и не «лягушатник». На Клиппарде сандалии и облегающие красные плавки. Он замечает Холли и вскакивает. У него плоский живот с заметными «кубиками». Длинные белые волосы зачёсаны назад и плотно прилегают к голове. Первое впечатление Холли: ему семьдесят. Когда он подходит достаточно близко для рукопожатия, она понимает, что он существенно старше, но в потрясающей форме для «Золотого Старичка».

Клиппард улыбается, видя, что Холли не решается протянуть ему руку, и демонстрируя идеальные белые зубы, влетевшие ему, вероятно, в копеечку.

– Мы оба вакцинированы, мисс Гибни, и собираемся пройти ревакцинацию, как только её одобрит ЦКЗ⁷⁸. Я полагаю, вы тоже делали укол?

– Да. – Холли пожимает ему руку и снимает маску.

– Это моя жена, Мидж.

Женщина под большим зонтом по меньшей мере на двадцать лет моложе Клиппарда, но не в такой «модельной» форме. Под её сплошным купальником видна маленькая округлая выпуклость. Она снимает солнцезащитные очки, небрежно машет ими Холли, затем возвращается к своей книге в мягкой обложке, с названием отнюдь не тонко гласящим: «Тонкое искусство на все пое*ать».⁷⁹

– Пройдём на кухню, – говорит Клиппард. – Здесь *пекло*. Ты в порядке, Мидж?

Она отвечает ещё одним небрежным взмахом руки. В этот раз не поднимая глаз. Ей явно пое*ать.

Кухня – со стеклянными дверями-купе – примерно такая, как ожидала Холли. Холодильник «Саб-Зиро». Часы на гранитной столешнице – «Периголд». Клиппард наливает им обоим по стакану чая со льдом и просит Холли рассказать более подробно о цели визита. Холли просвещает его, упомянув Бонни – связь с «Джет Март», – но делает акцент на Кэри.

⁷⁸ Центр по контролю и профилактике заболеваний США.

⁷⁹ Реальная книга, написанная Марком Мэнсоном.

– Он говорил вам что-нибудь о своих планах? Доверялся вам в чём-нибудь? Я спрашиваю, потому что по словам мисс Хэверти, ваша лига была его любимой в боулинге.

Холли не ожидает, что его ответ ей поможет. Что-то может всплыть, никогда не говори «никогда» и всё такое, но одного взгляда на Мидж Клиппард достаточно, чтобы понять: она не та старушка, которую видела Имани Макгуайр в трейлере Эллен Краслоу.

– Кэри! – восклицает Клиппард, качая головой. – Он был чертовски хорошим парнем, я вас уверяю, и знал толк в катании шаров! – Он поднимает палец. – Но он никогда не пользовался своим преимуществом. Всегда подстраивался под навык команд, с которыми мы соревновались.

– Как часто он выходил на замену?

– Довольно часто! – Клиппард усмехается, тоже как бы восклицательно. – Нас не зря называют «Золотыми Старичками»! Обычно кто-то выбывал с надорванной спиной, растянутым бедром, негнущейся шеей, с какой-нибудь стариковской ерундой. Мы звали Кэри и награждали его аплодисментами, если он мог присоединиться. Не всегда, но обычно он находил время. Он нравился нам, а мы нравились ему. Хотите секрет?

– Я люблю секреты. – Это правда.

Хью Клиппард понижает голос почти до шёпота, тоже по-своему восклицательного.

– Некоторые из нас покупали у него травку! Не всегда хорошую, но обычно добротную. Мелкошар к такому не притрагивался, но большинство из нас были не прочь дунуть косяк или зарядить водник. Тогда это было нелегально, знаете ли.

– Кто такой Мелкошар?

– Родди Харрис. Мы звали его так, потому что он пользовался десятифунтовым шаром. Большинство из нас играет двенадцати- и четырнадцатифунтовыми.

– У мистера Харриса была аллергия на марихуану?

– Нет, просто он *псих*! – выкрикивает Клиппард и взрывается смехом. – Хороший мужик и неплохой игрок в боулинг, но двинутый по фазе! Мы также зовём его Мистер Мясо! По сравнению с Родди Аткинс⁸⁰ выглядит вегетарианцем! Он утверждал, что мясо восстанавливает клетки мозга, а некоторые растительные продукты, включая каннабис, разрушают их.

Клиппард потягивается, и на его прессе играют «кубики», но Холли видит дряблость кожи на внутренней стороне рук. «*Время*, – думает она, – *наш худший враг*».

– Боже, какие были времена! Большинства из тех мужиков уже нет! Когда я начинал в «Старичках», я преподавал в колледже Белла, жил в центре и попутно торговал на бирже. Теперь я полностью посвящаю себя инвестиционному бизнесу, и как вы можете видеть, дела идут хорошо! – Клиппард обводит рукой, имея в виду кухню с дорогостоящей бытовой техникой, бассейн на заднем дворе, возможно, даже молодую жену. Которая не так молода, чтобы считаться «статусной», в этом Холли отдаёт ему должное.

– Трамп – идиот, и я рад, что он ушёл, просто в во-о-сторге. Не мог найти свою задницу обеими руками и с фонариком, но был полезен для рынков. Ещё чаю со льдом?

– Нет, спасибо. Мне достаточно. Очень освежает.

– По поводу вашего вопроса, мисс Гибни, я не припоминаю, чтобы Кэри когда-либо говорил мне о планах уехать из города или сменить работу. Возможно, я что-то позабыл – кажется, прошло шесть, семь, даже девять лет, но тот молодой человек казался мне совершенно счастливым. Тащился от кино и всегда ездил на своём маленьком шумном мопеде. Вы говорите, кто-то нашёл его в Дирфилд-Парке?

– Да.

– Безумие! Трудно поверить, что Кэри мог оставить его там! Этот мопед был его фирменным атрибутом!

⁸⁰ Роберт Аткинс – кардиолог, разработавший диету Аткинса.

– Могу я показать вам один снимок? Вы, наверное, видели его раньше – он висит в «Боулару». – Холли достаёт свой айпад, над которым Клиппард склоняется.

– Точно, зимний чемпионат, – говорит он. – Вот были деньки! С тех пор мы ни разу его не выигрывали, но подошли близко в прошлом году.

– Вы можете опознать мужчин на снимке? И у вас случайно нет их адресов? И номеров телефона?

– Вызов для моей памяти! – восклицает Клиппард. – Что ж, посмотрим, справлюсь ли я!

– Могу я записать наш разговор на телефон?

– Как вам будет угодно! Вот, разумеется, я, а это Родди Харрис, также известный как Мелкошар и Мистер Мясо. Они с женой живут в «викторианском ряду». Ну, знаете, на Ридж-Роуд. Родди занимался естественными науками, а его жена, не помню имени, работала на кафедре английского языка. – Клиппард указывает пальцем на следующего мужчину. – Бен Ричардсон умер от сердечного приступа два года назад.

– Он был женат? Жена ещё в городе?

Клиппард бросает на Холли странный взгляд.

– Когда Бен начал играть с нами, он был в разводе. *Давно*. Мисс Гибни, вы думаете, один из наших товарищей имеет какое-то отношение к исчезновению Кэри?

– Нет, нет, ничего подобного, – уверяет его Холли. – Я просто надеюсь, что кто-нибудь из них сможет прояснить, куда пропал Кэри.

– Ясно, ясно! Идём дальше! Этот лысый с широкими плечами – Аврам Уэлч. Он живёт в одном из домов у озера. Если интересно, жена умерла несколько лет назад. По-прежнему играет в боулинг. – Клиппард переходит к другому лысому мужчине. – Джим Хикс. Мы звали его Виртуозом! Ха! Они с женой переехали в Рэйсин. Ну как, я справляюсь?

– Великолепно! – восклицает Холли. Кажется, это заразительно.

Заходит Мидж.

– Веселитесь, ребятаки?

– Как пить дать! – восклицает Клиппард, либо не уловив лёгкой нотки сарказма в голосе своей жены, либо решив проигнорировать. Она наливает себе стакан чая со льдом, затем на цыпочках достаёт бутылку коричневого ликёра из шкафчика, плотно уставленного другими бутылками. Наливает немного в свой стакан, затем приподняв бровь, протягивает бутылку.

– Почему нет? – почти выкрикивает Клиппард. – Бог не любит трусов!

Жена подливает ему в стакан. Ликёр струйками опускается на дно.

– А как насчёт вас, мисс Гибли? Немного «Уайлд Тёрки» подгорячит этот чай.

– Нет, спасибо, – говорит Холли. – Я за рулём.

– Очень похвально с вашей стороны, – говорит Мидж. – Пока, ребятаки.

Она уходит. Клиппард бросает на неё взгляд, в котором читается лёгкое отвращение, а может и нет, затем переносит внимание на Холли.

– А вы сами играете, мисс Гибни? – Он произносит её фамилию с ударением, как бы заочно поправляя свою жену.

– Нет, – признаётся Холли.

– Что ж, в командах лиги обычно всего четыре игрока, и именно таким составом мы играем в финалах, но во время сезона иногда бывает пять или шесть игроков; разумеется, если столько набирается у противоположной команды. Потому что среди тех, кому за шестьдесят пять, всегда кто-то находится в ИС. Иногда двое или трое. ИС – это...

– Инвалидный список, – отвечает Холли, не утруждая себя поправкой, что теперь это называют «списком травмированных». Ей вдруг захотелось убраться отсюда. В Хью Клиппарде чувствуется некое неистовство. Холли не думает, что он под кайфом, хотя очень похоже. «Кубики» на животе... маленькие подтянутые ягодицы в красных плавках... загар... и пробивающиеся морщины...

– А кто это?

– Эрни Коггинс. Живёт в Апривер с женой. По-прежнему играет с нами в боулинг по понедельникам, если к жене приходит сиделка. Бедная женщина – прогрессирующий остеохондроз. Прикована к инвалидному креслу. Но сам Эрни в отличной форме. Заботится о себе.

Теперь Холли понимает, что беспокоит её, потому что это же беспокоит его. Большинство мужчин на фотографии разваливаются на части; если их средний возраст восемьдесят лет, то это закономерно. Тело изнашивается, чего Хью Клиппард, похоже, не хочет признавать. Он, как говорится, в фазе отрицания.

– На снимке нет Десмонда Кларка. Думаю, его тогда не было. Дес и его жена погибли. Разбились на легкомоторном самолёте во Флориде. В Бока-Ратоне. Дес был пилотом. Старый дурак пытался приземлиться в тумане и пропустил посадочную полосу. – Тут не нашлось места для восклицания. Клиппард делает большой глоток своего сдобренного чая и говорит: – Я подумываю завязать.

На секунду Холли кажется, что он говорит о выпивке, но потом до неё доходит.

– Завязать с «Золотыми Старичками»?

– Да. Раньше мне нравилось это название, но в последнее время оно меня как-то раздражает. Единственные на этой фотографии, с кем я продолжаю играть, это Аврам и Эрни Ког. Мелкошар приходит, но он только наблюдает за игрой. Не так как раньше.

– Всё не так как раньше, – мягко произносит Холли.

– Нет? Нет. Но могло быть. И может, если только люди начнут заботиться о себе. – Клиппард не сводит глаз с фотографии. Холли смотрит на него и понимает, что даже «кубики» начинают показывать признаки дряхлости.

– Как зовут последнего?

– Это Вик Андерсон. Вжик Вик – так мы его называли. У него случился инсульт. Сейчас он в каком-то доме престарелых на севере штата.

– Случайно не в Роллинг-Хиллз?

– Да, именно там.

То, что один из старых боулеров находится в том же доме престарелых, что и дядя Генри, похоже на совпадение. Холли испытывает облегчение, потому что, увидев фотографию Барбары Робинсон в фойе «Победного удара», почувствовала, что это... в общем... судьба.

– Его жена переехала туда, чтобы чаще навещать его. Уверены, что не хотите немного взбодриться, мисс Гибни? Это будет наш маленький секрет.

– Я пас, спасибо. – Холли выключает запись на телефоне. – Большое вам спасибо, мистер Клиппард.

Он продолжает смотреть на её айпад. Кажется почти загипнотизированным.

– Я по-настоящему не осознавал, как мало нас осталось.

Холли закрывает фотографию и Клиппард поднимает глаза с таким выражением, будто не уверен, где находится.

– Спасибо, что уделили мне время.

– Всегда пожалуйста. Если найдёте Кэри, попросите его как-нибудь зайти, ладно? Хотя бы дайте ему мой адрес электронной почты. Я напишу его для вас.

– И номера телефонов тех, кто ещё жив.

– Разумеется.

Клиппард вырывает листок из блокнота с надписью «ПРОСТО БЛОКНОТ С КУХНИ МИДЖ», берёт ручку из чашки для ручек, и начинает записывать, сверяясь с контактами в своём телефоне. Холли замечает лёгкую дрожь руки при написании цифр и электронного адреса. Она складывает листок вдвое и суёт его в карман. Она снова думает: «*Время – наш худший враг*». Холли ничего не имеет против стариков; беспокойство у неё вызывает то, как Клиппард справляется со своей старостью.

Она не может дождаться, когда уже уберётся оттуда.

В Шугар-Хайтс есть только один (и под стать району) торговый центр. Холли паркуется там, зажигает сигарету и курит с открытой дверью, упёршись локтями в бёдра и поставив ноги на асфальт. В машине начинает пахнуть табачным дымом, который не может перебить даже освежитель воздуха на приборной панели. Какая же дурная привычка, но такая необходимая.

«Только на время», – думает Холли, и вспоминает святого Августина, молящего Бога о целомудрии... но не сейчас.

Холли проверяет телефон, узнать, не ответила ли Барбара на её сообщение с фотографией Кэри Дресслера и «Золотых Старичков». Ответа ещё нет. Холли видит, что часы показывают только четверть третьего. Впереди ещё весь день, и она не намерена тратить его впустую. Что делать дальше?

Поднять задницу и пойти стучать в двери, конечно.

В 2015 году в «Старичках» было восемь игроков, включая Десмонда Кларка, которого нет на фотографии. Трёх из них проверять не нужно. Четверых, если считать Хью Клиппарда. Он кажется способным расправиться с Бонни и Питером Стейнманом – насчёт Эллен Краслоу Холли не уверена, – но она откладывает его на потом, вместе с двумя умершими и Джимом Хиксом (живущим в Висконсине... хотя это нужно проверить). Остаются Родди Харрис, Аврам Уэлч и Эрни Коггинс. Есть ещё Виктор Андерсон, но Холли сомневается, что человек после инсульта тайком выбирается из «Роллинг-Хиллз» и похищает людей.

Холли считает маловероятным, что *кто-либо* из «Золотых Старичков» является «Хищником с Ред-Бэнк-Авеню», но она всё больше и больше убеждается, что предполагаемые похищения Дресслера, Краслоу, Стейнмана и Бонни Рэй Даль были спланированы, а не случайны. «Хищник» знал их распорядок дня, который, похоже, строился вокруг Дирфилд-Парка.

Боулеры знали только Кэри. Холли не нужно будет упоминать других *desaparecidos*, если только у неё не возникнет ощущения – Билл Ходжес назвал бы это *чутьём*, – что вопросы о Кэри заставляют кого-

то нервничать. Или защищаться. Может, даже чувствовать вину. Холли знает, на что обращать внимание; Билл хорошо её обучил. Лучше оставить Эллен, Пита и Бонни в качестве козырей в рукаве. По крайней мере, на данный момент.

Холли даже не догадывается, что Пенни Даль обличила её в «Фейсбуке», «Инстаграме» и «Твиттере».

4

Пока Холли курит на парковке «Шугар Хайтс Бутик Шоппинг Март», Барбара Робинсон бездумно смотрит в пространство. Она отключила все уведомления на компьютере и телефоне, оставив разрешёнными только звонки от родителей и Джерома. Маленькие красные точки «прочти меня» на значках СМС и электронной почты слишком заманчивы. Эссе премии Пенли – обязательное условие для пяти финалистов – должно быть отправлено к концу месяца, осталось всего четыре дня. Вообще-то, даже три. Барбара хочет отнести эссе на почту в пятницу, для уверенности, что оно дойдёт вовремя. Было бы полным фиаско выбыть из числа финалистов из-за почтовых формальностей. Поэтому она приступает к работе.

Поэзия важна для меня, потому что...

Ужасно. Будто первая строчка школьного сочинения. Удалить.

Поэзия имеет значение, потому что...

Плохо. Удалить.

Причина, по которой...

Удалить, удалить, *удалить!*

Барбара выключает компьютер, ещё некоторое время смотрит в пространство, затем встаёт со стола и скидывает джинсы. Натягивает шорты, надевает футболку без рукавов, небрежно собирает волосы в хвост и отправляется на пробежку.

Для бега слишком жарко, температура, похоже, перевалила за девяносто градусов, но это всё, что ей пришло в голову. Барбара огибает квартал... довольно большой. Вернувшись к дому, где ей предстоит

жить с родителями пока не поступит в колледж и не начнёт новую жизнь, Барбара обливается потом и задыхается. Тем не менее, она заходит на второй круг. Миссис Кэлтроп, поливающая цветы в огромной шляпе от солнца, провожает её взглядом словно сумасшедшую. Вероятно, так оно и есть.

Сидя перед своим компьютером, глядя на пустой экран и мигающий, будто бы издевающийся над ней, курсор, Барбара чувствовала разочарование и – стоит признать это – страх. Потому что Оливия отказалась помогать. Потому что голова Барбары так же пуста, как экран. Но теперь, запыхавшись и чувствуя, как взмокла её футболка, а капельки пота стекают по щекам, будто слёзы, Барбара понимает, что скрывалось за разочарованием и страхом. Злость. Она злится. Чувствует, что с ней играют в блядскую игру. Заставляют прыгать через обруч, как цирковую собаку.

Вернувшись в дом – сейчас он полностью в её распоряжении, потому что родители на работе, – Барбара поднимается по лестнице, перескакивая через две ступеньки за раз, скидывает одежду по пути в ванную, затем встаёт под душ, вывернув ручку холодной воды до упора. Барбара кричит и обхватывает себя руками. Она подставляет лицо под холодные струи и снова кричит. Это приятно, как она узнала два месяца назад, когда кричала с Мари Дюшан, поэтому кричит снова.

Барбара выходит из душа, покрывшись мурашками, но чувствуя себя лучше. *Яснее*. Она растирается полотенцем пока кожа не начинает блестеть, затем возвращается в свою комнату, по дороге подбирая одежду. Бросает её на кровать и нагая подходит к компьютеру, тянется к кнопке включения, затем думает: *«Нет. Так неправильно»*.

Барбара хватает одну из своих школьных тетрадей с полки рядом со столом, пролистывает конспекты о Генрихе VII и Войне роз до пустых страниц. Небрежно вырывает листок, даже радуясь неровному краю. Она вспоминает слова Оливии, произнесённые на одной из их утренних встреч. Оливия сказала Барбаре, что их автор писатель по имени Хуан Рамон Хименес, но она, Оливия, впервые услышала их от

Хорхе Кастро. Хорхе утверждал, что это краеугольный камень всего, что он когда-либо писал или надеялся написать: *если тебе дают листованную бумагу, пиши поперёк.*

Барбара так и поступает, быстро набрасывая эссе поперёк голубых линий. Согласно требованию премии Пенли, оно *не должно превышать пятисот слов.* У Барбары эссе намного короче. И оказывается, Оливия всё-таки пришла ей на помощь, сказав ещё кое-что на одной из тех утренних встреч, изменивших жизнь Барбары. Может, сильнее, чем сможет изменить колледж.

«Я пишу стихи, потому что без них я – неживая». Барбара на секунду прерывается, затем добавляет: *«Просьба написать эссе о моей поэзии после того, как я отправила вам так много своих стихов – это идиотизм. Моя поэзия – вот моё эссе».*

Она дважды складывает листок с рваным краем и засовывает его в конверт, уже подписанный и с наклеенной маркой. Спешно одевается, сбегает вниз по лестнице и выходит на улицу, не заперев дверь. Барбара бежит через квартал, снова вспотев – холодный душ намарку. Но ей всё равно. Нужно закончить дело, прежде чем она передумает. Чего нельзя допускать, потому что она всё написала правильно.

Почтовый ящик находится на углу. Барбара опускает в него конверт, наклоняется и обхватывает руками колени, тяжело дыша.

«Мне безразлично, проиграю я или выиграю. Мне безразлично. Мне безразлично».

Позже она может пожалеть о том, что написала, но не сейчас. Стоя у почтового ящика, согнувшись, со вспотевшими волосами, падающими на лицо, она знает, что это правда.

Только стихи важны.

Ничего больше. Не призы. Не публикации. Не богатство, не слава или то и другое вместе.

Только работа.

1 июля 2021

8:03 вечера.

Бонни Рэй Даль едет на велосипеде по Ред-Бэнк-Авеню и сворачивает к «Джет Март».

8:04.

Она спешивается, снимает шлем и встряхивает волосы. Кладёт шлем на сиденье и заходит в магазин.

– Привет, Эмилио, – говорит Бонни, улыбаясь.

– Привет, – отвечает он, тоже с улыбкой.

Бонни проходит мимо «пивной пещеры» к дальнему холодильнику с безалкогольными напитками. Берёт диетическую пепси. Направляется обратно по проходу, затем останавливается у стойки со сладостями: «Твинкис», «Хо-Хос», «Йодлс», «Литтл Деббис». Бонни берёт упаковку «Хо-Хос», раздумывает. Эмилио выкладывает сигареты на полку за кассой. Снаружи мимо магазина проезжает фургон.

8:05.

За рулём фургона Родди Харрис. В кармане его спортивного пиджака лежит шприц с валиумом. Эмили уже сидит в кресле-коляске, готовая к миссии... сегодня вечером ей это нужно. Её ишиас вернулся и жаждет мести. Родди въезжает на потрескавшуюся стоянку перед «Мастерской Билла по ремонту автомобильных и малолитражных двигателей», поставив фургон раздвижной дверью к зданию.

– Сейчас появится один рождественский эльф, – говорит он.

– Только поторопись, – огрызается Эмили. – Я не хочу упустить её. Я чувствую настоящую *агонию*.

Эмили поворачивает кресло к двери. Родди нажимает кнопку и дверь откатывается. Выдвигается пандус. Эмили съезжает по нему на бетонное покрытие. Родди включает габаритные огни и выходит. Они долго спорили по поводу габаритов, и в итоге решили рискнуть. Они не могут позволить себе упустить девушку. Эм совсем плоха, да и сам Родди не в лучшей форме. У него болят бёдра, а руки не гнутся, но

настоящая проблема – рассудок. Он продолжает «плыть». Это не Альцгеймер, Родди отказывается в это верить, но с головой определённо что-то не так. Порция свежих мозгов приведёт его в порядок. А остальное поставит на ноги Эм. Особенно печень эльфийки, этот святой Грааль, божий дар, но ни одна часть «животного» не должна пропасть. Это не просто его девиз, это мантра.

8:06.

Бонни с печальным вздохом кладёт «Хо-Хос» на место. Она подходит к кассе, держа в руке бумажник; она носит его в заднем кармане, как мужчина.

– Может, всё-таки решишься на «Хо-Хос»? – говорит Эмилио, пробивая покупку. – Ты в хорошей форме, и они тебе не повредят.

– Изыди, Сатана. Моё тело – это храм.

– Как скажешь, – говорит Эмилио. – В «Джет Март» – по крайней мере, в этом – покупатель всегда прав.

Оба смеются. Бонни убирает в карман сдачу, скидывает с одного плеча лямку рюкзака и складывает в него газировку. Она планирует выпить её во время просмотра «Озарк» на «Нетфликс». Застегнув молнию, Бонни накидывает рюкзак на плечо.

– Доброй ночи, Эмилио.

Он поднимает в ответ большой палец.

8:07.

Бонни надевает шлем, садится на велосипед и задерживается лишь чтобы поправить лямку рюкзака. Недалеко от подножия холма, напротив части парка, известной как Дебри, Эмили объезжает на кресле-коляске задок фургона. Бетонная поверхность неровная и покрыта трещинами. Каждый раз, стоит колесу попасть в ямку, в пояснице у неё отдаёт острой болью. Эмили сжимает губы, чтобы удержать крик, но стоны прорываются.

– Останови её! – полушепчет, полурычит она. – Не оплошай Родди, пожалуйста, не оплошай!

Родди не намерен оплошать. Если Бонни не остановится, он сойдёт с велосипеда, когда она будет проезжать мимо. Конечно, при

условии, что его бёдра не подведут. Эх, он бы всё отдал, чтобы вновь стать пятидесятилетним! Даже шестидесятилетним!

Родди поворачивается к Эм и замечает одну вещь, которая ему не нравится. У кресла горит фонарь, освещающая дорогу. Трудно поверить, что у кресла-коляски сел аккумулятор, если свет по-прежнему горит! А девушка стремительно приближается, спускаясь с холма.

– Выключи свет! – шепчет он. – Эмили, выключи этот чёртов фонарь!

Она выключает, и как раз вовремя. Потому что появляется девушка, их рождественская эльфийка.

Родди выходит на проезжую часть, размахивая руками.

– Извини, ты не могла бы нам помочь? Нам нужна помощь!

Бонни пронесется мимо, и она уже слишком далеко, чтобы ударом каратэ сбить её с велосипеда. На мгновение Родди понимает, что все их планы идут прахом, шансы уменьшаются, как и красный огонёк задней фары велосипеда. Но тут девушка тормозит, разворачивается и возвращается. Родди не знает почему: из-за того, что он размахивал руками, из-за горящих габаритных огней, из-за желания стать добрым самаритянином или всё вместе. Он просто чувствует облегчение.

Девушка крутит педали медленно, поначалу немного настороженно, но ещё довольно светло, и она узнаёт махавшего ей человека.

– Профессор Харрис? В чём дело? Что-то случилось?

– Случилось с Эм. У неё разыгрался ишиас, а аккумулятор в кресле сел. Может, ты помогла бы мне закатить её внутрь? Пандус с другой стороны. Я хочу отвезти её домой.

– Бонни? – вяло спрашивает Эмили. – Бонни Даль, это ты?

– Это я. О Боже, Эмили, какая жалость!

Бонни слезает с велосипеда и выдвигает подножку. Она спешит к Эмили и склоняется над ней.

– Что случилось? Почему вы здесь остановились?

Проезжает машина. Замедляется; у Родди замирает сердце. Затем машина снова набирает скорость.

У Эмили нет подходящего ответа на вопрос Бонни, поэтому она просто стонет.

– Нужно откатить её на другую сторону, – повторяет Родди. – Ты сможешь мне?

Он наклоняется, будто хочет взяться за одну из задних ручек кресла, но Бонни оттирает его бедром в сторону, и сама берётся на обе ручки. Она поворачивает кресло-коляску и толкает его вокруг задней части фургона. Эмили всхлипывает на каждой выбоине. Родди огибает пандус, наклоняется в открытое окно с водительской стороны и выключает габариты. *«На одно переживание меньше»*, – думает он.

– Может, мне позвонить кому-нибудь? – спрашивает Бонни. – Мой телефон...

– Просто закатай меня по пандусу, – хватая ртом воздух, произносит Эмили. – Мне полегчает, как только я вернусь домой и приму мышечный релаксант.

Бонни подводит кресло к пандусу и делает глубокий вздох. Конечно, ей бы лучше сначала отойти для разгона, но бетонное покрытие слишком неровное. *«Нужен один сильный толчок»*, – думает она. – *«Я достаточно крепка, я справлюсь»*.

– Тебе помочь? – спрашивает Родди, но он уже двинулся за спину Бонни, а не к ручкам кресла-коляски. Он засовывает руку в карман. Легко снимает маленький защитный колпачок с иглы; он делал это раньше, как во время многочисленных пробных вылазок, так и в те четыре раза, когда всё происходило по-настоящему. Фургон закрывает их от чужих глаз, и у Родди нет причин думать, что что-то пойдёт не так. Они почти у цели.

– Нет, я справлюсь. Стойте на месте.

Бонни наклоняется, как бегунья на стартовых колодках, крепко берётся за прорезиненные ручки и толкает кресло. На середине пандуса, как раз в тот момент, когда она думает, что не сможет завершить манёвр, мотор кресла-коляски оживает. Загорается фонарь. В эту же секунду Бонни чувствует, как её сзади в шею жалит оса.

Эмили заезжает в фургон. Родди ожидает, что Бонни упадёт без чувств, как и все остальные до неё. У него есть все основания так думать – он только что ввёл пятнадцать миллиграммов валиума менее чем в двух дюймах от мозжечка этой эльфийки. Вместо этого она выпрямляется и оборачивается. Её рука тянется к шее. На мгновение Родди кажется, что он вколол ей разведённый раствор, а может и вовсе только воду. Но её взгляд убеждает его в обратном. В молодости, будучи студентом, и гораздо более сильным, чем сейчас, Родди Харрис два лета проработал на скотобойне в Техасе – именно там он начал формулировать свои идеи о почти магических свойствах мяса. Иногда его пистолет для забоя коров оказывался заряжен не до конца или направлен неточно. Когда так случалось, коровы выглядели как сейчас Бонни Даль: глаза выпучены, на мордах выражение недоумения.

– Что... вы сделали? Что...

– Почему она не отключается? – резко спрашивает Эмили из фургона.

– Тише, – отвечает Родди. – Сейчас отключится.

Вместо этого, Бонни, спотыкаясь, но не падая, бредёт к задней части фургона, расставив руки для равновесия. И вот-вот окажется на улице. Родди пытается перехватить её. Бонни удивительно сильно отталкивает его. Он пятится, спотыкается о торчащий кусок бетона и приземляется на задницу. Его бёдра взрываются болью. Зубы с клацаньем прихватывают кончик языка. Он чувствует вкус крови. В этот опасный момент он наслаждается её вкусом, хотя и знает, что его собственная кровь для него бесполезна. Как и *любая* кровь без плоти.

– Она удирает! – кричит Эмили.

Родди любит свою жену, но в этот момент от также испытывает к ней ненависть. Будь на другой стороне Ред-Бэнк-Авеню людное место, а не густые заросли, все равнодушные пошли бы посмотреть, из-за чего сыр-бор.

Родди с трудом поднимается на ноги. Бонни повернула в сторону от фургона и Ред-Бэнк-Авеню. Шатаясь, она будто в пьяном угаре та-

щится мимо фасада заброшенной автомастерской, одной рукой опираясь на подъёмную дверь, чтобы не упасть. Она добирается до края здания, прежде чем Родди успевает обхватить её рукой за шею и дернуть назад. Бонни всё ещё пытается бороться с ним, мотая головой из стороны в сторону. Велосипедный шлем ударяет Родди в плечо. Одна серёжка слетает с её уха. Родди слишком занят, чтобы это заметить; ему, как говорится, не хватает рук. Её воля к жизни просто поразительна. Уже сейчас Родди не терпится попробовать Бонни на вкус.

Он, задыхаясь, тянет её обратно к фургону, сердце колотится в груди, отдаваясь в шее и пульсируя в голове.

– Ну же, – произносит он, разворачивая Бонни. – Ну же, эльфийка, шагай, шагай...

Ему в скулу прилетает удар локтем. Перед глазами вспыхивают искры. Родди ослабляет хватку, но затем – слава Богу, слава Богу! – её колени подгибаются, и Бонни, наконец, падает. Родди поворачивается к Эмили.

– Ты можешь мне помочь?

Эмили, морщась, приподнимается в кресле и плюхается обратно.

– Нет. Если у меня окончательно откажет спина, я только усложню ситуацию. Тебе придётся справиться самому. Мне жаль.

«*Не так жаль, как мне*», – думает Родди, но альтернатива – арест, заголовки газет, судебный процесс, новости по кабельным каналам 24/7 и, наконец, тюрьма. Он хватает Бонни подмышки и тащит к пандусу, у него ноет спина, а бёдра готовы отказать в любую минуту. Отчасти это из-за рюкзака Бонни; он стягивает его. Рюкзак весит не меньше двадцати фунтов. Родди протягивает рюкзак Эмили, той удаётся схватить его и положить на колени.

– Открой, – просит Родди. – Достань её телефон, если он там. Нужно... – Он замолкает, надо поберечь дыхание для основной части миссии. Кроме того, Эм и так знает, что делать. А прямо сейчас нужно убратъся отсюда и, если повезёт, у них получится. «*Если кто-то и заслуживает немного везения после всего пережитого, так это мы*»,

– думает Родди. Ему не приходит в голову, что Бонни этим вечером повезло гораздо меньше.

Эм уже вынимает симку из телефона Бонни, фактически выводя его из строя. Родди затаскивает Бонни по пандусу. Эмили, сидя в кресле, сдаёт назад, освобождая место. Затем она роется в рюкзаке. Родди хотел бы прерваться на секунду и перевести дыхание, но они и так пробыли здесь слишком долго. Опасно долго. Он пинком отталкивает ноги Бонни от двери. Будь она в сознании, ей было бы больно.

– Записка. Записка.

Она дожидается в заднем кармане пассажирского сиденья, в прозрачном пластиковом конверте. Её написала Эмили, руководствуясь записями, сделанными Бонни за время её недолгой работы. Подражание не идеальное, но в этом нет необходимости. И записка короткая: *«С меня хватит»*. Вероятно, от неё не будет толка, если велосипед украдут, но даже в этом случае она может сыграть роль, если вора поймают. Родди кладёт записку на сиденье велосипеда и протирает её рукавом пиджака на случай оставшихся на бумаге отпечатков (хотя в интернете на этот счёт ходит двоякое мнение).

Родди, с трудом переводя дыхание, садится на водительское место. Он нажимает кнопку, убирающую пандус, и закрывает дверь. Его сердце стучит с бешеной скоростью. Если у него случится сердечный приступ, сможет ли Эмили отогнать фургон обратно на Ридж-Роуд 93 и завести в гараж? Даже если сможет, как быть с бессознательной девушкой?

«Эм придётся убить её», – думает Родди, и даже в его нынешнем состоянии – всё тело болит, сердце колотится, в голове ухает – мысль обо всём этом мясе, пропадающем даром, вызывает у него укол сожаления.

8:18 вечера.

27 июля 2021

1

– Только посмотрите на это, – говорит Аврам Уэлч. На нём шорты-карго (у Холли есть несколько пар точно таких же), и он указывает на свои колени. На обоих видны S-образные шрамы. – Протезирование обоих суставов. 31 августа 2015 года. Такой день трудно забыть. В последний раз я видел Кэри в «Победном страйке» в середине августа – заехал просто посмотреть; к тому времени колени сильно разболелись, и я даже думать не мог о боулинге. Когда я пришёл в следующий раз, Кэри уже не было. Это как-то поможет вам?

– Разумеется, – говорит Холли, хотя понятия не имеет. – Когда вы вернулись в боулинг после операции?

– Этот день я тоже запомнил. 17 ноября. Это был первый раунд турнира для тех, кому за шестьдесят пять. Я всё ещё не мог играть, но пришёл подбодрить «Старичков».

– У вас хорошая память.

Они сидят в гостиной Уэлча, на третьем этаже кондоминиума «Санрайз-Бэй». Повсюду расставлены кораблики в бутылках. Уэлч сказал Холли, что собирать их – его любимое занятие. Но почётное место занимает фотография в рамке улыбающейся женщины лет сорока пяти. На ней красивое шёлковое платье и кружевная мантилья поверх каштановых волос, будто она только что из церкви.

Уэлч показывает на фотографию.

– Я не могу забыть. На следующий день у Мэри обнаружили рак лёгких. Через год она умерла. И знаете что? Она никогда не курила.

Услышав о некурящем человеке, умершем от рака лёгких, Холли всегда немного меньше переживает из-за своей пагубной привычки. Но, конечно, думать так – гадко.

– Я очень сожалею о вашей утрате.

Уэлч, невысокий мужчина с большим животом и худыми ногами, вздыхает и говорит:

– А как сожалею я, мисс Гибни, уж поверьте. Она была любовью всей моей жизни. У нас имелись свои разногласия, как у любых супругов, но есть одна пословица: тому тяжело, кто помнит зло. И мы никогда так не делали.

– Алтея говорит, что вам нравился Кэри. Я имею в виду «Золотых Старичков».

– Кэри нравился всем. Он был трибблом.⁸¹ Наверное, вы не знаете, что это, но...

– Знаю. Я фанатка «Звёздного пути».

– Ага, хорошо. В общем, Кэри не мог *не* понравиться. Как космический кадет, но дружелюбный и всегда жизнерадостный. Полагаю, в этом ему помогала дурь. Он курил, но не табак. Как говорят ямайцы, – пыхал.

– Мне кажется, некоторые члены вашей команды тоже были не прочь пыхнуть, – осмеливается сказать Холли.

Уэлч смеётся.

– Да все мы. Я помню вечера, когда мы выходили на задний двор и передавали пару косяков по кругу, балдея и хохоча. Будто снова стали старшеклассниками. Впрочем, за исключением Родди. Старина Мелкошар не возражал, что мы балуемся этим, он не был поборником морали. Иногда даже присоединялся к нам, но сам не курил. Не верил в это. Мы обкуривались, возвращались внутрь, и знаете что?

– Нет, что?

– Мы становились *лучше*. Особенно Хьюги Клип. Под кайфом он терял свой бруклинский хук, и гораздо чаще, чем обычно, клал шар в карман⁸². *Вжууух!* – Уэлч разводит руки в стороны, показывая страйк. – Но не Родди. Без волшебного дыма профессор оставался таким же посредственным боулером, каким был всегда. Хохма, да и только.

– Безусловно.

⁸¹ Вымышленный инопланетный вид во вселенной «Звездный путь». Пушистые безобидные существа.

⁸² Карман – расстояние между 1 и 3 кеглями. Попадание в карман максимально увеличивает шансы на страйк.

Холли покидает «Санрайз-Бэй», узнав только одно: Аврам Уэлч тоже трибл. Окажись он «Хищником с Ред-Бэнк», всё, во что она когда-либо верила, сознательно и интуитивно, пошло бы прахом.

Следующая остановка – Родни Харрис, профессор на пенсии, посредственный боулер, также известный как Мелкошар и Мистер Мясо.

2

Барбара читает стихотворение Рэндалла Джарелла «Смерть стрелка шаровой турели», восхищаясь пятистрочием, полным неподдельного ужаса, и вдруг у неё звонит телефон. В настоящий момент дозвониться до неё могут только трое абонентов, и поскольку мама с папой внизу, она даже не смотрит на экран, а сразу отвечает:

– Привет, Джей, что скажешь?

– Скажу, что остаюсь в Нью-Йорке на уикенд. Но не в городе. Мой агент пригласила меня провести выходные в Монтоке. Разве не круто?

– Ну, я не знаю. Я склоняюсь к тому, что секс и бизнес не сочетаются.

Джером смеётся. Барбара никогда не слышала, чтобы Джером смеялся так легко и часто, как во время их последних бесед. Она рада его счастью.

– Можешь не беспокоиться, детка. Маре далеко за пятьдесят. За мужем. Есть дети и внуки, большинство из которых будут там. Я уже рассказывал тебе, но ты витаешь в облаках. Ты хоть помнишь фамилию Мары?

Барбара признаёт, что не помнит, хотя уверена, что Джером говорил ей.

– Робертс. *Что* с тобой?

Какое-то время Барбара молчит, просто глядя в потолок, где ночью светятся флуоресцентные звёзды. Их помог развесить Джером, когда ей было девять.

– Если скажу, пообещаешь не злиться? Я ещё не говорила маме с папой, но, думаю, раз уж расскажу тебе, то расскажу и им.

– Если только ты не забеременела, сестрёнка. – По его голосу заметно, что он шутит лишь наполовину.

Теперь очередь Барбары рассмеяться.

– Нет, я не беременна, но можно сказать, что я в ожидании.

Барбара рассказывает Джерому всё, начиная со встречи с Эмили Харрис, потому что слишком боялась напрямую обратиться к Оливии Кингсбери. Рассказывает о встречах со старой поэтессой, и о том, как Оливия отправила её стихи в комитет премии Пенли, не сказав ни слова, и что Барбара по-прежнему среди претендентов на победу.

Она заканчивает и ожидает ревности. Или сдержанных поздравлений. Но не следует ни того, ни другого, и ей становится неловко от того, что она так долго держала всё в себе. Но, может быть, и к лучшему, что она сдерживалась, потому что реакция Джерома – бурлящий водоворот вопросов и поздравлений – приводит её в восторг.

– Так *вот* оно что! Вот, где ты была! Бог мой, Ба! Жаль, что меня нет рядом, а то заобнимал бы тебя до усрачки!

– Какая гадость, – говорит Барбара и вытирает глаза. С её плеч свалился такой груз, что кажется, будто она может воспарить к звёздам на потолке. Какой же замечательный у неё брат, думает она, какой великодушный. Она забыла об этом, или её голова так загружена собственными заботами, что для другого не осталось места?

– А что насчёт эссе? Добила?

– Да, – отвечает Барбара, думая: *«Ещё как добила. Они прочтут его и бросят, как выражается папа, на корм свиньям».*

– Отлично, отлично!

– Расскажи мне ещё раз о женщине, у которой пропал сын. Теперь я могу послушать. Обоими ушами. Не то что раньше.

Джером рассказывает Барбаре не только о Вере Стейнман, но кратко излагает суть всего дела. Подытоживая, он говорит, что Холли, вероятно, случайно вышла на след серийного убийцы, который орудует на Ред-Бэнк-Авеню в районе Дирфилд-Парка. А также в районе колледжа. Или в обоих этих местах.

– И я тоже кое-что выяснил, – говорит он. – Это чертовски изводило меня, но в конце концов всё встало на свои места. Ну знаешь, как на этих картинках с чернильными кляксами, на которые долго пялишься, и вдруг видишь лицо Иисуса или Дэйва Шапелла.⁸³

– Что?

Джером объясняет ей. Они ещё немного болтают, а потом Барбара говорит, что хочет рассказать о премии маме с папой.

– Но перед этим сделай кое-что для меня, – просит Джером. – Спустись в старый кабинет отца, где я работал над книгой, и найди оранжевую флешку. Она лежит рядом с клавиатурой. Ты можешь это сделать?

– Конечно.

– Пришли мне с неё папку «ФОТО». Мара считает, что издатель захочет дополнить книгу фотографиями и, возможно, использует их в рекламе.

– Для твоего тура.

– Да, но если ковид не отступит, то это будет виртуальный тур через «Зум» и «Скайп».

– С радостью сделаю, Джей.

– На одном фото кинотеатр «Биограф» с «Манхэттенской мелодрамой» на афише. В нём застрелили Джона Диллинджера. Мара считает, что он отлично подойдет для обложки. И знаешь что, Барбара...

– Что?

– Я так рад за тебя, сестрёнка. Я люблю тебя.

Барбара отвечает тем же и завершает звонок. Затем даёт волю слезам. Она не может вспомнить, когда в последний раз была так счастлива. Оливия говорила ей, что счастливые поэты – обычно плохие поэты, но сейчас Барбаре всё равно.

⁸³ Американский актёр-комик.

2 июля 2021

Бонни просыпается с чувством жажды и лёгкой головной болью, но не испытывает ничего похожего на похмелье, с которым очнулись Хорхе Кастро и Кэри Дресслер. Им Родди ввёл раствор кетамина, а на Эллен и Пите использовал валиум. Не из-за их мучительных пробуждений, на это ему было наплевать, но вскрытие показало начальное повреждение клеточной структуры грудной полости и лимфоузлов. Слава Богу, это не затронуло их печень, поскольку она является главной восстанавливающей силой, но лимфоузлы вызывали беспокойство. Повреждение клеток в них потенциально могло привести к порче жировой ткани, которую Родди втирал в свои артритные руки, а Эмили в левую ягодицу и ноги, чтобы утихомирить седалищный нерв.

Есть много применений для мозга их «домашней скотины», а также для сердца и почек, но наибольшее значение имеет печень, потому что именно употребление человеческой печени поддерживает жизненные силы и продлевает жизнь. Но только после её «пробуждения» с помощью телячьей печени. Несомненно, человеческая печень в этом смысле более эффективна, но пришлось бы каждый раз хватать двух человек: донора и второго, кто будет ею питаться перед забоем. Харрисы сочли это слишком опасным. Телячья печень отлично подходит, потому что на клеточном уровне схожа с человеческой. Ещё лучше – свиная, с почти идентичной ДНК, но в этом случае существует опасность заражения прионами. Риск ничтожно мал, но ни Родни, ни Эмили не хотят умирать с прионами, проедающими дыры в их драгоценном мозге.

Бонни ничего этого не знает. А знает она только то, что ей хочется пить и у неё болит голова. И она знает ещё кое-что: она в заточении. Клетка, в которой она находится, судя по всему, расположена в дальнем конце подвала. Бонни с трудом верится, что это подвал под аккуратным викторианским домом профессоров Харрис, но ещё труднее не верить. Подвал большой, освещённый приглушёнными флуорес-

центными лампами, испускающими умиротворяющее жёлтое свечение. Пространство перед клеткой пустое – голый, чистый цементный пол. Дальше – лестничный пролёт, а за ним – мастерская со станками, названия которых Бонни даже не знает, хотя кажется очевидным, что это электроинструменты для резки, шлифовки и всякого такого. Самый большой агрегат в дальнем конце помещения – металлический ящик со шлангом, уходящим в стену рядом с маленькой дверцей. Бонни предполагает, что это система ОВК для отопления и вентиляции.

Бонни садится и массирует виски, пытаясь унять головную боль. Что-то падает на матрас, на котором она очнулась. Это серёжка. Второй нет, похоже, она слетела во время борьбы. А без борьбы не обошлось. Всё как в тумане, но Бонни помнит, как плелась, пошатываясь, вдоль стены заброшенного здания, пытаясь оставаться в сознании для побега, но Родни схватил её и потащил обратно.

Бонни смотрит на маленький золотой треугольник – конечно, не из настоящего золота, но красивый, – и прячет его под матрас. Отчасти потому, что одна серьга бесполезна, если только вы не пират или гей, пытающийся привлечь внимание в баре для одиночек. Но ещё потому, что у серёжки три острых кончика, и она может пригодиться.

В углу клетки стоит биотуалет, и, как Хорхе Кастро, Кэри Дресслер и Эллен Краслоу до неё (Вонючка Стейнман, возможно, не особенно), Бонни понимает: кто-то хочет продержаться её здесь какое-то время. Ей всё ещё трудно поверить, что этот кто-то – профессор Родни Харрис, биолог и диетолог на пенсии. Легче поверить, что это Эмили – его сообщница... или, скорее всего, он её сообщник. Потому что в их отношениях доминирует Эмили, и хотя Эм старалась сделать из Бонни сотоварища, если не сказать друга, Бонни никогда полностью не доверяла ей. Даже за время своей недолгой подработки Бонни старалась всё делать правильно, потому видела: Эмили не та женщина, которой стоит возражать.

Бонни осматривает решётку, самодельную, но прочную как скала. Прижавшись к ней щекой, Бонни видит снаружи кнопочную панель, защищённую пластмассовой крышкой, но у Бонни нет возможности

снять её или даже расшевелить. Даже если бы получилось, подобрать комбинацию – всё равно, что угадать все числа в лотерее.

Как и предыдущие обитатели клетки, Бонни замечает объектив видеокамеры, направленный на неё сверху вниз, но, в отличие от своих предшественников, она не кричит в него. Она сообразительная девушка и знает, что рано или поздно кто-нибудь придёт. Скорее всего, кто-то из Харрисов. Но станут ли они извиняться за ужасную ошибку? Вряд ли.

Бонни очень напугана.

У дальней стены клетки стоит оранжевый ящик, на нём две бутылки воды «Артезия». Хорхе Кастро и Кэри Дресслер получали «Дасани», но Эмили настояла на «Артезии», потому что «Дасани» производит «Кока-Кола», а они (по её словам) досуха высасывают грунтовые воды из верхних слоев почвы. «Артезия» принадлежит местному производителю, а значит он более идейный.

Бонни открывает одну бутылку, выпивает половину и закрывает. Затем поднимает крышку унитаза и спускает штаны. Она ничего не может поделаться с видеокамерой, поэтому просто опускает голову, закрывая лицо, как делала в детстве после какой-нибудь шалости, полагая, что раз она *никого* не видит, то и её не видно. Закончив, Бонни выпивает ещё немного воды и садится на матрас.

Утолив жажду, Бонни чувствует себя отдохнувшей, что странно при данных обстоятельствах. Посвежевшей она бы себя не назвала, но отдохнувшей – да. Бонни пытается догадаться, почему её похитили, но в голову ничего не приходит. Секс кажется самым очевидным мотивом, но они оба *старые*. Слишком старые? Может, и нет, но если такое возбуждает в их возрасте, то это чересчур странно. И добром не кончится.

Может, это какой-то эксперимент? И для него требуются подопытные кролики-люди? По кампусу ходили слухи, что у Родни Харриса немного не в порядке с головой – его крикливые нотации о мясе, как о столпе правильного питания, уже стали легендарными, – но неужели он и правда безумен, как сумасшедший учёный из фильма ужасов?

Если так, то его лаборатория где-то в другом месте. То, что видит Бонни, похоже на мастерскую, где пожилой человек на пенсии занимается изготовлением книжных полок или скворечников. Или стальных решёток.

Бонни переключается на мысли о том, кто может её хватиться. Скорее всего, её мать, но Пенни не сразу поймёт, что случилась беда; в данный момент они переживают очередной разлад. Том Хиггинс? Ни за что, они расстались несколько месяцев назад, к тому же Бонни слышала, что он уехал. Может быть, Киша, но из-за летних каникул и ковида библиотека едва работает вполсилы, и она может предположить, что Бонни взяла небольшой отпуск. Видит Бог, у неё куча накопленных больничных. А вдруг Киша решит, что Бонни просто всё бросила и уехала из города? Бонни говорила, что хочет податься на запад; она молода, почему бы не поехать, может, в Сан-Франциско или Кармел, но то был обычный трёп, и Киша знает это.

Или нет?

Наверху подвальной лестницы открывается дверь. Бонни подходит к решётке клетки. Спускается Родни Харрис. Медленно, будто того и гляди развалится на части. Обычно в первый раз поднос приносит Эмили, но сегодня её замучил ишиас, и она лежит в постели с электрогрелкой на спине. Но пользы от неё – кот наплакал. Обезболивающие, неумолимо разрушающие синапсы мозга, ещё хуже.

Родди разморозил и потушил большую часть останков Питера Стейнмана, и приготовил для Эмили кашеобразную смесь из сердца и лёгких, посыпав костной мукой. Это поможет, но не особо. По-видимому, замороженная человеческая плоть после оттаивания теряет свои свойства, и что Эм позарез нужно, так это свежая печень. Но Стейнмана они поймали давно. Запасы всегда кончаются, и пользы от их с Эмили «животин», сейчас попросту не так много, как они привыкли. Родди не стал говорить жене, но уверен, что она догадывается. Она не учёная, но и не глупая женщина.

Он останавливается на безопасном расстоянии от клетки, опускается на колени и ставит поднос на пол. Когда Родди выпрямляется (со

стоном; с утра у него всё болит), Бонни замечает кровоподтёк на его правой скуле, расплывшийся от глаза и почти до самой челюсти. Она всегда была спокойной девушкой, редко поддавалась сильным эмоциям. Она считала, что только её мать могла по-настоящему довести её до белого каления, но вид этого синяка одновременно вызывает в ней ярость и дикую радость.

«Это я вломила тебе, да? – думает Бонни. – И хорошо так вломила».

– Почему? – спрашивает она.

Родди молчит. Эмили сказала ему, что так будет лучше всего, и она права. Ты же не разговариваешь с быком в загоне, и уж точно не заводишь с ним бесед. Зачем? Бык – это просто еда.

– Что я вам сделала, профессор Харрис?

«Совсем ничего», – думает он, беря швабру, прислонённую к лестнице.

Бонни смотрит на поднос. С краю лежит пластиковый стаканчик, а в нём коричневый пакетик, возможно, что-то вроде растворимого напитка. Ещё на подносе лежит кусок сырого мяса.

– Это печень?

Ответа нет.

Швабра широкая, вроде тех, что используют уборщики. Родди проталкивает поднос через откидную заслонку в нижней части решётки.

– Я люблю печень, – говорит Бонни, – но с жареным луком. И предпочитаю приготовленную.

Родди ничего не отвечает, просто возвращается к лестнице и прислоняет к ней швабру, затем начинает подниматься.

– Профессор?

Он поворачивается, смотрит на Бонни, приподняв брови.

– У вас приличный синяк.

Родди дотрагивается до скулы и морщится. От этого Бонни тоже испытывает радость.

– Знаете что? Жаль, что я не снесла вашу блядскую дурную башку прямо с блядской шеи.

У Родди краснеет вторая, нетронутая, щека. Кажется, он хочет ответить, но сдерживается. Он поднимается по лестнице, и Бонни слышит, как закрывается дверь. Нет, не закрывается, а захлопывается. От этого ей тоже становится радостно.

Бонни достаёт пакетик из стаканчика. Это «Качава». Она слышала о нём, но никогда не пробовала. Вот сейчас и попробую, думает она. Несмотря на всё произошедшее, она проголодалась. Безумие, но это правда. Бонни отрывает краешек пакетика, высыпает содержимое в стаканчик и добавляет воды из другой бутылки. Помешивая напиток пальцем, Бонни думает, что старый шизик, по крайней мере, мог бы дать ей ложку. Она отхлёбывает и находит напиток довольно приятным на вкус.

Бонни выпивает половину, затем ставит стаканчик на крышку биотуалета. Идёт к решётке. Сумасшедший или нет, но старый профессор тот ещё аккуратист. На цементном полу ни единого грязного пятнышка. Гаечные ключи развешены по размеру в порядке убывания. Отвёртки тоже. Как и три ножовки: большая, среднего размера и маленькая, которая, по мнению Бонни, называется лобзиком. Плоскогубцы... стамески... мотки скотча... и...

Бонни прикрывает рот рукой. Раньше она была напугана, а теперь просто в ужасе. То, что она видит, являет ей всю реальность её положения: она заточена, как крыса в клетке и, если не произойдёт чуда, ей не выбраться отсюда живой.

Рядом с мотками скотча, как трофеи, висят её велосипедный шлем и рюкзак.

27 июля 2021

1

Холли останавливается на двухчасовой парковочной зоне на Ридж-Роуд, открывает окно и закуривает. Затем звонит Харрисам. Отвечает мужчина. Холли представляется, называет род занятий и спрашивает, может ли она зайти и задать несколько вопросов.

– Чем могу быть любезен?

– Прошу прощения?

– Я сказал, чем могу быть полезен, мисс...?

Холли снова представляется и говорит, что её интересует Кэри Дресслер.

– В ходе одного расследования всплыло имя мистера Кэри Дресслера. Я побывала в боулинге, где он работал...

– «Победный страйк», – говорит мужчина с ноткой нетерпения.

– Всё верно. Я пытаюсь отыскать его. Дело связано с серией автокраж. Понимаете, я не могу разглашать детали, но хотела бы поговорить с ним. Я увидела мистера Дресслера на фотографии вместе с вашей командой по боулингу, и подумала, что вы можете знать, куда он уехал. Я уже пообщалась с мистером Клиппардом и мистером Уэлчем, и раз уж я неподалёку, хотела...

– Дресслер угонял машины?

– Я правда не могу вдаваться в подробности, мистер Харрис. Вы же мистер Харрис, так?

– *Профессор* Харрис. Полагаю, вы можете заехать, но ненадолго. Я не видел юного мистера Дресслера уже много лет, и сейчас довольно занят.

– Спасибо...

Но Харрис уже отключился.

2

Родди кладёт телефон и поворачивается к Эмили. Её ишиас немного утих, и кресло-коляска ей больше не требуется, но она пользуется тростью. У неё растрёпаны волосы, и у Родди возникает недобрая мысль: *она похожа на старую ведьму из сказки.*

– Она приедет, – говорит он, – но не из-за девки Даль. Её интересует Дресслер. Так *она* сказала.

– Ты же так не думаешь, правда?

– Не обязательно, но толика смысла в этом есть. Она утверждает, что расследует серию крыш... – Родди запинается. – Краж, *автокраж*. Вполне может быть. Сомневаюсь, что частные детективы работают над одним делом за раз. Это не доходно. – Правильное ли это слово? Родди считает, да.

– Она ведёт отдельные дела, связанные с двумя похищенными нами людьми? Это небывалое совпадение, тебе так не кажется?

– Такое случается. Интересно, почему дело Бонни Даль привело Гибсон в боулинг? Эта эльфийка не катала шары.

– Её фамилия Гибни, Холли Гибни. Возможно, мне стоит поговорить с ней, когда она заявится.

Родди качает головой.

– Ты не знала Дресслера. А я знал. Она хочет поговорить со мной, и я всё улажу.

– Разве? – Эмили испытующе смотрит на него. – Ты сказал «*любезен*» вместо «*полезен*». Ты... Не знаю, как сказать, любовь моя, но...

– Закончу за тебя: дал маху. Так? Думаешь, я не заметил? Заметил и исправлюсь. – Родди касается щеки Эмили.

Она накрывает его руку своей и улыбается.

– Я буду наблюдать сверху.

– Знаю, что будешь. Я люблю тебя, мой кексик.

– Я тоже люблю тебя, – отвечает Эмили и медленно направляется к лестнице. Ей предстоит ещё более медленный и болезненный подъём, но она не намерена устанавливать кресло-подъёмник, как в доме старой суки дальше по улице. Эм с трудом верится, что Оливия

ещё жива. И она увела у неё ту девушку, похоже, не обделённую талантом.

Особенно для чернокожей. Для *нигерши*.

Эмили нравится это слово.

3

Холли поднимается на крыльцо Харрисов и нажимает кнопку звонка. Дверь открывает высокий худощавый мужчина, одетый в старомодные джинсы, мокасины и рубашку поло с эмблемой колледжа Белла на груди. Его ясные и умные глаза западают в глазницы. Волосы седые, но далеко не такие пышные, как у Хью Клиппарда; сквозь пряди проглядывает розовая кожа головы. На одной щеке виден почти заживший синяк.

– Мисс Гибни, – приветствует он. – Проходите в гостиную. И можете снять маску – здесь нет кловида. Если он вообще существует, в чём я сомневаюсь.

– Вы проходили вакцинацию?

Он хмуро смотрит на Холли.

– Мы с женой придерживаемся здорового образа жизни.

Холли этого ответа достаточно; она говорит, что ей будет спокойнее в маске. Она жалеет, что не надела одноразовые перчатки, но сейчас не хочет доставать их из кармана. Харрис явно из антиковидников. Холли не хочет раздражать его.

– Как скажете.

Холли следует за ним по коридору в большую комнату, обшитую деревянными панелями и освещаемую бра. Шторы задернуты для защиты от яркого послеполуденного солнца. Слышен шелест кондиционера. Где-то очень тихо играет классическая музыка.

– Побуду негостеприимным хозяином и не предложу вам сесть, – говорит Харрис. – Я пишу пространный ответ на довольно глупую и плохо продуманную статью в «Квартерли Джорнал оф Нутришн», и не

хочу терять нить своих рассуждений. Кроме того, моя жена страдает от очередного приступа мигрени, так что попрошу вас говорить потише.

– Извините, – говорит Холли, которая редко повышает голос, даже когда злится.

– К тому же у меня превосходный слух.

«*Это правда*», – думает Эм. Она сидит в гостевой спальне и наблюдает за ними на экране своего ноутбука. Камера размером с чайную чашку спрятана за безделушками на каминной полке. Больше всего Эмили беспокоит, что Родди ненароком что-нибудь ляпнет. Большую часть дня он бодр и свеж, но ближе к вечеру начинает оговариваться и забывать слова. Она знает, что так часто бывает у тех, к кому подбирается болезнь Альцгеймера или деменция – синдром, называемый «затмением», – но отказывается верить, что это случилось с мужчиной, которого она любит. И всё же семя сомнения посеяно. Не дай Бог, чтобы оно проросло.

Холли рассказывает Харрису историю об автокраже, которую придумала по дороге, как маленькая девочка в рассказе Саки⁸⁴, выдумки на скорую руку – её конёк. Холли могла бы сочинить историю для Клиппарда и Уэлча, но слишком поздно об этом подумала. Но история пригодится в разговоре с Эрни Коггинсом, который интересует Холли больше остальных: всё ещё играет в боулинг и женат. Не факт, что его жена страдает ишиасом, но всё возможно, всё возможно.

4

Барбара спускается в старый кабинет их отца. Теперь на столе стоит компьютер Джерома, по обе стороны от него навалены кучи бумаг. Она предполагает, что большая стопка справа – это рукопись книги Джерома. Барбара садится и пролистывает её до последней страницы: 359. Всё это написал Джером, удивляется она и думает о своей собственной книге стихов, в которой, вероятно, наберётся не больше ста десяти страниц, в основном полупустых... если, конечно,

⁸⁴ Гектор Хью Манро, известный под псевдонимом Саки – английский писатель и журналист.

книгу вообще опубликуют. Оливия уверяет, что так и будет, но Барбаре всё ещё трудно в это поверить. Стихи не о «чёрном опыте», а о том, как справиться со страхом. *«Хотя иногда разница не такая уж большая»*, – думает она и хихикает.

Оранжевая флешка лежит там, где сказал Джером. Барбара включает компьютер, вводит пароль Джерома (#shizzle#⁸⁵), и дожидается загрузки. На рабочем столе фото Джерома и Барбары с их псом по кличке Оделл, ныне пребывающим в собачьем раю.

Барбара вставляет флешку. На ней черновики книги под номерами «1», «2» и «3». Какая-то переписка. И папка, подписанная «ФОТО». Барбара открывает её и просматривает несколько фотографий их одиозного прадеда, всегда одетого с иголки и в бессменном котелке набекрень. *«Впечатляет»*, – думает Барбара. Также есть фотографии ночного клуба для чернокожих, где стильно одетые посетители танцуют джиттербаг (или линди-хоп) под зажигательное исполнение музыкальной группы. Барбара находит снимок кинотеатра «Биограф», а затем и фото самого Джона Диллинджера, лежащего на столе в морге. *«Ох»*, сказала бы Холли. Барбара закрывает папку «ФОТО», перетаскивает её в поле электронного письма, адресованного брату, и отправляет со звуком «вжух».

Слева от компьютера лежит куча заметок, на верхней написано: *«Позвонить Маре насчёт рекламы»*. Под ней, судя по всему, заметки о Чикаго, Индианаполисе и Детройте тридцатых годов, со множеством ссылок на книги об этих городах времён Сухого закона и Великой депрессии. *«Надеюсь, ты не перебарщиваешь»*, – думает Барбара.

Под заметками – распечатка Дирфилд-Парка и его окрестностей с «MapQuest». Барбара с любопытством берёт её в руки. Карта не имеет никакого отношения к книге Джерома, но имеет самое непосредственное отношение к текущему делу Холли. На карте отмечены три красные точки, подписанные аккуратным почерком Джерома.

Бонни Д., 1 июля 2021 – восточная часть парка, напротив заросшего участка, известного как Дебри.

⁸⁵ Негритянский сленг, в зависимости от ситуации переводится как «конечно» или «дерьмо».

Эллен К., ноябрь 2018 – кампус колледжа Белла, расположенного прямо на вершине Мемориального союза, где ресторанчик «Колокольня». Барбара с подругами иногда едят там бургеры после походов в библиотеку Рейнольдса. У старшеклассников нет возможности брать книги с собой, но в библиотеке хороший читальный зал и отличный компьютерный класс.

Последняя красная точка: **Питер С., конец ноября 2018**. Это место Барбаре тоже знакомо: «Дейри Уип», считающееся *déclassé*⁸⁶ у старшеклассников, но излюбленное место сборища малолеток.

«Среди них могла быть я, – думает Барбара. – Если бы Бог не миловал».

Так, с этим она покончила. Барбара выключает компьютер и собирается уйти. Но затем снова садится и берёт распечатку «MapQuest». На столе стоит кофейная кружка с ручками. Барбара берёт красную, которой Джером, должно быть, наносил метки. Ставит ещё одну точку на Ридж-Роуд, напротив дома Оливии Кингсбери. *Потому что именно там пожилая поэтесса увидела его в тот вечер, когда размышляла над своим стихотворением, которое, по её словам, стало её последним хорошим произведением.*

Под меткой Барбара пишет: **Хорхе Кастро, октябрь 2012**. При этом она чувствует себя глупо. Вероятно, Кастро просто решил: *«в жопу эту дурацкую кафедру английского»* и хлопнул дверью. Добавив: *«в жопу эту Эмили Харрис с её плохо скрываемой гомофобией».*

Но теперь, добавив Кастро на карту Джерома, Барбара видит кое-что интересное и слегка тревожащее. Точки словно окружают парк. Правда Бонни, в отличие от остальных, пропала летом, а не осенью, но разве Барбара не видела где-то – может, в сериале «Охотник за разумом» на «Нетфликс», – что маньяки имеют тенденцию сокращать интервал между убийствами? Как наркоманы между приёмами очередной дозы наркотика?

Эллен К. и Питер С. не вписываются в схему; их исчезновения произошли с небольшим интервалом. Но что если убийца не получил от

⁸⁶ Никуда не годное, устаревшее, списанное (фр.)

одного из них того, чего хотел? Потому что у него или у неё не до конца сработал инстинкт убийцы?

«Ты накручиваешь себя, – думает Барбара. – Видишь чудовищ – как Чет Ондовски – там, где ничего нет, кроме теней».

И всё же, вероятно, следует рассказать о Хорхе Кастро. Барбара берёт телефон, хочет набрать Холли, но он звонит у неё в руках. Это Мари Дюшан. Оливия в больнице Кинер Мемориал с мерцательной аритмией. На этот раз всё серьёзно. Барбара забывает о Холли и спешит вниз, уведомив мать, что ей нужно взять машину. Когда Таня спрашивает зачем, Барбара отвечает, что её подруга в больнице, и она всё объяснит позже. У неё есть и хорошие новости, но их тоже придётся отложить на потом.

– Это стипендия? Ты получила стипендию?

– Нет, кое-что другое.

– Хорошо, милая, – говорит Таня. – Езжай осторожно. – Это её неизменное напутствие.

5

Холли спрашивает Родди Харриса, есть ли у него мысли по поводу местонахождения Кэри Дресслера? Рассказывал ли он о планах уехать из города? Не появлялось ли у него больших сумм наличных денег? (свежая часть легенды).

– Мне известно, что у него была тяга к наркотикам, – признаётся она. – Так часто бывает у воров.

– Он казался довольно приятным парнем, – говорит Харрис. Он смотрит в пространство, слегка нахмурившись – так выглядит человек, пытающийся что-то вспомнить. – Я не очень хорошо его знал, но о наркотиках был в курсе. Всего лишь *cannabis sativa*,⁸⁷ как он заверял, но, возможно, и другие...?

Родди вопросительно смотрит на Холли, ожидая, чем она поделится, но она только улыбается.

⁸⁷ Конопля посевная (лат.)

– *Cannabis*, как известно, первый шаг к более сильным веществам, – продолжает он тоном епископа. – Не всегда, но он вызывает привыкание и ухудшает когнитивное развитие. А также вызывает неблагоприятные структурные изменения в гиппокампе, области в височной доле, отвечающей за обучение и память. Это всем известно.

Наверху Эм вздрагивает: «*В височной доле, дорогой... и не слишком увлекайся. Прошу тебя*».

Гибни, похоже, ничего не замечает, а Родди будто бы услышал жену.

– Простите за лекцию, мисс Гибсон. Выключаю свою любимую шарманку.

Холли вежливо смеётся. Она дотрагивается до перчаток в кармане и снова жалеет, что не может их надеть. Не хотелось бы выглядеть в глазах профессора Харриса Говардом Хьюзом, но её не покидает мысль, что всё, к чему она прикасается, может быть заражено ковидом или новым Дельта-штаммом. Тем временем Харрис продолжает.

– Некоторые члены моей команды обычно выходили на задний двор с Дресслером, чтобы, как они говорили, «забить косяк». И некоторые женщины тоже.

– «Горячие Ведьмочки»?

Харрис хмурится сильнее.

– Да, они самые. И другие. Наверное, он им *нравился*. Но, как я уже говорил, я не особо знал его. Он был вполне дружелюбен и иногда подменял «раненого бойца», так сказать, но мы были просто знакомыми. Я понятия не имел о его финансовом положении и, боюсь, понятия не имею, куда он делся.

«*Остановись на этом, любимый, – думает Эмили. – Проводи её до двери*».

Родди берёт Холли под руку, желая проводить.

– А теперь, боюсь, я должен вернуться к работе.

– Я всё понимаю, – говорит Холли. – Но попытка не пытка. – Холли протягивает визитку из сумочки, стараясь не касаться его пальцев. –

Если вспомните что-нибудь, способное помочь, пожалуйста, позвоните мне.

Когда они доходят до двери, Эмили переключается на камеру в коридоре. Родди спрашивает:

– Могу я поинтересоваться, что вы планируете предпринять дальше?

«*Не надо, – думает Эмили. – Ох, не надо, Родди. Ты ступаешь на зыбкую почву*».

Но женщина – она кажется Эмили безобидной и не стоящей *слишком* больших волнений – отвечает Родди, что не вправе говорить об этом, и протягивает локоть. Со снисходительной улыбкой, мол, дуракам прощается многое, Родди протягивает локоть в ответ.

– Спасибо за ваше время, мистер Харрис.

– Не за что, мисс... как, ещё раз, вас зовут?

– Гибни.

– Доброго дня, мисс Гибни, и желаю вам успеха.

6

Как только Холли слышит хлопок двери за спиной, она на ходу лезет поглубже в карман за дезинфицирующим средством для рук, лежащим под нитриловыми перчатками; она всё ещё жалеет, что не надела их. Общаться без маски с подростками у «Дейри Уип» было небезопасно, но, по крайней мере, они оставались на улице; разговор с Родди Харрисом вёлся в помещении, куда через вентиляцию мог просочиться вирус, погубивший её мать, а потом попасть куда угодно, в том числе в нос и прокуренные лёгкие.

«*Ты ведёшь себя глупо и как ипохондрик*», – думает Холли, но это опять голос её матери, умершей от долбаного вируса.

Холли нащупывает маленькую бутылочку «Герм-Экс» и достаёт её из кармана. Выдавливает каплю на ладонь и энергично растирает, думая, что резкий запах спирта, который пугал её в детстве перед уколом, стал запахом спокойствия и условной безопасности.

Наверху Эмили наблюдает за происходящим и улыбается. Учитывая постоянную боль в спине и ноге, мало что может позабавить её в эти дни, но смотреть, как эта маленькая робкая сучка лихорадочно натирает руки? Это весело.

3 июля 2021

1

Новая «гостья» Харрисов не ест сырую печень, и пытается растянуть остатки воды, но в конце концов обе бутылки пустеют. Она водит пальцем по стенкам стакана, выуживая последние капли «Качавы», но от этого жажда только усиливается. И она голодна.

Бонни пытается вспомнить, что она ела в последний раз. Вроде бы сэндвич с тунцом и яйцом? Купила в «Колокольне» и съела на уличной скамейке. Сейчас она бы всё отдала за тот сэндвич, не говоря уже о бутылке диетической пепси, купленной в «Джет Март». Бонни выпила бы залпом всё до последней капли. Только здесь нет диетической пепси и нет телефона. Только её шлем и рюкзак (кажущийся пустым), висящие на стене с инструментами.

Бог знает, сколько часов печень пролежала при комнатной температуре, но даже она кажется Бонни аппетитной, поэтому она подцепляет заслонку внизу клетки и выталкивает поднос наружу так, чтобы до него нельзя было дотянуться. *«Изыди, Сатана»*, – думает она и сглатывает. Слышен сухой щелчок в горле, и Бонни думает, что в печени, должно быть, осталось ещё много влаги. Она представляет, как печёночный сок стекает по горлу, даря прохладу. А то, что содержащаяся в печени соль усилит жажду, её мало волнует. Она возвращается к матрасу и ложится, но продолжает смотреть на поднос. Через некоторое время Бонни погружается в дремоту, полную видений.

Через какое-то время возвращается Родди Харрис и Бонни просыпается. На нём пижама с пожарными машинами, а также халат и тапочки, поэтому она ошибочно предполагает, что уже вечер. Она также предполагает, что прошли сутки с тех пор, как они накачали её наркотиками и похитили. Самый длинный и ужасный день в её жизни, отчасти потому, что Бонни не понимает какого хрена тут происходит, но главным образом из-за того, что за последние двадцать четыре часа она выпила лишь две маленькие бутылки воды и стакан «Качавы».

– Я хочу немного воды, – говорит она, стараясь не хрипеть. – Пожалуйста.

Родди берёт швабру и проталкивает поднос обратно через за-слонку.

– Съешь печень. Потом получишь воду.

– Она сырая и пролежала тут весь день! И всю ночь тоже... кажется. Сегодня третье? Ведь так?

Родди не отвечает, но достаёт из кармана и показывает бутылку «Артезия». Бонни не хочет радовать его тем, как она облизывает губы, но ничего не может с собой поделать. После суток при комнатной температуре печень похожа на тающее шоколадное мороженное.

– Ешь. Всю целиком. Тогда я дам тебе воды.

Бонни решает, что оказалась отчасти права. Тут дело не в сексе. Это какой-то странный эксперимент. Она слышала, как в колледже сплетничают, мол, профессор Харрис немного помешан на «идеальном пищевом балансе», как он это называет, но пропускала эту чушь мимо ушей: такой-то профессор – чудик, а у этого – обсессивно-компульсивный синдром, третий ковыряет в носу, есть видео в «Тик Ток», зацени, это умора. Теперь Бонни жалеет, что не прислушивалась. Он не просто помешан, он настоящий психопат. Бонни думает, что съесть печёночный *тартар* – наименьшая из её проблем. Она должна выбраться отсюда. Нужно сбежать. А это значит мыслить разумно и не поддаваться панике. От этого зависит её жизнь.

На этот раз Бонни удерживается от того, чтобы облизать губы. Она опускается на колени и просовывает поднос обратно.

– Принесите свежий кусок, и я его съем. Но с водой. Чтобы запить.

Родди кажется обиженным.

– Я уверяю тебя, что печень не... не... – Он с трудом подбирает слова, двигая челюстью из стороны в сторону. – *Подвержена микробам*. На самом деле, как и многие другие части телячьей туши, печень *лучше* всего хранить при комнатной температуре. Ты никогда не слышала о выдержанной говядине?

– Она *посерела!*

– Вы доставляете много хлопот, мисс Даль. И не в том положении, чтобы заключать сделки.

Бонни хватается за голову, будто ей стало больно. Так и есть – из-за жажды и голода. Не говоря уже о страхе.

– Я просто пытаюсь пойти вам навстречу, вот и всё. Полагаю, у вас есть некая причина для того, что вы делаете...

– Разумеется есть! – восклицает Родди, повышая голос.

– ...А я согласна сделать то, что вам нужно, *но не с этим куском*. Не с этим!

Он поворачивается и с топотом поднимается по лестнице, остановившись только раз, чтобы бросить на Бонни взгляд через плечо.

Она сглатывает и слышит сухой щелчок в горле. «*Я стрекочу, как сверчок*, – думает Бонни. – *Умирающий от жажды*».

2

Эмили на кухне. Её лицо искажено болью, и она выглядит на свой возраст. Даже хуже, чем на свой возраст. Родди в шоке. И это после всего, что они сделали, чтобы задержать старение! Какая несправедливость, что их специальное питание, столь насыщенное полезными веществами, продлевающими жизнь, так быстро заканчивается. Прошло три года между Кастро и Дресслером, и три года (плюс-минус) между Дресслером и Стейнманом. Сейчас у них есть Бонни Даль, а ведь не только прошло меньше трёх лет, но и симптомы старения (Родди называет их симптомами) проявляются уже несколько месяцев.

– Она ест?

– Нет. Говорит, что съест, если я дам ей свежий кусок. У нас он, конечно, есть – после Калсум казалось разумным иметь под рукой запас...

– Краслоу, Краслоу! – раздражённо поправляет его Эм, что совершенно на неё не похоже... по крайней мере, когда они наедине, и она не в агонии. – Отдай ей! Я не могу вынести эту боль!

– Потерпи ещё немного, – успокаивает её Родди. – Скоро она не вытерпит. Жажда делает скотину покорной. – Его осеняет. – Она ещё может съесть тот кусок. Она вытолкнула поднос наружу, но оставила в пределах досягаемости.

Всё это время Эмили стояла, но теперь садится, вздрагивая и задыхаясь. На её шее вздуваются вены.

– Хорошо. Пусть будет так. – Она колеблется. – Родди, наша диета действительно что-то даёт? Всё это не было плодом нашего воображения? Как какое-нибудь психосоматическое лекарство, которое работает в наших головах, но не в наших телах?

– Когда твои мигрени прекращаются, это психосоматика?

– Нет... по крайней мере, я так не думаю...

– А твой ишиас! Твой артрит... и мой! Ты думаешь, мне это нравится? – Родди поднимает руки. Костяшки раздуты, и он может разогнуть пальцы только с усилием. – Ты думаешь, мне нравится вспоминать слова, которые я прекрасно знаю? Или заходить к себе в кабинет и понимать, что забыл, зачем пришёл? Ты своими глазами видела результаты!

– Раньше эффект длился дольше, – шепчет Эмили. – Это всё, что я хочу сказать. Если она съест печень сегодня... тот кусок, что внизу, или который в холодильнике... тогда завтра?

Родди знает, что лучше бы выждать до забоя сорок восемь часов, а оптимально – девяносто шесть, но Даль молода и «пробуждение» её собственной печени должно произойти быстро, доставив жизненно-важные питательные элементы в каждую часть её тела с каждым ударом молодого здорового сердца. Харрисы знают это благодаря Стейнману.

Кроме того, Родди больно видеть, как страдает его жена.

– Завтра вечером, – говорит он, – Если она поест.

– Если, – отзывается Эмили. Она вспоминает упрямую сучку. Упрямую *веганскую* сучку.

После стольких лет вместе Родди буквально может читать её мысли.

– Она не такая, как чёрная девка. И в целом готова есть, если я дам ей воды...

– В целом, – повторяет Эм и вздыхает.

Родди как будто не слышит её. Он смотрит куда-то вдаль, и это беспокоит её всё больше и больше. Его как будто выключили из розетки. Наконец Родди произносит:

– Но нужно быть осторожным. Она задаёт мало вопросов. На самом деле, почти ничего не спросила. Как и Каслоу. Ни мольбы, ни криков. Тоже как Каслоу. Не хотелось бы проблем.

– Так не допусти этого, – говорит Эмили. Она берёт Родди за руку. – Я рассчитываю на тебя. И её звали *Краслоу*.

Родди улыбается.

– В этом году мы не станем праздновать 4-ое июля, дорогая, но шестого... – Он широко улыбается. – Шестого числа устроим пир.

3

В десять вечера Родди снова спускается в подвал, отведя перед этим Эмили наверх. Большую часть ночи она будет лежать в постели без сна и мучиться от боли, довольствуясь часом-двумя тревожного сна, не дающего отдыха. В лучшем случае. Родди убеждает себя, что её сомнения по поводу заветной диеты вызваны не рациональностью, а её болью, но это всё равно беспокоит его.

Родди держит на тарелке припасённый кусок печени, увидев по камере, что Даль не притронулась к своему куску. Ему жаль, что у них нет больше времени для «пробуждения» в её теле нужных питательных элементов, и нехорошо идти на поводу у пленницы, но Эмили не может долго ждать. Скоро она будет настаивать, чтобы он отвёз её к врачу за обезболивающими, а эти пилюли – тихая смерть.

Родди ставит тарелку на пол и велит Даль высунуть стаканчик для «Качавы». Даль подчиняется без лишних вопросов. По его мнению, она и впрямь слишком похожа на Кесли. В ней проглядывает некая осторожность. Родди это не нравится, и он не даст себя обмануть.

Из кармана халата он достаёт бутылку «Артезии» и наливает немного в стаканчик. Затем берёт швабру и подталкивает стакан к Бонни. Осторожно, чтобы не опрокинуть. Меньше всего ему хочется, чтобы эта маленькая трагикомедия превратилась в фарс. Бонни поднимает заслонку и протягивает руку.

– Просто дайте его сюда, профессор.

Он почти решается, а ведь это верный признак грядущих проблем. Затем Родди усмехается и говорит:

– Думаю, не стоит.

Когда стаканчик оказывается достаточно близко, Бонни хватает его и выпивает залпом. За два глотка.

– Ешь печень, и получишь ещё воды. Откажешься, и до завтрашнего вечера ты меня больше не увидишь. – Пустая угроза, но Даль этого не знает.

– Обещаете, что отдадите оставшуюся воду?

– Положа руку на сердце. При условии, что тебя не вырвет. А если вырвет в биотуалет после моего ухода, Эм это увидит. Тогда у нас с тобой будут проблемы.

– Профессор, у меня и так проблемы. Вы согласны?

Бонни беспокоит его всё больше и больше. И немного пугает. Смешно, но это правда. Вместо ответа он шваброй подталкивает поднос с печенью. Даль не раздумывает. Она берёт печень, вонзает зубы в сырую плоть и откусывает. Затем жуёт.

Родди замороженно смотрит на капельки крови на её нижней губе. Пятого июля он обваливает эти губы в неотбелённой муке и обжарит на маленькой сковородке – возможно с луком и грибами. Губы – прекрасный источник коллагена, и они сотворят чудо с его коленями и локтями, даже с его скрипучей челюстью. В конце концов эта проблемная девка будет стоить всех затрат. Она пожертвует часть своей молодости.

Бонни откусывает ещё кусочек, прожёвывает и проглатывает.

– Не так уж противно, – говорит она. – Более выразительный вкус, чем у приготовленной печени. Густой что ли. Тебе нравится смотреть, как я ем, козёл?

Родди не отвечает, но ему и правда нравится.

– Мне ведь не выбраться отсюда, да? Нет смысла обещать, что я не расскажу ни одной живой душе и всё такое, да?

Родди готов к этому. Он округляет глаза, изображая удивление.

– Конечно, выберешься. Это правительственный исследовательский проект. Проводятся кое-какие тесты, и, разумеется, тебе *придётся* подписать документ о неразглашении, но как только ты это сделаешь...

Его прерывает смех Бонни, одновременно весёлый и истеричный.

– Если я в это поверю, ты, наверное, предложишь мне купить мост? Бруклинский, использовался бережно.⁸⁸ Просто дай мне сраную воду, когда я покончу с этим куском.

Тут голос Бонни начинает дрожать, а глаза блестят от слёз. Родди чувствует облегчение.

– Выполни свое обещание.

⁸⁸ Отсылка к известному аферисту Джорджу Си Паркеру, который обманом успешно продавал людям Бруклинский мост.

27 июля 2021

1

Холли возвращается на двухчасовую парковку и выкуривает сигарету, открыв дверь и выставив ноги на дорогу. Ей приходит мысль, что есть что-то совершенно извращённое в том, чтобы принять все надлежащие меры защиты от ковида, а затем наполнять лёгкие этим канцерогенным дерьмом.

«Нужно бросить, – думает она. – Правда нужно. Но не сегодня».

План под названием «Золотые Старички» провалился. Сейчас Холли трудно вспомнить, почему она вообще решила, что он к чему-то приведёт. Не от того ли, что Кэри Дресслер также регулярно посещал «Джет Март», как и Бонни? Хотя Дресслер тоже пропал, бросив мопед, это очень тонкая связь. И Холли определённо не кажется, что Родди Харрис вероятный кандидат на роль «Хищника с Ред-Бэнк» (если такой человек вообще существует). Она не знает, страдает ли жена профессора ишиасом помимо мигреней – можно выяснить, хотя сейчас это не первоочередная задача, – но совершенно очевидно, что у Харриса свои проблемы. *«Любезен»* вместо *«полезен»*, *«кловид»* вместо *«ковид»*, *«высотная доля»* вместо *«височной»*. Путал её фамилию. А ещё он пару раз замолкал и хмурясь смотрел в пространство. Не факт, что это начальная стадия болезни Альцгеймера, но по возрасту подходит. К тому же...

– Так было с дядей Генри, – произносит Холли.

Но раз уж она взялась за «Старичков», то с таким же успехом можно довести дело до конца. Холли тушит сигарету в переносной пепельнице и направляется в сторону магистрали. Эрни Коггинс живёт в Апривер, это всего в четырёх съездах отсюда. Домчится быстро. Но теперь, вспомнив про дядю Генри, она не может выкинуть его из головы. Когда она в последний раз навещала его? Весной? Да. К этому её побудила мать – побудило *чувство вины* – в апреле прошлого года, перед тем, как Шарлотта заболела.

Холли добирается до съезда в Апривер, сбавляет скорость, затем передумывает и продолжает двигаться на север, в сторону Ковингтона, где находится дом её матери и дом престарелых Роллинг-Хиллз, в котором ныне живёт дядя Генри (если можно назвать это жизнью). Там же живёт ещё один член команды «Золотых Старичков», так что Холли может убить сразу двух зайцев. Хотя Виктор Андерсон может оказаться не больше *compos mentis*,⁸⁹ чем её дядя. По словам Хью Клиппарда, Андерсон перенёс инсульт, и если он на долгосрочном уходе, то, вероятно, так и не оклемался. Тогда Холли сможет вычеркнуть его из списка и поговорить с Эрни Коггинсом завтра, с новыми силами. Кроме того, езда по магистрали успокаивает её, а когда Холли находится в умиротворённом состоянии духа, ей в голову иногда приходят интересные мысли.

Но всё это начинает казаться ловлей ветра в поле.

За четыре часа поездки до «Дейз-Инн», где Холли останавливалась три ночи назад, её телефон звонит три раза. Она не отвечает, хотя в машине есть блютуз. Один звонок от Джерома. Один от Пита Хантли. Третий – от Пенни Даль, которой, несомненно, нужны новости. И она их заслуживает.

2

Когда Холли добирается до Ковингтона, у неё в животе урчит. Она заезжает в драйв-ин «Бургер Кинга» и когда подходит её очередь, не раздумывая делает заказ. У неё есть любимая еда во всех фастфудах. В «Бургер Кинг» это неизменно «Биг Фиш», пирог «Хершис» и кола. Подъезжая к окошку оплаты, Холли лезет в левый карман за перчаткой со смайликами, но нащупывает только флакон «Герм-Экс». Она хватает салфетки «Клинекс» с приборной панели и с их помощью передаёт деньги и получает сдачу. Девушка в окошке жалостливо смотрит на неё. Холли находит другую перчатку в правом кармане и успевает надеть её, чтобы взять заказ во втором окошке. Она понятия не имеет,

⁸⁹ В здравом уме (лат.)

куда делась вторая перчатка, да ей и наплевать. В багажнике лежит целая упаковка – проявление заботы Барбары Робинсон.

Холли заселяется в мотель и с усмешкой осознаёт, что в очередной раз приехала без сменного белья. Она могла бы ещё раз съездить в «Доллар Дженерал», но решает обойтись, убеждая себя, что фондовый рынок не рухнет, если она два дня проходит в одних и тех же трусах. Также нет смысла ехать сегодня в дом престарелых – часы посещения заканчиваются в семь вечера.

Холли ест медленно, наслаждаясь сэндвичем с рыбой, а ещё больше – пирогом «Хершис». Иногда она думает, что нет ничего лучше бесполезной еды, когда ты чувствуешь себя растерянной и не знаешь, что делать дальше.

«О, ты прекрасно знаешь», – думает Холли и звонит Пенни Даль. Та интересуется, есть ли успехи.

– Я не знаю, – отвечает Холли. Ей-Богу, как говаривал дядя Генри.

– Они либо есть, либо их нет!

Холли не хочет говорить Пенни, что её дочь могла стать последней на данный момент жертвой серийного убийцы. Так вполне может быть – в глубине души Холли убеждена, что так и есть, – но без полной уверенности говорить об этом слишком жестоко.

– Я собираюсь представить тебе полный отчёт, но мне нужно ещё двадцать четыре часа. Ты сможешь подождать?

– Нет, я *не смогу подождать!* Если ты что-то выяснила, я имею право знать. Чёрт возьми, я *плачу* тебе!

Холли говорит:

– Пенни, позволь сформулировать это по-другому. Ты сможешь пережить это?

– Мне следовало бы уволить тебя, – ворчит Пенни.

– Это твоё право, – отвечает Холли, – но на подготовку отчёта о завершении расследования у меня всё равно уйдёт двадцать четыре часа. Я распутываю пару ниточек.

– Многообещающие?

– Я не уверена. – Холли хотела бы сказать что-нибудь более обнадеживающее, но не может.

Наступает пауза. Затем Пенни говорит:

– Жду от тебя вестей завтра к девяти вечера, или я тебя уволю.

– Справедливо. Просто сейчас у меня...

«*Не у шубы рукав*» – хочет закончить она, но Пенни прерывает связь, не дослушав.

3

Следующим шаг Холли – звонок Джерому. Не успев даже сказать «привет», он спрашивает, разговаривала ли она с Барбарой.

– Нет, а должна?

– Ну, у неё есть потрясающие новости, но пусть она расскажет тебе сама. Внимание, спойлер: она тоже пишет, и так случилось, что борется за литературную премию и большие бабки в придачу. Двадцать пять кусков.

– Ты что, шутишь?

– Вовсе нет. И не говори маме с папой. Возможно, она им ещё не говорила. Но я позвонил не поэтому. Я наконец-то понял, что не давало мне покоя в том фургоне, ну, с записи камеры наблюдения магазина.

– И что же?

– Слишком высокий клиренс. Не такой, конечно, как у монстертраков, но заметный – на два-три дюйма выше, чем обычно. Я проверил в интернете: подобные фургоны делаются на заказ и оборудованы местом для людей с ограниченными возможностями. Ходовую часть поднимают, чтобы установить пандус для кресла-коляски.

4

Закурив сигарету, Холли звонит Питу, стоя у автомата со льдом. По поводу фургона он пришёл к тому же выводу, что и Джером, только

называет такие автомобили «инвалидками». Холли морщится, благодарит и интересуется, как у него дела. Пит отвечает, что он как тот парень из песни «Чикаго»: с каждым днём чувствует себя лучше. Холли кажется, что он пытается убедить в этом самого себя.

Она тушит сигарету и садится на ступеньки, подумать. Теперь ей есть что сказать Пенни завтра вечером: кажется всё более вероятным, что Бонни похитил человек, притворяющийся инвалидом. Может, он похитил и остальных. Или он не притворяется? Холли вспоминает слова Имани: *«Бедная старушка, судя по её виду, испытывала боль. Утверждала обратное, но я узнаю ишиас с первого взгляда».*

Теперь Холли жалеет, что ей не удалось увидеть Эмили Харрис. Следует наведаться в колледж и разузнать, в курсе ли кто-нибудь состояния её здоровья, и обязательно хорошенько присмотреться к жене Эрни Коггинса во время завтрашнего визита.

Вернувшись в свой номер, Холли ложится на кровать и звонит Барбаре. Звонок сразу же перебрасывается на голосовую почту. Холли просит Барбару перезвонить до половины одиннадцатого – тогда она отключит телефон, прочтёт вечернюю молитву и ляжет спать. Затем Холли перезванивает Джерому.

– Не могу дозвониться до Барбары, а я умираю от любопытства. Расскажи, в чём дело.

– Холли, всё-таки она должна рассказать сама...

– Ну, пожалуйста. Прошу тебя. Умоляю.

– Хорошо, но ты пообещаешь изобразить удивление, когда расскажет Барбара.

– Обещаю.

И Джером рассказывает Холли, как Барбара долгое время тайно писала стихи и познакомилась с Оливией Кингсбери...

– Оливия Кингсбери? – восклицает Холли, усевшись на кровати. – Святые фасольки!⁹⁰

– Я так понимаю, ты её знаешь.

⁹⁰ Вероятно, отсылка к «На подъёме», где фигурировал ресторан испанской кухни под названием «Holy frijoles».

– Не лично. Господи, Джером, это одна из величайших поэтесс Америки! Я поражена, что у Барбары хватило смелости подойти к ней, но это ей только на пользу!

– У Барб никогда не было недостатка в смелости.

– Подростком я тоже пыталась писать стихи, и читала у Кингсбери всё, что попадалось под руку! Я не знала, что она всё ещё жива.

– Барбара говорит, ей почти сто. Короче, Кингсбери прочитала стихи Барбары и согласилась стать её наставником. Не знаю, как долго это продолжалось, но в результате Барбара борется за премию Пенворт или как-то так...

– Премия Пенли, – поправляет Холли. Она потрясена и рада за свою подругу, которая добилась такого успеха и сумела сохранить всё в строжайшем секрете.

– Да, вроде так. Но не утруждай себя расспросами о том, чем занимался я, Холлиберри, о моих ста тысячах долларов и обо всём остальном. Не говоря уже о предстоящем восхитительном уикенде в Монтоке. Ты ведь не захочешь слушать о вечеринке, где может появиться Спилберг, и о всякой подобной чепухе.

Холли, конечно, хочет, и они разговаривают почти полчаса. Джером описывает ей обед в «Бларни Стоун», рассказывает о вручении чека, об обсуждении выхода книги и планов по продвижению, а также о возможном интервью «Американ Хисторикал Ревью», которое одинаково волнует его и пугает.

Когда тема «яркого приключения Джерома в Нью-Йорке», как он это назвал, исчерпана, он просит Холли рассказать ему о текущем деле. Что она и делает, признавшись в конце, что ниточка команды по боулингу, похоже, ведёт в тупик. Джером не согласен.

– Это стоящая зацепка, Хол. Дресслер там работал. Он был *под прицелом*. Думаю, они все были. Я уверен в этом.

– Может быть, – отвечает Холли, – но я сомневаюсь, что за этим стоит пожилой боулер. Тот, с кем я встречаюсь завтра, перенёс инсульт. Я просто надеялась, что кто-то из них покрывает молодого родственника или друга. Покрывает или помогает ему.

Честно говоря, Холли всё ещё на это надеется. Меньше чем через сутки ей придётся отчитаться перед клиенткой, и она хотела бы рассказать Пенни что-то конкретное. Но это не самое главное. Она *сама* хочет раскопать что-нибудь конкретное.

5

Пока Холли разговаривает с Джеромом, Барбара Робинсон сидит с Мари Дюшан в приёмной больницы Кинер Мемориал. Они ждут ответа, удалось ли врачам стабилизировать сердцебиение Оливии или нет. Они также ждут ответа – хотя никто из них не говорит об этом – жива ли ещё пожилая поэтесса.

Барбара звонит домой, отвечает её отец. Она говорит Джиму, что находится в больнице, ожидая новостей о старой подруге. *Очень* старой подруге по имени Оливия Кингсбери. Ситуация скверная, но есть и хорошие новости. Барбара просит отца позвонить Джерому, он всё объяснит, а пока что им с сиделкой Оливии могут в любую минуту сообщить о состоянии поэтессы.

– Ты в порядке, дорогая? – спрашивает Джим.

Ответ на этот вопрос – «нет», но Барбара говорит «да». Джим спрашивает, когда она будет дома. Барбара не знает, повторяет, что с ней всё в порядке и заканчивает разговор. Чтобы бы убить время, она проверяет голосовую почту. Есть сообщения от Холли, но Барбара пока что не хочет разговаривать со своей подругой. Она не хотела говорить даже с отцом. Она старается сосредоточить все мысли на том, чтобы Оливия осталась жива. Глупо, конечно, но кто знает? Гамлет был прав, «есть многое на свете», о чём большинство людей даже не подозревает. Кое-что Барбара видела собственными глазами.

От Холли также пришло СМС-сообщение, на которое Барбара кратко, двумя словами, отвечает как раз в тот момент, когда входит врач Оливии. Один взгляд на его лицо говорит Барбаре и Мари, что новости плохие.

Пока Барбара читает сообщение от Холли и отправляет краткий ответ, Эмили Харрис стоит у окна спальни и смотрит вниз на Ридж-Роуд. Когда входит Родди, она оборачивается, пересекает комнату (медленно, но уверенно, лишь слегка прихрамывая) и обнимает его.

– Похоже, кому-то стало лучше, – говорит Родди.

Эмили улыбается.

– Мало-помалу, дорогой мой. Мало-помалу. Та детективша не слишком приятная женщина, да? Со своей маской и наигранными вопросами.

– Не сказал бы.

– Нужно держать ухо востро. Мне кажется ты прав, и она расследует дела Дресслера и Даль порознь для разных клиентов, но я всё ещё не до конца уверена. И если она пришла к нам отчасти из-за Даль и умолчала об этом, значит, что-то подозревает.

Они вместе подходят к окну и смотрят на ночную улицу. Родни Харрис думает: *«Если то, что мы сделали – и до сих пор делаем – выйдет наружу, нас заклеят психами. В мгновение ока рухнет академическая репутация, создававшаяся десятилетиями».*

Эмили, более практичный член их союза, продолжает думать о Бонни Даль. Что-то беспокоит её, но она прогоняет это чувство.

– Что могла узнать Гибни? Не так много. Может быть, ничего. После Рождества Даль выполняла для меня кое-какую секретарскую работу, но недолго, и я платила наличными. По этой причине я попросила её никому не рассказывать. Напомнила, что это незаявленный доход.

– И ещё перед Рождеством, – говорит Родди. – В роли... ну, ты помнишь...

– В роли эльфа, да. Для вечеринки. Но мы наняли не меньше дюжины эльфов, всем уплачено наличными. И им было запрещено трепаться об этом в соцсетях.

Родди фыркает.

– Невозможно запретить ветру дуть.

Эм соглашается. Молодые люди постят в интернете всё, включая фотографии своих интимных мест, но она знает, что Бонни Даль никогда не рассказывала о подработке рождественским эльфом. Ни в «Фейсбуке», ни в «Инстаграме», ни в ленте «Твиттера». Эмили проверила.

– Она знала, что секретарская работа не за горами, и не хотела потерять её.

– Возможно, она рассказала своей матери.

Теперь фыркает Эм.

– Только не это. Она считала мать сукой, сующей нос не в своё дело, а её парень к тому времени уже смылся. Гибни не знает о наших отношениях – *недолгих* отношениях – с Даль. По крайней мере, не знала сегодня днём. Ты заметил, как она боялась прикоснуться к тебе? Какая ссыкуха! – Эмили смеётся, но тут же морщится и хватается за поясницу.

– Бедненькая моя, – говорит Родни. – Помазать тебе свеженьким кремом бо-бо?

Эмили одаривает его благодарной улыбкой.

– Было бы здорово. И Родди? Ты держишь под рукой Вещь №1?

– Да.

– Носи её. На всякий случай. Не забывай! – В последнее время он так много всего забывает.

– Не забуду. А у тебя есть Вещь №2?

– Да. – Эмили целует мужа. – А теперь помоги мне снять сорочку.

7

Билл Ходжес как-то сказал Холли, что дело похоже на яйцо.

Это случилось ближе к концу его жизни, он испытывал сильную боль и принимал уйму лекарств. Обычно он был практичным человеком – копом в первую очередь, в последнюю и вообще всегда, – но

находясь под кайфом от морфина, имел склонность говорить метафорами. Холли внимательно слушала, сидя у его постели. Она хотела впитать всё, чему он мог её научить. Всё до последней буквы.

– Большинство дел хрупкие, как скорлупа яйца. Почему? Потому что большинство преступников – дебилы. Когда доходит до мерзостей, даже умные становятся тупыми. Иначе они бы вообще не занимались мерзостями. Поэтому ты обращаешься с делом, как с яйцом. Разбиваешь его, взбиваешь, выливаешь на сковородку с маслом. И у тебя получается вкусный омлет.

Дело Холли начинает разбиваться в её номере «Дэйз-Инн», когда она стоит на коленях у кровати и читает молитву.

4 июля 2021

1

Шеф-повар в семье Харрисов – Родни, потому что Эмили продолжает страдать от сильной боли в седалищном нерве. Когда он попросил её оценить боль по десятибалльной шкале, она дала двенадцать. И она выглядит на эту оценку, с глубоко запавшими глазами и до блеска натянутой на скулах кожей. Родди просит её собраться с силами – прошлым вечером их нынешняя пленница съела всю печень и ни капли не выплюнула обратно. Обещает, что скоро Эмили станет легче.

Сегодня Шеф Харрис готовит свои фирменные бараньи отбивные в чесночном масле. В качестве гарнира – зелёная фасоль с кусочками бекона. Запах чудесный, и Родди уверен, что Даль чувствует его, поскольку дверь в подвал открыта, и он поставил вентилятор перед сковородкой, на которой жарятся отбивные.

Родди подходит к холодильнику и достаёт бутылку диетической пепси, аппетитную и холодную – последнюю покупку Бонни. Он спускается по лестнице, держась за перила и двигаясь с осторожностью. С бёдрами у Родди не так плохо, как у бедной Эм с ишиасом, но тоже не сахар. И у него уже не то чувство равновесия, что раньше. Родди считает, что причина, вероятно, в легкой атрофии среднего уха. Но скоро всё пройдёт.

Даль стоит у решётки клетки. Её светлые волосы слиплись и потеряли прежний блеск. Лицо измождённое и бледное.

– Где вы были? – хрипит она, будто здесь главная она, а он дворецкий. – Я торчала здесь весь день!

Родди это кажется каким-то бредом – где ещё она могла быть весь день? – но он улыбается.

– Я был довольно занят. Пишу ответ на глупую статью.

Он всегда пишет ответы на глупые статьи, но это как разговаривать со стенкой. Но что ещё можно сделать, кроме как упорно идти вперёд? Так или иначе, Родди сомневается, что Бонни Даль сейчас волнуют его

проблемы. Что вполне понятно. Одному богу известно, когда она в последний раз ела, за исключением сырой печени. Она голодна и умирает от жажды. Родди мог бы сказать, что скоро её трудности закончатся, но вряд ли это её утешит.

– Ужин почти готов. В этот раз не печень, а...

– Баранина, – договаривает Бонни. – Я чувствую запах, и он сводит меня с ума. Думаю, этого вы и хотите. Если собираетесь убить меня, то просто сделайте это и прекратите издеваться.

– Я не намерен мучить тебя. – Это правда. Такое Родди не интересно. Господи, она всего лишь «животное». – Смотри, что я принёс тебе. Смочи горло, утоли жажду, и я дам тебе что-то более приятное, чем сырая печень.

Чёрта с два он даст. Даль суждено умереть с чистой печенью и пустым желудком. Родди ставит бутылку пепси на пол и шваброй аккуратно проталкивает через проём внизу решётки. Бонни наклоняется, хватая бутылку и смотрит на неё жадными и недоверчивыми глазами.

– По-прежнему запечатана, как только что из магазина, – говорит Родди. – Посмотри сама. Я бы принёс тебе с сахаром – так сказать для бодрости, – но мы не держим дома газировку.

Бонни откручивает крышку, ломая пломбу, и пьёт. Она не замечает капельку клея, закрывающую отверстие от иглы, и выпивает залпом больше половины бутылки, прежде чем останавливается и смотрит на Родди.

– Какой-то не такой вкус.

– Допивай и я принесу тебе бараньи отбивные с зелёной фа...

Бонни швыряет бутылку в Родди сквозь прутья решётки и промахивается на считанные дюймы. Даже полупустая бутылка оставила бы такой же неприятный синяк, каким Бонни уже наградила профессора.

– Что там было? Что ты мне дал?

Родди не отвечает. Вчера она ничего не ела, кроме фунта сырой печени, а сегодня вообще ничего не пила. Несмотря на то, что большая доза валиума разбавлена в пепси, а не вводилась внутривенно, он

действует на Бонни быстро. После трёх минут отборной брани, её колени начинают подгибаться. Бонни держится за прутья, мышцы на её руках напряжены.

– Почему? – выдавливают она. – *Почему?*

– Потому что я люблю свою жену. – Родди замолкает, затем добавляет: – И, разумеется, себя. Я люблю себя. Приятных снов, Бонни.

Наконец, Бонни сползает вниз. Или так кажется. С этой девушкой лучше перебдеть; она молода, а он старый.

Не стоит спешить.

2

Наверху, в их спальне, Эмили лежит на боку, свернувшись калачиком, прижав одну ногу с воспалённым седалищным нервом к животу и вытянув вторую. Только такая поза приносит ей хоть какое-то облегчение.

– Она отключилась, – сообщает Родди.

– Ты уверен? Ты должен быть абсолютно уверен!

Родди достаёт из кармана шприц.

– Добавлю немного. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

– Но не испорти её! – Эмили тянется к нему. – Не испорти мясо! Не испорти печень! Она мне нужна, Родди! Она мне нужна!

– Я знаю, – отвечает он. – Крепись, любовь моя. Осталось недолго.

3

Спускаясь в подвал, Родди слышит густой храп. Он сомневается, что можно так храпеть и при этом притворяться. Тем не менее, следует соблюдать осторожность. Родди просовывает ручку швабры через заслонку и тычет ею в Бонни. Никакой реакции. Тычет ещё раз, чуть сильнее. По-прежнему нет реакции. Он наклоняется, держа шприц в одной руке, а другую просовывает через заслонку. Берёт Бонни за пальцы и

вытягивает её руку наружу. Она хватается его за запястье... но слабо. Затем её пальцы разжимаются.

«С этой не стоит рисковать» – рассуждает Родди, втыкая иглу в запястье. Он вводит только половину содержимого шприца. Затем ждёт.

Через пять минут Родди набирает код на двери клетки, с мыслями, что если Бонни сможет оказать сопротивление после двойной дозы успокоительного, то она Супергёрл. Родди не помешала бы помощь Эмили, стоящей рядом с оружием, но сейчас она не в состоянии даже спуститься по лестнице. Было бы неплохо установить подъёмник, но они никогда даже не обсуждали эту возможность. И как объяснить рабочим наличие клетки в дальнем конце подвала? Или щеподробилку?

Но проблем не возникло – Бонни Даль не Супергёрл, она в отрубле. Родди берёт её за руки и тащит по полу к маленькой двери рядом со стеной с инструментами. В соседней комнате пятидесятигалонный пластиковый пакет подсоединён к гибкому рукаву щеподробилки. Посреди комнаты стоит операционный стол. Здесь тоже есть инструменты, но лабораторные и хирургические.

Последняя часть этой операции – так сказать, операции перед операцией – самая сложная: положить бессознательную девушку на стол. Родди умудряется поднять сто сорок фунтов её веса, его спина трещит, а бёдра горят от боли. На какое-то ужасное мгновение ему кажется, что он сейчас её уронит. Но он вспоминает об Эм, лежащей в постели подтянув ногу, с выражением невыносимой боли на лице, и усилием воли взваливает Даль на стол. Она чуть не скатывается с другой стороны, что стало бы полным абсурдом. Родди хватается её одной рукой за волосы, а другой – за ногу и тянет назад. Она издаёт хриплый гор-танный стон, произнося что-то вроде «мама». Родди думает, как же часто под конец они зовут мать, даже если она дерьмовая. Так делал и пацан Стейнман. Хотя нужда в нём возникла только потому, что они с Эмили не догадывались, насколько Эллен Краслоу предана своим тупым веганским убеждениям.

Родди наклоняется, тяжело дыша, надеясь, что у него не случится сердечный приступ. *«Всё-таки нужно сделать лифт»*, – думает он. Но объяснить монтажникам лифтов наличие клетки для скота будет не проще, чем монтажникам подъёмников. Когда сердце немного успокаивается, Родди стягивает запястья и лодыжки Бонни хомутами. Затем расставляет подносы для её органов, берёт скальпель и начинает срезать с неё одежду.

27 июля 2021

1

В своих молитвах Холли дошла до момента, когда говорит Богу, что скучает по Биллу Ходжесу, и тут вселенная бросает ей ещё одну верёвку.

Она слышит рингтон своего телефона. Номер незнакомый и Холли почти сбрасывает звонок, ожидая, что это какой-нибудь парень из Индии, предлагающий ей продлить гарантию на машину или продающий невероятное лекарство от ковида, но в данный момент она ведёт дело – идёт *по следу*, – поэтому отвечает, готовая отключиться в ту же секунду, как ей в уши польётся словесный поток.

– Алло? Это Холли? Холли Гибни?

– Это я. Кто спрашивает?

– Рэнди. – И добавляет, будто сам в этом не уверен: – Рэнди Холстен. Ты спрашивала о Томе. И его девушке – Бонни.

– Точно.

– Помнишь, ты просила позвонить, если я что-нибудь вспомню?

Холли не думает, что Рэнди пьян, но подозревает, что он немного принял на грудь.

– Да, просила. И что же?

– Что именно?

«Терпение», – думает Холли.

– Ты что-нибудь вспомнил, Рэнди?

– Ага, но, наверное, ничего интересного. Помнишь, я был на той вечеринке? В канун Нового Года, и сильно напился...

– Так ты сказал.

– Так вот, я сидел в кухне, поближе к пиву. Зашла эта Бонни, и мы немного поболтали. Она была не совсем пьяна, но поддатая, выкруливалась зигзагами, если ты понимаешь о чём я. В основном болтал я – как всегда, когда под мухой, а она в основном слушала. Думаю, она пришла, чтобы скрыться от Тома, помнишь я говорит тебе об этом?

– Помню.

– Но она кое-что сказала. Я вспомнил об этом после нашего разговора в «Старбакс». Не собирался тебе звонить, но потом подумал: какого чёрта.

– Так о чём речь?

– Я спросил, чем она занималась во время рождественских каникул, и она ответила, что была эльфом. Я такой: «Что?» А она говорит: «Я была рождественским эльфом». Это имеет какое-то значение, нет?

Холли вспоминает фразу из «Империя наносит ответный удар».

– Всё значение имеет своё.

Рэнди гогочет.

– Йода! Ништяк! Ты крутая, Холли. Слушай, если когда-нибудь захочешь прошвырнуться, взять бургер и повтыкать киношку...

Холли благодарит его, обещает подумать над предложением, и отключается. Молитву она заканчивает на автомате.

Значит – эльф. Сказала, что была рождественским эльфом. Вероятно, это не столь важно, но как сказал бы Йода: интересно это быть может.

Возможно, Пенни знает, что имела в виду Бонни, но Холли не хочет разговаривать с ней, пока не придёт время. Теперь, когда она окончательно проснулась, ей хочется только покурить. Она одевается и спускается к автомату со льдом. По дороге у неё появляется одна идея. Закурив, Холли ищет в контактах Лейкишу Стоун и звонит ей.

– Если это очередная акция по сбору пожертвований для церкви...

– Вовсе нет. Киша, это Холли Гибни. Могу я у тебя кое-что спросить?

– Конечно, если это поможет найти Бонни. Ты ведь ещё не нашла её?

Холли, всё больше склоняющаяся к тому, что Бонни больше нет в живых, говорит:

– Пока нет. Она когда-нибудь рассказывала тебе о... наверное, это прозвучит безумно... о том, как она была рождественским эльфом?

Киша смеётся.

– Тут нет ничего безумного, подружка. Она *была* рождественским эльфом. Обычно эльфы одеваются как Санта, с бородой и в красных шапках. Но у Бонни были эльфийские туфельки, такие симпатичные, с загнутыми носками. Она купила их в «Гудвилле». Почему ты спрашиваешь об этом?

– Для торгового центра? Сезонная подработка?

– Нет, для рождественской вечеринки, которая из-за ковида проходила по «Зуму». Но эльфы – не знаю, сколько их было помимо Бонни, может, дюжина – обходили дома участников с канапешками и пивом. Или с шампанским. Это же преподаватели – они должны держать марку.

Холли чувствует теплоту, поднимающуюся по спине от копчика к затылку. Тут по-прежнему нет ничего многообещающего, но у Холли редко бывают подобные вспышки интуиции.

– Ты знаешь, кто устроил вечеринку?

– Те старые профессора на пенсии. Он занимался естественными науками, она – английским. Харрисы.

2

Холли закуривает ещё одну сигарету и бродит по парковке «Дейз Инн», слишком погружённая в собственные мысли, чтобы выбросить окурок предыдущей сигареты в мусорку. Она просто наступает на него и продолжает идти, опустив голову и нахмутив брови. Ей трудно уследить за своими догадками, и она вынуждена напоминать себе, что это *только* догадки. Билл говорил, что дело похоже на яйцо. Он также говорил о синдроме синего «Шевроле»: как только ты покупаешь синий «Шевроле», ты повсюду начинаешь замечать только их.

«*Догадка*, – продолжает Холли твердить себе, закуривая очередную сигарету. – *Не факт, а только догадка*». Достаточно правдоподобная.

Но.

Кэри Дресслер работал в «Победном Страйке»; Родди Харрис, он же Мелкошар, там играл. Мало того, Кэри порой играл в боулинг в команде Родди. Бонни Даль работала у Харрисов на Рождество, хотя – притормози-ка, женщина! – это всего лишь подработка на одну ночь. Что касается Эллен Краслоу...

Холли снова звонит Кише.

– Это опять я. Извини, что беспокою, если ты собиралась спать.

Киша смеётся.

– Только не я. Люблю почитать допоздна, когда в доме тихо. Что стряслось, малышка?

– Ты не знаешь, имела ли Бонни ещё какие-то дела с Харрисами? Я имею в виду, после вечеринки?

– Вообще-то, да. В начале этого года Бонни некоторое время работала у Миссис Профессор, писала благодарственные письма и приводила в порядок её контакты. Какая-то такая хрень. Также учила её обращаться с компьютером, хотя думала, что Миссис Профессор знакома с ним лучше, чем пыталась показать. – Киша медлит. – Бонни сказала, что, возможно, пожилая дама немного запала на неё. Почему ты спрашиваешь?

– Я просто пытаюсь отследить круг общения Бонни и чем она занималась с конца 2020 года до своего исчезновения, – отвечает Холли. Это лишь малая доля правды. – Могу я задать тебе ещё один вопрос, не о Бонни, а об упомянутой тобой девушке? Эллен Краслоу?

– Конечно.

– Ты сказала, что обычно вы общались с ней в «Колокольне», но разве ты не говорила, что она также работала в корпусе естественных наук?

– Да. Здание рядом с Союзом. Это важно?

– Скорее всего, нет. – Но может быть. У Родни Харриса по-прежнему мог сохраняться кабинет в корпусе естественных наук. Профессора колледжей никогда по-настоящему не уходят на пенсию, разве нет? Даже если сейчас кабинета нет, он мог быть во время исчезновения Эллен.

У Холли кончаются сигареты, но рядом с мотелем есть «Северн-Илевен». Она идёт туда по служебному проезду, когда у неё снова звонит телефон. Это Таня Робинсон. Холли здороваётся и садится на скамейку возле круглосуточного магазина. Скамейка влажная от росы, и у Холли намокают брюки. Раньше это расстроило бы её, поскольку запасных брюк у Холли нет. Сейчас она едва обращает на это внимание.

– Я хотела рассказать тебе о Барбаре, – говорит Таня.

Холли выпрямляется.

– С ней всё в порядке?

– В порядке. Она сообщила тебе новости? Думаю, сегодня она так замоталась, что ей не хватило времени.

Холли ненадолго замолкает, но раз Таня знает, то, вероятно, можно признаться.

– Рассказала не она, а Джером. Это замечательно. В поэтических кругах премия Пенли – довольно важное событие.

Таня смеётся.

– Теперь у меня двое писателей в семье! Просто не верится. Мой дедушка едва умел читать. А прадедушка Джима... ну, ты знаешь его историю.

Холли знает. Небезызвестный чикагский гангстер Элтон Робинсон, герой книги Джерома, которая скоро будет издана.

– Барбара встречалась с местной поэтессой, Оливией Кингсбери...

– Я её знаю, – говорит Холли. Она не объясняет Тане, что Кингсбери не просто местная поэтесса. – Джером сказал, она стала наставником Барбары.

– Уже несколько месяцев, а я только сегодня узнала. Думаю, она боялась рассказать, чтобы её не сочли подражателем Джерома – нелепость, конечно. Но такова Барбара. Так или иначе, они стали дружны, а сегодня мисс Кингсбери попала в больницу. Мерцательная аритмия. Ты знаешь, что это?

– Да. Очень жаль, но в её возрасте всё работает с перебоями. Оливии Кингсбери скоро будет сто лет.

– Они стабилизировали её состояние, но у бедной старушки в придачу рак. По словам Барбары, он у неё уже много лет, но сейчас распространился на лёгкие и мозг. Барбара сказала ещё что-то, но из-за её слёз я не разобрала.

– Мне очень жаль.

– Она попросила меня обзвонить всех её друзей. Поедет в дом мисс Кингсбери вместе с сиделкой этой пожилой дамы, которая так же разбита, как и Барби. Переночуют там и, думаю, завтра заберут мисс Кингсбери домой. Пожилая дама сказала, что не хочет умирать в больнице, и я её понимаю.

– Для Барбары это очень взрослый поступок, – говорит Холли.

– Она хорошая девочка. *Ответственная*. – Теперь у Тани навернулись слёзы. – Она планирует остаться там до конца недели, если понадобится. Барбара сказала, что мисс Кингсбери ясно дала понять: если аритмия повторится, она не хочет возвращаться в больницу.

– Понятно. – Холли вспоминает свою мать, скончавшуюся в больнице. В одиночестве. – Передай Барбаре, что я её люблю. И поздравь с выходом в финал премии Пенли.

– Обязательно, Холли, но не думаю, что сейчас её это волнует. Я предложила зайти в больницу, но Барбара отказалась. Думаю, они с Мари – так зовут сиделку – хотят побыть наедине с мисс Кингсбери. Кажется, у неё больше никого не осталось. Она всех пережила.

4

Посыл звонка Тани ясен: Барбара недоступна, ухаживает за своей подругой и наставницей, Оливией Кингсбери. Но вернувшись в номер с двумя пачками сигарет, засунутых в карманы брюк-карго, Холли всё равно набирает Барбару. И сразу попадает на голосовую почту. Холли

сообщает, что Таня всё ей рассказала, и если Барбаре что-нибудь понадобится, стоит только позвонить. И Холли жаль, что вслед за хорошими новостями пришли плохие.

– Я люблю тебя, – заканчивает Холли.

Она раздевается, чистит зубы пальцем с мотельным мылом (*фи-и*) и ложится на кровать. Лежит на спине, глядя в темноту. Разум никак не может отключиться, и Холли боится, что её ждёт бессонная ночь. Она вспоминает, что на дне её сумки завалялось несколько таблеток мелатонина, берёт одну и запивает водой. Затем проверяет сообщения в телефоне.

Этим вечером пришло только одно – от Барбары. Всего два слова. Холли садится на кровать и перечитывает их снова и снова. Тепло снова ползёт вверх по её спине. До этого Холли отправила Барбаре фотографию Кэри Дресслера в окружении команды по боулингу «Золотые Старички» с кратким сообщением: *«Ты помнишь его?»*

Судя по отметке времени, ответ Барбара отправила из больницы:
Кого именно?

5 июля 2021

1

– Думаю, сегодня ты сможешь мне помочь, – говорит Родди, входя в спальню.

Эмили выдавливает болезненную улыбку. Принесённый им гамбургер – полусырой, как она любит – всё ещё лежит на ночном столике. Эмили осилила лишь один кусочек.

– Кажется, сегодня я даже не смогу встать с постели. Какая уж тут помощь. Тебе придётся справиться самому. Эта боль... беспредельна.

Родди держит поднос, накрытый салфеткой. Теперь он поднимает её, показывая Эмили бокал с чем-то молочно-белым, похожим на топлёный жир, с красными прожилками. Рядом лежит ложка.

– Приберёг для тебя.

Это ложь. На самом деле, Родди совсем забыл об этом. Он отыскал запас в морозилке, когда рылся в поисках полуфабрикатов «Стафферс», которые любит готовить на обед. Он осторожно разогрел пудинг из нутряного сала в духовке. Микроволновки убивают большую часть питательных веществ, это всем известно. Неудивительно, что так много американцев не здоровы; микроволновки следовало бы запретить законом.

Эмили пожирает коктейль своими запавшими глазами. Она протягивает руку.

– Дай сюда! Ты должен был дать вчера, бессердечный ты человек!

– Вчера мне не нужна была твоя помощь. Сегодня – нужна. Часть внутрь, часть снаружи, Эм. Ты знаешь правило. Пополам.

Родди протягивает ей бокал и ложку. Питер Стейнман не был сильно упитанным ребёнком и то, что удалось из него выжать, – на вес золота. Его жена быстро приступает к еде – *ест в три горла*, думает Родди. По её подбородку сбегает струйка жира с тоненькими волосками сухожилий. Родди ловко перехватывает её и возвращает в рот

жены. Эмили обсасывает его палец, от чего в прежние времена макаронина в штанах Родди встала бы колом, но не сейчас, и ничего с этим не поделать. Виагра и другие препараты от эректильной дисфункции не просто вредны для мозга, они ускоряют работу хромосом. За каждый половой акт с помощью виагры вы теряете полгода жизни. Это доказанный факт, хотя фармацевтические компании, естественно, замалчивают его.

Родди выхватывает у Эмили бокал до того, как она успевает его опустошить. Чуть не роняет – вот была бы трагедия, – но хватает бокал прежде чем он успевает скатиться с кровати на пол и разбиться вдребезги.

– Повернись, я задёрну сорочку.

– Я могу сама. – Эмили задирает сорочку, обнажая морщинистые бёдра и тощие ягодицы. Родди начинает растирать остатки жира и сухожилий по её левой ягодице и внутренней стороне бедра, куда будто бьёт током этот мерзкий нерв. Эм тихо стонет.

– Лучше?

– Думаю... да, лучше. О, боже, вот так.

Родди выскабливает бокал до последней капли, продолжая размазывать и втирать в кожу. Вскоре блеск жира почти пропадает, успокаивая гадский воспалённый нерв, снова погружая его в сон.

«Нет, не в сон, – думает Родди, – а лишь в забытье. Настоящее облегчение наступит позже, с печенью девчонки. И пойдут нажористые супчики, рагу, филе и котлеты».

Под ногтями Родди притаились маленькие белые полумесяцы жира. Он дочиста облизывает пальцы, затем натягивает на Эмили сорочку.

– Теперь отдохни. Поспи, если сможешь. Готовься к сегодняшнему вечеру.

Родди целует её в покрытую испариной височную впадинку.

Незадолго до одиннадцати вечера, Бонни Даль просыпается обнажённой на столе в маленькой, ярко освещённой комнате. Её запястья и лодыжки связаны. За ней наблюдают Родди и Эмили Харрис. На обоих перчатки до локтя и длинные резиновые фартуки.

– Ку-ку, – произносит Родди. – Я тебя вижу.

В голове Бонни всё мутится. Она хотела бы верить, что видит сон, худший кошмар из всех, но знает, что это по-настоящему. Она поднимает голову, тяжёлую, как кирпич, но ей удаётся пересилить себя. Бонни видит, что они изрисовали её тело маркером. Рисунок похож на какую-то странную карту.

– Всё-таки будете насиловать меня? – У неё пересохло во рту. Слова вылетают с хрипом.

– Нет, дорогуша, – отвечает Эмили. Её волосы свисают пучками вокруг бледного со впалыми щеками лица, похожего на череп. Её глаза блестят. Губы искривлены от боли. – Мы собираемся съесть тебя.

Бонни начинает кричать.

28 июля 2021

1

За час до рассвета Эмили стоит у окна спальни, глядя на пустую Ридж-Роуд, освещённую лунным светом. У неё за спиной Родди спит с открытым ртом, громко храпя. Звук этот слегка раздражает Эмили, но она всё равно завидует его отдыху. Она проснулась в начале четвёртого, и этой ночью ей больше не удастся заснуть. Потому что она поняла, что не давало ей покоя.

Она должна была догадаться сразу, как только Гибни позвонила с этой нелепой историей о том, что Дресслера подозревают в автокраже. Всё так очевидно. Почему же она не сообразила? Сначала она подумала, не начинает ли терять рассудок, как Родди? (В этот предрассветный час она может признаться себе в этом.) Но знает, что этого не может быть. Её ум остёр, как всегда. Просто некоторые вещи настолько явны, настолько мать их *очевидны*, что ты их игнорируешь. Как уродливый шкаф в коридоре, к которому привыкаешь и просто проходишь мимо. Пока не ударишься об него ногой.

Или пока тебе не приснится одна чёрная веганская сучка.

«Я знала, – думает Эмили. – Ведь знала же. Я говорила ему, что отдельные расследования, связанные с двумя из похищенных нами людей – слишком большое совпадение. Он лишь пожал плечами. Сказал, что совпадения случаются. А я поверила».

Поверила! Господи, как же глупо!

Она ни разу не вспомнила – по крайней мере, тогда, – что Гибни под ником ЛоренБэколлПоклонник отправляла запросы всем Краслоу в «Твиттере». Возможно, Даль и Дресслер действительно совпадение. Но Даль, Дресслер и Краслоу?

Нет.

Эмили поворачивается спиной к окну и медленно направляется в ванную, придерживая рукой пульсирующую поясницу. Встав на цы-

почки (больно!) она дотягивается до верхней полки аптечного шкафчика и находит пыльную коричневую баночку без этикетки. Внутри лежат две зелёные таблетки. Это их с Родди последний спасательный круг – на крайний случай. Эм всё ещё надеется, что до этого не дойдёт. Она возвращается в спальню и смотрит на своего храпящего мужа. *«Он выглядит таким старым»*, – думает она.

Эмили ложится и кладёт маленькую коричневую баночку под подушку. Утром она расскажет мужу то, что знает, и что должна была рассказать раньше. А пока пусть старичок спит.

Эмили лежит на спине, уставившись в темноту.

2

Мелатонин подействовал. Холли просыпается, чувствуя себя другой женщиной. Она принимает душ и одевается, затем берёт свой телефон. Она ставила его в режим «НЕ БЕСПОКОИТЬ» и видит, что в два часа ночи звонил Пит Хантли. На голосовой почте сообщение, но не от него. С его телефона звонила дочь Пита.

– Привет, Холли, это Шона. Папа в больнице. У него рецидив. Проклятый ковид не отпускает его.

«Он сказал, что с каждым днём чувствует себя лучше, – думает Холли. – Как в песне „Чикаго“».

– Он пошёл выбрасывать мусор в мусоропровод. В коридоре потерял сознание. Его нашла миссис Лотроп и позвонила в 911. Я пробыла с ним всю ночь. Слава Богу, никакого сердечного приступа, ни чёртовой вентиляции лёгких. Кажется, сегодня утром ему полегчало, но я боюсь он пополнит ряды чёртовых постковидников. Врачи хотят провести несколько анализов, а затем отправить его домой. У них нет свободных мест. Эта поганая зараза повсюду. Лучше побереги себя... – На этом сообщение заканчивается.

Холли испытывает желание швырнуть телефон через всю комнату. Как сказала бы Шона Хантли, хреновый способ начать новый день.

Холли вспоминает, как Алтея Хэверти из боулинга говорила о выдуманном гриппе и смотрела на протянутый локоть Холли с лёгким пренебрежением. Сказала: «*Без обид, но я пас*». Холли не желает ей попасть в больницу, где ей нацепят кислородную маску на её упитанную физиономию, отрицающую ковид, но...

Хотя, пусть попадёт.

3

Холли едет за завтраком в «Бургер Кинг», надев чистые перчатки, чтобы расплатиться и забрать еду. Подкрепившись в номере, Холли выписывается, а затем отправляется в дом престарелых Роллинг-Хиллз. Она приезжает туда до начала приёмных часов, поэтому паркуется, открывает дверь и выкуривает сигарету. Затем пишет Барбаре, спрашивая, что та имела в виду под словами «кого именно?». Ответ не приходит, но Холли этого и не ожидала; на самом деле ответ ей не нужен. Должно быть, Барб узнала не только Кэри Дресслера, но и Родди Харриса. Холли очень любопытно, как Барбара познакомилась с профессором Харрисом. Одно она знает наверняка: мысль о том, что Барбара где-то пересекалась с Харрисами, заставляет её нервничать.

Холли гуглит профессора Харриса и получает о нём всевозможную информацию, включая фотографии в более молодом возрасте, с тёмными волосами и всего с несколькими морщинками. Холли гуглит профессора Эмили Харрис, и на неё вываливается такой же ворох информации, подтверждающей рассказ Киши. Бонни знала Эмили Харрис. Даже работала на неё.

Родни знал Кэри Дресслера. Не курил с ним травку, но играл в боулинг, когда «Золотым Старичкам» требовалась замена.

Родни *мог быть* знаком с Эллен Краслоу. Может, даже общался с ней. Они работали в одном здании, и по словам Киши Стоун, девушка не прочь была поболтать.

Холли снова пишет Барбаре, на этот раз более конкретно: *ты узнала Родни Харриса? Ты встречалась с ним? Я знаю, ты занята, но дай знать, когда сможешь.*

Холли смотрит на часы – уже девять утра, настало время посещения. Она не ожидает получить от Виктора Андерсона ничего нового (если вообще что-то получит) и, ясное дело, ничего не получит от дяди Генри, но раз уж она здесь, не стоит останавливаться. К десяти она освободится, навестит Пита, а потом поедет обратно в город. Заехать ли к Эрни Коггину? Холли считает, что не стоит.

Все указывает на Харрисов.

4

Холли подходит к стойке регистрации и называет имя постояльцев, которых хочет навестить. Женщина за стойкой, миссис Норман, проверяет что-то по компьютеру и делает короткий звонок. Она сообщает, что Генри Сируа сейчас омывают губкой и делают стрижку. Виктор Андерсон в столовой и, хотя он может общаться и осознаёт происходящее, его очень трудно понять. Если Холли угодно, она может подождать прихода жены Андерсона, которая прекрасно его понимает.

– Эвелин – просто золото, – замечает миссис Норман.

Холли соглашается подождать миссис Андерсон, потому что у неё появилась одна идея. Вероятно, бестолковая, но других у неё нет. Её партнёр в больнице, Джером в Нью-Йорке, а Барбара занята своей умирающей подругой. Даже в ином случае, Холли не попросила бы у неё помощи. Только не после Чета Ондовски.

Холли включает свой айпад и просматривает фотографии дома № 93 по Ридж-Роуд на «Зиллоу» (где дом оценивается в 1,7 миллиона долларов) и на «Гугл Стрит Вью». Сам до она уже видела, но ей хочется взглянуть на гараж. Тут её ждёт разочарование – подъездная дорожка уходит вниз и Холли видит только крышу. Увеличение снимка не помогает. Как жаль.

Входит стройная женщина – белые слаксы, белые полукроссовки, седые волосы с модной стрижкой «пикси» – и подходит к миссис Норман. Они разговаривают, и миссис Норман указывает в сторону Холли, которая встаёт, представляется и протягивает локоть. Миссис Андерсон – Эвелин – дотрагивается до него и спрашивает, чем может быть полезна.

– Я бы хотела задать вашему мужу несколько вопросов. Всего парочку, если его не затруднит. Я расследую исчезновение человека, который раньше работал в «Победном страйке», – Кэри Дресслера. Насколько я знаю, иногда мистер Андерсон играл с ним в боулинг. Миссис Норман сказала, что вы хорошо...

– Перевожу? – спрашивает с улыбкой миссис Андерсон. – Да, это я могу. Я никогда не видела мистера Дресслера, но знаю о нём. Вик говорил, что он был превосходным боулером, и отличным парнем. Называл его *менш*⁹¹. – Она понижает голос до шепота. – Кажется, иногда они выходили на задний двор покурить травку.

– Да, я слышала об этом, – шепчет в ответ Холли.

– Вы подозреваете... ох... *что-то нечистое?* – Эвелин продолжает улыбаться под маской.

Холли, которая именно это и подозревает, говорит, что просто пытается выяснить, куда пропал Дресслер.

– Что ж, давайте, – оживлённо говорит Эвелин Андерсон. – Я сомневаюсь, что мой муж сможет вам помочь, но сейчас он как никогда в здравом уме, и ему будет полезно увидеть новое лицо.

5

В залитой солнечным светом столовой сидят несколько пожилых людей; кто-то ест поздний завтрак сам, а кого-то кормят с ложки. По телевизору с большим экраном идёт сериал «Мэйберри», слышен закадровый смех. Виктор Андерсон сидит в инвалидном кресле спиной

⁹¹ Человек (здесь: «достойный, порядочный человек») (идиш).

к телевизору и смотрит на лужайку, где мужчина подстригает траву газонокосилкой. Холли видит, что Андерсон словно сочетает в себе двух разных человек. От плеч до талии он богатырского сложения, с широкими плечами и мощной грудью. Ниже – ноги-спички с босыми ступнями, покрытыми экземой. У Андерсона имеется респиратор, но висит у него на шее.

Эвелин произносит:

– Привет, красавчик. Принимаешь гостей?

Андерсон оглядывается и Холли видит, что половина его лица искажена сползающей вниз гримасой, обнажающей зубы с левой стороны. Правой стороной он пытается улыбнуться. Затем говорит:

– Пывет... млдёшь.

Эвелин взъерошивает его седые волосы и целует в щёку.

– Я привела тебе компанию. Эту даму зовут Холли Гибни. Она хочет задать тебе несколько вопросов о твоём увлечении боулингом. Ты не против?

Андерсон роняет подбородок на грудь, что можно истолковать как знак согласия, и бормочет что-то вопросительное.

– Он спрашивает, о чём вы хотите узнать.

– О Кэри Дресслере, – отвечает Холли. – Вы его помните?

Андерсон что-то говорит, жестикулируя узловатой правой рукой. Левая безвольно лежит на подлокотнике ладонью вверх.

– Он говорит, что слышит вас, он не глухой.

Холли краснеет.

– Извините.

– Ничего страшного. Я бы подтянула ему маску, но тогда тоже ничего не пойму. Он *прошёл* вакцинацию. Как и все здесь. – Миссис Андерсон понижает голос. – Пара медсестёр и один из помощников отказались, и их уволили.

Холли похлопывает себя по плечу.

– Я тоже.

– Вик, ты же помнишь мистера Дресслера? Ты называл его *менш*.

– *Меш*, – подтверждает Андерсон и снова выдаёт половинчатую улыбку. Холли думает, что не так уж давно он выглядел, как Ли Дж. Кобб в фильмах «12 разгневанных мужчин» и «В порту». Сильный и красивый.

– Извините, я на минутку, – говорит Эвелин и уходит. По телевизору тётушка Би говорит что-то смешное и раздаётся взрыв закадрового смеха.

Холли придвигает стул.

– Так вы помните Кэри, мистер Андерсон?

– Дэ.

– И вы также помните Родни Харриса?

– Одди! Мекошаэ! Ечно!

Возвращается Эвелин с маленьким флаконом «Кетафила».

– Он говорит, конечно. Но я не знаю, что такое «мекошаэ».

– Я знаю, – отвечает Холли. – Мелкошар, верно?

Андерсон ещё раз роняет подбородок на грудь.

– Мекошаэ, ошно!

На этот раз жена целует его в висок, затем опускается на колени и начинает втирать крем в шелушащиеся ступни. В этом проглядывается какая-то обыденная доброта, от которой Холли одновременно тепло на душе и хочется плакать.

– Вик, ответь на вопросы мисс Гибни, а потом уж мы устроим себе маленькое приятное свидание. Хочешь йогурт?

– Ошно!

– На самом деле, главное, что меня интересует, мистер Андерсон, это насколько близко профессор Харрис знал Кэри. Наверное, не очень, да?

Андерсон делает жевательное движение рабочей стороной лица, будто пытаясь расшевелить другую сторону. Затем отвечает. Холли удаётся уловить смысл нескольких слов, но Эвелин понимает всё.

– Он говорит, что Родди и Кэри были хорошими друзьями.

– Оошмии пратлями! – соглашается Андерсон, затем продолжает говорить. Эвелин слушает, втирая крем в его ступни. Она пару раз улыбается, разок громко смеётся, и смех этот Холли находит гораздо более естественным, чем закадровый по телевизору.

– Профессор не ходил курить с остальными, но иногда после игры угощал Кэри пивом. Вик говорит, что профессор побуждал Кэри рассказывать о себе, потому что...

– Остальным было не интересно, – заканчивает Холли; эту фразу она поняла сама. Она говорит, обращаясь к Вику: – Давайте всё подытожим, и вы сможете приступить к йогурту. Вы говорите, они были хорошими друзьями?

Андерсон отрывисто кивает.

– Дэ.

– Они вместе пили пиво в боулинге? В «Булару» или как там оно называется?

– Раом. «Эллис».

– Рядом, в «Нэллис», – говорит Эвелин, закрывая флакон. – Что-нибудь ещё, мисс Гибни? В последнее время он быстро утомляется.

– Холли. – Женщина, встающая на колени, чтобы натереть мазью ноги своего мужа, может в любое время называть её по имени. – Пожалуйста, зовите меня так. И, нет, на этом всё.

– Откуда у вас такой интерес к профессору Харрису? – спрашивает Эвелин... и слегка морщит нос. Маленький намёк, но Холли улавливает его.

– Вы его знали?

– Не совсем, но после окончания турнира у кого-нибудь дома всегда устраивали совместный ужин. Что-то вроде празднования, неважно, по случаю победы или поражения. У команды Вика в основном были поражения.

Андерсон издаёт хриплый смешок и кивает.

– В общем, когда подошла наша очередь, мы устроили барбекю на заднем дворе, а профессор в полном смысле взял гриль на себя. Сказал... дословно... что я готовлю бургеры совершенно неправильно.

Якобы убиваю в них все питательные элементы. Я отнеслась к его словам учтиво, позволила ему взять руководство в свои руки, но мне кажется, это довольно грубо с его стороны. Ещё...

– *Сые!* – вворачивает Андерсон. Его ухмылка одновременно ужасна и очаровательна. – *Оусые!*

– Всё верно, – говорит Эвелин. – Они были полусырые. Я свой не доела. Почему *вас* так интересует профессор Харрис? Я думала, вы расследуете исчезновение Кэри Дресслера.

Холли максимально правдиво изображает растерянность.

– Всё так, но мне кажется, если я опрошу побольше участников команды по боулингу, то отыщу нить, за которую можно ухватиться и идти дальше.

– Ууии, – произносит Андерсон. – Стана Ууии Кли!

– Старина Хью Клип, – рассеянно говорит Эвелин.

– Да, я поняла. Вик, у профессора Харриса был фургон?

Андерсон снова делает жевательное движение, обдумывая вопрос. Затем говорит:

– Убайу.

– Я не поняла, дорогой, – говорит Эвелин.

Но поняла Холли.

– Он говорит у профессора был «Субару».

6

У стойки регистрации Холли предупреждает миссис Норман, что сейчас вернётся повидаться со своим дядей, но ей нужно кое-что забрать в машине. Это ложь. На самом деле она хочет покурить. И ей нужно подумать.

Холли курит в своей привычной позе: дверь машины открыта, голова опущена, ноги стоят на асфальте. Накачивается никотином перед возвращением к дяде Генри, которого каким-то непостижимым образом миновал ковид, и который продолжает существовать в своём сумеречном мире непонимания. Или, может, непонимание тоже ушло.

У него всё ещё случаются краткие периоды осознания, но интервалы между ними становятся всё дольше и дольше. Его мозг, некогда столь ловко обращающийся с именами, цифрами и адресами – не говоря уж об утаивании денег от своей племянницы – теперь работает на своей волне, время от времени дающей сбой.

Холли рада, что пришла навестить Вика Андерсона. Отчасти потому, что ей было приятно наблюдать за столь тёплыми продолжающимися отношениями между женой и мужем. Но главное потому, что Родди Харрис предстал в новом интересном свете. Он ездит на «Субару», а не на фургоне для инвалидов – неудивительно, поскольку сам он явно не инвалид, – но в глазах Холли он всё больше и больше походит на человека, способного прикрывать «Хищника с Ред-Бэнк». Или оказывать ему содействие.

По словам профессора Харриса, они с Кэри Дресслером были просто знакомы. По словам Вика Андерсона, они вместе выпивали в баре по соседству. Хмель, по-видимому, не умалял представлений Харриса о правильном питании в отличие от марихуаны. Андерсон сказал, что Харрис побуждал Дресслера рассказывать о себе, «потому что всем остальным было не интересно».

Добрый престарелый профессор, проявляющий внимание к одинокому молодому человеку? Возможно, но почему Харрис солгал об этом? Холли обдумывает, мог ли Родни Харрис быть равнодушен к Дресслеру, как, по словам Киши, жена Харриса была равнодушна к Бонни. Но она отвергает эту мысль. Более вероятным кажется, что Харрис собирал информацию о Дресслере.

Харрис не в том возрасте, чтобы убивать людей, и мысль о том, что ему помогает жена, просто нелепа. Значит, если догадка Холли верна, *они* кого-то покрывают. Нужно выяснить, есть ли у них дети, но прямо сейчас она должна, стиснув зубы, повидаться с человеком-овощем, который по-прежнему остаётся её дядей Генри.

Но когда Холли поднимается, ей в голову приходит ещё кое-что. Холли недолюбливает «Фэйсбук» и заходит под своим именем, только

чтобы аккаунт не застаивался, но часто пользуется им под ником ЛоренБэколлПоклонник. Например, сейчас, просматривая страничку Пенни Даль. Давно пора было туда заглянуть; Холли не особо удивляется, увидев там своё имя. Её описывают как «известного местного сыщика Холли Гибни». Она ненавидит слово «сыщик», она – следователь. И Холли жалеет, что не предупредила Пенни не упоминать её имя, просто не подумала об этом.

Холли гадает, в курсе ли профессор Харрис, что она ведёт дело Бонни Даль? Другими словами, опережает ли он её на шаг?

– Если так, то я лоханулась, – говорит Холли и возвращается в Роллинг-Хиллз навестить дядю.

7

«Заходит как-то новоиспечённая миллионерша в дом престарелых», – думает Холли, символически стуча в приоткрытую дверь. Некоторые палаты в Роллинг-Хиллз одноместные; большинство – двухместные, чтобы избавить усердных медсестёр, санитаров и врачей от лишней беготни (и, несомненно, сократить расходы.) Также имеется четыре двухкомнатных люкса, один из которых занимает дядя Генри. Если мысль о том, как Генри Сируа, бухгалтер на пенсии, мог позволить себе такие дорогие апартаменты, когда-либо приходила Холли в голову (хотя она не помнит, приходила ли вообще), она, должно быть, считала его предусмотрительным человеком, отложившим деньги на приближающуюся старость.

Теперь-то она знает.

Генри сидит в гостиной, одетый в клетчатую рубашку и синие джинсы, мешком висящие на похудевшем теле. Волосы недавно подстрижены, а лицо гладкое после утреннего бритья. В лучах утреннего солнца на подбородке блестит слюна. На столе поблизости стоит какой-то протеиновый напиток с торчащей из стакана соломинкой. Санитар в коридоре спросил Холли, не желает ли она сама обслужить Генри; она ответила: с радостью. По телевизору идёт старое игровое

шоу с ведущим Алленом Ладденом, уже давно отошедшим в мир иной.

Оглядывая скудную, но добротную мебель, включая двуспальную кровать с больничными поручнями во второй комнате, Холли чувствует тупую и безнадежную злость, что очень на неё не похоже. Она была глубоко депрессивным подростком, до сих пор страдает от приступов депрессии, и может временами разозлиться, но отсутствие Святой надежды? Не в её стиле. По крайней мере, обычно. Однако сегодня, в этой комнате, иные обстоятельства.

«Исав променял своё будущее на миску чечевичной похлёбки, – думает Холли. – Я своё ни на что не меняла. Они украли его... или пытались. Вот почему я в ярости. И оба, кто это сделал, вывернулись из моих рук, хотя этот всё ещё дышит. Вот почему я в отчаянии. Так мне кажется».

– Как ты сегодня, дядя Генри? – спрашивает Холли, ставя рядом с ним стул. По телевизору участники шоу пытаются отгадать слово «унижение», но им не очень удаётся. Холли уж точно могла бы им помочь.

Генри поворачивает голову, и Холли слышит, как сухожилия в его шее скрипят, будто ржавые петли.

– Джейни, – произносит Генри, и снова обращается к телевизору.

– Нет, я Холли.

– Ты приведёшь собаку? Я слышу её лай.

– Вот, попробуй это.

Холли берёт протеиновый коктейль в пластиковом стаканчике с крышкой, который не разобьётся и не прольётся, если Генри случайно уронит его на пол. Не отрывая глаз от телевизора, он обхватывает соломинку морщинистыми губами и начинает пить. Холли читала о болезни Альцгеймера и знает, что некоторые навыки сохраняются. Мужчины и женщины, не способные вспомнить свои имена, по-прежнему могут ездить на велосипеде. Те, кто не могут найти дорогу домой, по-прежнему могут напевать мелодии из бродвейских постановок. Те, кто в детстве научились пить через соломинку, всё ещё могут так делать в

старческом возрасте, когда всё остальное забылось. Также они помнят определённые факты.

– Дядя Генри, кто был пятым президентом Соединённых Штатов? Ты помнишь?

– Джеймс Монро, – без колебаний произносит Генри, не отрывая взгляд от телевизора.

– А кто сейчас президент?

– Никсон. Щенок-Никси. – Он усмехается. Капли коктейля стекают у него по подбородку. Холли вытирает их, прежде чем они успевают испачкать рубашку.

– Дядя Генри, зачем ты так поступил? – Но это неправильный вопрос – не то чтобы Холли ожидала ответа; это вопрос из разряда риторических. – Я спрошу по-другому. Почему ты *позволил* ей так поступить?

– Эта собака когда-нибудь заткнётся?

Холли не может заткнуть собаку – если та когда-нибудь и существовала, то в далёком прошлом, – но она может вырубить телевизор. Для этого у неё есть пульт.

– Она не хотела, чтобы я преуспела, да? Не хотела, чтобы у меня была своя жизнь.

Дядя Генри поворачивается к Холли, разинув рот.

– Джейни?

– И ты позволил ей!

Генри вытирает рукой губы.

– Кому позволил? Сделать что? Джейни, почему ты кричишь?

– *Моей матери!* – кричит Холли. Иногда до Генри можно достучаться, если покричать, и прямо сейчас она хочет именно этого. Ей это нужно. – *Долбаной Шарлотте Гибни!*

– Шарли?

Какой смысл? Никакого. *Заходит как-то новоиспечённая миллионерша в бар и обнаруживает, что смысла нет.* Холли вытирает глаза рукавом.

Открывается дверь, и тот же самый санитар, что просил Холли помочь, заглядывает внутрь с осуждением во взгляде.

– Здесь всё в порядке?

– Да, – отвечает Холли. – Я повысила голос, чтобы он меня услышал. Вы же знаете, он немного глуховат.

Санитар закрывает дверь. Дядя Генри смотрит на Холли. Нет, *та-ращит*ся на неё с выражением глубокого недоумения на лице. Безмозглый старик в двухкомнатной палате, здесь он и останется, попивая протеиновые коктейли и пересматривая старые шоу, пока не сыграт в ящик. Холли будет приходить, потому что это её долг, и он будет называть её Джейни – потому что Джейни была его любимицей – до самой смерти.

– Она даже не оставила записку, – говорит Холли, но не дяде Генри. Он в прострации. – Не считала необходимым объясниться, не говоря о том, чтобы извиниться. Такой она была. Такой она всегда была.

– Джеймс Монро, – отвечает дядя Генри, – был президентом с 1817-го по 1825 год. Умер в 1831-ом. Четвёртого июля. Где это долбаное пойло? На вкус как дерьмо, но я весь иссохся, как коровья лепёшка.

Холли берёт стакан, и дядя Генри сжимает соломинку губами. Он пьёт, пока на донышке не начинает булькать. Когда Холли убирает стакан, соломинка остаётся у него во рту. Так он похож на клоуна. Холли вынимает соломинку и говорит, что ей пора идти. Ей стыдно за свою бессмысленную вспышку гнева. Она берёт пульт, собираясь включить телевизор, но Генри накрывает её руку своей, узловатой и покрытой коричневыми пятнами.

– Холли, – произносит он.

– Да, – удивлённо отвечает она, глядя ему в лицо. У него ясные глаза. Во всяком случае, настолько ясные, насколько это возможно в его нынешнем положении.

– Никто не мог перечить Шарли. Она всегда поступала по-своему.

«Только не я, – думает Холли. – Я сбежала. Благодаря Биллу и с грехом пополам, но мне удалось».

– Ты вышел из тумана только чтобы сказать мне *это*?

Нет ответа. Холли целует дядю и снова говорит, что ей пора идти.

– Позови человека, Джейни, – говорит Генри. – Который приходит. Скажи, что он мне нужен. Кажется, я описался.

8

Барбара сидит в гостиной Оливии, отвечает на сообщение Холли, когда Мари зовёт ей с лестницы.

– Думаю, тебе стоит подняться, милая. Она хочет видеть нас обоих. Кажется... кажется, она уходит.

Барбара отсылает сообщение незаконченным и бежит наверх. Оливия Кингсбери, выпускница колледжа Брин-Мар, поэтесса, чьё творчество охватывает почти восемь десятилетий, номинант Национальной книжной премии, дважды, по слухам, едва не ставшая соискателем Нобелевской премии, удостоенная чести появиться на первой полосе «Нью-Йорк Таймс» (во главе марша мира с транспарантом «США УБИРАЙТЕСЬ ИЗ ВЬЕТНАМА, **ЖИВО!**»), многолетний преподаватель колледжа искусства и наук Белла, наставник Барбары Робинсон – в самом деле уходит. Мари стоит по одну сторону кровати, Барбара – по другую. Каждая держит престарелую поэтессу за руку. Последних слов нет. Оливия смотрит на Мари. Смотрит на Барбару. Улыбается. Умирает. Мир слов умирает вместе с ней.

9

На обратном пути в город Холли останавливается на заправке «Вава». Залив бак, она отъезжает на дальний конец парковки и в своей обычной позе «чтобы-не-запачкать-салон» выкуривает сигарету. Затем она проверяет телефон и видит, что пришло сообщение от Барбары. Ранее Холли отправила ей «*Что ты имеешь в виду?*», дополнив

более конкретным запросом: «Ты узнала Родни Харриса? Ты виделась с ним? Я знаю, ты занята, но дай знать, когда сможешь».

Ответ: «Сначала пошла к Эмили Харрис, побоялась без приглашения идти к Оливии. Профессор Харрис мыл свою машину. Мы просто поздоровались. КСТ, я внесла Хорхе Кастро в „МапКвест“ Джея. Наверное, это не важ...»

На этом сообщение обрывается. Холли полагает, что Барбара отравила его незаконченным случайно, а затем переключилась на что-то ещё. У Холли самой так бывало. Она помнит, как Джером рассказывал ей об отметках исчезновений на распечатке из «МапКвест», но кто такой Хорхе Кастро?

Чтобы выяснить это, Холли звонит Барбаре. Её айфон на кофейном столике в гостиной Оливии Кингсбери издаёт негромкое жужжание, а затем замолкает. Холли собирается оставить сообщение, но передумывает. Она запирает машину и заходит в маленький ресторанчик при «Вава» (на самом деле обычная забегаловка), где есть бесплатный Wi-Fi. Холли покупает залежавшийся гамбургер в фольгированной упаковке, колу и садится за столик со своим айпадом. Она вводит имя Хорхе Кастро и получает целую кучу ссылок, в том числе на миллионера – торговца автозапчастями, и бейсболиста. Холли полагает, что нужный ей Кастро – писатель, и да, такой человек имеет отношение к колледжу на холме. Внизу странички Кастро на «Википедии» есть ссылка на статью коллежской газеты «Звонарь». Холли нажимает на ссылку, откусывая от гамбургера, но не чувствуя его вкуса – впрочем, почувствовать почти нечего. Wi-Fi здесь медленный, но в конце концов ссылка открывается. Холли видит большой заголовок и догадывается, что статья выходила на первой странице номера от 29 октября 2012 года.

ВНЕЗАПНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЗНАМЕНИТОГО НОВЕЛЛИСТА

автор: Кирк Элвэй

Отмеченный наградами драматург Хорхе Кастро, автор таких романов, как «Каталепсия» и «Забытый город», внезапно и неожиданно снялся со своей должности внештатного автора-преподавателя всемирно известного литературного семинара колледжа Белла. Он уже отработал в колледже два месяца своего четвёртого семестра и был очень любим студентами.

«Просто не представляю, что я буду без него делать», – сказала Бриттани Энглтон, только что продавшая свой первый фэнтези-роман (про оборотней!) издательству «Крофтерс Пресс». Она добавила, что он пообещал отредактировать её незавершённую работу. Джереми Брок сказал: «Он был лучшим преподавателем писательского мастерства из всех мне известных». Другие студенты отмечали его доброту и чувство юмора. С этим согласился один участник программы, пожалевший остаться анонимным, но добавил: «Если ваше произведение было плохим, он умел избавить его от страданий».

Фред Мартин, сожитель Кастро, сказал, что в последнее время у них случались некоторые разногласия по поводу совместного будущего, но добавил: «Мы не спорили. Я бы никогда это так не назвал. Мы слишком сильно любили и уважали друг друга, чтобы спорить. Это было обсуждение будущего, полный и откровенный обмен мнениями. Я хотел уйти в конце осеннего семестра. Хорхе хотел остаться до конца года, возможно, даже устроиться на факультет».

Однако, обмен мнениями, вероятно, сводился к спорам чаще, чем мистер Мартин готов признать. Источник в департаменте полиции сообщил «Звонарю», что Кастро оставил записку со словами: «Я дошёл до предела». Когда о записке спросили мистера Мартина, он сказал: «Это смешно! Если он так чувствовал, почему хотел остаться? И куда пропал? Я не слышал от него ничего подобного. Это я хотел уехать. Я очень устал от гомофобии Среднего Запада».

Во время весеннего семестра Кастро пытался спасти поэтический семинар, но в итоге потерпел неудачу. Один из преподавателей департамента английского языка, пожелавший остаться анонимным,

сказал: «Хорхе был очень красноречив, но принял окончательное решение с похвальным достоинством. Если бы он остался и влился в преподавательский состав, думаю, он бы вновь поднял этот вопрос. Он сказал, что известная поэтесса (и преподаватель факультета в отставке) Оливия Кингсбери поддерживала его, и с радостью обратилась бы к преподавательскому составу, если бы эта тема снова встала на повестку».

Мистера Мартина спросили, когда именно уехал Кастро, и он признался, что не знает, потому что к тому времени они жили порознь.

Дальше в статье есть фотография Хорхе Кастро в процессе преподавания и ещё одна, должно быть, взятая с задней обложки его книги. Холли он кажется довольно симпатичным. Не настолько, как Антонио Бандерас (её любимчик), но из той же породы.

Холли не верит, что только что прочитанная ею статья и близко подошла бы для публикации в газете большого города, даже учитывая отчаянное положение, в котором оказались печатные СМИ; в ней чувствуется некая студенческая издёвка и насмешка, что напоминает Холли об «Инсайд Вью» или «жёлтых» колонках «Нью-Йорк Пост». Но статья информативна. О, да. Знакомое тепло поднимается у Холли по спине. Не удивительно, что Барбара добавила Кастро на карту Джерома, думает она.

«Должно быть, о нём ей рассказала Оливия Кингсбери. И это вписывается в картину, разве нет? Даже записки. Кастро: «Я дошёл до предела». Бонни Даль: «С меня хватит». Если бы между двумя этими исчезновениями не прошло девять лет...»

Да, и если бы полиция не испытывала нехватку персонала из-за ковида; если бы они не боялись, что один из протестов «Жизни чёрных важны» может закончиться насилием; если бы нашлось хотя бы одно тело, помимо мопеда, велосипеда и скейтборда...

– Если бы у бабушки был член, она была бы дедушкой, – бормочет Холли.

Хорхе Кастро в 2012-ом, Кэри Дресслер в 2015-ом, Эллен Краслоу и Питер Стейнман в 2018-ом, Бонни Даль в 2021 году. Все исчезновения с разницей в три года, плюс-минус, кроме Эллен и Питера. Может, кто-то из них действительно сбежал, но возможно и то, что с кем-то из них что-то пошло не так? Не так, как задумывал «Хищник»? Но чего он вообще хотел? Серийные убийцы на сексуальной почве обычно выбирали либо мужчин (Гейси, Дамер), либо женщин (Банди, Рейдер и др.) «Хищник с Ред-Бэнк» хватал и тех и других... включая одного ребёнка мужского пола.

Почему?

Холли считает, что есть человек, способный дать ответ: профессор Родни Харрис, он же Мелкошар, он же Мистер Мясо. Прозвище вновь напоминает Холли о Джеффри Дамере,⁹² но это слишком невероятно, чтобы поверить.

Холли выбрасывает недоеденный бургер в мусорное ведро, берёт газировку и уходит.

10

Мысль приходит в голову Барбары, но Мари мгновенно соглашается. Конечно, если они смогут привлечь Розалин Беркхарт, заведующую кафедрой английского языка.

Обе женщины сидят в патио дома Оливии, пьют газировку и ждут приезда кареты похоронного бюро Кроссмана, которая заберёт бранные останки пожилой поэтессы. Никаких неясностей касательно похоронной церемонии нет – после последнего приступа мерцательной аритмии Оливия оставила Мари подробные инструкции, вплоть до музыки («Если я когда-нибудь покину этот мир живым», «Флоггин Молли» – в начале; «Душа в небесах» Нормана Гринбаума – в конце). Чего она не упомянула, так это поминальных чтений во дворе колледжа Белла. Эту идею предложила Барбара.

⁹² Серийный убийца и насильник, уличённый также и в каннибализме. Был прозван «Каннибалом из Милуоки».

Когда Розалин узнаёт о кончине Оливии, она ударяется в слёзы. На телефоне Мари включена громкая связь, и услышав это, они обе начинают плакать. Когда слёзы утихают, Барбара рассказывает профессору Беркхарт о своей идее, и заведующая кафедрой немедленно соглашается.

– Если проводить чтения под открытым небом, то можно собрать людей, – говорит она. – Можно даже отменить маски, если посетители согласятся держать дистанцию в шесть футов друг от друга. И мы прочитаем её стихи, я правильно понимаю?

– Да, – отвечает Мари. – У неё есть много авторских копий книг. Я принесу и можно будет их раздать.

– В это время года темнеть начинает примерно без четверти девять, – говорит Розалин. – Можно собраться во дворе, скажем, в... восемь?

Барбара и Мари переглядываются и хором отвечают «да».

– Я начну обзванивать людей, – говорит Розалин. – Вы сделаете то же самое, мисс Дюшан?

– Разумеется. Можем, конечно, повторяться, но ничего страшного.

Барбара говорит:

– Я поеду в похоронное бюро, когда Оливию заберут. Хочу побыть немного в их часовне, просто подумать. – Её снова осеняет. – Может, мне принести свечи? Можно будет зажечь их во время чтений.

– Замечательная идея, – соглашается Розалин. – Ты – та многообещающая поэтесса, о которой говорила Оливия? Это ведь ты, да?

– Вроде как я, – отвечает Барбара, – но сейчас я могу думать только о ней. Я очень сильно любила её.

– Как и все мы, – говорит Розалин, а затем смеётся сквозь слёзы. – Разве что за исключением Эмили Харрис. Присоединяйся к нам, когда сможешь, Барбара. Мой кабинет находится в Террел-Холле. Я полагаю, ты вакцинирована?

Барбара следует за катафалком в похоронное бюро. Она сидит в часовне, размышляя об Оливии. Она думает, что *именно так пронзают птицы небо на закате*, отчего её снова бросает в слёзы. Она

спрашивает о свечах мистера Грира, директора похоронного бюро. Он даёт ей две коробки. Барбара обещает, что на поминках Оливии они соберут деньги и расплатятся за свечи. Мистер Грир отвечает, что в этом нет необходимости. Барбара едет в кампус колледжа и присоединяется к Розалин с Мари. Подходят остальные люди, собираясь под открытым небом, где слышны слёзы, смех и истории. Звучат названия любимых стихотворений. Совершаются звонки, и приходит ещё больше равнодушных. Появляется вино в коробках. Произносятся тосты. Барбара ощущает почти неопиcуемый комфорт от общения с единомышленниками и мечтает быть одной из тех, для кого рассказы и стихи так же важны, как для иных акции и облигации. Потом она думает: *«Но я и так одна из них»*. Она думает: *«Спасибо Господу за тебя, Оливия»*.

Вечер идёт своим чередом. В гостиной Оливии Кингсбери на кофейном столике лежит забытый телефон Барбары.

11

В три часа дня Холли сидит в своём офисе, глядя на фотографию Билла Ходжеса. Ей жаль, что его сейчас нет рядом. Без поддержки – если только Холли не надумает позвонить Иззи Джеймс, чего она совершенно *не* хочет – она сама по себе.

Холли подходит к окну и смотрит на Фредерик-Стрит. Свои мысли всегда полезно высказывать вслух, что она и делает.

– Я не удивлена, что полиция не разобралась в происходящем. Занимаясь своим «ремеслом», этот человек вёл себя крайне умно.

«Почему бы нет?» – думает Холли.

– Почему бы нет? Если я права, то ему помогал крайне умный профессор биологии, подготавливая почву до и в некоторых случаях оставляя ложные следы после. Вероятно, ему также помогает жена, тоже умная. От тел каким-то образом избавились, а у жертв нет абсолютно ничего общего. Я понятия не имею, каковы мотивы «Хищника» или почему Харрисы помогают ему, но сам факт...

Холли замолкает, нахмурившись и подбирая дальнейшие слова (как говаривал Билл, порой *размышление – это знание*). Затем продолжает, говоря с окном. Говоря самой себе.

– Сам факт непохожести жертв на самом деле подчёркивает *метод*. Потому что в каждом случае... за исключением Стейнмана – я всё больше склоняюсь, что он стал случайной жертвой... *в каждом случае* на заднем плане маячат Харрисы. Родни играл в боулинг с Дресслером. Краслоу работала в том же здании, где у Родни есть или был кабинет. Бонни была одним из их рождественских эльфов. А теперь ещё Хорхе Кастро. Эмили Харрис была его коллегой на кафедре английского языка в колледже Белла. Думаю, Харрисы замешаны по уши. Используют ли они фургон для инвалидов? Изображает ли кто-то из них раненую перепёлку?

Холли ничего не может доказать, ни единой долбаной мелочи, но кое-что она *может* сделать. Это похоже на то, как если бы потенциальному свидетелю дали пачку фотографий на опознание, чтобы он выбрал злодея.

Она копается в айпаде, затем находит в заметках номер Имани Макгуайр и звонит ей. Представившись, Холли спрашивает, есть ли у Имани интернет на телефоне.

– Конечно, есть, – отвечает Имани, в её голосе звучит удивление.
– Разве он не у всех есть?

– Хорошо, зайдите на сайт колледжа Белла. Вы сможете?

– Подождите... включу громкую связь... так, зашла.

– В выпадающем меню выберите год.

– Ага. Который? Тут начинается с 1965-го.

Холли уже выбрала у себя на планшете.

– 2010.

– Хорошо. – В голосе Имми слышна заинтересованность. – Что дальше?

– Переходите на кафедру английского языка. Вам нужно будет посмотреть фотографии разных мужчин и женщин.

– Так, готово.

Холли кусает губы. Приближается момент истины.

– Вы видите женщину, которая прибиралась в трейлере Эллен?

Имани не заставляет Холли долго сидеть в напряжении.

– Чёрт возьми! Это она. Моложе, но я почти уверена.

В суде адвокат защиты разнёс бы это «почти» в пух и прах, но сейчас они не в суде.

– Здесь сказано, что её зовут Эмили Харрис.

– Да, – говорит Холли, пританцовывая перед окном, выходящим на Фредерик-Стрит. – Спасибо.

– Зачем профессору колледжа прибираться в трейлере Эл?

– Хороший вопрос, согласны?

12

В своём предварительном отчёте Холли излагает всё, что ей удалось выяснить, где-то собственными силами, а где-то вселенная бросила ей пару верёвок. Холли склонна думать (но не совсем в это верит), что в вопросах добра и зла действует некое провидение, слепое, но всеильное, как Фемида с весами в руке. Что в делах мужчин и женщин есть сила, выступающая на стороне слабых и невинных, и противостоящая злу. Возможно, для Бонни и остальных уже слишком поздно, но если убийства прекратятся – это победа.

Холли склонна думать о себе, как о хорошем человеке. Конечно, если не брать в расчёт курение.

Написание отчёта – занятие медленное, полное предположений, и к тому времени когда Холли заканчивает, уже наступает вечер. Она размышляет, кому бы его отправить. Точно не Пенни, тут нужна личная встреча, а не просто плохие новости – ужасные новости – отправленные по e-мейл, с высокопарными фразочками вроде «*Следователь Гибни установила*» или «*Согласно показаниям продавца „Джет Март“ Эрреры*». Обычно Холли отправляет копию своему партнёру по бизнесу, но Пит в больнице, и она не хочет забивать ему голову своим текущим делом... которое он с самого начал советовал ей не брать.

Только всё это херня.

Холли не хочет отправлять отчёт ни ему, ни кому-либо другому, по крайней мере, не сейчас. Холли прошла долгий путь от застенчивой интровертки, с которой Билл Ходжес познакомился много лет назад у похоронного бюро, но та женщина по-прежнему живёт внутри неё и будет жить. Та женщина боится совершить ошибку и всё ещё считает, что ошибается ничуть не реже, чем бывает права. Это значительный шаг вперёд, потому что та женщина *всегда* считала себя неправой, но неуверенность никуда не делась. И в шестьдесят, и в семьдесят – и в восемьдесят, если Холли протянет так долго, продолжая курить – она всё равно будет несколько раз в неделю спрыгивать по ночам с постели, проверяя, выключила ли плиту и заперла ли дверь, точно зная, что проверяла это перед сном. Если дело похоже на яйцо, то и она тоже. Яйцо с хрупкой скорлупой. Она всё ещё боится, что над ней будут смеяться. Всё ещё боится, что её назовут Буба-Буба. Это навсегда её ноша.

«Мне нужно увидеть фургон, если он существует. Тогда я буду уверена».

Да. Один взгляд на фургон, плюс Имми Макгуайр, опознавшая Эмили Харрис как женщину, подчистившую трейлер Эллен Краслоу – для спокойствия Холли этого будет достаточно. Тогда сегодня вечером, в девять, она сможет всё рассказать матери Бонни. Она предоставит Пенни выбор: либо продолжать расследование, либо они вдвоём обратятся к Изабелле Джейнс из городской полиции. Холли посоветует второе, потому что Иззи сможет вызвать Харрисов на допрос. Согласно «Википедии», они бездетны, но нельзя доверять всему, что есть в «Вики». Холли верит – нет, она это *знает* – эти старики *кого-то* покрывают.

Холли не обманывает себя насчёт безвредности Харрисов только потому, что им за восемьдесят; любой человек или животное будут биться до конца, если загнать их в угол, в любом возрасте. Но Родни Харрис больше не играет в боулинг из-за проблем с ногами, а по словам Имани, его жена страдает от ишиаса. Холли рассчитывает, что

справится с ними. Если будет достаточно осторожна. Конечно, они могут застать её шныряющей в их гараже и вызвать полицию... но решатся ли они, если инвалидный фургон, потенциальный источник ДНК-улик, стоит у них в гараже?

Холли понимает, что просидела за предварительным отчётом почти сорок пять минут, раз за разом прокручивая все варианты, как белка в колесе. Как сказал бы Билл: не хочешь срать, не мучай жопу. Холли сохраняет документ и никому его не отправляет. Пит найдёт его, если с ней что-нибудь случится – маловероятно, но возможно. Или Джером, когда вернётся из своего великого приключения.

Холли открывает стенной сейф и достаёт «Смит и Вессон» 38-го калибра. Модель «Виктори», принадлежавшая Биллу, а до него его отцу. Теперь это револьвер Холли. Когда Билл служил в полиции, его табельным оружием был автоматический «Глок», но он предпочитал «С. и В.». Потому что, как говорил он, револьвер никогда не заклинивает. В сейфе также лежит коробка с патронами. Холли заряжает оружие, оставляя в соответствии с указаниями Билла одно пустое гнездо на ход курка и защёлкивает барабан. Затем бросает револьвер в сумку.

В сейфе лежит ещё кое-что, оставшееся от Билла, чем её научил пользоваться Пит. Холли достаёт плоский футляр из кожи аллигатора размером девять на три дюйма с гладкой потёртой поверхностью. Кладёт его в сумку вместе с револьвером (помимо скромных косметических принадлежностей, гигиенической помады «ЧапСтик», салфеток «Клинекс», маленького фонарика, маленького баллончика перцового спрея, зажигалки «Бик» и невскрытой пачки сигарет).

Холли спрашивает Сири,⁹³ во сколько сядет солнце, и та – как всегда услужливая и всезнающая, даже рассказывает анекдоты – отвечает, что закат начнётся в 8:48 вечера. Холли не может ждать так долго, если хочет сделать хороший снимок заветного фургона, но считает, что сумерки – подходящее время для грязной работёнки. Вероятно, Харрисы будут в своей гостиной смотреть фильм или Олимпийские игры в

⁹³ Персональный помощник и вопросно-ответная система от компании Apple. Что-то вроде нашей Алисы.

Токио. Холли терпеть не может ждать, но раз уж приходится, решает пойти домой и скоротать время там.

По дороге из офиса она вспоминает телерекламу. Подростки убегают от парня, похожего на Кожаное лицо.⁹⁴ Один предлагает спрятаться на чердаке. Другой – в подвале. Третья говорит: «Почему нельзя просто сесть в заведённую машину?» – и указывает на неё. Её парень отвечает: «Ты с ума сошла? Давай спрячемся за бензопилами». Что они и делают. Диктор произносит нараспев: «В фильме ужасов вы принимаете неверные решения». Однако Холли не в фильме ужасов, и убеждает себя, что поступает правильно. У неё есть перцовый спрей, а если понадобится – револьвер Билла.

Где-то глубоко в подсознании она понимает, что нужно действовать осмотрительно... но она также понимает, что обязана *увидеть*.

13

Дома Холли готовит поесть, но аппетита нет. Она звонит Джерому, который сразу же отвечает, охваченный эйфорией.

– Угадай, где я нахожусь!

– На вершине «Эмпайр Стейт Билдинг»?

– Нет.

– На Таймс-Сквер?

– Нет.

– На пароме «Стейтен Айленд Ферри»?

Джером издаёт звук неправильного ответа из ТВ-игры.

– Я сдаюсь, Джером.

– В Центральном парке! Тут красотища! Тут можно бродить бесконечно и всё равно встречать что-то новенькое. Есть даже заросшая часть, похожая на Дебри в Дирфилд-Парке, только называется Буреломом.

– Смотри, чтобы тебя не ограбили.

– Не, это я и дома успею. – Джером смеётся.

⁹⁴ Маньяк-убийца из серии фильмов «Техасская резня бензопилой».

– У тебя радостный голос.

– Да. Этот день был просто отличным. Я рад за себя, я рад за Барбару, и мама с папой рады за нас обоих.

– Естественно, они рады, – говорит Холли. Она не собирается говорить Джерому, что друг и наставник Барбары умерла; не ей об этом сообщать, да и зачем его расстраивать? – Я тоже рада за тебя, Джером. Только не испорти всё, назвав меня Холлиберри.

– Даже не думал. Как продвигается дело?

В голове Холли мелькает мысль: *«Это мой шанс сесть в заведённую машину вместо того, чтобы прятаться за бензопилами»*. Но та часть её сознания, которая настаивает на проверке плиты, которая никак не забудет, что Холли оставила в автобусе книгу *«День, когда не умрёт ни одна свинья»*, шепчет: *«Не сейчас, ещё рано»*.

– Ну, – говорит Холли. – Возможно, Барбара обнаружила ещё одного пропавшего.

Холли рассказывает Джерому о Хорхе Кастро. После этого разговор переходит к его книге и связанным с нею надеждам. Поговорив ещё немного, Холли отпускает Джерома в его волшебное таинственное путешествие по Центральном парку. Она понимает, что так и не рассказала ему о внезапно свалившемся на неё богатстве. Ни ему, ни кому-либо ещё. По той же причине, по которой пока что нельзя рассказывать о предполагаемом существовании фургона у Харрисов. В обоих случаях, горшочек ещё недостаточно полон, чтобы черпать из него. Пока что.

14

Барбара и Мари привезли авторские экземпляры двенадцати книг Оливии, в том числе несколько толстых сборников стихов, но, как оказалось, они негодились. Большинство людей, собирающихся на площади в тени знаковой колокольни, приносят свои. Многие потрепаны, с загнутыми страницами. Одна книга перемотана резинками. Некоторые также несут фотографии Оливии в разные годы её жизни

(чаще других мелькает фото, на котором она и Хамфри Богарт стоят перед фонтаном Треви). Кто-то несёт цветы. На одном футболка, наверняка заготовленная специально для такого случая, с надписью «ОК ЖИВА».

Появляется закусовая на колёсах Фрэнки, и начинается оживлённая торговля безалкогольными напитками и хот-догами. Барбара не уверена, это идея Розалин или Фрэнки подсуетился сам. Она только знает, что Фрэнки – поклонник творчества Оливии. Её это не удивляет. Этим вечером Барбару ничто бы не удивило. Она никогда не чувствовала себя такой одновременно скорбной, радостной и гордой.

К половине седьмого во дворе собралось, должно быть, не меньше сотни человек и люди продолжают прибывать. Никто не дожидается, пока в сумерках зажгут свечи; молодой человек с ирокезом взбирается на стремянку и начинает декларировать через мегафон «Жеребёнка в пустоши». Вокруг собираются слушатели, жуют сосиски, пьют газировку, едят картошку фри и луковые кольца, пьют пиво и вино.

Мари приобнимает Барбару.

– Разве это не чудесно? Разве ей бы это не понравилось?

Барбара вспоминает первую встречу с пожилой поэтессой: Оливия хлопывает по своей безразмерной шубе, приговаривая: «*Псевдо, псевдо, псевдомех*». Она начинает плакать в объятиях Мари.

– Она была бы в восторге.

Парень с ирокезом уступает место девушке с татуировкой змеи на плече. Она поднимает мегафон и начинает читать «В молодости я была выше».

Барбара слушает. Она выпила немного вина, но голова её ясна как никогда. «*Никакой больше выпивки, – думает она. – Ты должна это помнить. Ты должна это помнить всю свою жизнь*». Когда девушка с татуировкой уступает место худощавому парню в очках, похожему на аспиранта, Барбара вспоминает, что оставила свой мобильник в доме

Оливии. Обычно она никуда не выходит без него, но сегодня он не нужен. Единственное, что ей нужно, это хот-дог и побольше горчицы. И поэзия. Барбара хочет насытиться ею.

15

Пока Барбара и Мари раздают экземпляры книг Оливии тем немногим, у кого их нет, Родди Харрис как обычно под вечер прогуливается по Дирфилд-Парку. Это полезно для его больных бёдер – они болят сильнее, чем ожидалось после нескольких недель употребления свежих продуктов, любезно предоставленных рождественским эльфом – но причина не только в этом. Родди неприятно признавать, но ему становится всё труднее и труднее улавливать суть вещей. Он, так сказать, упускает ход сюжета. Прогулки помогают. Мозг проветривается.

За последние недели Родди съел полдюжины десертов из мороженого, черники и мозги эльфийки, но сохранять здравость ума становится всё труднее и труднее. Это одновременно озадачивает и приводит в бешенство. Все исследования Родди подтверждают, что потребление пищи, богатой клетками человеческого мозга, немедленно и положительно сказывается на потребителе. Когда самцы шимпанзе крадут и убивают детёнышей у нерадивых самок, они первым делом съедают мозги. Для них причина неочевидна, но понятна исследователям: мозг приматов содержит жирные кислоты, имеющие ключевое значение для неврологического развития и здоровья. Жирные кислоты (а человеческий мозг на шестьдесят процентов состоит из жира) не вырабатываются организмом, поэтому в случае утраты – как у Родди – их необходимо восполнить. Что довольно просто, и в течение последних девяти лет это работало. Если говорить простыми словами – чего Родди никогда бы не осмелился сделать в монографии или на лекции – употребление в пищу здоровой ткани человеческого мозга, особенно молодого, излечивает болезнь Альцгеймера.

Во всяком случае, он в этом убеждён... но что, если он ошибается?

Нет, нет, *нет!*

Родди отказывается верить, что его многолетние исследования хоть на йоту ошибочны. Но, что если его организм выводит неврологические жиры быстрее, чем успевает их усваивать? Что, если он в буквальном смысле высирает свои мозги? Мысль, конечно, нелепая, и всё же он больше не может вспомнить свой почтовый индекс. Родди кажется, что у него девятый размер обуви, но он в этом не уверен; возможно, восьмой. Чтобы убедиться, ему приходится проверять стельку. На днях ему пришлось поднапрячься, чтобы вспомнить своё собственное второе имя!

По большей части ему удастся скрывать разрушение мозга. Эмили, конечно, замечает, но даже она не осознаёт всех масштабов. Слава богу, Родди больше не преподаёт, и слава богу, что у него есть Эмили, редактирующая и вычитывающая его письма в различные научные журналы, на которые он подписан.

Большую часть времени Родди по-прежнему неплохо соображает. Иногда он представляет себя пассажиром самолёта, парящим над землёй на малой высоте. Затем самолёт скрывается за облаками, и всё мутнеет. Вы держитесь за подлокотники и переживаете воздушные толчки. Когда вас о чём-то спрашивают, вы не отвечаете, а просто улыбаетесь с умным видом. Затем самолёт вылетает из облаков, картинка снова проясняется, и всё становится как на ладони!

Прогулки в парке успокаивают Родди; здесь ему не нужно беспокоиться о том, что он оговорится или что-то не то спросит, например, имя человека, знакомого последние тридцать лет. В парке ему не надо постоянно быть настороже. Тут он может перестать лезть из кожи вон. Иногда он наматывает несколько миль, пожёвывая мясные шарики из человеческого мяса, обжаренные во фритюре, которые держит в кармане, наслаждаясь их вкусом и хрустом (зубы у него по-прежнему свои, чем Родди чертовски горд).

Одна тропинка ведёт к другой, затем к третьей и четвёртой. Иногда Родди сидит на скамейке и наблюдает за птицами, название которых не в состоянии вспомнить... но, когда он один, вспоминать *больше*

не нужно. Потому что как птицу не назови, она так и останется птицей, в этом Шекспир прав.⁹⁵ Иногда Родди даже берёт напрокат одну из маленьких ярко раскрашенных педальных лодок, выстроившихся в ряд у причала паркового пруда, и катается по нему, наслаждаясь гладью воды и покоем, не беспокоясь о том, витает он в облаках или нет.

Однажды, конечно, случилось так, что Родди не мог вспомнить дорогу домой и номер дома. Однако он сумел вспомнить название улицы, и когда попросил смотрителя парка указать, в каком направлении Ридж-Роуд, тот объяснил, словно это в порядке вещей. Вероятно, так оно и было. Дирфилд – обширный парк, и в нём легко заблудиться.

Эмили переживает свои собственные трудности. После эльфийки с её бесценной жировой тканью, ишиас пошёл на попятную, но теперь он уже не покидает её до конца. Было время – после Кастро, после Дресслера, – когда Родди наблюдал в гостиной за её танго с невидимым партнёром. У них даже был секс, особенно после Кастро, но это в прошлом. Ни разу за... три года? Четыре? Когда *был* Кастро?

Несправедливо, что это так сказывается на Эмили, совершенно несправедливо. Человеческое мясо содержит макро- и микроэлементы, которых нет в таком изобилии ни в каком другом мясе. Ближе всего подобралось только семейство *suidae* – бородавочники, кабаны, обычные домашние свиньи. Мышечные ткани и костный мозг человека лечат артрит и ишиас; испанский врач Арнольд из Виллановы знал об этом ещё в тринадцатом веке. Папа Иннокентий VIII ел измельчённые в порошок мозги маленьких мальчиков и пил их кровь. В средневековой Англии мясо повешенных заключённых считалось деликатесом.

Но Эм угасает на глазах. Родди знает её так же хорошо, как она знает его, и он всё замечает.

Будто мысли Родди долетели до Эмили, на его телефоне играет «Копакабана» – её рингтон.

«Соберись, – думает Родди. – Соберись и держи хвост трубой».

– Привет, любовь моя. Как дела?

⁹⁵ Родди путает. В «Ромео и Джульетте» есть подходящая по смыслу цитата, но в ней говорится о розе, не птице: «Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет».

– У меня есть хорошая и плохая новости, – говорит Эмили. – С какой начать?

– Естественно, с хорошей. Ты же знаешь, я предпочитаю десерт вперёд овощей.

– Хорошая новость: та старая сука, что увела у меня протезе, наконец-то двинула кони.

Сейчас мозг Родди работает без перебоев, и на ответ у него уходит всего секунда.

– Ты говоришь об Оливии Кингсбери.

– О ком же ещё. – Эм отрывисто и невесело хихикает. – Можешь себе представить, какой она была бы жёсткой? Как пеммикан⁹⁶!

– Разумеется, в переносном смысле, – уточняет Родди. В этот раз он первым смекает, что они разговаривают по мобильному, и их могут прослушать.

– Конечно, конечно, – соглашается Эм. – Динь-дон, сучка мертва. Где ты, милый? В парке?

– Да. – Родди садится на скамейку. Вдалеке слышны крики детей на игровой площадке, но, судя по всему, их немного; время ужина.

– Когда ты вернёшься домой?

– О... скоро. Ты сказала, что есть и плохая новость.

– К сожалению. Помнишь женщину, которая расспрашивала про Дресслера?

– Да. – У Родди остались лишь смутные воспоминания.

– Думаю, она подозревает, что мы вовлечены в... ну, ты знаешь.

– Конечно. – Он понятия не имеет, о чём она говорит.

Самолёт входит в очередную полосу облаков.

– Нам нужно поговорить, потому что дело серьёзное. Возвращайся до темноты, хорошо? Я готовлю эльфийские сэндвичи. Побольше горчицы, как ты любишь.

– Звучит заманчиво. – Так и есть, но только формально. Раньше мысль о сэндвиче с тонко нарезанным человеческим мясом (таким

⁹⁶ Пищевой концентрат, в основе которого высушенное мясо. Применялся индейцами Северной Америки в военных походах и охотничьих экспедициях.

нежным!) вызвала бы у Родди зверский аппетит. – Проветрюсь ещё немного. Хочу нагулять аппетит.

– Хорошо, милый. Не забудь.

Родди кладёт телефон в карман и осматривается. Куда его занесло? Затем он видит статую Томаса Эдисона с лампочкой в руке, и понимает, что неподалеку пруд. Хорошо! Ему всегда нравилось любоваться прудом.

«Женщина, которая расспрашивала про Дресслера».

Так, теперь он вспоминает. Маленькая ссыкуха, боявшаяся снять свою маску. Любительница приветствий локтями. Чего им вообще опасаться её?

Благодаря ушным тампонам, пропитанным человеческим жиром – Родди втыкает их на ночь, – его слух так же хорош, как и зубы, и со стороны колледжа он слышит слабый звук человеческой речи, пропущенной через усилитель. Родди понятия не имеет, что там может происходить, так как колледж закрыт на лето, не говоря уже о паникёрстве, вызванном Новым Гриппом, как его называет Эмили, но, возможно, это как-то связано с тем чёрным парнем, убитым при сопротивлении полиции. В любом случае, Родди это не касается.

Родди Харрис, доктор биологических наук, известный диетолог, также известный как Мистер Мясо, идёт своей дорогой.

16

Дядя Генри говаривал, что Холли куда угодно всегда заявится раньше времени, и это правда. Холли просматривает половину выпуска вечерних новостей, где Дэвид Мьюир рассказывает о ковиде, ковиде и ещё раз о ковиде, а потом она не выдерживает. Выходит из квартиры и едет через город, а через лобовое стекло в глаза ей светит вечернее солнце, заставляя щуриться даже с опущенным козырьком. Холли проезжает кампус, слыша, что во дворе колледжа что-то происходит – она не может разобрать слов, доносящихся через колонки или мегафон – и предполагает, что это митинг ЖЧВ.

Холли проезжает по длинной извилистой улице мимо «викторианского ряда» с одной стороны и парка с другой, соблюдая скоростное ограничение в 25 миль в час и стараясь не притормаживать, минуя дом Харрисов. Хотя Холли внимательно его рассматривает. Никаких признаков жизни, что ни о чём не говорит. *Возможно*, Харрисы отправились поужинать, но, учитывая текущую ситуацию в стране – ковид, ковид и ещё раз ковид, – Холли в этом сомневается. Наверное, они смотрят телевизор или едят дома; может, и то, и другое сразу. Из-за проклятой наклонной подъездной дорожки Холли не видит, двухсекционный ли гараж, но ей видна крыша, которая кажется достаточно широкой для двух автомобилей.

Холли также бросает взгляд на соседний дом, перед фасадом которого вывеска «ПРОДАЁТСЯ», а лужайка нуждается в поливе. *«Агенту по недвижимости стоит позаботиться об этом»*, – думает Холли, и задаётся вопросом, не Джордж ли это Рафферти. На вывеске не написано. Неважно, её интересует не агент и не лужайка. Её внимание привлекает живая изгородь, идущая вдоль всей длины пустующего участка. До самого гаража Харрисов.

Холли спускается с холма и останавливается у обочины чуть выше детской площадки. Здесь есть парковка (та самая, откуда похитили Хорхе Кастро), и на ней хватает свободных мест, но Холли хочет покурить в ожидании заката, так, чтобы маленькие дети не видели, как она предаётся своей пагубной привычке. Холли открывает дверь, высовывает ноги и закуривает.

Двадцать минут восьмого. Холли достаёт телефон, раздумывая, не позвонить ли Изабелле Джейнс, и снова убирает его. Ей нужно узнать, стоит ли в гараже Харрисов фургон. Если нет, Холли скажет Пенни, что она против обращения в полицию – никаких доказательств, лишь несколько косвенных зацепок, которые Харрисы (или их адвокат) спишут на совпадения, – но, если есть хоть малый шанс, что Бонни ещё жива, Пенни непременно обратится к копам. Харрисы забьют тревогу и предупредят того, кого покрывают. Тогда этот человек, *«Хищник»*, наверняка исчезнет.

«Фургон. Если фургон там, дело будет на мази».

Большинство детишек уже покинули игровую площадку. Трое подростков, два мальчика и девочка, болтаются у карусели, мальчики толкают, девочка катается с поднятыми руками и развевающимися волосами. Холли предполагает, они тоже вскоре уйдут. Что бы ни происходило в колледже на холме, местным подросткам это не интересно.

Холли снова смотрит на часы: 7:30 вечера. Нельзя ждать слишком долго, если она хочет сделать хороший снимок фургона, но сейчас ещё достаточно светло. Холли решает подождать до без четверти восемь. Пусть тени ещё немного удлинятся. Это так тяжело; ожидание никогда не являлось сильной стороной Холли, и если она будет осторожна, то...

Нет. Погоди. Звучит голос Билла.

Подростки возле карусели собираются в кучку, и все вместе направляются в парк. Возможно, даже в Дебри. Или в «Кинотеатр на Скале». Холли зажигает ещё одну сигарету и курит, открыв дверь и поставив ноги на тротуар. Она курит медленно, но когда заканчивает, на часах только семь сорок. У Холли заканчивается терпение. Она тушит сигарету в переносной пепельнице (к этому времени забитой под завязку; Холли и правда стоит бросить... или хотя бы курить пореже) и ставит её на приборную панель. Достав кепку «Коламбус Клипперс», Холли натягивает её по самые брови. Запирает машину и направляется по тротуару к пустующему дому рядом с участком Харрисов.

17

На время к Родди возвращается ясность, и он думает: *«Что, если женщина, которая беспокоит Эм, знает о чёрной девке?»* Он не может вспомнить её имя – кажется, Эвелин, – но знает, что она была веганшей и доставила им проблемы. Вроде бы Эм что-то говорила о «Твиттере»? Кто-то искал её в «Твиттере»?

Оставив пруд позади, Родди не торопясь идёт по широкой гравийной дорожке, выходящей к детской площадке. Он садится на скамейку, давая отдых бёдрам перед подъёмом к дому, и не желая

наткнуться на подростков, играющих на карусели, предназначенной только для малышей.

На другой стороне улицы, примерно в сорока ярдах от парковки возле детской площадки, в машине с открытой водительской дверью сидит женщина и курит. Хотя она кажется смутно знакомой, тревожные звоночки, зазвучавшие вдруг в голове Родди, вполне ясные. Что-то с ней не так. Что-то очень не так.

Он всё ещё может сосредоточиться, когда это необходимо, и сейчас Родди прилагает все усилия. Женщина сидит, уперев локти в бёдра, опустив голову, периодически поднимая руку, чтобы затянуться своей раковой палочкой. Когда она заканчивает, то кладёт окурок в маленькую жестянку, похожую на коробку из-под конфет, и садится прямо. Родди она показалась знакомой, потому что на ней те же брюки-карго, в которых она была во время визита к ним в дом, или точно такие же. Но когда Родди видит её лицо – все сомнения развеиваются. Это та самая любительница локтевых приветствий, что расспрашивала о Кэри Дресслере. Женщина, расследующая дело Бонни Даль, хотя ни разу не упоминала об этом.

«Думаю, она подозревает», – говорила Эмили.

«Дело серьёзное», – говорила Эмили.

Родди полагает, что она права.

Он достаёт из кармана телефон и звонит домой. Женщина на другой стороне улице надевает кепку, низко надвинув козырёк для защиты от вечернего солнца (или чтобы скрыть глаза). Она запирает машину. Та мигает фарами. Женщина уходит. Родди слышит в телефоне один гудок... второй... третий.

– Давай, – шепчет Родди. – Давай, *ответь*.

Эмили отвечает.

– Если ты собираешься сказать, что *наконец* оголодал...

– Нет. – На другой стороне улицы любительница локтевых приветствий направляется вверх по склону. – Эта женщина идёт к тебе, Молли Гивенс или как там её. Не думаю, что она собирается задавать

вопросы, иначе не припарковалась бы так далеко. Думаю, она вынюхивает...

Но Эмили отключилась.

Родди сует телефон обратно в левый передний карман и похлопывает по правому, проверяя, на месте ли то, что ему нужно. Обычно он носит это с собой, когда гуляет один – порой в парке встречаются опасные люди. Предмет на месте. Родди поднимается со скамейки и переходит улицу. Женщина идёт быстро (особенно для курильщицы), и его больные бёдра не позволяют ему за ней угнаться, но всё ещё может закончиться удачно, если она не обернётся.

«Как много она знает? – спрашивает себя Родди. – Знает ли о девке-веганше, Эвелин или Элеонор, как там её звали?»

Если она знает о ней, как о Кэри и Даль, это... это...

– Это может плохо кончиться, – шепчет он.

18

Эмили спешит в кабинет на первом этаже. Ей больно, но она всё равно спешит, тихо постанывая и прижимая ладони к пояснице, будто пытаюсь удержать её на месте. Пик боли от ишиаса прошёл после того, как они на пару съели печень Даль – Родди отдал Эм львиную долю, и она проглотила её полусырой, – но боль не прошла полностью, как после Кастро и Дресслера. Эмили страшит будущая боль, если та вернётся в полную силу, но сейчас ей нужно разобраться с этой любознательной сучкой – не с Молли Гивенс, а с Холли Гибни.

«Как много она знает?»

Эм думает, что ей всё равно. Если добавить к уравнению Эллен Краслоу, она знает достаточно. Пусть Родни неправильно назвал её, но он прав в одном: вы не оставляете машину в четверти мили от дома, если пришли просто задавать вопросы. Вы паркуетесь за четверть мили, если собираетесь сунуть нос в чужие дела.

У Харрисов самая современная система сигнализации, охватывающая весь периметр дома и участка. Сигнал в полицию отправится

только через час после первого срабатывания. При её установке, грабителей и бандитов опасались в последнюю очередь, хотя вслух этого никто не говорил. Эм включает сигнализацию, устанавливая режим «ТОЛЬКО ДОМ», затем включает все десять камер видеонаблюдения, установленных Родди, в те счастливые времена, когда он мог справиться с такой работой. Камеры показывают кухню, гостиную, подвал (естественно), фасад дома, боковые стороны, заднюю часть и гараж.

Эмили садится и наблюдает. Она говорит себе, что они зашли слишком далеко, чтобы теперь отступать.

19

Холли оказывается возле пустого дома № 91 по Ридж-Роуд. Она бросает беглый взгляд по сторонам – людей вокруг нет. Недолго думая – ведь кто не рискует, не пьёт шампанское, – она сворачивает на засушенную лужайку и идёт вдоль левой стороны, не видной из дома Харрисов.

Дальше Холли пересекает выложенный плиткой внутренний дворик, направляясь к живой изгороди, отделяющей участок от соседнего, принадлежащего Харрисам. Она шагает быстро, без колебаний. Она у изгороди, и теперь вступает в дело хладнокровная версия Холли. Та, что бросала отвратительные фарфоровые статуэтки в камин в доме своей матери. Замедлив шаг, Холли двигается вдоль живой изгороди. Благодаря жаркому сухому лету и отсутствию какого-либо ухода за территорией, по крайней мере, после отъезда предыдущих владельцев, Холли удаётся найти несколько прорех в кустах. Наибольшая – вероятно, напротив кухни Харрисов, но Холли это не устраивает. Наименьшая по размеру – напротив гаража, и Холли собирается ей воспользоваться. Он колючек её защитят длинные рукава и брюки.

Холли наклоняется и смотрит сквозь изгородь на гараж. Угол обзора узкий, и она *по-прежнему* не может разглядеть, одноместный он или двухместный, но замечает кое-что интересное. В гараже только

одно окно, совершенно чёрное. Возможно, занавеска, но, как предполагает Холли, оно покрашено изнутри.

– Кто *так* делает? – шепчет Холли, но ответ кажется очевидным: тот, кому есть что скрывать.

Холли поворачивается спиной, прижимает сумку к груди и протискивается сквозь кусты. С обратной стороны она выползает, отделавшись несколькими царапинами на шее. Оглядывается по сторонам. Под карнизом гаража стоит пара пластиковых мусорных баков и контейнер для перерабатываемого мусора. Справа Холли видит подъездную дорожку, ведущую на улицу, и крышу проезжающей мимо машины.

Она подходит к единственному окну – да, оно покрашено матовой чёрной краской. Обойдя гараж, Холли находит то, что ожидала – заднюю дверь. Холли уверена, что дверь заперта – так и есть. Она достаёт из сумки и открывает футляр из кожи аллигатора. Внутри, разложенные в ряд, как хирургические инструменты, хранятся отмычки Билла Ходжеса. Холли осматривает замок – производитель «Йель». Она берёт крючкообразную отмычку и вставляет в верхнюю часть замочной скважины – очень осторожно, чтобы не задеть ни один из стопорных штифтов. Вторая отмычка идёт под первую. Холли поворачивает вторую отмычку вправо до упора. Затем ей удаётся поддеть верхний штифт крючкообразной отмычкой. Холли слышит, как он отжимается... следом второй штифт... потом...

А есть ли третий? Если да, то он не отжался. Замок старый, так что, возможно, его тут и нет. Медленно – верхние зубы Холли так сильно впились в нижнюю губу, что выступила кровь – она поворачивает крючкообразную отмычку и нажимает. Раздаётся отчётливый щелчок, на мгновение Холли боится, что выскочил один из штифтов, и придётся всё начинать сначала. Затем, под нажимом двух отмычек, дверь приоткрывается.

Холли выдыхает и кладёт отмычки обратно в футляр, который кидает в сумку, висящую у неё на шее. Затем выпрямляется и достаёт из кармана телефон.

«Будь там, – думает он. – Пожалуйста, будь там».

20

Эмили не может дождаться Родди; она предполагает, что его неустойчивый разум увёл его куда-то в другом направлении. От кухни в патио Харрисов ведут три бетонные ступени. Эмили садится на нижнюю, затем ложится. Бетонный выступ больно впивается ей в спину, но сейчас ей не до того. Она отставляет одну ногу в сторону и заводит одну руку за спину, надеясь, что со стороны та выглядит неуклюже вывернутой. Видит бог, это жутко неудобно. Похожа ли она на только что неудачно упавшую пожилую даму? Которой очень нужна помощь?

«Ещё как похожа, – думает Эмили. – Ох, ещё как».

21

Фургон внутри, и Холли даже не нужно проверять, оснащён ли он пандусом. Над задним бампером – номерной знак штата Висконсин с изображением инвалидного кресла, означающий, что данное транспортное средство предназначено для людей с ограниченными возможностями. Через заднюю дверь проникает тусклый свет, но его более чем достаточно. Холли поднимает свой айфон и делает три снимка. Она считает, одного номерного знака будет достаточно для возбуждения полицейского расследования.

Холли понимает, что пора уходить, *давно* пора, но ей этого мало. Она оглядывается через плечо – никого – и подходит к задней части фургона. Окна затонированы, но прижавшись лбом к одному из них и приставив ладони к лицу, ей удаётся заглянуть внутрь.

Она видит кресло-коляску.

«Вот как они это делают, – ликует Холли. – Вот как они заманивают своих жертв. Затем тот, с кем они работают – истинный злодей – выскакивает из фургона и делает всё остальное».

405

Ей и правда пора перестать испытывать судьбу. Холли делает ещё три снимка кресла-коляски, выходит из гаража и закрывает за собой дверь. Направляясь к живой изгороди, чтобы вернуться тем же путём, каким пришла, она вдруг слышит чей-то слабый голос:

– Помогите! Кто-нибудь помогите мне! Я упала, и мне ужасно больно!

Как же неубедительно, думает Холли. Даже близко. Потому что крик раздаётся слишком уж кстати. Но в основном потому, что её собственная мать разыгрывала ту же «*о, как мне больно*» карту, желая, чтобы Холли осталась с ней... или ушла с таким чувством вины, что вынуждена будет вернуться домой пораньше. Долгое время это срабатывало. «*А когда перестало срабатывать, – думает Холли, – они с дядей Генри обвели меня вокруг пальца*».

– На помощь! Прошу, кто-нибудь!

Холли почти протискивается обратно через кусты, оставляя женщину – наверняка Эмили Харрис – разыгрывать спектакль одного актёра, затем передумывает. Подойдя к концу гаража, она заглядывает за угол. Женщина растянулась на ступеньках, одна нога торчит в сторону, рука вывернута за спину. Её домашнее платье задрано до бёдер. Она худая, бледная и немощная, и безусловно выглядит так, будто ей больно. Холли решает устроить собственное маленькое представление. «*Сыграем в Бетт Дэвис и Джоан Кроуфорд из фильма „Что случилось с Бэби Джейн?“ – думает Холли. – И если явится её муж, так будет даже лучше*».

– Бог мой! – восклицает Холли, приближаясь к упавшей женщине.
– Что случилось?

– Я поскользнулась, – говорит та. Дрожь в её голосе – великолепна, но, на взгляд Холли, последовавшие всхлипы боли – на уровне театрального кружка.

– Прошу вас, помогите мне. Вы можете выправить мою ногу? Не думаю, что она сломана, но...

– Наверное, вам потребуется кресло-коляска, – сочувственно говорит Холли. – Если не ошибаюсь, она в вашем фургоне?

При этих словах глаза Харрис едва заметно вспыхивают, затем она издаёт стон. Холли думает, что это не совсем притворство. Да, этой женщине больно, но в придачу она в отчаянии.

Холли наклоняется, держа одну руку в сумке. Ещё не сжимает револьвер Билла, но касается его короткого ствола.

– Сколько их было, профессор Харрис? Я точно знаю о четверых, и думаю, можно добавить еще одного, писателя. И *для кого* вы их заманивали? Это интересует меня в первую очередь...

Эмили вынимает руку из-за спины. В ней зажат «Вайпертек ВИ-Ти-Эс-989», известный в семье Харрисов как «Вещь №1». Он выдаёт напряжение в 300 вольт, но Холли не даёт ей шанса воспользоваться шокером. С той самой секунды, как Холли увидела Эмили Харрис, так искусно распластавшуюся на ступеньках патио, она не выпускала из вида заведённую за спину руку женщины. Холли выуживает револьвер Билла из сумки за дуло и одним плавным движением ударяет рукояткой по запястью Эмили. Вещь №1, так и не выстрелив, с лязгом скачет по декоративным кирпичам.

– *Ай!* – взвизгивает Эмили. И вопль этот совершенно натуральный.

– *Сука, ты сломала мне запястье!*

– Шокеры запрещены в этом штате, – говорит Холли, наклоняясь поднять его, – но, я думаю, это будет наименьшей из твоих проблем, когда...

Холли замечает, как взгляд женщины, перемещается куда-то в сторону, но слишком поздно. Электроды «Вайпертек» достаточно острые, чтобы пробить три слоя одежды, даже если сверху – зимняя куртка, а на Холли нет ничего, кроме хлопчатобумажной рубашки. Электроды Вещи №2 без проблем пробивают и её и застёжку лифчика. Холли вскакивает на цыпочки, вскидывая руки, как футбольный судья, отмечающий хороший удар, затем падает на кирпичи.

– Слава богу, подросла кавалерия, – говорит Эмили. – Помоги мне подняться. Эта назойливая сука сломала мне запястье.

Родди поднимает жену и, глядя на Холли сверху вниз, Эм смеётся. Всего лишь дряблый смешок, но от души.

– На секунду я даже забыла о своей спине. Нужно сделать компресс и, пожалуй, я не откажусь от твоего особого отвара. Она мертва? Пожалуйста, скажи, что жива. Нужно выяснить, как много она знает, и рассказала ли кому-нибудь ещё.

Родди опускается на колени и прикладывает пальцы к шее Холли.

– Пульс нитевидный, но есть. Очнётся через час-два.

– Нет, не очнётся, – говорит Эмили, – потому что ты сделаешь ей укол. И не валиума, а кетамина. – Она кладёт здоровую руку на поясницу и потягивается. – Кажется, моей спине лучше. Стоило попробовать ступенчатую терапию раньше. Выясним всё, что нам требуется, затем убьём её.

– Возможно, это конец, – говорит Родди. У него трясутся губы, а глаза влажные. – Слава богу, у нас есть таблетки...

Да, есть. Эмили взяла их с собой. На всякий случай.

– Может так, а может и нет. Не падай духом, любовь моя. Не падай духом. В любом случае, дни её вынюхиваний сочтены. – Эмили с силой пинает Холли по рёбрам. – Вот что бывает, когда съёшь нос куда не следует, сука. Принеси одеяло, Родди. Придётся тащить её волоком. Если она сломает ногу при падении с лестницы в подвал – очень жаль. Но долго страдать ей не придётся.

22

В девять вечера Пенни Даль сидит на крыльце своего аккуратного маленького кейп-кодского дома в пригороде Апривера, примерно в двенадцати милях к северу от центра города. Ещё один жаркий день подходит к концу, но сейчас становится прохладнее, и находиться на улице приятно. Над лужайкой несколько светлячков – не так много, как в детстве Пенни – выписывают случайные узоры в воздухе. У неё на коленях лежит мобильник. Пенни в любой момент ожидает обещанного звонка от её следователя.

К девяти пятнадцати Холли всё ещё не позвонила, и Пенни чувствует раздражение. Когда звонка нет к половине десятого, Пенни закипает. Она платит этой женщине – больше, чем может себе позволить. Её бывший муж, Герберт, согласился платить в складчину, что облегчает бремя, но деньги есть деньги, а уговор есть уговор.

В девять сорок Пенни набирает номер Холли и попадает на голосовую почту. Записанный голос коротко и по существу сообщает: «Вы позвонили Холли Гибни. Я не могу сейчас ответить. Пожалуйста, оставьте краткое сообщение и номер телефона».

– Это Пенни. В девять часов ты обещала сообщить мне новости. *Немедленно* перезвони.

Пенни заканчивает звонок и наблюдает за светлячками. Она всегда была запальчивой – и Герберт Даль, и Бонни подтвердили бы это – и к десяти часам у неё внутри не просто всё кипит, а уже готово взорваться. Она снова звонит Холли, ждёт гудка, затем говорит:

– Я собираюсь подождать до половины одиннадцатого, потом пойду спать, а ты считай себя отстранённой. – Но это нейтральное слово не до конца отражает её гнев. – *Уволенной*. – Пенни с силой тычет на кнопку отбоя, будто *это* поможет.

Часы показывают десять тридцать. Затем четверть двенадцатого. Пенни ощущает, как её кожа покрывается влагой от росы. Она звонит ещё раз и натывается на ту же голосовую почту.

– Это Пенни, твой работодатель. *Бывший* работодатель. Ты уволена. – Она собирается дать отбой, но вспоминает: – И я хочу вернуть свои деньги! Ты бесполезна!

Пенни заходит в дом, швыряет телефон на диван в гостиной и идёт в ванную чистить зубы. Видит своё отражение в зеркале – слишком худая, слишком бледная, выглядит на десять лет старше. Нет, даже на пятнадцать. Её дочь пропала, возможно, мертва, а её «замечательный» следователь, вероятно, напивается в баре.

Она плачет, скидывая одежду и ложась в постель. Нет, не напивается в баре. Кто-то, может, и напивается, но не эта малахольная баба с её маской и ах-каким-актуальным локтевым приветствием. Скорее

всего, она сидит дома с выключенным телефоном и пялится в телевизор.

– Совсем забыла обо мне, – говорит Пенни в темноту. Она никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой. – Тупая сука. Да и хер с тобой.

Пенни закрывает глаза.

29 июля 2021

1

Той ночью Холли видит странный сон. Она в клетке из перекрещивающихся прутьев, образующих множество квадратов. На неё смотрит старик, сидящий на кухонном стуле. Ей трудно его разглядеть, потому что у неё постоянно двоится в глазах, но кажется, что он весь в рисунках пожарных машин.

– Знаешь ли ты, – говорит он, – что в человеческой печени содержится 2600 калорий? Некоторые в жирах, но почти всё остальное – чистый белок. Это невероятный орган...

Пожарный продолжает свою лекцию – твердит что-то о бёдрах, – но Холли не хочет его слушать. Это ужасный сон, хуже снов о её матери, и она испытывает сильнейшую головную боль в своей жизни.

Холли закрывает глаза и снова погружается в темноту.

2

Пенни так взбешена, что не может спать. Она ворочается в кровати, пока не скатывает постельное бельё в комок. Но к трём часам ночи её гнев на Холли сменяется гложущим беспокойством. Её дочь пропала, будто провалилась в чёрную дыру. Что, если то же самое случилось с Холли?

В пылу гнева Пенни назвала Холли бесполезной, но она такой не казалась. Напротив, она производила впечатление очень компетентной и это подтверждал её послужной список – Пенни навела справки. С другой стороны, даже компетентные люди совершают ошибки. Наступают в одну из этих чёрных дыр и, бах – их ждёт падение.

Пенни поднимается, берёт свой телефон и вновь набирает Холли. Снова срабатывает голосовая почта. Она вспоминает, как росла её тревога, когда она пыталась дозвониться до Бонни и натыкалась на автоответчик. Она пытается убедить себя, что это не то же самое, всему

есть разумное объяснение. Прошло всего шесть часов с момента назначенной встречи, но в три часа ночи в уголках её разума появляются неприятные тени, и некоторые из них с зубами. Жаль, что помимо номера, указанного на сайте агентства, у Пенни нет личного номера партнёра Холли. Только личный номер самой Холли и номер офиса «Найдём и сохраним». Значит, ей не повезло, да? К тому же, кто оставляет телефон включенным в столь неурочный час?

«Многие люди, – думает Пенни. – Родители подростков... работающие в ночную смену... может, даже частные следователи».

У Пенни появляется одна мысль, и она заходит на сайт «Найдём и сохраним». Там указаны имя партнёра и телефонный номер его офиса, а также список услуг и часы работы: с 9 утра до 16 вечера, как в банке Пенни. Внизу страницы сказано, что *в нерабочее время звонить нужно по номеру 225 521 6283*, а ниже красным: *Если вы чувствуете, что вам угрожает непосредственная опасность, звоните 911 ПРЯМО СЕЙЧАС.*

Пенни не решается звонить 911; там посмеются над ней. Если, конечно, кто-нибудь вообще ответит. Но номер для внеурочных звонков – почти наверняка справочная. Пенни набирает его. У ответившей женщины сонный голос и прерывистый кашель. «Кто-то работает на дому, даже во время болезни», – думает Пенни.

– Справочная служба «Брэйден», с кем вы хотите связаться?

– С «Найдём и сохраним». Меня зовут Пенни Даль. Мне нужно поговорить с одним из партнёров. Его зовут Питер Хантли. Это может быть срочно. – Подумав, Пенни добавляет: – То есть, это и есть срочно.

– Мэм, мы не можем выдавать личные номера...

– Но они у вас есть, да? На случай чрезвычайных ситуаций?

Женщина из справочной службы не отвечает. Если не считать кашель ответом.

– Я звонила Холли Гибни, второму партнёру. Звоню без конца. Она не отвечает. Её личный номер 440 771 8281. Можете проверить. Но у меня нет его номера. Мне нужна ваша помощь. Пожалуйста.

Женщина из справочной кашляет. Слышен шелест страниц. «*Проверяет должностные инструкции*», – думает Пенни. Затем женщина говорит:

– Я передам ему ваш номер. Вернее, оставлю на голосовой почте. Сейчас полчетвёртого ночи.

– Я знаю. Передайте ему, чтобы позвонил Пенelope Даль. Пенни. Мой номер...

– Он высветился у меня на экране. – Женщина снова кашляет.

– Спасибо. Огромное спасибо. И, мэм, поберегите себя.

Через двадцать минут, не дождавшись звонка Хантли (по правде говоря, Пенни не очень-то и надеялась), она возвращается в постель, положив телефон рядом с собой. И засыпает. Ей снится возвращение дочери. Пенни заключает её в объятия и клянётся никогда больше не вмешиваться в её жизнь. Её телефон так и молчит.

3

Холли не приходит в сознание, а выплывает из небытия и погружается в мир боли. Она лишь однажды в жизни испытывала похмелье – неудачно проведённая новогодняя ночь, о которой она не любит вспоминать, – но по сравнению с этим оно кажется пустяковым. Её мозг словно кровавая губка в костяной коробке. Пятая точка пульсирует. Будто стая ос-убийц вонзила свои ядовитые жала ей в спину и затылок. Рёбра с правой стороны болят так сильно, что трудно вздохнуть. Глаза закрыты; Холли осторожно ощупывает их. От этого боль усиливается, но глаза, похоже, целы.

Холли открывает глаза, пытаюсь понять, где находится, и её голову пронзает острая боль, несмотря на то, что свет в подвале Харрисов приглушён. Холли задирает рубашку с правого бока. От этого осиные укусы взрываются болью, и ещё одна вспышка боли пронзает её голову, но Холли отчётливо видит – лучше, чем ей хотелось бы – огромный синяк, почти весь фиолетовый, с чёрным пятном сразу под лифчиком.

«Она пнула меня. Когда я отрубилась, эта сука пнула меня».

Следующая мысль: *«Какая сука?»*

«Эмили Харрис – вот какая сука».

Холли в клетке. Перекрещивающиеся прутья образуют квадраты. За ними подвал с цементным полом и большим стальным ящиком в дальнем конце. Клетка установлена в помещении, похожем на мастерскую. Над клеткой сверху вниз смотрит объектив камеры. Перед решёткой стоит стул – значит, Пожарный ей не привиделся. Он сидел прямо здесь.

Холли лежит на матрасе. В углу примостился синий пластиковый биотуалет. Ухватившись за прутья и подтягиваясь левой рукой, Холли удаётся встать на ноги (медленно-медленно). Она пытается использовать правую, но боль в рёбрах слишком сильная. От потуг устоять на ногах у Холли усиливается головная боль, но вертикальное положение немного снимает давление с отбитых рёбер. Теперь она осознаёт, что ей ужасно, невыносимо хочется пить. Ей кажется, что она сможет выпить залпом целое ведро.

Мелкими шажками, волоча ноги, Холли подходит к туалету, поднимает крышку, но внутри ничего нет, даже синей жидкости, похожей на антифриз или стеклоочиститель. В туалете так же сухо, как у неё во рту и горле.

Её воспоминания о случившемся – как в тумане, но она должна собраться с мыслями. Восстановить разум. Холли догадывается, что может умереть в этой клетке, где до неё, возможно, от рук «Хищника с Ред-Бэнк-Авеню» погибли другие, но если она не восстановит свой разум, то умрёт наверняка. Её сумка исчезла. Пропал телефон. Нет револьвера Билла Ходжеса. Никто не знает, что она здесь. Всё, что осталось у Холли – это её разум.

Родди Харрис сидит на переднем крыльце в тапочках и халате поверх синей пижамы с красными пожарными машинами. Много лет

назад Эмили в шутку подарила ему пижаму на день рождения, но машины ему нравятся. Они напоминают Родди о детстве, когда он любил наблюдать за проносящимися мимо пожарными машинами.

Он просидел на крыльце с первых лучей солнца, пил кофе из своей высокой кружки «Старбакс» и ждал полицию. В четверг в полдесятого утра на улице лишь обычное движение. Это не значит, что никто не в курсе местонахождения этой женщины, но определённо хороший знак. Родди считает: если после полудня полиция не появится, то можно предположить, что Мисс Назойливую Девку никто не хватился. По крайней мере, сейчас.

В её водительских правах указан адрес – многоквартирный дом на восточной окраине. Так как спина бедной Эмили не позволила ей спуститься к припаркованному автомобилю Назойливой Девки, это взял на себя Родди. К тому времени уже стемнело. Он подъехал на автомобиле Холли к их дому, где за руль села Эмили. Родди на «Субару» последовал за ней к дому Назойливой Девки. Нажав кнопку на козырьке, Эмили подняла ворота в подземный гараж. Она припарковалась (в этот жаркий летний день было полно свободных мест) и, прихрамывая, поднялась по рампе обратно к «Субару». Она настояла на том, чтобы самой вести машину домой, хотя в полную силу могла пользоваться только одной рукой. Наверное, побоялась, что Родди забудет дорогу, – какая чепуха. Доставив Назойливую Девку в клетку, Родди немного перекусил эльфийкой – как и Эм – и был вменяем, совершенно вменяем. Не совсем вменяем этим утром, но вполне достаточно. Как и Холли, Родди понимает, что сейчас не самое подходящее время терять рассудок.

Эмили присоединяется к Родди на крыльце. Её запястье туго замотано бинтом. Оно распухло и дьявольски ноет. Девка Гибни пыталась сломать ей руку, но не получилось.

- Она очнулась. Мы должны поговорить с ней.
- Вместе?
- Так будет лучше всего.
- Хорошо, дорогая.

Они заходят в дом. В белом блюде на кухонном столе лежат две зелёные таблетки: цианид, яд, которым Йозеф и Магда Геббельс отравили шестерых своих детей в *Führerbunker*⁹⁷. Родди убирает таблетки в карман. Он не намерен оставлять их последнее средство спасения на кухне, пока они будут находиться в подвале.

Эмили достаёт из холодильника бутылку воды «Артезия». Сырой телячьей печени там нет – как нет и необходимости в ней. Они не хотят прикасаться к прокуренному телу Назойливой Девки – даже не стали это обсуждать.

Эмили хитро улыбается Родди.

– Давай узнаем, что она скажет в своё оправдание.

– Осторожно на лестнице, дорогая, – говорит Родди. – Побереги спину.

Эм отвечает, что как-нибудь справится, но передаёт бутылку Родди, чтобы держаться за перила здоровой рукой, и медленно спускается, ступенька за ступенькой. *«Как старуха, – с горечью думает Родди. – Если мы выпутаемся, придётся похитить ещё одного, и как можно скорее».*

Рискованно или нет, Родди не в силах смотреть на страдания Эмили.

5

Холли наблюдает за спуском Харрисов по лестнице. Они двигаются так, будто сделаны из стекла, и Холли в очередной раз поражается тому, что им удалось посадить её в клетку. Ей вспоминается та старая реклама. Всё-таки следовало бежать к заведённой машине, а не прятаться за бензопилами.

– Ни за что бы не поверила, мисс Гибни, что у вас есть повод улыбаться в вашей нынешней ситуации, но, очевидно, есть. – Эмили держит обе руки на поясице. – Не хотите поделиться?

⁹⁷ Фюрербункер – комплекс подземных помещений в Берлине, где Адольф Гитлер и некоторые его приспешники покончили с собой.

«Никогда не отвечай на вопросы подозреваемых, – говаривал Билл. – Они должны отвечать на твои».

– И снова здравствуйте, профессор Харрис, – произносит Холли, не обращая внимание на Эмили... которой, судя по выражению лица, не нравится, когда её игнорируют. – Подкралась со спины? Со своим собственным шокером?

– Именно, – с гордостью говорит Родди.

– Вы были здесь прошлой ночью? Я помню вашу пижаму.

– Был.

Глаза Эмили расширяются от удивления, и Холли думает: *«Ты этого не знала, правда?»*

Эм поворачивается к мужу и берёт воду.

– Ну, хватит, дорогой. Позволь мне задавать вопросы.

Холли приходит в голову, что будет лишь один вопрос, прежде чем они захлопнут дверь и погасят свет, и ей хотелось бы оттянуть этот момент. Она вспоминает ещё кое-что из прошлой ночи, соответствующее прозвищу этого человека среди студентов. Подходящее идеально. Будучи на свободе и общаясь с друзьями при ярком свете дня, Холли сочла бы эту идею абсурдной, но умирая от жажды, страдая от боли, находясь в заточении в этом подвале, – Холли видит в ней смысл.

– Он ест людей? Для этого вы их похищаете?

Харрисы переглядываются, искренне озадаченные. Затем, неожиданно, Эмили взрывается девичьим смехом. Через секунду к ней присоединяется Родди. Хохоча, они обмениваются особым телепатическим взглядом, свойственным паре, прожившей вместе много десятилетий. Родди слегка кивает – *скажи ей, почему бы нет* – и Эмили поворачивается к Холли.

– Нет никакого «он», дорогая, только мы. *Мы* едим их.

Пока Холли выясняет, что пара пожилых каннибалов заперла её в клетке, Пенни Даль стоит в душе с намыленной головой. Звонит её телефон. Пенни встаёт на коврик и берёт телефон с бельевой корзины, мыльная вода стекает по её шее и спине. Она смотрит на номер: Холли? Нет.

– Алло?

Отвечает не мужчина, а девушка, и она не утруждает себя приветствием.

– Почему вы звоните посреди ночи? Что за срочное дело?

– Кто это? Я просила перезвонить Питера Хан...

– Я его дочь. Папа в больнице. У него ковид. Я звоню с его телефона. Что вы хотели?

– Я сейчас в душе. Могу я ополоснуться и перезвонить вам?

Девушка страдальчески вздыхает.

– Конечно, хорошо.

– У вас скрытый номер. Не могли бы вы...

Девушка диктует Пенни свой номер телефона, который та выводит пальцем на запотевшем зеркале, раз за разом повторяя цифры про себя, пока включает душ и подставляет голову под струю воды; получилось наспех, но можно домыться позже. Пенни заворачивается в полотенце и перезванивает.

– Это Шона. По какому вы делу, мисс Даль?

Пенни рассказывает Шоне, что Холли расследовала исчезновение её дочери и обещала сообщить об успехах вчера в девять вечера. Холли так и не позвонила, и с тех пор до самого утра, Пенни постоянно попадает только на голосовую почту.

– Даже не знаю, чем я могу вам пом...

Шону прерывает мужской голос.

– Дай мне телефон.

– Папа, *нет*. Врач сказал...

– Дай сюда чёртов телефон.

Шона говорит:

– Если из-за вас ему станет хуже...

Затем она пропадает. В ухо Пенни кашляет мужчина, заставляя её вспомнить женщину из справочной службы.

– Это Пит, – произносит он. – Прошу прощения за свою дочь. Она сейчас в режиме «полной защиты своего старика».

Где-то на заднем плане:

– Ни хрена себе, *серьёзно?*

– Прошу вас, начните с начала.

Пенни рассказывает заново. В этот раз она заканчивает словами:

– Может, это ерунда, но с тех пор, как пропала моя дочь, любая неявка сводит меня с ума.

– Может, ерунда, а может и нет, – отвечает Пит. – Холли всегда приходит вовремя. Это у неё в крови. Я дам... – Он сухо кашляет. – Я дам вам номер Джерома Робинсона. Он иногда работает с нами. Он... вот, чёрт. Я забыл. Он в Нью-Йорке. Можете позвонить ему, если хотите, но лучше обратитесь к его сестре Барбаре. Я почти уверен, что у них обоих есть ключи от квартиры Холли. У меня тоже, но я... – Снова кашляет. – Я в больнице. Ещё один день, а потом снова домашний карантин. У Шоны тоже. Думаю, я мог бы отправить медсестру с ключом.

Пенни уже на кухне, с неё капает на пол. Она хватается ручку, лежащую рядом с ежедневником.

– Надеюсь, до этого не дойдёт. Дайте мне номера.

Пит диктует, Пенни записывает. Шона отбирает телефон и бесцеремонно бросает: «П'ка». Пенни снова сама по себе.

Она пробует оба номера, сначала набирая Барбару, поскольку та в городе. В обоих случаях Пенни попадает на голосовую почту. Она оставляет сообщения, затем возвращается в ванную, закончить помывку. Уже во второй раз за месяц у неё возникает ощущение, что что-то не так, и в первый раз она оказалась права.

«Холли всегда приходит вовремя. Это у неё в крови».

7

– Вы их *едите*, – вторит Холли.

«Хищника с Ред-Бэнк» *не* существует. Невозможно поверить, но это правда. Всего лишь пара престарелых профессоров, живущих в аккуратном викторианском доме рядом с престижным колледжем.

Родди резко подаётся вперёд, оказавшись почти на расстоянии вытянутой руки. Эмили тянет его назад за халат, при этом морщась от боли. Родди, кажется, этого не замечает.

– Все млекопитающие каннибалы, – говорит он, – но только у *homo sapiens* существует глупое табу на этот счёт, противоречащее всем известным медицинским фактам.

– Родди...

Он игнорирует Эмили. Ему до смерти хочется выговориться. Объяснить. Они никогда ничего не объясняли своим пленникам, но эта – не животное; ему не нужно беспокоиться, что надпочечники испортят её плоть до забоя.

– Этому табу меньше трёхсот лет, и даже сейчас многие племена – я бы добавил, *долгоживущие* племена – с удовольствием употребляют человеческую плоть.

– Родди, сейчас не время...

– Знаешь ли ты, сколько калорий содержится в организме взрослого человека среднего веса? *Сто двадцать шесть тысяч!* – Голос Родди поднимается до пронзительного визга, знакомого многим студентам в былые времена по урокам биологии и диетологии. – Плоть и кровь здорового человека излечивают *эпилепсию*, излечивают *боковой амиотрофический склероз*, излечивают *ишиас*! Жир здорового человека лечит *отосклероз*, основную причину глухоты, а капли тёплого топленого жира, будучи закапаны в глаза, удивительным образом лечат *макулярный*...

– Родди, *хватит!*

Он бросает на Эмили строптивый взгляд.

– Человеческая плоть обеспечивает *долголетие*. Взгляни на нас, если у тебя есть какие-то сомнения. Нам почти по девяносто, а мы бодры и здоровы!

Холли гадает, бред ли это, вызванный болезнью Альцгеймера или он просто рехнулся? Может, и то и другое. Она только что видела, с какой осторожностью они спускались по лестнице, преодолевая одну ступеньку за раз. Как вазы эпохи Мин в облике людей.

– Ближе к делу, – говорит Эмили. – Кому ты рассказала? Кто знает, что ты здесь?

Холли молчит.

Эмили кривит рот в улыбке.

– Прости, я не то сказала. *Никто* не знает, что ты здесь, по крайней мере в настоящее время, иначе они бы уже явились за тобой.

– Полиция, – уточняет Родди. – Копы. Легавые. – Он даже произносит «вшух-вшух-вшух», покрутив в воздухе скрюченным пальцем.

– Прости моего мужа, – говорит Эмили. – Он расстроен и потому много болтает. Я тоже расстроена, но мне любопытно. Кто *может* знать, что ты здесь?

Холли молчит.

Эмили поднимает бутылку с водой.

– Наверное, ты хочешь пить.

Холли молчит.

– Скажи, кому ты рассказала... если вообще кому-то рассказала. Может, и нет. Об этом говорит тот факт, что никто не пришёл тебя искать, и говорит довольно убедительно.

Холли молчит.

– Пойдём, – говорит Эм Родди. – Нам опять попалась упрямая сучка.

– Ты не понимаешь, – обращается Родди к Холли. – Никто не понимает.

– Может, дадим ей несколько часов на размышление, любовь моя?

– Да, – отвечает Родди. Пелена с его разума сошла, по крайней мере, частично. – Если только кто-нибудь не придёт. Тогда нам не понадобится её помощь, я прав?

– Да, – говорит Эмили, – в таком случае не понадобится.

– Я всё равно умру, буду я говорить или нет, – произносит Холли.
– Разве не так?

– Не обязательно, – отвечает Эмили. – Я думаю, у тебя нет никаких доказательств. За ними ты и пришла сюда. Сфотографировала наш фургон, но твоего телефона больше нет. Без доказательств мы, возможно, могли бы отпустить тебя.

«Будто этой клетки не существует», – думает Холли.

– С другой стороны... – Эмили поднимает руку, демонстрируя повязку. – Ты причинила мне боль.

Холли думает, не приподнять ли рубашку, показав синяк, и сказать: *«Ну, в этом мы квиты»*. Но сдерживается. Она говорит:

– Я думаю, у тебя найдётся, чем это подлечить.

– Уже, – оживлённо отвечает Родди. – Припарка с жиром.

«От Бонни Даль», – думает Холли. В ту же секунду она осознаёт всю правду и отчасти падает духом.

Эмили держит бутылку с водой.

– Скажи мне то, что я хочу знать, и получишь это.

Холли молчит.

– Ладно, – произносит Эмили с грустью, но совершенно неубедительно. – Признаюсь: ты скорее всего умрёшь. Но ты хочешь умереть от жажды?

Холли не верится, что она до сих пор ещё дышит, и она ничего не отвечает.

– Пойдём, Родди, – говорит Эмили, ведя его обратно к лестнице. Родди послушно следует за ней. – Ей нужно немного времени на размышление.

– Да. Но не слишком много.

– Нет, не слишком. Наверное, ей *ужасно* хочется пить.

Харрисы поднимаются по лестнице так же осторожно, как спускались. *«Падайте»*, – мысленно призывает Холли. – *Падайте! Споткнитесь и сверните себе шею!»*

Никто из них не падает. Дверь между верхним миром и подземной темницей закрывается. Холли остаётся наедине со своей гудящей головой, прочей болью и жаждой.

8

Девять часов утра – кипучее время на Ридж-Роуд и в других местах. В девять Эмили зовёт Родди с крыльца, чтобы поговорить с Холли в подвале. В этот же час Пенни Даль разговаривает с Шоной и Питом Хантли, а затем оставляет голосовые сообщения для Джерома и Барбары Робинсон.

В это же время Барбара спускается по лестнице в доме Оливии, где провела ночь. Она одета в шорты и топ, выданные Мари Дюшан. Они не совсем подходящего размера, но сойдёт. Барбара не может вспомнить, когда последний раз вставала так поздно. Она не чувствует похмелья, возможно, благодаря совету Мари принять пару таблеток «Тайленола» перед сном – верное средство, по её словам, если только не наглотаться их в наполненной до краёв ванне, – но, возможно, потому, что перешла на газированную воду, когда они во главе с Розалин Беркхарт отправились в паб «Грин Дор». Если верить Розалин – любимое место возлияний Оливии до того, как она бросила пить в семьдесят лет, испытав первый приступ мерцательной аритмии.

Как и большинство подростков в наши дни, Барбара первым делом хватается за мобильник. Она видит, что уровень заряда 26 процентов, а зарядку она оставила дома. Также она замечает пропущенный звонок и голосовое сообщение, которое пришло, пока она одевалась. Барбара думает, что ей опять хотели всучить продлённую гарантию на автомобиль (будто он у неё есть), но она ошибается. Сообщение от Пенни Даль, клиентки Холли.

Барбара прослушивает его с нарастающим беспокойством. Её первая мысль – несчастный случай. Её подруга живёт одна, а с такими людьми порой случаются несчастные случаи. Она могла поскользнуться в душе или на лестнице. Могла заснуть с зажжённой сигаретой

(Барбара знает, что Холли снова курит). Или на неё могли напасть на подземной парковке, например, под домом Холли. Могли ограбить и избить, если повезёт; изнасиловать, если нет.

Барбара звонит Холли в тот момент, когда вниз спускается Мари – неторопливо, потому что вчерашним вечером она пила отнюдь не газированную воду. Голос сообщает, что почтовый ящик Холли переполнен.

Барбаре это не нравится.

– Мне нужно сходить кое-кого проведать, – обращается она к Мари. – Подругу.

Мари, так и не переодевшаяся со вчерашнего дня и страдающая от сильной головной боли, предлагает Барбаре сначала выпить чашечку кофе.

– Может, позже, – отвечает Барбара. Ей эта ситуация нравится всё меньше и меньше. Сейчас её мысли занимает не только несчастный случай, но и о текущее дело Холли. Схватив сумку, она кидает в неё телефон и уезжает на машине своей матери.

9

Родди снова сидит на крыльце. К нему присоединяется Эмили. Он рассеянно смотрит на улицу. *«Его сознание приходит и уходит, – думает Эмили. – Однажды оно уйдёт навсегда».*

Эмили уверена, что Гибни всё-таки расскажет им то, что они хотят – *должны* – знать, но, по её мнению, они не могут позволить себе тратить время. Это означает, что ей придётся думать за двоих. Эм не хочет глотать цианид, но пойдёт на это, если придётся; лучше покончить с собой, чем видеть их имена, мелькающие во всех газетах и выпусках новостей по кабельному телевидению не только Америки, но и всего мира. От её репутации, так тщательно создававшейся годами, не останется следа. И от репутации Родди тоже. *«Каннибалы из колледжа, – думает Эмили. – Так они нас нарекут».*

Лучше цианид, чем это. Без сомнений. Но если есть шанс, Эмили хочет им воспользоваться. И если им придётся прекратить то, чем они занимались, так ли это ужасно? Она всё чаще задаётся вопросом, не обманывали ли они себя всё это время? Эмили запомнилась короткая фраза из прочитанного о правильном питании и чудодейственных средствах. Эта же фраза пришла на ум побитой и страдающей от жажды женщине в их подвале.

А тем временем, часики тикают и, возможно – всего лишь возможно – им не придётся ждать, пока Гибни заговорит.

– Родди.

– Ммм? – произносит он, глядя на улицу.

– Родди, взгляни на меня. – Эм щёлкает пальцами у него перед лицом. – Минуту внимания.

Он поворачивается к ней.

– Как твоя спина, дорогая?

– Лучше. Чуть лучше. – Это правда. Сегодня, пожалуй, она даст шесть баллов по универсальной шкале боли. – Я должна кое-что сделать. Оставайся здесь, но не спускайся в подвал. Если полиция приедет без ордера на обыск, выпроводи их и позвони мне. Ты понял?

– Да. – Кажется, что Родди понял, но Эмили не верит.

– Повтори.

Он повторяет. Слово в слово.

– Если у них будет ордер,пусти. Затем позвони мне и прими одну из таблеток. Ты помнишь, куда положил их?

– Конечно. – Родди бросает на неё раздражённый взгляд. – Они у меня в кармане.

– Хорошо. Дай мне одну. – И из-за его встревоженного вида (при этом он кажется таким милым) добавляет. – На всякий случай.

При этих словах Родди улыбается и напевает:

– Куда спешишь, дитя моё, дитя моё?

– Не важно. Не беспокойся. Вернись самое позднее к полудню.

– Хорошо. Вот твоя таблетка. Будь с ней осторожна.

Эмили целует Родди в уголок рта, а затем внезапно обнимает. Она любит его и понимает, что все эти неприятности из-за неё. Если бы не она, Родди так и продолжал бы бесноваться, строча остаток жизни письма в различные журналы (которые он иногда с отвращением швыряет через всю комнату). Естественно, он бы никогда не опубликовал ничего о пользе употребления человеческой плоти в пищу; он был достаточно сообразителен (*раньше*), и понимал, как подобные идеи повлияют на его репутацию. «Они назвали бы меня Скромное Предложение Харрис», проворчал он однажды. (Родди прочитал памфлет Джонатана Свифта⁹⁸ по настоянию Эмили). Именно она направила его – *их* – от теории к практике, и для проверки у неё нашёлся идеальный кандидат: испашка, посмевавшийся перечить ей из-за закрытия поэтического семинара. Вкушать якобы талантливые мозги этого педика было одно удовольствие.

«И это помогло, – говорит себе Эм. – Действительно помогло. Нам обоим».

На журнальном столике в гостиной лежит сумка Холли и её кепка. Эмили натягивает кепку и роется в сумке, разворошив весь «походный набор» Холли (включая маски и сигареты – Эмили улавливает иронию в сочетании этих двух вещей), и достаёт что-то вроде пропускной карточки. Она сует её в карман. Оружие, которым эта женщина покалечила запястье Эм, лежит на каминной полке.

Телефона Гибни давно нет, но прежде чем вынуть симку и сунуть на всякий случай в микроволновку, Эмили порылась в нём. Разблокировать телефон было раз плюнуть. Эм просто приложила палец находящейся без сознания женщины к экрану, а затем ещё раз, открыв настройки конфиденциальности в службе определения местоположения. Последние два места, посещённые Гибни перед тем, как она явилась сюда – её офис и жильё. Эмили не осмеливается вернуться к мно-

⁹⁸ В памфлете «Скромное предложение» автор в сатирической форме предлагает использовать детей ирландских бедняков в качестве пищи для английских аристократов.

гоквартирному дому Гибни среди бела дня; но она подумывает заняться офисом, ведь эта проблемная женщина проводила там довольно много времени.

У Гибни есть (в скором будущем – «*был*») партнёр по имени Пит Хантли, и когда Эмили находит его в «Фейсбуке», её ждёт удивительная и неожиданная удача. Сам Хантли почти ничего не публикует, но комментарии и сообщения говорят Эмили всё, что ей нужно знать: у него ковид. До этого он сидел дома, но сейчас находится в больнице. Последний комментарий опубликован всего час назад кем-то по имени Изабелла Джейнс: *«Завтра будешь дома, а через пару недель встанешь на ноги! Выздоровливай, старый ты ворчун...»* и далее стикер в виде медведя.

Если Гибни работает на мать эльфийки, она могла найти время написать отчёт. Если так, и если это единственное свидетельство – помимо самой Гибни, от той скоро останется только полиэтиленовый мешок, набитый мокрыми кусками плоти, – то Эмили, возможно, удастся заполучить бумажную копию... или удалить файл с компьютера Гибни...

Это рискованный ход, но он того стоит. Тем временем их пленница будет всё сильнее изнывать от жажды и всё больше испытывать желание поговорить. *«Возможно, ей даже жутко хочется курить»*, – с улыбкой думает Эмили. Положение отчаянное, но Эм никогда не чувствовала себя более живой. И, к тому же, это отвлекло её от мыслей о болях в спине. Она собирается уйти, но передумывает. Достает из холодильника эльфийский десерт – серую массу с красными прожилками – и проглатывает его.

Вкуснотища!

Эмили обнаружила, что у человеческой плоти есть особенность: сначала она вызывает любопытство, затем она тебе нравится, в конце концов ты начинаешь её любить, и однажды ты жить без неё не можешь.

Вместо того, чтобы выйти через кухонную дверь к гаражу, Эмили идёт обходным путём, чтобы ещё раз поговорить с Родди.

– Повтори, что я тебе сказала.

Он повторяет. Без запинок.

– Не спускайся вниз, Родди. Это самое главное. Не раньше, чем я вернусь.

– Командная работа, – говорит Родди.

– Правильно, командная работа. – Эмили идёт по подъездной дорожке к «Субару».

10

Помимо жажды, ноющей боли в голове и во множестве других мест, счёт которым Холли потеряла, она ещё и напугана. Бывали и другие случаи, когда она оказывалась на волосок от смерти, но так близко – ещё никогда. Она понимает, что Харрисы убьют её, несмотря ни на что, и это случится скоро. Как говорят в старых нуарных фильмах, которые Холли так любит: *она слишком много знает*.

Холли не уверена в предназначении большого металлического ящика в дальнем конце подвала, но подозревает, что это щепдробилка. Шланг от ящика уходит куда-то за стену, туда же ведёт маленькая дверь. *«Так Харрисы избавляются от тел, – думает Холли. – От того, что остаётся»*. Одному богу известно, как они умудрились затащить сюда свой утилизатор.

Холли разглядывает панель на дальней стене и замечает два предмета, не похожих на инструменты. Один – велосипедный шлем. Рядом с ним висит рюкзак. При их виде у Холли подкашиваются ноги, и она опускается на матрас, судорожно вздыхая от боли в рёбрах. Матрас слегка сдвигается в сторону и Холли видит под ним край какой-то вещи. Желая узнать, что это, она приподнимает матрас.

11

У Барбары есть ключ от квартиры Холли, но не от шлагбаума, поэтому она паркуется на улице, спускается по рампе и проходит под

стрелой. Она сразу видит то, что ей не нравится. Машина Холли здесь, но слишком близко к рампе, а оба парковочных места, отведённые ей – для неё и для гостя – находятся гораздо дальше. И ещё одна нестыковка: левое переднее колесо пересекает жёлтую линию, вторгаясь на соседнее место. Холли никогда бы так не припарковалась. Едва заметив, она вернулась бы в машину и переставила её ровнее.

«Возможно, она торопилась».

Может и так, но парковочные места Холли ближе к лифту и лестнице. Барбара выбирает лестницу, потому что у неё нет магнитной карты от лифта. Поднимается Барбара спешно, встревоженная, как никогда. Достигнув нужного этажа, она открывает ключом дверь в квартиру Холли и просовывает голову.

– Холли? Ты здесь?

Никто не отвечает. Барбара быстро осматривает квартиру, почти перебегая из комнаты в комнату. Всё на своих местах, кругом порядок, на столешнице в кухне нет крошек и пятен, ванная безупречно чистая. Барбара улавливает лишь стойкий запах табачного дыма, хотя очень слабый. В каждой комнате стоят ароматические свечи, а единственная пепельница лежит в сушилке для посуды, чистая, как стёклышко. Всё выглядит нормально. Даже хорошо.

Кроме машины.

Барбару беспокоит машина. Не на своём месте, и неаккуратно припаркована.

Звонит её мобильник. Это Джером.

– Ты нашла Холли?

– Нет. Я сейчас в её квартире. Не нравится мне это, Джей. – Барбара рассказывает ему о машине, ожидая, что он не воспримет это всерьёз, но Джерому услышанное тоже не нравится.

– Хм. Проверь маленькую корзинку у входной двери. Холли всегда бросает туда ключи. Я видел это тысячу раз. – Барбара проверяет. В корзинке лежит запасной ключ от «Приуса» Холли, но нет брелока с ключами от квартиры. Магнитной карты от лифта тоже нет.

– Наверное, они в её сумке.

- Возможно, но почему машина здесь, а самой её нет?
 - Поехала на автобусе? – с сомнением говорит Барбара.
 - Из-за ковида они ездят не по расписанию. Узнал об этом, когда пытался доехать на автобусе до аэропорта. Пришлось вызвать «Убер».
 - Бедняжка, – говорит Барбара, но время для шуток не подходящее.
 - У меня плохое предчувствие, Ба. Думаю, мне стоит вернуться.
 - Джером, нет!
 - Джером, да. Посмотрю, какие есть билеты. Если Холли появится до того, как я сяду в самолёт, позвони мне или кинь СМС-ку.
 - А как же твой роскошный уикенд в Монтоке? Возможно, у тебя будет шанс познакомиться со Спилбергом!
 - Мне всё равно не понравились два его последних фильма. Вчера в разговоре казалось, что Холли в порядке, но... – Джером продолжает прежде, чем Барбара успевает вставить слово. – Всякое могло случиться. Даль тоже оставила мне сообщение. Была всерьёз обеспокоена. Холс могла столкнуться с плохим человеком, расследуя исчезновение Бонни и других. Теперь в списке ещё Кастро, которого последний раз видели девять-десять лет назад.
 - Может быть. Я не знаю. – Барбара знает одно: Холли никогда бы так не припарковалась. Это небрежно, а Холли не выносит небрежности.
 - Ты пробовала звонить в офис?
 - Да. По дороге сюда. Срабатывает голосовая почта.
 - Может, тебе стоит сходить туда. Убедиться, что Холли не... в общем, я не знаю.
- Но Барбара понимает. *Убедиться, что Холли не мертва.*
- Скорее всего, мы наводим панику, Джей. Всему может быть разумное объяснение, и ты зря прилетишь домой.
 - Проверь офис. Просто дай знать, если найдёшь её до того, как я сяду в самолёт.
- Барбара покидает квартиру Холли и бежит вниз по лестнице.

Пока Барбара разговаривает с братом в пустой квартире Холли, Родни Харрис на крыльце своего дома обдумывает письмо в «Гат», крупный журнал, посвящённый гастроэнтерологии и гепатологии. В последнем номере Родди прочитал совершенно абсурдную статью Джорджа Хокинса о связи, якобы обнаруженной им, между привратником желудка и болезнью Крона. Хокинс – доктор наук, не меньше! – полностью искажил труды Майрона Делонга... и того, другого учёного, чьё имя Родди не может вспомнить. А значит выводы Хокинса абсолютно ошибочны.

Родди жуёт припасённые эльфийские шарики, наслаждаясь хрустом. *«Мой ответ уничтожит его»*, – с чувством удовлетворения думает он.

Родди вспоминает, что в подвале их дома находится пленница. Её имя вылетело из головы, но он помнит гримасу ужаса на её лице, когда Эм поведала ей, как им удаётся сдерживать худшие проявления старости. Идея разрушить её глупые предрассудки один за другим радует его почти так же сильно, как письмо в «Гат», которое развалит хлипкий карточный домик профессора Джорджа Хокинса. Родди забыл наказ Эмили держаться подальше от подвала. Даже если бы помнил, то закрыл бы глаза на такую глупость. Господи боже, эта женщина сидит в *клетке!*

Родди встаёт и идёт в дом, походя закидывая ещё один эльфийский шарик в рот. Они оказывают чудесное просветляющее действие.

При виде Харриса, спускающегося в подвал, Холли чуть ли не со скрипом поднимается на ноги. Она гадает, пришёл ли её конец. Родди задерживается у подножия лестницы и какое-то время просто стоит на месте, пребывая в своей собственной вселенной. На нём по-прежнему халат и пижама. Он достаёт из кармана коричневый шарик и бросает

в рот. Холли не хочет думать, что это часть дочери Пенни Даль, но склоняется к такой мысли. Пальцы её левой руки сжимаются и разжимаются в кулак в такт пульсирующей головной боли, короткие ногти впиваются в ладонь.

– Это то, о чём я думаю?

Родди улыбается, словно заговорщик, но ничего не отвечает.

– Они помогают от боли? Потому что у меня всё болит.

– Да, они обладают обезболивающим эффектом, – отвечает Родди и бросает в рот ещё один шарик. – Удивительно. Несколько римских пап знали об этом благотворном воздействии. Ватикан хранит это в секрете, *но существуют записи!*

– Можно я... не могли бы вы дать мне один? – Мысль о том, чтобы съесть часть дочери Пенни Даль, вызывает у Холли тошноту, но она старается выглядеть одновременно умоляющей и питающей надежду.

Родди улыбается, достаёт один маленький коричневый шарик из кармана халата и направляется к Холли. Затем он останавливается и грозит ей пальцем, как снисходительный родитель, застукавший своего трёхлетнего сына за рисованием на обоях.

– А-та-та, – произносит Родди. – Нет уж, мисс... как там тебя зовут?

– Холли. Холли Гибни.

Родди бросает взгляд на швабру, которой они проталкивают еду и воду через заслонку, затем качает головой. Он хотел было вернуть коричневый шарик в карман, но передумывает и отправляет его в рот.

– Если вы не хотите мне помочь, зачем спустились сюда, мистер Харрис?

– Профессор Харрис.

– Извините. Профессор. Вы хотите поговорить?

Родди стоит на месте и таращится куда-то в пространство. Холли хочется свернуть ему шею, но он по-прежнему у подножия лестницы, в двадцати с лишним футах от неё. Хотела бы Холли иметь настолько длинные руки. Родди поворачивается, собираясь уйти, но тут вспоминает, зачем пришёл, и снова поворачивается к Холли.

– Давай поговорим о печени. О *пробуждённой* человеческой печени. Согласна?

– Хорошо. – Холли не представляет, как ей заманить его поближе, но пока Харрис остаётся в подвале – или пока его жена, чьи мозги, по видимому, лучше работают, не спустится вниз, – ей может подвернуться случай. – Как пробудить печень, профессор?

– Разумеется, съесть *другую* печень. – Родди смотрит на Холли, словно спрашивая: как можно быть такой глупой? – Лучше всего подходит телячья, но я предполагаю, свиная ничем не хуже. Хотя из-за прионов мы никогда её не использовали. К тому же, если не сломано...

– ...не чини, – заканчивает Холли. В голове у неё так сильно стучит, что кажется, будто пульсируют сами глазные яблоки, и её мучает жажда, но она улыбается Харрису своей *«расскажите больше»* улыбкой. А пальцы всё сжимаются и разжимаются, раз за разом.

– Именно! Совершенно верно! То, что не сломано, лучше не трогать. Это аксиома! Я подозреваю, что лучше всего подошла бы *человеческая* печень, но если скормить человеку свежую печень *другого* человека, то возникает проблема... очевидная... проблема... – Родди хмурится, глядя в пространство.

– Вам понадобится *два* пленника, – подсказывает Холли.

– Да! *Да!* Очевидно! Логично! Но печень... о чём я говорил?

– О пробуждении, – отвечает Холли. – Возможно... о созревании?

– Точно. Печень – это грааль. Истинный святой грааль. Священный *дар*. Знаешь ли ты, что печень человека содержит все девять незаменимых аминокислот? Что в ней особенно много лизина?

– Который предотвращает простуду на губах, – говорит Холли, подверженная ей.

– И это *наименьшее* из его полезных качеств! – Интонация Харриса повышается и скоро дойдёт почти до крика, так напрягающего студентов, что некоторые бросали его занятия. – Лизин снимает *тревожность!* Лизин лечит *раны!* Печень – это *кладёзь лизина!* Он также оживляет вилочковую железу, вырабатывающую Т-клетки! А ковид? *Ковид?* – Родди смеётся, и даже его смех похож на крик. – Те, кому

посчастливилось отведать человеческой печени, особенно *пробуждённой*, эти счастливики *смеются* над ковидом, как мы с моей женой! О, и не забудем про железо! Печень человека богаче железом, чем печень телёнка... овцы... свиньи... оленя... сурка... кого угодно. В печени человека железа больше, чем в печени синего кита, а он весит *сто шестьдесят пять тонн!* Железо снимает усталость и улучшает кровообращение, *особенно в МОООЗГЕ!* – Родди постукивает себя по виску, где пульсирует сеточка мелких сосудов.

Холли думает: *«Я разговариваю с настоящим сумасшедшим учёным»*. Только говорит в основном он, а она слушает. И Родни Харрис не читает лекцию. О, нет. Он горланит перед невидимой аудиторией неверующих.

– *Унции, ВСЕГО ЛИШЬ КАКИЕ-ТО УНЦИИ человеческой печени содержат семьсот процентов ВСЕХ ВИТАМИНОВ, необходимых для выработки красных кровяных телец и клеточного МЕТАБОЛИЗМА! Посмотри на мою кожу, мой добрый эльф, посмотри на неё!*

Родди берёт себя за морщинистую щёку и прощупывает её, как дантист, собирающийся ввести новокаин в десну пациента.

– *Гладкая! Гладкая, как пресловутая ПОПА МЛАДЕНЦА! И это всё только ПЕЧЕНЬ!* – Родди останавливается, чтобы перевести дыхание. – Что касается потребления мозговой ткани...

– Всё это полная брехня, – говорит Холли. Эти слова вылетают сами собой. Без плана, без стратегии. Ей просто осточертело. Мысли о том, чтобы подыграть ему, вылетели в трубу.

Родди смотрит на Холли широко раскрытыми глазами. Он распинался перед невидимой аудиторией, пытаюсь *расторгнуть* её, и вдруг какой-то зелёный студент, не имеющий за плечами ничего, кроме курса школьной биологии, набрался наглости бросить ему вызов.

– Что? *Что* ты сказала?

– Я назвала это брехнёй, – отвечает Холли. Правой рукой она держится за решётку, а левая сжата над её правой грудью, она смотрит на Харриса, прижав лицо к стальному квадрату. Её привычка избегать

вульгарных выражений, приобретённая ещё в раннем детстве, тоже вылетела в трубу. – Это псевдонаучное дерьмо стоит в одном ряду с медными браслетами и магическими кристаллами. Гладкая кожа? Когда вы в последний раз смотрелись в зеркало, профессор? Ваше лицо похоже на чернослив.

– Молчи! – Щёки Родди пылают. Сетка вен на виске пульсирует всё быстрее и быстрее. – Молчи, ты... дура!

«Они собираются убить меня, но я поведаю этому человеку несколько простых истин».

– Насчёт улучшения работы мозга... профессор, вы страдаете от болезни Альцгеймера, и уже не на ранней стадии. Вы не можете вспомнить моё имя, и через несколько месяцев, может, даже недель, не сможете вспомнить и своё собственное.

– Молчи! Молчи! Ты невежда и ничего не знаешь!

Родди делает шаг в сторону Холли. На это она и надеялась, когда просила его поделиться одним из своих ужасных коричневых мясных шариков, но теперь едва замечает. В своей ярости – на него, на его жену, на свою нынешнюю безнадежную ситуацию – Холли даже забывает о жажде.

– Вы думаете, что вам лучше. Ваша жена думает, что ей лучше. Может, какое-то время вам даже *было* лучше. Так бывает. Вы не единственный, кто читает научные журналы. Это называется...

– Прекрати! Это ложь! Это ГРЯЗНАЯ ПОГАННАЯ ЛОЖЬ!

Харрис не хочет, чтобы она озвучивала то, что может быть правдой, но Холли намерена это сделать. Она замолкнет, когда умрёт, но пока что ещё жива.

В то время, как Холли заявляет Родни Харрису, что не он один читает научные журналы, Эмили входит в здание «Фредерик Билдинг». Идея с ношением масок кажется ей нелепой, но сейчас она рада, что в маске, а кепка Холли натянута так низко, что козырёк скрывает глаза.

Она подходит к информационному стенду: офис «Найдём и сохраним» находится на пятом этаже, рядом с офисами «Импортная мебель» и «Дэвид и дочери, бухгалтеры-криминалисты».

Войдя в лифт, Эмили нажимает на кнопку пятого этажа. Наверху она проверяет, что в коридоре никого нет и, прихрамывая, идёт к офису с табличкой «ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО „НАЙДЁМ И СОХРАНИМ“». Эмили довольна, обнаружив дверь закрытой, тем более у неё есть ключи Холли. Закрыто – значит, секретарши нет на месте. Будь иначе, Эм изобразила бы из себя рассеянную старушку, которая ошиблась этажом, какая жалость. Она начинает перебирать ключи Холли, пробуя на её взгляд наиболее подходящие, и надеясь, что никто не выйдет из соседних офисов в туалет.

Подходит третий ключ. Эмили проникает в приёмную. Тихо жужжит кондиционер. Она проверяет компьютер на маленьком письменном столе, надеясь, что он в спящем режиме, но увы. За дверью справа Эмили находит офис мужчины-партнёра, если судить по вырезкам из спортивных изданий в рамках на стене. Один заголовок гласит: «КЛИВЛЕНД ВЫИГРЫВАЕТ МИРОВУЮ СЕРИЮ» («Тут ошибка», – думает Эмили) – похож на правду, в отличие от «БРАУНС ВЫИГРЫВАЮТ СУПЕРКУБОК!»

Второй офис занимает Гибни. Эм спешит к компьютеру Холли и нажимает первую попавшуюся клавишу, надеясь разбудить его, если он в спящем режиме. Это срабатывает, но нужно ввести пароль, чтобы получить доступ ко всевозможным ценным материалам. Эмили пробует несколько паролей, в том числе «ХоллиГибни», «холлигибни», «НайдёмСохраним», «найдемсохраним», «ЛоренБэколПоклонник» и просто «пароль». Ничего из этого не подходит. Эмили осматривает чистый прибранный стол, на котором лежит только блокнот. На верхнем листке нацарапаны несколько цветочков и пометок. Среди них значится имя Имани, ни о чём не говорящее Эмили, но *трейлерный парк «Элм Гроув»* – другое дело; Эмили ездила туда подчистить трейлер сучки Краслоу и создать впечатление, будто она уехала. Эмили это не

нравится, но написанное ниже не нравится ещё больше: «Звонарь» и Х. Кастро, 2012.

Как эта сука раскопала так много?

Эм отрывает верхний листок и, на всякий случай, следующий. Сминает их и сунет в карман. Далее она по очереди проверяет ящики стола, надеясь отыскать письменный отчёт. Ничего не находит и признаёт: если бы даже нашла и увидела, что он набран на компьютере, легче бы ей от этого не стало. Также Эмили не попадается на глаза листка с паролем, и на неё накатывает волна яростного отчаяния.

«У нас должен был быть план побега, помимо таблеток цианида, – думает Эм. – Почему мы ничего не придумали?»

Ответ кажется очевидным: потому что они старые, а старые люди не могут далеко или быстро убежать.

«Может, отчёта не существует. Может, глупая баба была недостаточно уверена в своих заключениях, чтобы записать их или кому-нибудь рассказать».

Эмили кажется, что это лучшее, на что она может надеяться. Она вернётся домой. Родди пристрелит суку Гибни так же, как пристрелил суку Краслоу. Они прогонят её через «Морбарк», измельчив кости и превратив в кашу всё остальное, включая отравленную никотином печень. Затем выплывут на озеро на «Мэри Кэсер», выберут самое глубокое место и выбросят останки Холли Гибни за борт в полиэтиленовом пакете для мусора. А после – останется только надеяться на лучшее. Какие ещё варианты? Конечно, самоубийство, но Эмили продолжает надеяться, что до него не дойдёт.

Эмили находит стенной сейф, предсказуемо спрятанный за картиной горного луга. Дёргает за ручку, ничего не ожидая, – ничего и не происходит. Недовольно крутанув циферблат, Эмили вешает картину на место и выключает компьютер. Ей кажется, что блокнот лежит неровно, поэтому она поправляет его. Затем ретируется тем же путём, каким пришла, протирая всё, к чему прикасалась, начиная с клавиатуры компьютера. Последней протирает дверную ручку, предвари-

тельно надев маску и посмотрев в глазок, дабы убедиться, что на горизонте всё чисто. Преодолев половину коридора, Эмили вспоминает, что не заперла дверь. Она возвращается и запирает замок, не забыв вытереть отпечатки своих пальцев.

В лифте Эмили опускает козырёк кепки пониже. В вестибюле ей попадает только один человек и, опустив голову, Эмили видит только джинсы и кроссовки Барбары Робинсон, проходящей мимо неё к лифту. Пора вернуться домой и покончить хотя бы с одной проблемой.

Эмили толкает уличную дверь и её поясницу пронзает особенно острая вспышка боли. Она, морщась, стоит на тротуаре, пережидая, когда боль утихнет. Через некоторое время ей становится легче, по крайней мере, немного, и она благодарит Бога (которого, естественно, не существует) за эльфийский десерт, съеденный перед выходом. Эмили переходит Фредерик-Стрит к своей машине, хромая сильнее, чем когда-либо.

Ей на ум приходит фраза, которую в этот самый момент Холли бросает в лицо её мужу, но Эмили прогоняет её прочь.

15

– ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ЭФФЕКТ ПЛАЦЕБО, тупоголовый вы крети...

Родди устремляется к Холли, крича, чтобы она заткнулась – эффекта плацебо не существует, это ни что иное, как манипулирование статистикой кучкой ленивых псевдоучёных...

Холли хватается профессора в ту же секунду, как он оказывается в пределах досягаемости. И опять даже не задумываясь, без всякого планирования; она просто просовывает правую руку через решётку и сжимает его шею. У Холли ноют отбитые рёбра, но в порыве возбуждения она едва замечает боль.

Родди пытается высвободиться, и ему почти удаётся. Холли усиливает хватку, прижимая его к прутьям решётки. Халат Родди соскальзывает с плеч, открывая нелепую пижаму с пожарными машинами.

– Отпусти меня! – Задыхаясь, почти выплевывая слова произносит Харрис. – *Отпусти меня!*

Холли вспоминает, что зажато в её левой руке; так крепко, что предмет врезался ей в ладонь. Треугольная серьга, копия найденной Холли в кустах рядом с заброшенной автомастерской. Холли просовывает вторую руку через прутья решётки и, крепко сжав серьгу между пальцами, проводит золотым кончиком по тощему горлу Харриса от края до края. Она ничего не ожидает и действует не задумываясь. В начале этой десятидюймовой полукруглой борозды острие едва царапает кожу; можно сильнее порезаться бумагой и крови будет больше. Затем оно цепляется за выпирающее сухожилие и вонзается глубже. Родди усугубляет ситуацию, дёргая головой и пытаясь отстраниться. Серьга рассекает его ярёмную вену, и в лицо Холли ударяет сначала одна струя тёплой крови, выталкиваемая сердцем, а затем другая. Кровь обжигает её глаза.

Родди конвульсивно дёргается и вырывается из рук Холли. Шатаясь, он направляется к лестнице; верхняя часть халата висит почти на уровне пояса, а нижняя волочится по полу. Родди прижимает ладонь к шее. Сквозь пальцы струится кровь. Он налетает на прислонённую к лестнице швабру и спотыкается об неё. Головой Родди ударяется о перила и падает на колени. Кровь продолжает хлестать, но уже слабее. Ухватившись за перила, Родди поднимается на ноги и поворачивается к Холли. Его глаза широко раскрыты. Он протягивает руку и издаёт некий горловой звук, который может означать что угодно, но Холли кажется, что профессор произнёс имя жены. Халат полностью сползает. На ум Холли приходит змея, сбрасывающая кожу. Родди делает два шага обратно к клетке, размахивая руками, затем падает ничком. Его голова глухо ударяется о бетон. Пальцы дёргаются. Родди пытается поднять голову, но тщетно. Кровь растекается по полу.

Холли застывает от шока и изумления. Её руки всё ещё просунуты сквозь два квадрата, образованных прутьями решётки. Серьга зажата в левой руке, будто облачённой в мокрую красную перчатку. Первое,

что ей приходит в голову – это вопрос леди Макбет: «Кто бы мог подумать, что в старике так много крови?»⁹⁹

Затем возникает второй вопрос: *где его жена?*

Холли отступает на шаг назад, ещё на один и запинаясь о собственную ногу, тяжело плюхнувшись на матрас. Вскрикивает от боли в ушибленных и напряжённых рёбрах. Серьга выпадает из руки Холли.

Она ждёт Эмили.

16

Барбар лишь мельком видит женщину, с которой разминулась в вестибюле «Фредерик-Билдинг». Она вспоминает «Ваш вывод, пожалуйста», серию детских детективных книг, которые Джером читал в детстве, а потом отдал ей. Барбара сомневается, что их с Джемом тяга к избранной Холли деятельности (особенно у него) возникла благодаря этим книгам, но всё может быть.

В каждой книге «Ваш вывод, пожалуйста» было тридцать-сорок историй-загадок длиной всего две-три странички. Там фигурировал сыщик с неправдоподобным именем Датч Разгадкин. Он являлся на место преступления, осматривал его, опрашивал нескольких человек, а затем раскрывал тайну (обычно ограбление, иногда поджог или нападение, но никогда убийство). В конце Датч всегда заключал: *«Все подсказки налицо! Решение в ваших руках! Делайте ваш вывод, пожалуйста!»* Джерому иногда удавалось раскрывать дела, Барбаре – почти никогда... хотя, когда она пролистывала книгу до конца и читала обстоятельства дела, они всегда казались очевидными.

Поднимаясь в лифте, Барбара думает, что исчезновения, расследуемые Холли, похожи на те самые загадки, над которыми она ломала голову в девять или десять лет. Более неприятные, зловещие, но, по сути, те же самые. *«Все подсказки налицо, решение в ваших руках».*

⁹⁹ Перевод «Макбета» Лозинского.

Барбара почти уверена, что так и есть. Она бы хотела пролистать страницы и прочитать решение, но книги не существует. Только её пропавшая подруга.

Барбара проходит по коридору и своим ключом открывает дверь «Найдём и сохраним».

– Холли?

Ответа нет, но у Барбары возникает необычное чувство, что здесь кто-то есть, либо только что был. Не запах, а просто ощущение, что воздух недавно был потревожен.

– Есть кто?

Тишина. Барбара быстро заглядывает в офис Пита. Даже проверяет шкаф для верхней одежды. Затем она подходит к двери офиса Холли. На секунду Барбара замирает, держась за дверную ручку, в страхе, что обнаружит Холли мёртвой в своём кресле, с открытыми остекленевшими глазами. Барбара заставляет себя открыть дверь, твердя себе, что не увидит там Холли, а если увидит, то не должна кричать.

Холли в офисе нет, но ощущение чьего-то недавнего присутствия не проходит. Барбара смотрит на стол Холли, пустой, не считая чистого блокнота, которым Холли пользуется для заметок и рисунков. Он аккуратно выровнен по центру, и это похоже на Холли. Барбара нажимает клавишу на клавиатуре компьютера и хмурится, видя, что ничего не происходит. Холли почти никогда не выключает свой компьютер, просто переводя его в спящий режим. Говорит, что ненавидит ждать, пока он загрузится.

Барбара включает компьютер и, когда появляется стартовый экран, открывает блокнот на своём телефоне, где записан единый пароль для всех компьютеров в офисе: Qxтт4#%ск. Затем Барбара вводит его. Ничего не происходит, кроме раздражающего жужжания, означающего, что «Мак» не принял пароль. Барбара пробует снова, вдруг в первый раз ошиблась. Тот же результат. Она хмурится, затем тихо и нервно хихикает, когда до неё кое-что доходит. Пароль автоматически меняется раз в полгода, а значит Qxтт4#%ск устарел первого июля.

Холли забыла выдать ей новый, а Барбара – занятая своими делами – забыла попросить. Возможно, пароль есть у Джерома, но Барбара сомневается. У него тоже было дел по горло.

«Ваш вывод, пожалуйста?»

У Барбары его нет. Она встаёт, собираясь уходить, затем, почти интуитивно, снимает со стены репродукцию картины Тёрнера. За ней находится корпоративный сейф. И хотя он закрыт, Барбара замечает кое-что усиливающее её беспокойство. Воспользовавшись сейфом, Холли всегда выкручивает циферблат на ноль. Это один из её маленьких пунктиков. Пит не стал бы париться, вот только Пита не было здесь уже почти месяц.

Барбара дёргает за ручку. Заперто. Она не знает комбинацию, поэтому не может проверить пропало ли что-то. Она может только выставить циферблат на ноль, вернуть картину на место и позвонить брату.

17

Эмили останавливается на подъездной дорожке и торопливо вылезает из «Субару». Её спину пронзает ещё одна вспышка боли. Становится всё труднее и труднее поддерживать веру, что они сдерживают волну старости – веру, принятую после ужина из Хорхе Кастро.

«Не веру, – подчёркивает она. – Науку. Тут действует наука. Это всего лишь нервные спазмы от стресса. Они пройдут, и тогда я снова продолжу восстановление».

Эмили поднимается по ступенькам, прижав ладони к пояснице. Родди на крыльце нет, осталась лишь полупустая кофейная кружка и его блокнот. Эмили заглядывает в блокнот, с огорчением отметив, что некогда аккуратный почерк Родди стал расплываться и скакать. А также перестал придерживаться голубых линий. Строчки поднимаются и опускаются, будто он писал их на борту «Мэри Кэсер» в сильную качку.

Эмили ожидает найти Родди в гостиной или в кабинете на первом этаже, но его нигде нет, а зайдя на кухню, Эм видит, что дверь в подвал открыта. Она чувствует, как у неё заныло в животе. Эмили приближается к двери.

– Родди?

Отвечает Гибни. Гнусная ищейка Гибни.

– Он здесь, профессор. И, кажется, он дал свою последнюю лекцию.

18

Джером сообщает Барбаре, что всё-таки не полетит домой. Рейс был на 12:40, но когда Джером позвонил, чтобы забронировать билет, то узнал, что рейс отменён из-за ковида. У пилота и трёх бортпроводников оказался положительный результат теста.

– Попробую взять напрокат машину. Тут не больше пятисот миль. К полуночи могу доехать. Даже раньше, если не будет сильных пробок.

– Ты уверен, что достаточно взрослый для проката? – Барбара надеется, что это так. Она хочет, чтобы Джером приехал к ней, до жути хочет.

– Уже два месяца, сразу после дня рождения. Даже могу получить скидку по карточке Гильдии авторов. Обалдеть, да?

– Знаешь, от чего ещё можно обалдеть? Я думаю, кто-то побывал в офисе. Я сейчас здесь. – Барбара рассказывает Джерому о том, как нашла компьютер выключенным вместо спящего режима, и о том, что циферблат сейфа стоял на 70 вместо нуля. – Ты знаешь её пароль? Новый, что в ходу с начала месяца?

– Блин, нет. Вообще там не был. Занимался книгой, ты же знаешь. Барбара знает.

– Может, она выключила компьютер, я говорила ей, что даже в спящем режиме он потребляет энергию. Но чтобы она забыла установить циферблат на ноль? Ты же знаешь Холли.

– Но зачем кому-то туда приходиться? – спрашивает Джером, затем отвечает на собственный вопрос. – Возможно, кого-то волнует то, что узнала Холли. Хочет знать, написала ли она отчёт или разговаривала со своим клиентом. Барб, ты должна позвонить Даль. Предупреди её, пусть будет осторожна.

– Я не знаю её ном... – Барбара вспоминает сообщение, оставленное Пенни Даль. Её номер должен сохраниться в контактах Барбары. – Стой, вообще-то знаю. Я больше беспокоюсь о Холли, чем о матери Бонни Даль.

– Аналогично, сестрёнка. Как насчёт полиции? Изабелла Джейнс?

– И что мне ей сказать? Холли поставила машину не в том месте, заехав колесом на жёлтую линию, и забыла повернуть циферблат сейфа на ноль, так что поднимай по тревоге Национальную гвардию?

– Да, да, я тебя понял. Но Иззи вроде как друг. Хочешь, я позвоню ей?

– Нет, я сама. Но перед этим расскажи мне всё, что тебе известно об этом деле.

– Я уже...

– Да, но я была по уши в собственном дерьме, так что расскажи снова. Я чувствую, что почти всё поняла. Только я не могу... я так сбита с толку... Давай, просто выкладывай всё ещё раз. Пожалуйста.

Что Джером и делает.

19

Эмили спускается до середины лестницы и замирает, увидев мужа, лежащего лицом вниз в растекающейся луже крови.

– Что случилось? – визжит она, – *Что случилось?*

– Я перерезала ему горло, – отвечает Холли. Она стоит у дальней стены клетки, рядом с туалетом, и чувствует себя удивительно спокойно. – Хотите услышать анекдот, который я придумала?

Эмили спешит вниз по оставшимся шести или восьми ступенькам. Ошибка. Она спотыкается на последней и теряет равновесие. Эмили

протягивает руки, чтобы смягчить падение, и Холли слышит хруст, с которым ломается старая и хрупкая кость её левой руки. На этот раз по подвалу разносится крик боли, а не визг ужаса. Эмили подползает к Родди и поворачивает его голову. Кровь из перерезанного горла уже начала сворачиваться, и раздаётся противный липкий треск, когда от пола отлипает его щека.

– Заходит как-то новоиспечённая миллионерша в бар и заказывает май-тай...

– *Что ты сделала? ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА С РОДДИ?*

– Вы что, не слышали? Я перерезала ему горло. – Холли наклоняется, поднимая золотую серьгу. – Вот этим. Она принадлежала Бонни. Если бывает месть с того света, то это тот самый случай.

Эмили выпрямляется... слишком резко. Раздаётся не крик, не визг, а вопль агонии от безумной боли в спине. Её вывернутая рука безвольно свисает.

«Сломана в локте, – думает Холли. – Хорошо».

– *О, боже! О, бог ты мой! КАК ЖЕ БОЛЬНО!*

– Жаль, что вы не размозжили свою дурную башку, – произносит Холли. Она поднимает вверх серьгу, блестящую в свете флуоресцентных ламп. – Подойдите ближе, профессор. Позвольте мне избавить вас от страданий, которым иначе, похоже не будет конца. Может, ещё не слишком поздно догнать мужа на его пути в ад.

Эмили сгорбилась, словно ведьма. Волосы, собранные утром в аккуратным пучок, растрепались и спадают на лицо. На взгляд Холли, это ещё больше добавляет ей сходства с ведьмой. Она гадает, не объясняется ли её спокойствие тем, что она сошла с ума? Холли полагает, что нет, не сошла, потому что совершенно отчётливо осознаёт: если Эмили Харрис удастся подняться наверх – и вернуться назад – она умрёт.

«По крайней мере, я покончила с одним из них, – думает Холли, затем неожиданно вспоминает слова Хамфри Богарта в фильме „Касабланка“: – У нас всегда будет Париж».

Эмили шаркающей походкой направляется к лестнице. Хватается за перила. Оглядывается, но не на Холли, а на своего мужа, лежащего

мёртвым на полу. Затем очень медленно, подтягивая себя, начинает подниматься. Холли кричит ей вслед:

– Заходит как-то новоиспечённая миллионерша в бар и заказывает май-тай. Упади и сломай себе шею, сука, *упади!*

Но Эмили не падает.

20

Барбара считает, что в конце книги всё-таки может раскрыться тайна исчезновения Холли. Если, конечно, в роли отгадок в конце представить Пенни Даль. На фонарном столбе рядом с парковкой Фредерик-Билдинг висит объявление о пропавшей девушке. За три недели оно выцвело и треплется на тёплом утреннем ветру, но Барбара всё ещё может различить улыбающееся лицо.

«Мертва, – думает Барбара. – Эта девушка мертва. Но, боже, пусть Холли будет жива».

Барбара набирает номер Пенни Даль. Во время звонка она разглядывает фото улыбающейся девушки на объявлении. Ненамного старше самой Барбары.

«Ну же, мисс Даль. Ответьте на чёртов звонок».

Пенни отвечает, запыхавшись.

– Алло?

– Мисс Даль, это Барбара Робинсон.

– Вы получили моё сообщение? Вы нашли её? С ней всё в порядке?

Барбара не понимает, идёт ли речь о Бонни или Холли. В любом случае, ответ одинаковый.

– Пока нет. Я знаю, что вчера вечером вы должны были поговорить с Холли. Может, вместо этого она прислала вам отчёт? Вы проверяли электронную почту?

– Проверяла, там ничего не было.

– Не могли бы вы проверить ещё раз?

Пенни Даль просит Барбару подождать. Барбара стоит, глядя на фото пропавшей дочери этой женщины. Блондинка, похожая на типичную американскую чирлидершу, мечта каждого белого парня. Барбара ждёт, и по её щекам катятся капельки пота. Она никак не может выбросить из головы циферблат сейфа. *«Ведь не та цифра, не та»*, – думает Барбара.

Возвращается Пенни.

– Ничего нет.

Значит, если отчёт существует, он, вероятно, на компьютере агентства «Найдём и сохраним». Поблагодарив Пенни, Барбара звонит Питу Хантли. Он отвечает сам, потребовав от дочери завязывать с опекой над его телефоном.

– Пит, это Барбара, и прежде чем ты спросишь – нет, она пока не нашлась. – Барбара рассказывает ему о припаркованной не в стиле Холли машине и циферблате сейфа. Затем спрашивает о главном: знает ли он пароль к компьютеру агентства, который автоматически сменился 1 июля.

После продолжительного приступа кашля Пит отвечает:

– Чёрт, нет. Этим занимается Холли.

– Ты *уверен*, что она тебе не говорила?

– Да. Я бы записал. И, прежде чем ты спросишь, кода сейфа у меня тоже нет – потерял бумажку. Всё равно никогда им не пользуюсь. Прости, зайка.

Барбара разочарована, но не удивлена. Она благодарит Пита, даёт отбой и стоит, уставившись на улыбающуюся блондинку на фонарном столбе. Жара перебила её антиперспирант, и теперь у неё подмышками стекают капельки пота. Барбара всё равно сомневается, что в сейфе лежит бумажная копия отчёта. Холли предпочитает хранить всё в «ящике», как она называет свой компьютер, пока дело не будет закрыто. Она терпеть не может распечатывать всё заново после внесения правок и дополнений; ещё один пунктик Холли. Если она действительно написала отчёт и отправила его в облако, он останется там,

пока айтишник – компетентный в вопросе человек – не сможет взломать сеть «Найдём и сохраним», но к тому времени может быть слишком поздно. *Скорее всего, будет слишком поздно.*

Джером предложил Барбаре позвонить Изабелле Джейнс, и она могла бы, но что сказать? Холли пропала меньше суток назад. В её квартире и офисе нет следов крови или борьбы. Барбара даже не может попросить Иззи объявить машину Холли в розыск, потому что та стоит в подземном гараже дома Холли. Просто поставила её не в том месте – люди постоянно так делают.

«Не Холли. Она бы так не сделала».

Барбара решает поехать к себе. Родителей нет дома, и она не хочет отвлекать их от работы. Ей нужна помощь Джерома и, добравшись домой, Барбара звонит ему. В ответном сообщении говорится, что он не может разговаривать за рулём. Барбара убеждает себя, что всё будет хорошо, но легче ей не становится. Совсем не становится.

21

«Может, наверху она упадёт в обморок, – думает Холли. – Сломанная рука, больная спина... всё может быть». Но Холли сомневается.

Она ждёт и, как раз, когда уже пробуждается надежда, на верхней ступеньке появляется туфля. Затем вторая. Следом подол юбки сумасшедшей дамочки. Она спускается медленно, по ступеньке за раз, тяжело дыша и крепко держась правой рукой за перила. Левая болтается. Её лицо бледное, как у трупа. За пояс юбки заткнуто оружие. Хотя Холли видит только рукоять, она узнала бы этот револьвер где угодно. Эмили собирается убить её из револьвера Билла Ходжеса 38-го калибра.

– Ты, сука, – хрипит Эмили. Она добирается до подножия лестницы. – Сунула свой поганый длинный нос и всё испортила.

– Все было испорчено задолго до моего появления на сцене. – Холли медленно отступает, пока есть куда. Она даже поднимает руки

– много ли от этого пользы? – Эмили, всё это время действовал эффект плацебо. Ожидания влияют на химию тела. Я слегка ипохондрик, так что знаю, о чём говорю. И я видела статистику. Учёным давным-давно известно об эффекте плацебо. Уверена, и ваш муж в глубине души знал об этом.

Если Холли надеялась вызвать такую же ярость, что заставила мужа Эмили потерять голову, то она просчиталась. Если она надеялась, что Эмили выстрелит себе в живот, вынимая оружие из-за пояса, то и здесь её ждёт разочарование. Хотя Холли ничего такого не ощущает, но все её органы чувств сверхъестественно обострены. Она всё видит, всё слышит, вплоть до слабого хрипа в горле Эмили Харрис при каждом резком вздохе. Холли гадает, все ли, кто видит приближающуюся к ним смерть, испытывают то же исключительное обострение чувств, последнюю попытку мозга вобрать всё, прежде чем всё потерять.

Эмили смотрит на тело своего мужа сверху вниз.

– Увы, бедный Родди, – произносит она. – Я знала его.¹⁰⁰

– Прислушайтесь к себе, – говорит Холли, прислонившись спиной к стене и упёршись руками в бетон. – Каннибал цитирует Шекспира. Это достойно упоминания в книге рекордов Гинн...

– Заткнись. *Заткнись!*

Холли даже не помышляет заткнуться. Большую часть своей жизни она прожила робкой мышкой. Её мать: *отвечай, когда к тебе обращаются*. Дядя Генри: *детей должно быть видно, но не слышно*. Что ж, пошли они на хрен. Нет, на хер. Через минуту эта женщина заткнёт её на веки вечные, но, как и в случае с Родди, Холли сперва скажет ей пару ласковых.

– Я хотела рассказать вам придуманный мною анекдот. Заходит как-то новоиспечённая миллионерша в бар и...

– *Заткнись!*

¹⁰⁰ Эмили повторяет знаменитые слова Гамлета, произносимые с черепом в руке: «О, бедный Йорик. Я знал его...»

Эмили вскидывает оружие и стреляет. Хотя револьвер сравнительно небольшого калибра, выстрел в подвале оглушительен. От одного из прутьев самодельной решётки (Родди посмотрел обучающее видео на «Ютьюб», и результат оказался выше всяких похвал) отскакивает искра. Холли видит, как над синим пластиковым туалетом от бетонной стены отлетает осколок. Мелькает мысль: *«Я даже не успела пригнуться»*.

– ...и заказывает май-тай...

– *Заткнись!*

Холли юркает вдоль стены влево, когда Эмили снова стреляет. В этот раз искры нет – пуля проходит в пустой квадрат между прутьев, и проделывает дыру размером с пенни в бетоне, где Холли стояла секундой ранее. Револьвер дрожит в руке Эмили, и Холли понимает: *«Она левша, и именно эта рука сломана. Эмили стреляет неудобной рукой»*.

– И заказывает май-тай. Вы слушаете? Это довольно смешно, ну, мне так кажется. Бармен идёт готовить коктейль, и женщина слышит голос: *«Поздравляю, Холли! Ты заслуживаешь...»*

Эмили бросается вперёд, стремясь оказаться поближе, но цепляется ногой за халат Родди и снова падает. Одним коленом она опускается на задницу покойного профессора. Другое ударяется о бетон. Тело Эмили изгибается в талии, она кричит от боли, и револьвер стреляет. Пуля попадает Родди в затылок. Но вряд ли он что-то чувствует.

«Не вставай, – умоляет Холли. – Не вставай. НЕ ВСТАВАЙ!»

Но Эмили поднимается, хотя исходит криком от боли и ей не удаётся полностью выпрямиться. Холли больше не кажется, что старуха похожа на ведьму; теперь она напоминает Горбуна из «Собора Парижской Богоматери». Её глаза выпучены. В уголках рта что-то белое; перед спуском в подвал эта женщина могла чем-то подкрепиться – Холли не хочет даже думать об этом, – сочтя, что ей понадобятся силы, чтобы прикончить Холли из оружия её наставника. И она вновь поднимает руку с револьвером.

– Давайте, – говорит Холли. – Покажите, на что вы способны.

Холли юркает вдоль стены, одновременно пригибаясь и чувствуя себя хрупкой, как фарфоровые статуэтки её матери. Теперь она немного замешкалась, а Эмили немного повезло. Холли чувствует на правой руке жгучую боль выше локтя. Она тоже знакома с творчеством Шекспира и вспоминает «Гамлета»: «Удар, удар всерьёз». Хотя это всего лишь царапина. Не так уж и больно, во всяком случае, сейчас.

– В общем, голос говорит: «Поздравляю, Холли! Ты заслуживаешь каждый чёртов цент этих денег». Но когда она оглядывается, за спиной никого нет. Затем она слышит голос с *другой* стороны...

– *Заткнись, заткнись, ЗАТКНИСЬ!*

За миг до следующего выстрела Холли падает на колени. Она слышит свист пули, пролетевшей так близко от головы, что буквально *чиркает* по волосам.

– Извините, профессор, – говорит Холли, вставая на ноги. – Революеры хороши только на близком расстоянии. – Холли чувствует, как рукав её рубашки пропитывается кровью. Чувствует тепло, а тепло – это хорошо. Тепло – это жизнь. – Плюс вы стреляете не той рукой. Давайте заканчивать. Я облегчу вам задачу – просто дайте мне дорассказать анекдот.

Холли подходит к передней части клетки и прижимается лицом к одному из стальных квадратов. Холодные прутья вдавливаются в её кожу.

– Короче, этот *другой* голос говорит: «Ты сегодня особенно хороша, Холли». Но когда она смотрит туда, там опять никого нет! Бармен приносит напиток и...

Эмили делает рывок вперёд. Она прижимает короткий ствол револьвера Билла ко лбу Холли и нажимает на спусковой крючок. Раздаётся сухой щелчок – курок попадает по пустому гнезду, которое Холли оставила незаряженным, как учил её Билл... потому что у револьверов, в отличие от его служебного «Глока», нет предохранителя.

Эмили успевает удивиться, прежде чем Холли просовывает руки сквозь прутья, хватает Эмили за голову и изо всех сил выкручивает влево. Когда старуха сломала руку, Холли слышала хруст. Теперь она

слышит приглушённый *треск*. Колени Эмили подкашиваются. Старуха падает, её голова выскользывает из рук Холли, оставляя несколько седых волосков в левой руке. На ощупь они противные, как паутина, и Холли вытирает ладонь о рубашку. Она слышит своё тяжёлое дыхание и чувствует, как мир пытается уплыть от неё. Но этого нельзя допускать, поэтому Холли бьёт себя по лицу. Капли крови из раненной руки попадают на прутья решётки.

Тело Эмили застыло в приседе: ноги подогнуты, но ниже колен разведены в стороны, лицо прижато к решётке. Один из прутьев превратил её нос в свиной пятак. Опустившись на колени, Холли поднимает заслонку и берёт револьвер, пустой, но он всё ещё может пригодиться. Если Эмили жива (в чём Холли сомневается), если хоть пальцем пошевелит, Холли размозжит её поганую голову.

Никакого движения. Холли считает вслух до шестидесяти. Стоя на коленях, она протягивает руку через нижний стальной квадрат и прижимает пальцы к шее Эмили. Голова женщины безвольно отклоняется в сторону, говоря Холли всё, что ей нужно знать (что она уже знала), но она удерживает пальцы ещё минуту. И ничего не чувствует. Даже последних неровных ударов умирающего сердца.

Холли встаёт, тяжело дыша, но не может удержаться на ногах. Она тяжело опускается на матрас. Она выжила. Не верится, но это так. Боль в рёбрах убеждает её. Жжение в руке убеждает её. И жажда тоже. Холли чувствует, что могла бы выпить досуха все пять Великих озёр.

Они оба мертвы. Одному Холли перерезала горло, другой свернула шею. И теперь она сидит в клетке, о которой никто не знает. Рано или поздно кто-нибудь придёт, но когда это случится? И как долго человек может обходиться без воды? Холли не знает. Она даже не может вспомнить, когда последний раз пила.

Холли закатывает рукав рубашки, шипя от боли, когда ткань задевает рану. Наконец, Холли видит, что тут нечто посерьёзнее царапины. Кожа рассечена до мяса двумя дюймами выше правого локтя. Кость не видно, и Холли полагает, что это хорошо, но рана обильно кровоточит. Как известно, потеря крови усиливает жажду, и без того невыносимую,

но что...? Что ждёт её дальше? Холли не может вспомнить нужное слово, как не может вспомнить, сколько дней человек способен обходиться без воды.

«Я убила их обоих, сидя в клетке. Это должно попасть в книгу рекордов Гиннеса».

Холли снимает рубашку. Это медленный процесс, и болезненный, но наконец ей удаётся. Затем оборачивает её вокруг огнестрельного ранения – также медленно, – и затягивает узел зубами. После этого Холли приваливается к бетонной стене и принимается ждать.

– Заходит как-то новоиспечённая миллионерша в бар, – хрипит она, – и заказывает май-тай. Пока бармен готовит коктейль, кто-то говорит: «Ты заслужила эти деньги, Холли. Все до последнего цента». Холли смотрит, а там никого нет. *Затем* она слышит голос с *другой* стороны: «Ты убила их обоих, сидя в клетке, ты в книге рекордов Гиннеса, так держать, ты звезда».

Эмили шевельнулась? Конечно, нет. Наверное, это воображение Холли. Она знает, что ей следует помолчать, болтовня только усиливает жажду, но ей нужно закончить долбаный анекдот, даже если из слушателей только пара мёртвых стариков.

– Возвращается бармен и Холли спрашивает: «Я слышу разные голоса, говорящие такие приятные вещи, откуда они?» А бармен отвечает... он отвечает...

Холли теряет сознание.

22

Пока Холли теряет сознание (как раз перед концовкой), Барбара сидит дома, в кабинете, теперь принадлежащем Джерому. Она смотрит распечатку с «МапКвест» с красными метками в местах исчезновений. Теперь среди них есть собственноручно нанесённая метка для Хорхе Кастро, пропавшего осенью 2012 года. Барбара поставила эту метку напротив дома Оливии на Ридж-Роуд. *«Я говорила тебе, что*

видела его незадолго до исчезновения? – сказала Оливия. – На пробежке. Он всегда бегал по вечерам в парк и обратно. Даже под дождём, а в тот вечер шёл дождь. – И ещё кое-что: – С тех пор я его не видела».

Барбара прослеживает маршрут от кампуса колледжа Белла по Ридж-Роуд и до парка. До детской площадки в парке. Что, если это произошло там, на парковке? Мог ли там быть фургон с видеозаписи похода Бонни в магазин...?

Что-то гложет Барбару. Фургон? Ридж-Роуд? И то, и другое? Барбара не знает, но уверена, что Датч Разгадкин нашёл бы ответ.

Звонит телефон. Джером спрашивает последние новости. Барбара рассказывает ему о сделанных ею звонках, и об одном не сделанном – Иззи Джейнс. Джером говорит, что Барбара, скорее всего, поступила правильно, не позвонив ей. Он уже в Нью-Джерси, но не хочет превышать скорость больше чем на пять миль в час. Барбаре не нужно спрашивать почему: он – чёрный за рулём. Джером даже не хочет рисковать, разговаривая по телефону во время движения. Чтобы позвонить Барбаре, он заехал в зону отдыха, и ему не терпится снова тронуться в путь.

Но до того, как он успевает закончить разговор, Барбара высказывает то, чего больше всего страшится.

– Джей, что если она мертва?

Повисает пауза. Барбара слышит шум движения на автостраде. Затем Джером говорит:

– Вовсе нет. Я бы почувствовал. Мне пора, Ба. Буду дома к одиннадцати.

– Я прилягу, – говорит Барбара. – Может, что-нибудь придёт в голову. Такое ощущение, что я знаю больше, чем мне кажется. У тебя когда-нибудь было подобное?

– Довольно часто.

Барбара поднимается в свою комнату и растягивается на кровати. Она не ожидает, что удастся заснуть, но, возможно, получится очи-

стить свой разум. Она закрывает глаза. Думает об Оливии и её историях. Барбара вспоминает, как спрашивала пожилую поэтессу о знаменитом снимке Оливии с Богартом перед фонтаном Треви. В частности, о её широко раскрытых глазах и почти ошарашенной улыбке. Оливия отвечает: *«Если я и выглядела ошарашенной, то потому, что он положил руку мне на задницу»*.

Барбара засыпает.

23

Холли в застеклённой столовой дома престарелых «Роллинг-Хиллз». Там никого нет, кроме её матери и дяди Генри. Они сидят за столом, смотрят боулинг по телевизору с большим экраном и пьют чай со льдом из высоких стаканов.

– Можно мне немного? – хрипит Холли. – Я хочу пить.

Они оглядываются по сторонам. Салютуют ей стаканами и пьют. По краям вспотевших стаканов нацеплены дольки лимона. Холли хочется высунуть язык и слизать конденсат со стенок стаканов. Она бы облизала их до самого верха, обсосала лимонные края, а затем осушила до дна.

– Ты не справилась бы с такой кучей денег, – говорит дядя Генри, делая глоток. – Мы поступили так для твоего же блага.

– Ты слабая, – говорит Шарлотта, и тоже делает глоток. Какая благодать! Как можно не выпить всё сразу? Холли осушила бы оба стакана, будь у неё возможность.

Шарлотта протягивает свой Холли.

– Можешь взять.

Дядя Генри протягивает свой.

– И этот тоже.

И хором, напевая по-детски:

– Как только бросишь все свои опасные глупости и вернёшься домой.

Холли вырывается из сна. Реальность – это клетка в подвале Харрисов. Рёбра Холли по-прежнему болят, а рана на руке горит, будто её облили бензином и подожгли, но эту боль затмевает неутолимая жажда. Пулевое ранение хотя бы перестало кровоточить; самодельная повязка уже не красная, а коричневая. Холли представляет, как чертовски больно будет разматывать рубашку, но сейчас ей не об этом стоит беспокоиться.

Холли поднимается и подходит к решётке. Тело Родди Харриса лежит рядом с лестницей. Эмили не удержалась в своем посмертном положении и свалилась на бок. Должно быть, дверь на кухню осталась открытой, потому что на лужу крови Родди слетелись мухи. Им есть чем полакомиться.

Холли думает: *«Я бы продала душу за стакан пива... А я даже не люблю пиво».*

Она вспоминает окончание сна, по-детски растянутые нараспев слова: «Как только бросишь все свои опасные глупости и вернёшься домой».

Холли убеждает себя, что кто-нибудь придёт. Кто-то *должен* прийти. Вопрос в том, до какого состояния она дойдёт, когда это случится. И будет ли вообще жива. Но даже сейчас, испытывая боль во всём теле, с двумя трупами возле клетки, в которой она заперта, изнемогая от жажды...

– Я ни о чём не жалею, – хрипит Холли. – *Ни о чём.*

Ну, может, лишь об одном. Прятаться за бензопилами было большой ошибкой.

«Нужно научиться больше доверять себе, – думает Холли. – Нужно поработать над этим».

Барбаре тоже снится сон. Она врывается в гостиную Оливии Кингсбери и видит её, как обычно, сидящей в кресле; Оливия читает книгу –

«Погружение к затонувшему судну» Адриенны Рич – вприкуску с маленьким сэндвичем. Рядом на столе дымится чашка чая.

– Я думала, вы умерли! – восклицает Барбара. – Они сказали, что вы умерли!

– Нонсенс, – отвечает Оливия, убирая книгу. – Я твёрдо намерена отпраздновать своё столетие. Я рассказывала тебе о выступлении Хорхе Кастро на собрании, посвященному дальнейшей судьбе поэтического семинара? С лица Эмили не сходила улыбка, но её глаза...

Звучит трель мобильного Барбары, и сон разваливается. Прекрасный сон, ведь в нём Оливия была жива, но всего лишь сон. Барбара хватается за мобильник, видя на экране фото улыбающейся матери. Также она видит, что уже 4:03 вечера; Джером, должно быть, уже в Пенсильвании.

– Привет... – Барбаре приходится откашляться. – Привет, мам.

– Ты что, спала?

– Хотела просто полежать и, видимо, задремала. Мне приснилось, что Оливия жива.

– О, милая. Мне так жаль. Мне снились похожие сны после смерти твоей бабушки Энни. И я всегда просыпалась с сожалением.

– Ага, я тоже. – Барбара приглаживает волосы, вспоминая слова Оливии из сна, перед тем, как раздался звонок. Они кажутся важными, как и мимолётная мысль о фургоне с видеозаписи камеры наблюдения. *«Датч понял бы, – думает Барбара. – Датч разобрался бы во всём этом дерьме».*

– ...Холли?

– Что?

– Я спросила, нашлась ли Холли? Она выходила на связь?

– Нет, не-а, ещё нет. – Барбара пока не хочет говорить Тане о своих страхах. Может, когда приедет Джей, но не раньше.

– Вероятно, она за городом, занимается делами матери. – Таня понижает голос. – Я никогда не скажу такого Холли, но Шарлотта Гибни умерла не от ковида. Она умерла от глупости.

Барбара не может не улыбнуться.

– Мам, я думаю, Холли сама понимает.

– Я позвонила сказать, что мы с твоим папой идём на ужин. В *крутой-прекрутой* ресторан.

– Классно! – говорит Барбара. – Какой именно?

Таня отвечает, но Барбара едва слышит. У неё в голове будто сверкнула молния.

Какой *именно*?

– ...в тот день.

– Хорошо, ладно.

Таня смеётся.

– Ты вообще меня слушаешь? Я говорю, это раннее празднование годовщины, потому что он будет занят в тот день. Если хочешь что-нибудь заказать, деньги в ящике на кухне, загляни туда...

– Желаю приятно провести время, мам. Мне нужно бежать. Люблю тебя.

– Я тебя тож...

Но Барбара прерывает связь и просматривает переписку с Холли. Вот оно: «*Кого именно?*»

Барбара переспросила, потому что знала двоих мужчин на фотографии, присланной ей Холли. Один – Кэри Дресслер, привлекательный молодой парень, от которого тащились все девчонки на уроках физкультуры. Второй – профессор Харрис. Тот, что мыл свою машину, когда Барбара зашла к Эмили Харрис, надеясь познакомиться к Оливией Кингсбери. В тот не по-зимнему тёплый день обе двери гаража были подняты, и во втором отсеке стоял фургон. Кажется, Харрис тогда поймал её взгляд и поспешил опустить дверь? Чтобы спрятать фургон?

«*Чушь. Ты придумываешь*».

Возможно, но теперь Барбара знает, что собиралась ей сказать Оливия, когда её разбудил звонок матери. Барбара знает, потому что Оливия сказала это в реальности: «*С лица Эмили не сходила улыбка, но её глаза... судя по её взгляду, она хотела убить его*».

Хорхе Кастро, первый из пропавших.

– Ты бредишь, – шепчет Барбара самой себе. – Только потому что он знал Кэри Дресслера... а она знала Кастро... и терпеть его не могла...

«Я говорила тебе, что видела его незадолго до исчезновения?»

– Ты бредишь, – повторяет Барбара. – Они *старые*.

Но... Бонни Даль. *Последняя* из пропавших. Возможно ли, что...?

Барбара бежит в кабинет Джерома, включает компьютер и гуглит нужную ей информацию. Затем набирает Мари Дюшан.

– Ты помнишь, Оливия рассказывала нам о рождественской вечеринке Харрисов? Как они рассылали по округе Санта-Клаусов с закусками и пивом?

– Конечно, – со смехом отвечает Мари. – Только это были *эльфы* Санты. Оливия считала это прекрасным примером характера Эмили Харрис, которая стремилась сохранить свою рождественскую традицию, вопреки хоть адскому пеклу, хоть всемирному потопу или ковиду. Мы съели закуски, выпили пиво – Ливви целых две банки, несмотря на моё неодобрение, – но пропустили вечеринку в «Зум».

– Она говорила, что к вам домой прислали блондинку. Красивую блондинку-Санту.

– Так... – с долей неуверенности произносит Мари.

– Ты узнаешь её, если я пришлю фото?

– Они были в костюмах *Санты*, Барб, ещё и с белыми накладными бородами.

– Эх. – Барбара расстраивается. – Гадство. Ладно, всё равно спаси...

– Нет, обожди секунду. Наша эльфочка продрогла после езды на велосипеде, и Оливия налила ей рюмочку. Я помню, потому что Оливия сказала: «Хлебни огненной воды, но без этой бороды». И девушка выпила. Симпатичная. Похоже, ей было искренне весело. Думаю, я могла бы узнать её.

– Я отправлю фото. Подожди немного.

Усилиями матери Бонни её странички в «Фэйсбуке» и «Инстаграме» остаются активными, и Барбара отправляет Мари фото Бонни в топике и белых шортах, верхом на велосипеде.

– Ты получила? – *«Это не она. Просто не может быть она»*.

– Да, и это она, наш рождественский эльф. А в чём дело?

– Спасибо, Мари.

Барбара отключается, она ошарашена. То, что профессор Харрис знаком с Кэри, ничего не значит, как и то, что Эмили Харрис знала и недолюбливала Хорхе Кастро. Но прибавить сюда Бонни – получится три. И если добавить фургон...

Барбара собирается набрать номер Джерома, но передумывает. Он захочет прибавить газу, а тогда его могут остановить. Как и каждый чернокожий в городе, Барбара прекрасно осведомлена о том, что случилось с Маликом Даттоном, когда его остановили.

Что же делать?

Ответ кажется очевидным: ехать на Ридж-Роуд, дом, 93, и поискать Холли там. Если её там нет, спросить Харрисов, не знают ли они, где Холли. Возможно, они не имеют отношения к исчезновениям – Барбара не может придумать ни одной причины в пользу этого. Пожилые люди просто не бывают серийными убийцами, но она уверена в одном: Холли знает то же, что и Барбара, и *она* бы пошла к Харрисам.

Барбара не боится Родди и Эмили, но вдруг тут замешан кто-то ещё. А значит нужно принять меры предосторожности. Подойдя к своему шкафу, Барбара встаёт на цыпочки и отодвигает в сторону плюшевых медведей Оинго и Боинго, в прошлом – обитателей её кровати. Они ей больше не нужны для защиты от бабайки по ночам, но ей жалко от них избавиться. Они дороги как память.

За ними стоит коробка из-под обуви «Найк». Барбара снимает её и открывает крышку. После истории с Четом Ондовски, она не решилась попросить у Холли пистолет, та бы отказала, предложив взамен психологическую помощь, поэтому Барбара попросила у Пита, дав ему слово хранить всё в тайне. Он без возражений отдал ей автоматический пистолет 22-го калибра размером с бумажник, и когда Барбара предложила заплатить, Пит покачал головой: «Только не выстрели в себя, Печенька, и ни в кого другого». Подумав, он добавил: «Если только они этого не заслуживают».

Сегодня Барбара не собирается ни в кого стрелять, но пригрозить – без проблем. Ей нужно знать, где Холли. Если Харрисы будут отрицать, хотя им что-то известно, и Барбаре покажется, что они лгут... Да, пригрозить не помешает. Даже если дело кончится тюрьмой.

Барбара думает: *«Я буду не первой поэтессой, попавшей в тюрьму».*

Перед выходом Барбара достаёт из корзины у двери кепку «Индианс», натягивает её и замирает, как вкопанная. В голову снова лезет выключенный компьютер Холли, которому полагалось находиться в спящем режиме. Она не может забыть кодовый замок, не установленный на ноль. И затем Барбара вспоминает идущую к выходу женщину в вестибюле «Фредерик-Билдинг». Она хромала, Барбара помнит это. И была в кепке с козырьком, вроде той, что сейчас надела Барбара. Голова женщины была опущена, и Барбара смогла прочитать надпись на кепке: «Коламбус Клипперс».

Барбара не знает, была ли это Эмили Харрис, но она знает, что у Холли тоже есть кепка «Клипперс». На улице встречается навалом людей в кепках «Индианс», в кепках «Кардиналс», и полно в кепках «Ройалс». Но в «Клипперс»? Не много.¹⁰¹ Поднималась ли эта женщина – возможно, Эмили Харрис – на пятый этаж? Могли ли у неё быть ключи Холли и её кепка? Могла ли она выключить компьютер? Повернуть циферблат сейфа? Вряд ли, но...

Но.

Эти вопросы терзают Барбару так сильно, что она решает скрыть от Харрисов своё приближение к их дому, пока не окажется на пороге и не огорошит их вопросом: *Где она? Где Холли?*

Барбара доезжает на велосипеде до Ридж-Роуд и пристёгивает его к велосипедной стойке на парковке рядом с игровой площадкой. Она

¹⁰¹ Вероятно, потому, что команда «Коламбус Клипперс» принадлежит к Младшей бейсбольной лиге, другие перечисленные команды – к Главной (т.е. более популярны).

смотрит на часы: уже десять минут шестого. Затем Барбара поднимается на холм, проходя мимо дома Оливии. Ей всегда нравились практичные неброские брюки-карго Холли, поэтому она заказала пару таких себе. И сейчас они на ней. В одном кармане с клапаном лежит пистолет 22-го калибра, в другом – мобильник.

Барбара считает, что неплохо бы сначала провести разведку. Она натягивает кепку пониже, опускает голову и медленно идёт мимо дома № 93, будто направляясь в колледж на холме. Глянув налево, Барбара замечает кое-что странное: входная дверь Харрисов приоткрыта. На крыльце никого нет, на столике стоит большая дорожная кружка. Даже беглого взгляда Барбаре хватает, чтобы узнать логотип «Старбакс».

Барбара доходит до 109 дома, затем идёт обратно. Теперь, опустив голову, она замечает в канаве кое-что хорошо ей знакомое: нитриловую перчатку со смайликами. Конечно знакомое, она сама в шутку подарила Холли коробку с этими перчатками.

Барбара звонит Питу Хантли, молясь, чтобы он поднял трубку. Пит отвечает:

– Привет, Печенька, ты уже нашла её...

– Послушай меня, Пит, ладно? Вероятно, это ерунда и я перезвоню тебе через пять минут, но если нет, позвони Изабелле Джейнс – пусть высылает наряд полиции на Ридж-Роуд, 93. И пусть сама тоже придет. Ты понял?

– Зачем? Что случилось? Это связано с Холли?

– Повтори адрес.

– Ридж-Роуд, 93. Не делай ничего глупого...

– Пять минут. Если не перезвоню, сообщи мисс Джейнс, пусть вызывает копов.

Засунув мобильник обратно в левый карман, Барбара достаёт пистолет из правого. Он заряжен? Барбара так и не проверила, но она помнит слова Пита: от незаряженного оружия не так уж много пользы, когда ты просыпаешься посреди ночи и понимаешь, что в доме грабители. Судя по приличному весу, пистолет заряжен.

Барбара поднимается на крыльцо, пряча пистолет за спину, и звонит. Из-за приоткрытой двери хорошо слышен двойной звонок, но никто не приходит. Барбара звонит ещё раз.

– Добрый день! Есть кто-нибудь дома? Профессор Харрис? Эмили?

Барбара что-то слышит, очень тихий звук. Возможно, чей-то голос или радио, доносящееся из окна в соседнем квартале. Барбара стучит в дверь, отчего та приоткрывается шире. Она видит прихожую, обшитую деревянными панелями. Мрачную. Казалась ли она такой во время первого визита? Барбара не может вспомнить. Она помнит только странный запах затхлости. И отвратительный чай.

– Здравствуйте! Есть кто-нибудь дома?

Да, Барбара слышит голос, всё верно. Очень слабый. Невозможно разобрать слов говорящего или, возможно, кричащего. Барбара колеблется, стоя на крыльце и вспомнив одну фразу: *«Заходи, подруга, в гости! – мухе говорил паук»*.

Барбара заглядывает за дверь, убедившись, что там никто не прячется. Пот струйками стекает по её затылку, маленький автоматический пистолет крепко прижат к бедру, но палец не лежит на спусковом крючке, как её учил Пит. Закусив губу, Барбара отваживается пройти по коридору в гостиную.

– Эй? *Есть кто?*

Теперь голос слышен отчётливее. Всё ещё приглушённый и хриплый, Барбаре кажется, что он принадлежит Холли. В этом она, конечно, может ошибаться, но нет сомнений в том, что голос зовёт: *«На помощь! Помогите мне!»*

Барбара вбегает на кухню и видит открытую дверь возле холодильника. На засове висит амбарный замок. Дальше лестница, ведущая в подвал, и что-то лежит на полу. Она твердит себе, что это не то, чем кажется, но знает – то самое.

– Холли? *Холли!*

– Я внизу! – Её голос надывается от хрипа. – *Я здесь!*

Барбара спускается до середины лестницы и замирает. Да, на полу лежит тело. Профессор Харрис распостёрт в луже подсыхающей крови. Его жена валяется возле какой-то клетки. Внутри Холли Гибни, держится за прутья решётки, её окровавленная рубашка обмотана вокруг руки. Волосы прилипли к щекам. На лице пятна крови. На боку Холли, поскольку она без рубашки, Барбара видит большой кровоподтёк, расплывшийся чернильным пятном.

Узнав Барбару, Холли не может удержаться от слёз.

– Барбара, – с трудом произносит она надтреснутым голосом. – О, Барбара, слава богу. Я не могу поверить, что это ты.

Барбара оглядывается.

– Где он, Холли? Где человек, убивший их? Он ещё в доме?

– Его нет, – хрипит Холли. – «Хищника с Ред-Бэнк» нет. Я убила их. Барбара, принеси мне воды. Прошу тебя. Я... – Холли прикладывает руки к горлу, издав ужасно скрипящий звук. – *Пожалуйста.*

– Да, хорошо. – Надрываясь, звонит её мобильник. Должно быть, это Пит. Или Изабелла Джейнс. – Если ты уверена, что на меня никто не набросится.

– Никто, – говорит Холли. – Это всё они. – И Холли плюёт на распластавшееся тело Эмили Харрис, шокируя Барбару.

Барбара торопится наверх, принести воды. Сейчас это первоочередная задача; сейчас не до ответов на звонки, потому что Пит вызовет полицию и, видит Бог, лучше бы им примчаться поскорее.

– *Барбара!* – В горле кричащей Холли будто полно осколков. По её голосу кажется, что либо она сошла с ума, либо на грани. – *Налей из-под крана! Не заглядывай в холодильник! НЕ ЗАГЛЯДЫВАЙ В ХОЛОДИЛЬНИК!*

Барбара взбегает по лестнице на кухню. Она понятия не имеет, что здесь произошло. Все мысли сосредоточены только на одном: вода. По обе стороны от раковины есть шкафчики. Барбара кладёт пистолет на столешницу и открывает один из них. Внутри тарелки. Открывает другой и находит стаканы. Она наполняет один, направляется к двери в подвал и решает захватить ещё один. Держа по стакану в каждой

руке, Барбара спускается по лестнице. Она бочком обходит кровавый ореол вокруг профессора Харриса.

Остановившись перед телом Эмили, Барбара протягивает один стакан через решётку. Холли хватает его, немного расплёскивая, и выпивает большими глотками. Бросив стакан на матрас, Холли протягивает руку через стальной квадрат.

– Ещё. – Теперь её голос звучит бодрее.

Барбара даёт ей второй стакан и Холли выпивает половину.

– Хорошо, – произносит она. – Как же, блин, хорошо.

– Я велела Питу вызвать полицию, если не перезвоню. И детектившу тоже. Как мне тебя освободить, Холли?

Холли указывает на кнопочную панель, но качает головой.

– Я не знаю пароль. Барбара... – Холли замолкает и обтирает лицо.

– Как ты... неважно, скажешь позже. Иди наверх. Встреть их.

– Хорошо. Позвоню Питу и скажу...

– Я заметила у тебя пистолет. Это твой?

– Да. Пит...

– Не бери его с собой на встречу с полицейскими. Вспомни Даттона.

– Но что...

– Позже, Барбара. И спасибо тебе. Огромное тебе спасибо.

Барбара возвращается к лестнице, снова стараясь не наступить в запёкшуюся кровь вокруг Родни Харриса. Оглянувшись, она видит, как Холли допивает остатки воды из второго стакана. Другой рукой Холли держится за прутья решётки, чтобы не упасть.

«Что тут произошло? Что тут на хер произошло?»

Оказавшись на кухне, Барбара слышит слабый вой сирен. Увидев свой пистолет 22-го калибра на столешнице, Барбара думает о словах Холли: *«Не бери его с собой на встречу с полицейскими. Вспомни Даттона»*. Она убирает пистолет в хлебницу, положив поверх упаковки маффинов.

Барбара не может удержаться и перед уходом заглядывает в холодильник. Она готова ко всему, но не видит ничего, объясняющего

предупреждение Холли. Только обезжиренное молоко, яйца, сливочное масло, йогурт, овощи, пластиковый контейнер с чем-то похожим на клюквенное желе и несколько упаковок мяса в пищевой плёнке. Наверное, стейки. А также шесть или восемь бокалов для десерта, наполненных, видимо, ванильным пудингом с волокнами клубники. Выглядит аппетитно.

Барбара закрывает холодильник и выходит на улицу.

26

К обочине подъезжает патрульная машина городской полиции, сирена затихает. За ней встаёт седан без опознавательных знаков, так близко, что почти задевает бампер патрульной машины. Держа в уме слова Холли и помня о собственном цвете кожи, Барбара стоит на верхней ступени крыльца, разведя руки в стороны ладонями наружу и показывая, что они пусты.

По подъездной дорожке идут двое полицейских в форме. Первый из них держит руку на рукояти своего «Глока».

– Что здесь происходит? – осведомляется он. – В чём срочность?

Второй, что постарше, спрашивает:

– Ты под кайфом, девочка?

Прежде чем Барбара успеет ответить – позже она поймёт, что вопрос был не такой уж нелепый или расистский; она явно выглядела шокированной – хлопает дверь немаркированной машины, и лужайку торопливо пересекает Изабелла Джейнс. На ней джинсы и обычная белая футболка. На шее висит полицейский значок, а на бедре служебный «Глок».

– Отойдите, – говорит она копам. – Я знаю эту девушку. Кажется, Барбара? Сестра Джерома.

– Да, – отвечает Барбара. – Холли в подвале. Заперта в клетке. Пожилые профессора, жившие здесь, мертвы и... и... – Барбара начинает плакать.

– Успокойся. – Иззи обнимает Барбару за вздрагивающие плечи. – Они мертвы, я поняла... а дальше?

– И Холли говорит, что она убила их.

27

Холли слышит над головой шаги и голоса, затем видит ноги. Она вздрагивает, вспомнив, как Эмили спускалась по лестнице, собираясь убить её из револьвера Билла. Туфли этой старой женщины будут сниться ей в кошмарах. Но она видит не туфли, а замшевые сапоги. А вместо платья – синие джинсы. Ноги останавливаются, когда их владелец замечает тела. Затем Изабелла медленно спускается вниз, держа пистолет наготове. Перед ней предстаёт Холли, стоящая за решёткой, её лицо перепачкано кровью, вокруг руки повязана окровавленная рубашка. Грудь над лифчиком тоже в засохших красных пятнах.

– Какого хера тут произошло, Холли? Ты серьезно ранена?

– Большая часть крови не моя, – отвечает Холли, указывая дрожащим пальцем на мёртвого мужчину в пижаме с пожарными машинами. – Я всё расскажу, как только ты вытащишь меня отсюда. Но как мне рассказать *ей*? – Холли прижимается лбом к решётке.

Иззи подходит и берёт Холли за руку. Она холодная. Двое полицейских уже на лестнице, таращатся на трупы. Барбара, стоящая над ними в дверном проёме, слышит приближающиеся сирены.

Иззи говорит:

– Кому рассказать, Холли? Что рассказать?

– Пенни Даль, – отвечает Холли, рыдая сильнее прежнего. – Как я смогу рассказать ей, что случилось с её дочерью? Как я вообще смогу рассказать хоть *кому-то*?

28

В шесть вечера вдоль Ридж-Роуд выстроился целый ряд полицейских автомобилей, два фургона криминалистов, универсал окружного

коронера и машина скорой помощи с открытыми дверцами и двумя фельдшерами наготове. Также стоит красный грузовик с надписью золотыми буквами на боку: «Пожарная служба округа Упсала». Понаблюдать за происходящим собралось большинство местных жителей. Барбару Робинсон выпроводили из дома, но разрешили остаться на лужайке. На самом деле, приказали. Барбара позвонила Джерому и Питу, сказав, что Холли ранена, но как она думает – надеется – не очень сильно. Важно, что теперь она в безопасности. Барбара не говорит им, что Холли по-прежнему заперта в подвале Харрисов; это вызвало бы вопросы, на которые у неё нет ответов. Во всяком случае, сейчас. У Барбары была мысль позвонить родителям, но она передумала. Ещё успеет поговорить с ними. Пусть пока что наслаждаются ужином в честь годовщины свадьбы.

В толпе зевак на другой стороне улицы раздаётся волнительный ропот, когда на носилках выносят два тела, упакованные в мешки. Ещё один грузовик властей округа медленно проезжает по Ридж-Роуд и паркуется посреди улицы, чтобы принять их.

Звонит телефон Барбары. Это Джером. Она садится на траву, чтобы ответить. При Джероме она может не сдерживать слёз.

29

Двадцать минут спустя Холли сидит на корточках в дальнем углу клетки напротив биотуалета, поджав ноги и закрыв лицо руками. Человек в маске сварщика разрезает прутья горелкой, отчего длинное помещение заливают ослепительным светом. Иззи Джейнс в другом конце подвала, сначала осматривает щеподробилку, а затем что-то кричит одному из криминалистов. Она указывает на велосипедный шлем и рюкзак Бонни и велит упаковать оба вещдока.

Стальной прут с грохотом падает на бетонный пол. Затем второй. Иззи подходит к пожарному с газовым резаком, прикрывая рукой глаза.

– Сколько ещё?

– Думаю, мы сможем вытащить её минут через десять. Может быть, двадцать. Эта решётка сварена чертовски хорошо.

Иззи возвращается в часть подвала, отведённую под мастерскую, и пытается открыть маленькую дверь. Она заперта. Иззи подзывает одного из копов, покрупнее – сейчас в подвале столпились с полдюжины «синих», в основном слоняющихся без дела.

– Попробуй выбить дверь, – говорит Иззи. – Я почти уверена, что там кто-то есть.

Коп ухмыляется.

– Вас понял, босс.

Он ударяет дверь плечом, и та сразу же поддается. Коп вваливается внутрь. Иззи следует за ним и нащупывает выключатель рядом с дверью. Загорается множество флуоресцентных ламп, просто уйма. Они оба стоят в ошеломлении.

– Что *это* ещё за херня? – спрашивает широкоплечий коп.

Иззи знает, хотя ей трудно поверить своим глазам.

– Я бы сказала, что это операционный стол.

– А мешок? – Он указывает на большой зелёный пакет, надетый на конец шланга. Содержимое пакета придаёт ему каплевидную форму. О том, что там находится, Иззи не хочет даже думать, не говоря о том, чтобы посмотреть.

– Оставь это криминалистам и судмедэкспертам, – говорит она, вспоминая слова Холли: *«Как я смогу рассказать ей, что случилось с её дочерью?»*

30

Через сорок минут Холли выходит на крыльцо дома Харрисов, с одной стороны её поддерживает фельдшер скорой помощи, с другой – Иззи Джейнс, но Холли идёт своими силами. Барбара вскакивает на ноги, подбегает к ней, обнимает и поворачивается к Иззи.

– Я хочу поехать с ней в больницу.

Иззи не отказывает, а говорит, что они поедут вместе.

Холли предпочла бы сама дойти до машины скорой помощи, но фельдшеры не дают ей ступить шагу с крыльца, настаивая на носилках. К этому времени здесь собрались фургоны журналистов, а также машины всевозможных должностных лиц, но их держат на вершине и у подножия холма, за полицейской лентой. Над головой кружит вертолёт.

Холли помещают в скорую. Один из фельдшеров делает ей укол. Она пытается протестовать, но он убеждает, что это поможет унять боль. С одной стороны от закреплённых носилок сидит Иззи, с другой – Барбара.

– Пожалуйста, вытри мне лицо, – просит Холли. – Засохшая кровь стягивает кожу.

Иззи мотает головой.

– Ничего не поделаешь. Сперва тебя должны сфотографировать и взять мазки.

Скорая выезжает с рёвом сирены. На повороте у подножия холма Барбара держится за сиденье.

– В подвале стоит щеподробилка, – говорит Иззи. – Похожая была у моего отца в хижине на севере штата, но гораздо меньшего размера.

– Да. Я видела её. Можно мне что-нибудь выпить? Пожалуйста?

– Там есть «Гаторейд» в холодильнике, – отзывается один из фельдшеров.

– О, да, пожалуйста, – произносит Холли.

Найдя в холодильнике бутылку апельсинового «Гаторейда», Барбара вкладывает её в протянутую руку Холли. Пока Холли пьёт, она смотрит на них поверх своих окровавленных щёк.

«Выглядит как боевая раскраска, – думает Барбара. – Пожалуй, так и есть, ведь она побывала в бою».

– Измельчённая масса попадает в пакет в этой маленькой... – Иззи замолкает. Она хотела сказать *«операционной»*, но это неподходящее слово. – ...в этой маленькой комнате пыток. Содержимое пакета – это то, о чём я думаю? От него такая вонь.

Холли кивает.

– Похоже, в этот раз им не представилась возможность избавиться от... останков. Не знаю, как они поступали с остальными, но полагаю, что сбрасывали в озеро. Уверена, ты разберёшься с этим.

– А всё остальное от неё?

– Проверь холодильник.

Барбара вспоминает завёрнутые в пленку куски мяса. Вспоминает десертные бокалы. И её хочется заорать.

– Я должна кое-что сказать, – обращается Холли к Иззи и Барбаре. Что бы ни вколол ей фельдшер, оно помогает. Боль в руке и рёбрах не исчезла полностью, но отступает. Холли вспоминает врача, к которому ходила в молодые годы. – Мне нужно кое-чем *поделиться*.

Иззи берёт Холли за руку и сжимает её.

– Не спеши. Позже ты обязательно всё мне расскажешь, но прямо сейчас тебе нужен покой.

– С делом это не связано. Я придумала анекдот, но не было подходящего случая рассказать его. Хотела рассказать старухе... Эмили... прежде чем она попыталась застрелить меня, но потом всё... обострилось.

– Рассказывай, – просит Барбара, беря Холли за руку. – Говори сейчас.

– Заходит как-то новоиспечённая миллионерша... то есть я, это долгая история... в общем, заходит она в бар и заказывает май-тай. Когда бармен уходит делать коктейль, она слышит голос, говорящий: «Ты заслуживаешь эти деньги, Холли. Каждый цент». Она оборачивается, но там никого нет. Она единственный посетитель в баре. Затем она слышит голос с другой стороны. «Сегодня ты очень красива, Холли». Возвращается бармен и она говорит: «Я слышу голоса, говорящие мне комплименты, но тут никого нет». И бармен отвечает...

Оборачивается фельдшер, сделавший Холли укол. Он ухмыляется и заканчивает:

– Вы платите только за выпивку, а крыша у вас едет бесплатно.

У Холли отваливается челюсть.

– Вы *знаете*?

– Ну, конечно, – отвечает фельдшер. – Это старый анекдот. Наверное, вы где-то его слышали и просто забыли.

Холли начинает смеяться.

31

В процедурном кабинете больницы Кинера Холли фотографируют и берут мазок на ДНК. После этого Барбара аккуратно обтирает ей лицо. Дежурный ординатор осматривает пулевое ранение и называет его «практически поверхностным». Говорит, если бы пуля вошла глубже и раздробила кость, то был бы уже другой разговор. Иззи поднимает два больших пальца вверх.

Врач стягивает импровизированную повязку из рубашки Холли, из-за чего возобновляется кровотечение. Он промывает рану, проверяет, нет ли внутри осколков (нет), затем накладывает бинт. Говорит, что нет необходимости зашивать (какое облегчение), и туго бинтует. Понадобится поддерживающая перевязь, но об этом позаботится медсестра. И нужно пройти курс антибиотиков. Тем временем в отделении интенсивной терапии у него полно пациентов с ковидом, большинство из которых не привиты.

– Я выбила тебе здесь отдельную палату, – говорит Иззи, затем улыбается. – Вру, конечно. Её выбил начальник полиции.

– Другим она нужнее. – К тому времени, как врач снял повязку из рубашки, прилипшую к ране – *бррр* – ощущение парения от укола начало исчезать. После осмотра и дезинфекции, оно полностью пропало.

– Ты остаёшься, – отрезает Иззи. – В этом городе обязательно наблюдение за пациентами с огнестрелом. Всего двадцать четыре часа. Радуйся, что они не кладут тебя в коридоре или буфете. Медсестра даст тебе ещё обезболивающее. Или симпатичный интерн, если повезёт. Хорошенько выпипись. Завтра начнём разгребать это дерьмо. Тебе придётся много говорить.

Холли поворачивается к Барбаре.

– Дай мне свой телефон, Барб. Мне нужно позвонить Пенни.

Барбара начинает доставать мобильник из кармана, но Иззи, как регулировщик, поднимает руку.

– Ни в коем случае. Ты не знаешь наверняка, мертва ли Бонни Даль.

– Я знаю, – отвечает Холли. – Ты тоже знаешь. Ты видела её велосипедный шлем.

– Да, а её имя написано на клапане рюкзака.

– Ещё там была серьга, – говорит Холли. – В клетке, куда они заперли меня.

– Мы найдём её. Возможно, уже нашли. Пока мы тут болтаем, бригада из шести криминалистов осматривает подвал, и скоро придёт группа из ФБР. После подвала мы осмотрим весь дом. Пройдём мелким гребнем.

– Она в виде золотого треугольника, – говорит Холли. – С острыми концами. Другую я нашла возле заброшенной мастерской, где похитили Бонни. А эта лежала в камере под матрасом. Должно быть, её оставила Бонни. Этой серьгой я перерезала горло профессору Харрису.

И Холли закрывает глаза.

30 июля 2021

1

Утром, в десять часов Холли на кресле-коляске вкатывают в конференц-зал на девятом этаже больницы Кинер Мемориал. В кресле она не нуждается, но таков больничный протокол; перед выпиской ей должны в течение восьми часов измерять кровяное давление и температуру тела. Холли дожидаются Иззи, её напарник Джордж Уошберн, пухлощёкий районный прокурор, и элегантно одетый мужчина пятидесяти лет, представившийся Гербертом Билом из ФБР. Холли полагает, что он здесь из-за обстоятельств похищения, хотя в данном случае не было пересечения границы штата¹⁰². Билл Ходжес как-то сказал, что фэбээровцы любят участвовать в громких делах, особенно под самый конец. *«Обожают светиться в ящике»*, – сказал он. Также присутствуют Барбара, Джером и Пит Хантли, хотя и через «Зум». Холли настояла.

Пухлощёкий мужчина встаёт и подходит к Холли с протянутой рукой.

– Я Альберт Тантлефф, районный прокурор округа Упсала. – Холли протягивает ему свободный локоть. Снисходительно улыбаясь, словно ребёнку, он касается её локтем в ответ. – Думаю, можно обойтись без масок, так как мы все прошли вакцинацию, и здесь, кажется, хорошая вентиляция.

– Я предпочитаю не снимать свою, – говорит Холли. Всё-таки в больнице всегда полно больных людей.

– Как вам угодно. – Прокурор одаривает Холли ещё одной снисходительной улыбкой и возвращается на своё место. – Детектив Джейнс, приступайте.

¹⁰² ФБР занимается расследованием похищений, если жертву вывозят за пределы штата. Хотя, разумеется, бывают исключения.

Иззи – тоже в маске, вероятно, из уважения к виновнице собрания – включает свой айпад и показывает Холли фотографию окровавленной серьги в пакетике для улики.

– Ты можешь подтвердить, что это та самая серьга, которой ты перерезала горло Родни Харрису?

Агент Бил подаётся вперёд, скрестив руки на груди. Его голубые глаза холодны, как два кусочка льда, но на губах играет лёгкая улыбка. Возможно, от восхищения.

– Да, – отвечает Холли. Благодаря Питу, она знает, что следует сказать дальше. – Я действовала в целях самообороны, спасая свою жизнь. – И мысленно добавляет: *«А также из ненависти к этому куску дерьма»*.

– Этот факт установлен, – говорит РП Тантлефф.

– У тебя есть вторая серьга? – спрашивает Иззи.

– Есть. В моём офисе, в верхнем ящике стола. Я бы показала фото, но Харрисы забрали мой телефон, оглушив меня шокером. Но фото есть у Пенни, я отправила его по e-мейлу. Кто-нибудь уже разговаривал с ней?

Барбара отвечает:

– Да. Я позвонила ей.

Тантлефф резко оборачивается на экран перед столом конференц-зала. Снисходительная улыбка пропала.

– У вас не было на это полномочий, мисс Робинсон.

– Может и нет, но я все же позвонила, – отвечает Барбара. Холли хочется заплодировать. – Она так переживала за Холли. Я сказала, что с ней всё в порядке и больше ничего не говорила.

– А что насчёт холодильника? – спрашивает Холли. – Оказалось ли там... – Она замолкает, то ли не зная, как закончить, то ли не желая.

– Там обнаружено много кусков мяса, как в холодильнике, так и в морозилке, – говорит Иззи. – Нет сомнений в том, что мясо человеческое. На некоторых кусках сохранились участки кожи.

– О, господи, – вырывается у Джерома, сидящего рядом с Барбарой в своём кабинете. – Вашу-то мать, *серьёзно?*

– Серьёзно, – отвечает Иззи. – Прямо сейчас проводится анализ ДНК, это первоочередная задача. Также в холодильнике хранились семь высоких бокалов для десерта, в которых, по словам окружного коронера, содержатся ткани человеческого мозга, а также твёрдая мозговая оболочка и части сухожилий. – Иззи останавливается. – Плюс, по его мнению, взбитые сливки.

Наступает тишина. *«Правильно, пусть они переварят это»*, – думает Холли, прижимая ладонь к маске, чтобы избежать истеричного смеха.

– С вами всё в порядке, мисс Гибни? – спрашивает напарник Иззи.

– Да, в порядке.

Иззи продолжает.

– Мы также нашли мясные палочки, похожие на «Слим Джим» или «Джек Линкс», возможно, из человеческого мяса, и большой пластиковый контейнер с маленькими мясными шариками. Любой из этих предметов или все вместе могут быть частями тела Бонни Рэй Даль. Это покажет ДНК-тест. Также у Харрисов имелась небольшая дополнительная морозилка в кладовой. Она тоже полна мяса. В основном похоже на обычные стейки, отбивные, бекон и курицу. Однако, на самом дне... – На своём айпаде Иззи показывает фото замороженной жарки. – Мы точно не знаем, что это и откуда взялось, но это точно не баранья нога.

– Господи Иисусе, – произносит Тантлефф, – и мне некому предъявлять обвинения. – Он почти укоризненно смотрит на Холли. – Вы убили их обоих.

С экрана телевизора в конференц-зале обращается Пит Хантли. По мнению Холли, он выглядит лучше, но, кажется, изрядно похудел. Фунтов на тридцать. Холли считает, его нынешний вес только пойдёт ему на пользу, но, к сожалению, человеческую природу не переборешь.

– Да в чём дело, Тант? Они были каннибалами! Может, они не успели бы съесть её, но уж ясен хрен убили бы.

– Я не в том смысле, что...

У Иззи звонит телефон, и в этот раз Тантлефф укоризненно смотрит на неё.

– Я думал, мы все договорились по поводу телефонов...

– Извините, но мне необходимо ответить. Это Дана Ааронсон из команды криминалистов. Я попросила его сообщить, если они найдут что-нибудь существенное... Алло? Дана? Что у тебя?

Иззи слушает с помрачневшим лицом. Похожие чувства одолевали Холли посреди ночи, так что ей пришлось нажать на кнопку вызова, хотя она знала, как загружен персонал. Явившаяся медсестра уняла худшую в жизни Холли паническую атаку, и дала ей таблетку валиума из своих личных запасов.

Иззи заканчивает разговор.

– Команда Даны нашла более дюжины неподписанных баночек в ванной Харрисов. Он думает... – Иззи прочищает горло. – Наверное, нет другого способа, кроме как сказать это прямыми словами. Он думает, возможно, они использовали человеческий жир в качестве крема. Видимо, в попытке облегчить свои недомогания.

– Они верили, что это помогает, – вставляет Холли. *«И насколько я знаю, им помогало. По крайней мере, временно. Такова природа человека».*

– Расскажи нам всё, Холли, – просит Иззи. – С самого начала и до конца.

Холли приступает, начиная с первого звонка Пенни. На рассказ уходит больше часа. Её пробирает дрожь только однажды, когда Холли рассказывает, как Эмили пыталась всадить в неё пулю, и она чувствовала себя фарфоровой статуэткой. На этом моменте ей приходится остановиться и собраться с духом. Напарник Иззи, Уошберн, спрашивает Холли, не нужен ли ей перерыв. Холли отказывается, она хочет закончить и заканчивает.

– Я знала, что после пяти выстрелов револьвер пуст; Билл учил меня никогда не заряжать барабан полностью. Она приставила дуло к моему лбу. Я позволила, желая увидеть выражение её лица, когда она спустит курок, а выстрела не произойдёт. Видеть её удивление было

весьма приятно. После этого я просунула руки через решётку, схватила её за голову и свернула ей грёбаную шею.

Пит нарушает тишину одним словом.

– *Молодец.*

Тантлефф откашливается.

– По вашим словам, их жертвами стали по меньшей мере четыре человека. Пять, включая Ортегу.

– *Кастро*, – возмущённо поправляет Барбара. – Хорхе Кастро. Я нашла страничку Фредди Мартина на «Фейсбуке». Это партнёр Кастро, и он был убеждён...

– В этом деле у вас нет права голоса, – говорит Тантлефф, – поэтому, при всём уважении, я прошу вас замолкнуть.

– *Сам замолкни*, – говорит Холли. – Пусть она говорит.

Тантлефф фыркает, но не протестует. Барбара продолжает.

– Всё это время мистер Мартин верил, что мистер Кастро убит. Он говорит, что у Кастро есть родственники в Дейтоне, Ногалесе, Эль-Пасо и Мехико. Мартин убеждён, что он обязательно бы связался с кем-то из них.

– Он стал первым, – говорит Холли. – Я уверена. И, кстати, что насчёт родственников остальных жертв? – Холли думает, что родственникам Эллен Краслоу из Джорджии будет всё равно, но Имани из трейлерного парка захочет узнать о её судьбе. Отец Бонни захочет узнать, и её мать тоже. Но в первую очередь Холли думает о Вере Стейнман, которой теперь останется только закинуться таблетками и упиться до смерти.

– Никому из них не сообщали, – говорит Джордж Уошберн. – Пока что. – Он кивает в сторону Тантлеффа. – Это его дело, вместе с начальником полиции.

Тантлефф многострадально вздыхает.

– Мы хотим дать следственным группам как можно больше времени, но нельзя рассчитывать, что молчание продлится долго. Кто-нибудь проговорится. В ближайшем будущем я проведу пресс-конференцию, которая не особо меня радует.

– Но перед этим вы расскажете ближайшим родственникам, – говорит Холли. Почти требует.

Иззи отвечает раньше Тантлеффа.

– Конечно. Начиная с Пенни Даль.

Своё слово вставляет Джером, и Холли думает, что он, возможно, тоже вспомнил мать Питера Стейнмана.

– Вы можете хотя бы не упоминать о каннибализме?

Иззи Джейнс потирает виски, будто пытаюсь унять головную боль.

– Нет. Заседание большого жюри будет закрытым, но факты всё равно всплывут. Слишком большой накал страстей, чтобы держать в секрете. Родственники вправе узнать всё не из долбаного «Инсайд Вью».

Вскоре встреча заканчивается. Холли измучена. Она возвращается в свою отдельную палату – редкость, как пятая лапа у собаки – закрывает дверь, ложится и плачет, пока не погружается в сон. Ей снится, как Эмили Харрис приставляет дуло револьвера Билла к её лбу и говорит: *«Я вставила патрон в пустое гнездо, назойливая ты сука. Кто теперь в дураках?»*.

2

В четверть третьего Холли будит другая медсестра, не та, что поделилась валиумом.

– Нам позвонила детектив Джейнс. Говорит, вы ей нужны. – Она протягивает Холли мобильный телефон и дезинфицирующую салфетку.

– Я в больничной часовне, – говорит Иззи. – Ты можешь спуститься?

Холли катится в кресле-коляске к лифту. На втором этаже она с помощью указателей находит дорогу в неконфессиональную часовню больницы Кинера. Там пусто, не считая Иззи, сидящей на скамье в первом ряду. В одной руке она небрежно держит чётки.

Холли останавливается рядом с ней.

- Ты сказала Пенни?
- Так точно. – У Иззи красные и опухшие глаза.
- Полагаю, всё прошло не очень гладко?

Иззи поворачивается и смотрит на Холли с таким несчастным видом, что Холли едва сдерживается, чтобы не отвернуться. И всё-таки отворачивается. Потому что Иззи сделала за неё грязную работу.

- Блядь, а как ты *думаешь* всё прошло?

Холли ничего не отвечает, и через несколько секунд Иззи берёт Холли за руку.

– Это дело преподало мне урок, Гибни. Как только ты думаешь, что уже видела худшее, на что способен человек, вдруг оказывается, что ты ошибаешься. Злу нет предела. Я взяла с собой Стеллу Рэндольф. Я знала, что мне понадобится помощь, а она лучший консультант-психотерапевт в департаменте. Она общается с копами после перестрелок. И в других случаях тоже.

- Ты сказала Пенни, что Бонни мертва, а дальше?

– А дальше я рассказала ей, *как* умерла Бонни. Что они с ней сделали. Я старалась смягчить... но она понимала, о чём я говорю. Или о чём я старалась *не* говорить. Сперва она просто сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на меня. Как женщина, присутствующая на интересной лекции. А затем начала кричать. Стелла попыталась обнять её, но Даль оттолкнула её с такой силой, что Стелла споткнулась о пуфик и упала на пол. Даль принялась царапать ей лицо. Кожу она не рассекла – вполне могла, будь у неё ногти подлиннее, – но оставила большие красные отметины на щеках. Я схватила её в охапку, пытаюсь остановить, но она продолжала кричать. Наконец, она немного успокоилась, или просто выбилась из сил, но этот её крик я запомню на всю жизнь. Одно дело принести кому-то новость о смерти; должно быть, я сообщала об этом раз двадцать, но всё остальное... Холли, как ты думаешь, они были в сознании, когда их убивали?

- Не знаю. – *«И знать не хочу»*. – Она сказала что-нибудь обо мне?
- Да. Что больше никогда не хочет тебя видеть.

В лучах палящего послеполуденного солнца дома по обе стороны улицы кажутся заброшенными. Потрескавшиеся тротуары пусты. Джером думает, что Сикамор-Стрит (где нет сикаморов) похожа на съёмочную площадку фильма, уже отработавшую своё, но ещё не разобранную. Старый «Шевроле» Веры Стейнман стоит на том же месте, что и в прошлый раз, с наклейкой на бампере «ЧТО БЫ СДЕЛАЛ СКУБИ?» Хотел бы *он* знать, что делать или что сказать.

«Может, – думает он, – её не будет дома». Машина говорит об обратном, но, насколько он знает, она больше не на ходу, а у не просыхающей матери Питера Стейнмана могли отобрать права.

«Нужно убраться отсюда, – думает Джером. – Просто свалить, пока есть шанс».

Но вместо этого он стучится в дверь. В одном он уверен: если она не захлопнет дверь перед его носом, он должен посмотреть ей прямо в глаза и солгать так убедительно, как не лгал никогда в жизни.

Дверь открывается. В этот раз Вера не приоделась ради Джерома, потому что не знала о его приходе, но в своих белых слаксах и безрукавке она выглядит вполне подобающе. И кажется трезвой... Хотя в прошлый раз она тоже казалась трезвой.

– О. Джером, да?

– Да. Джером Робинсон.

– Я мало что помню о нашей последней беседе, но запомнила слова врача: «Этот парень спас вам жизнь».

Вместо локтя Джером протягивает ладонь. Вера крепко пожимает её.

– Вижу по вашему лицу, Джером, что новости отнюдь не хорошие.

– Нет, мэм. Не хорошие. Я пришёл, потому что не хотел, чтобы вы услышали их от кого-то ещё.

– Потому что между нами есть связь, да? – Её голос звучит совершенно спокойно, но лицо бледное, как воск. – Нравится нам это или нет, но связь есть.

– Да, мэм, думаю, это правда.

– Никаких плохих новостей на крыльце. Заходи. И ради бога, зови меня Верой.

Джером входит внутрь. Вера закрывает дверь. Кондиционер по-прежнему работает. Гостиная всё ещё немного обшарпанная, но опрятная и чистая.

– Если тебе интересно, то я трезва. Не знаю, как долго это продлится, но я снова начала ходить на собрания. Пока была на трёх. Я пошла к своему поручителю, готовая встать перед ней на колени. Но в этом не было необходимости, что меня обрадовало. Он мёртв? Питер мёртв?

– Да. Мне очень, очень жаль, Вера.

– Это как-то связано с сексом? С сексуальными извращениями?

– Нет.

– Кто убил его?

– Пара пожилых людей. Родни и Эмили Харрисы. Они убили ещё четверых, насколько нам известно. Полиция сообщит вам. Можете сказать им, что я приходил. Скажите, что я хотел быть первым, потому что... в общем...

– Потому что ты спас мне жизнь. Потому что у нас есть связь. – Голос по-прежнему спокоен, но глаза Веры наполнились слезами. – Да. Да. Да.

Вера нащупывает за спиной подлокотник кресла, стоящего перед телевизором, и садится. Вернее, падает.

Джером опускается перед ней на колени, как ухажёр, собирающийся сделать предложение. Он берёт Веру за мертвецки холодные руки. Ничего такого он не планировал, просто действует по наитию. Она сказала, что у них есть связь? Это правда. Он это знает. Он это чувствует. Его голос твёрд, и хвала Господу за это.

– Харрисы были безумны. О том, что они делали, о всех ужасных вещах, вскоре станет известно. Но вам нужно кое-что знать. – Пришло время солгать и, возможно, это даже не ложь, потому что Джером не знает. – Всё случилось быстро. Что бы ни произошло с его телом... что

бы они ни сделали... всё произошло позже. К тому времени Пита уже не было.

– Отправился туда, куда и все мы.

– Да. Куда и все мы.

– Он не страдал?

– Нет.

Вера сжимает ладони Джерома.

– Ты клянёшься?

– Да.

– И пусть твоя мама умрёт и отправится в ад, если ты лжёшь?

– Да.

– Откуда ты знаешь?

– Из отчёта патологоанатома.

Она расслабляет руки.

– Мне нужно выпить.

– Уверен, что нужно, но не стоит. В память о вашем сыне.

Вера издаёт зыбкий смешок.

– В память о *сыне*? Ты себя слышишь?

– Да. Я слышу.

– Мне нужно позвонить поручителю. Ты побудешь со мной, пока она не придёт?

– Да, – говорит Джером и остаётся с Верой.

4 августа 2021

Холли сидит дома и смотрит комедию на «Нетфликс», не вникая, а просто убивая время до следующего приёма обезболивающей таблетки (или двух таблеток), когда трезвонит дверной звонок. Это Изабелла Джейнс, с ней Герберт Бил и ещё один сотрудник ФБР, Кертис Роган, профайлер, специализирующийся на серийных убийцах.

Иззи спрашивает Холли, видела ли она сегодняшнюю газету. Холли хватило заголовка, прочитанного на экране айпада – **«ОНИ БЫЛИ КАННИБАЛАМИ?»**

– Думаю, районному прокурору придётся провести пресс-конференцию, не откладывая в долгий ящик.

– Они с начальником полиции Мерфи выступят в полдень. Трансляция будет не только местная. Полагаю, Рэндалл Мерфи благодарит судьбу за то, что был в Миннеаполисе, во время похищения всех, кроме Бонни Даль. Мы пришли из-за вещей, обнаруженных нашими криминалистами и командой ФБР в шкафу в спальне Харрисов.

– Что? – переспрашивает Холли? И мысленно: *«Что ещё?»*

– Дневники, – поясняет Герберт Бил. – Её дневники. Она начала вести их в октябре 2012 года, незадолго до убийства Хорхе Луиса Кастро. Агент Роган изучает их.

– Мне предстоит долгая работа, – говорит Роган. – Там больше тысячи страниц. – У Рогана тихий голос, короткие редеющие волосы и очки без оправы. – Увлекательный материал.

– *Ужасающий* материал, – заявляет Иззи. – Я прочитала достаточно, и скажу, что, хотя они оба слетели с катушек, но она переплюнула его. Намного.

– Я думаю, дальнейшие исследования подтвердят это, – говорит Роган. – Я не верю, что Родни Харрис мог пойти дальше... как бы это сказать? Сотрясения воздуха? Думаю, он бы ограничился сотрясанием воздуха по поводу того, насколько недалёковидны его коллеги и насколько неразумно табу на употребление в пищу человеческой плоти.

– Она склонила его к первой попытке, да? – спрашивает Холли. – Предложила Кастро, как способ перейти от теории к практике. От задумки к исполнению. Потому что она недолюбливала Кастро.

– Недолюбливала? – посмеивается Иззи. – О, Холли, ты просто не представляешь. Да она ненавидела его. И не только его – её ненависти хватало на всех. За ухоженной, приятной и внушающей доверие внешностью Эмили Харрис скрывалась полностью отшибленная психопатка. Давай я покажу тебе мисс Хайд, живущую внутри профессора Джекила.

Иззи показывает Холли экран своего айпада. На нём фото страницы из дневника. Подобно тому, как провинившегося ребёнка заставляют много раз писать на доске «я больше не буду плевать бумажками в классе», страница исписана: «Я НЕНАВИЖУ ЭТОГО ИСПАШКУ, Я НЕНАВИЖУ ЭТОГО СРАНОГО ИСПАШКУ, Я НЕНАВИЖУ ЭТОГО ПИДОРА-ИСПАШКУ, Я НЕНАВИЖУ ЭТОГО ГЛИНОМЕСА-ИСПАШКУ...» и так далее.

– И так четыре страницы подряд, – уточняет Иззи.

Роган говорит:

– В этих дневниках представлена та Эмили Харрис, которая никогда не посещала собраний кафедры английского языка. И это только начало.

– Вот ещё, – говорит Иззи. Она перелистывает на фото другой страницы дневника, где Эмили снова и снова пишет слово на букву «Н» большими, кричащими заглавными буквами. Хватает и других оскорбительных выражений.

– Мы думаем, она скрывала свои полные ненависти дневники даже от своего мужа, – говорит Герберт Бил, – но мы никогда не узнаем точно, если только не прочитаем на этих же страницах.

– Эти дневники – просто кладезь.

– Я бы назвала их другим словом, – говорит Холли.

– Я имею в виду, с точки зрения психологии. Одно кажется ясным. Она участвовала в... *поедании* мистера Кастро, чтобы уважить мужа. По его настоянию. Но она описывает это, как чудодейственное средство

от её спины и его артрита. Были и другие мнимые улучшения, в частности повышение активности мозга. Это похоже на социальную рекламу по кабельному ТВ в аду. Однако, со временем эффект начал ослабевать.

– Поэтому они сделали это снова, – резюмирует Холли. – И снова.

– Их должны были поймать после Кастро, – говорит Иззи. – Если нет, то после Дресслера. Уловка с инвалидным креслом довольно изобретательна, и они неплохо подготовились, но попытки замести следы были совершенно небрежными.

– Они были стары, – тихо говорит Холли. – Никто не ожидает увидеть в стариках серийных убийц. Не говоря уже о каннибалах.

Иззи добавляет:

– Если бы не ты, Холли, они, наверное, до сих пор жили бы в своём доме, наслаждаясь своей мерзостной пищей. О, сказали бы люди, он немного чудной, а она немного капризная, но в целом они в норме.

– Барбара догадалась быстрее меня.

– В чём-то верно, но ты выполнила всю грязную работу.

– И её подруга тоже помогла, – говорит Холли. – Пожилая поэтесса Оливия Кингсбери. Думаю, в глазах Барбары, именно она связала всё воедино.

Бил смотрит на Рогана и кивает ему. Они встают.

– Вас будет осаждать пресса, мисс Гибни.

– Не в первый раз. – Следующие её слова слетают с языка сами собой: – Крыша едет бесплатно.

Бил и Роган озадачены, но Иззи смеётся, и Холли вместе с ней. Смеяться приятно. Чертовски приятно.

18 августа 2021

На балконе квартиры Холли как раз хватает места для двух стульев и маленького столика. В среду, в одиннадцать часов утра, она сидит там за чашкой кофе. Она не прочь закурить, но тяга постепенно уходит. С последней сигареты прошло более трёх недель и, даст Бог, следующей никогда не будет. С утра тепло, но не душно; жара, окутывающая город большую часть июля и первые две недели августа, спала.

Обычно в этот час Холли работала в офисе, в одном из своих обычных брючных костюмов и с лёгким макияжем, но этим утром – как и в другие дни после её вынужденного суточного пребывания в больнице Кинера – на ней пижама и тапочки. Автоответчик и веб-сайт извещают, что агентство закрыто на время отпусков и возобновит работу 6 сентября. По правде говоря, Холли не уверена, что «Найдём и сохраним» вообще когда-нибудь откроется.

Пит, полностью выздоровев, уехал навестить сына и его невестку в Сагино и не вернётся до конца месяца. Но уже начал поговаривать об отставке. Он получает полицейскую пенсию, очень даже недурственную после двадцати пяти лет на посту. Если таково его решение, Холли с радостью выплатит ему приличное выходное пособие. Если она решит продать бизнес (а у неё есть варианты, и за хорошую цену), пособие будет более чем приличное.

Что же касается её самой, то она – новоиспечённая миллионерша, которая может позволить себе май-тай в самом дорогом питейном заведении города. На самом деле, Холли могла бы *купить* само заведение, если бы захотела. Но она не хочет. На протяжении недель после пребывания в подвальной клетке Харрисов, ей часто приходила в голову мысль отойти от дел и жить на деньги, скрытые от неё матерью и дядей.

Холли убеждает себя, что ещё слишком молода для ухода на отдых, и, вероятно, это правда. Она говорит себе, что не найдёт другого занятия и, вероятно, это тоже правда. Но она продолжает вспоминать

произнесённые в часовне слова Иззи Джейнс, после того, как та сообщила Пенни Даль, что её дочь не только убили, но и съели. Во всяком случае, лучшую её часть; остальное превратилось в кровавое месиво и измельчённые кости в полиэтиленовом пакете, подсоединённом к шлангу щеподробилки.

«Как только ты думаешь, что уже видела худшее, на что способен человек, вдруг оказывается, что ты ошибаешься, – сказала тогда Иззи. Затем добавила ужасающую истину: – Злу нет предела».

Холли считает, что уже знакома с этим, и лучше, чем Иззи. Чужак, маскирующийся под Терри Мейтленда, был злом. И тот, кто выдавал себя за Чета Ондовски. То же можно сказать о Брэйди Хартсфилде, нашедшем способ творить мерзости (фраза Билла) даже после того, как его обезвредили. Сама Холли и обезвредила.

Но Родди и Эмили Харрисы были хуже их всех.

Почему? Потому что в них не было ничего сверхъестественного. Потому что нельзя сказать, что их зло пришло извне, и утешать себя мыслью: если существуют злонамеренные внешние силы, то, вероятно, есть и добродетельные. Зло Харрисов являлось одновременно обыденным и невообразимым, как сумасшедшая мать, засунувшая своего малыша в микроволновую печь, чтобы он прекратил реветь, или двенадцатилетний ребёнок, который устроил пальбу, убив дюжину своих одноклассников.

Холли не уверена, что хочет вернуться в мир, где существуют такие люди, как Родни. Или как Эмили, которая была гораздо хуже: расчётливой и, в то же время, ещё безумнее.

Благодаря дневникам Эмили, кое-что прояснилось. Теперь ясно, почему похищение Пита Стейнмана последовало вскоре после Эллен Краслоу. Эллен, будучи веганом, отказывалась есть печень (названную в дневниках СГ – святым граалем). Она продолжала отказываться, даже умирая от жажды. Остальные рано или поздно не выдерживали. Холли не уверена насчёт себя, но Эллен смогла, и да благословит её за это Бог. В итоге Родни пристрелил её, как строптивного бычка. После

смерти Элли Эмили исписала страницы дневника бранью, и «лесбийская черножопая обезьяна» было не самым грязным ругательством.

Теперь известна даже вымышленная фамилия Эмили, которой она назвалась в трейлерном парке: Дикинсон, как у поэтессы.

Холли приходится постоянно напоминать себе, что женщина, написавшая все эти гнусные вещи, считалась уважаемым преподавателем, была лауреатом премий, попечителем библиотеки Рейнольдса и влиятельным сотрудником кафедры английского языка даже после выхода на пенсию. В 2004 году она получила почётный знак «Женщина года» на местном уровне. Состоялся банкет, где Эмили говорила о расширении прав и возможностей женщин.

Иззи рассказала Холли ещё кое-что: Родди застрелил Элли Краслоу из пистолета «Ругер Секьюрити-9» с увеличенной обоймой на пятнадцать патронов. Схвати его Эмили вместо револьвера Билла, и она получила бы десять лишних шансов прикончить Холли... которая вряд ли могла бы долго уворачиваться в той клетке.

– Но он лежал наверху, – сказала Иззи, – а у неё была повреждена рука и болела спина. Тебе повезло.

Да, Холли повезло. Счастливица Холли Гибни, которая не только выжила, но и стала миллионершей. Теперь она может прикрыть лавочку и перейти на следующий уровень своей жизни. Туда, где люди, вроде Харрисов, мелькают только в выпусках новостей по кабельному телевидению, но всегда можно убавить звук или переключиться на мыльную оперу.

Холли слышит звон своего телефона – личного, а не служебного. Телефон офиса завалили звонками после того, как Холли стала новой – или возобновлённой – знаменитостью, но теперь, к счастью, звонки прекратились. Она встаёт и идёт в кабинет вместе с чашкой кофе. На экране мобильного высвечивается фотография Барбары Робинсон.

– Привет, Барбара. Как дела?

Тишина, но Холли слышит дыхание Барбары и чувствует укол тревоги.

– Барб? Ты в порядке?

– Да... да. Просто не могу прийти в себя. Мамы с папой нет, а Джером...

– Снова в Нью-Йорке, знаю.

– Поэтому я и позвонила тебе. Мне нужно с кем-то поговорить.

– Что случилось?

– Я выиграла.

– Что выиграла?

– Пенли. Премию Пенли. «Рандом Хаус» собирается опубликовать «Пронзая небо». – Поделившись новостью, Барбара начинает плакать. – Я собираюсь посвятить книгу Оливии. Боже, как мне хочется, чтобы она была жива и узнала.

– Барбара, это просто замечательно. Ещё ведь есть и денежный приз, я права?

– Двадцать пять тысяч долларов. Но они идут авансом в счёт авторских отчислений – так говорилось в присланном e-мейле. А сборники стихов никогда не продаются большими тиражами.

– Только не говори об этом Аманде Горман,¹⁰³ – говорит Холли.

Барбара смеётся сквозь слёзы.

– Это не одно и то же. Её стихи, включая те, что она читала на инаугурации, оптимистичны. Мои же... в общем...

– Другие, – произносит Холли.

Барбара давала Холли кое-что почитать, поэтому она знает: это стихи о преодолении трудностей. Попытка Барбары примирить своё доброе и щедрое сердце с ужасом, пережитым в лифте годом ранее. Ужас Чета Ондовски. Не говоря об ужасе, когда она застала свою подругу в клетке с лицом, измазанным кровью, и в окружении двух мёртвых тел.

Холли видела больше, испытала больше – в конце концов, она была в той клетке – и у неё нет защитного механизма в виде поэзии; лучшее её сочинение было (стоит признать) довольно скверным. Но Холли снова стала получать удовольствие от фильмов ужасов, и эти

¹⁰³ Молодая и стремительно набирающая популярность в последние годы американская поэтесса. В 2021 прочитала стихотворение на инаугурации Джо Байдена.

безобидные страшилки могут стать началом. Она знает, некоторым это кажется извращением, но на самом деле это не так.

– Ты должна сообщить Джерому, – говорит Холли. – Сначала ему, потом родителям.

– Так и сделаю, прямо сейчас. Но я рада, что рассказала тебе первой.

– А я рада, что ты это сделала. – Даже больше чем рада.

– Ты узнала что-нибудь ещё? О... их занятиях?

Так теперь Барбара называет это: *занятия*.

– Нет. Если ты говоришь об их... не знаю... об их *отклонении*, то мы этого можем никогда не узнать. Хорошо, что мы смогли остановить их...

– Ты, – говорит Барбара. – Ты остановила их.

Холли знает, что свою роль сыграли многие люди, от Киши Стоун до Эмилио Эрреры из «Джет Март», но не говорит этого вслух.

– В конце концов, всё закончилось довольно прозаично, – говорит Холли. – Они переступили черту, вот и всё, дальше – легче. И оказал влияние эффект плацебо. Его разум рушился, собственно, как и её. В итоге их бы поймали, но, скорее всего, после ещё одного похищения. Возможно, нескольких. В какой-то момент серийные убийцы начинают набирать обороты, что произошло и с ними. Давай просто скажем: всё хорошо, что хорошо кончается... настолько хорошо, насколько это возможно.

«Думать так было бы приятно», – считает Холли.

– Поговорим о твоём призе, если не возражаешь. Ты стала самым молодым победившим автором?

– Да, на шесть лет моложе предыдущего! В письме говорилось, что моё эссе показалось им освежающим. Ты можешь поверить в такую хрень?

– Да. Я могу в это поверить, Барб. И я так рада за тебя. А теперь иди и обзвони остальных.

– Обязательно. Я люблю тебя, Холли.

– Я тоже тебя люблю, – отвечает Холли. – Очень.

Холли ставит мобильник на зарядку и идёт в кухню за новой порцией кофе. Но на полпути начинает трезвонить служебный телефон. Холли не подходила к нему с конца июля, оставляя ответы на милость автоответчика или службы поддержки. Большинство звонящих просили об интервью, включая представителей крупных таблоидов с обещанием приличного гонорара. Холли прослушала сообщения, но так никому и не ответила. Ей не нужны деньги.

И вот она стоит у своего стола, глядя на служебный телефон. Через пять гудков телефон перейдёт в режим автоответчика. Прозвучал уже третий.

«Как только ты думаешь, что уже видела худшее, на что способен человек... – думает Холли. Затем: – Злу нет предела».

«Это тот самый звонок, – думает она. – Именно тот, которого я ждала».

Холли может ответить и продолжить заниматься расследованиями. Что означает прикоснуться ко злу, которому нет предела. Или она может дать телефону перейти в режим голосовой почты, и если она так поступит, то значит не просто мечтает отойти от дел; она реально намерена поставить крест и жить на свои деньги.

Четвёртый гудок.

Холли спрашивает себя, как бы поступил Билл Ходжес. Но есть более важный вопрос: как бы он хотел, чтобы поступила *она*?

Холли берёт телефон на последнем гудке.

– Здравствуйте, это Холли Гибни. Чем я могу вам помочь?

14 августа 2021 – 2 июня 2022

Послесловие автора

Хотя действие «Холли» происходит вскоре после повести «Будет кровь» из одноимённого сборника, Постоянные Читатели и те, кто следит за новостями, могут заметить как минимум один большой пробел в последовательности событий. Хотя ковид играет немаловажную роль в «Холли» – от него даже зависят несколько сюжетных моментов – в «Будет кровь» нет упоминаний о пандемии. Хотя декабрь 2020, когда происходит действие «Будет кровь», был ужасным месяцем в американской истории этой болезни – умерло по меньшей мере 65000 человек.

Объяснение банально: когда я писал «Будет кровь» в 2019, ковида еще и в помине не было. Ненавижу, когда реальные события мешают моим выдумкам, но время от времени такое случается. Я изменил бы «Будет кровь», если б мог, но это повлекло бы переписывание всей истории и, как мы обычно говорили в колледже во время марафонов игры в «черви»¹⁰⁴ – играй теми картами, что тебе сдали. Я просто хочу, чтобы вы знали – я в курсе этой нестыковки.

Значительная часть американцев – к моему облегчению, не большинство – выступали против вакцинации. Эти люди могут подумать, что сквозная тема ковида в «Холли» носит нравоучительный характер (мне нравится термин для подобной литературы: «навязчивая»)¹⁰⁵. Но здесь не тот случай. Я думаю, художественная литература выглядит правдоподобней, когда сосуществует с реальными событиями в мире, реальными личностями, даже брендами. Мать Холли умерла от ковида, а сама Холли ипохондрик; мне представляется естественным, что она всерьёз воспринимает ковид и принимает все меры предосторожности (не считая курения). Это правда, что моё мнение по данному вопросу совпадает с её, но мне хочется думать, что выбери я персонажа, выступающего против вакцинации, в качестве главного героя

¹⁰⁴ Эти многодневные студенческие марафоны игры в «черви» подробно описываются в «Сердцах в Атлантиде» Кинга.

¹⁰⁵ В оригинале soapboxing (от soap-box – «ящик из-под мыла» или «импровизированная трибуна») – намёк на ящики, стоя на которых любили выступать всякие уличные ораторы-демагоги в былые времена.

или важного персонажа второго плана, я бы честно показал его взгляд на вещи.

Что подводит меня к Родни Харрису. Он прекрасный пример персонажа, чьи взгляды ни в коей мере не совпадают с моими. Каждый факт или исторический анекдот о каннибализме, что излагает Родди, правдив. Но его выводы ложны. Идея о том, что употребление в пищу человеческой печени способно излечить, к примеру, болезнь Альцгеймера – полная хрень. Вряд ли можно винить Родни за выборочный подход к знаниям; чувак просто безумен, как мартовский кот. И теперь, когда я подумал об этом, сравнение кажется мне оскорбительным для котов.

Исследованиями для моей книги занималась, как обычно, очаровательная Робин Ферт.¹⁰⁶ Она предоставила мне исчерпывающие сведения по каннибализму, и это было лишь началом её вклада. Она также вернулась к трилогии «Мистер Мерседес» и создала полную хронологию для Холли Гибни. Это потребовало внесения немалых правок с моей стороны, но, с другой стороны, уберегло от множества ляпов. Думаю, я хорошо справился с задачей, с одним исключением: у дяди Генри очевидно были дети, которых пришлось выкинуть из повествования. Робин – моя Богиня Исследований. Пожалуйста, отдайте ей должное за то, что она сделала правильно. А за неправильное – вините меня.

За помощь с латынью (я её уже подзабыл) благодарю Тима Ингрэма и Питера Джонса из «Классики для всех», благотворительной организации, спонсирующей преподавание многих классических предметов. Можете найти их на «Фейсбуке» или с помощью «Гугла».

Мой старый друг и агент Чарльз «Чак» Верилл скончался в начале 2022 года. Утрата, испытанная мной в связи с его смертью, в какой-то мере смягчилась рьяностью, с которой его давний деловой партнёр Лиз Дарнхансоф взялась за решение связанных с изданием книги вопросов, чтобы я мог продолжать выдумывать всякую чушь, что у меня получается лучше всего. Несмотря на собственное глубокое горе, Лиз держалась молодцом. Без неё я бы просто пропал, то же касается её

¹⁰⁶ Автор «Путеводителя по «Тёмной Башне» и комиксов «Тёмная Башня».

безупречных коллег по агентству – Мишель Мортимер и Эрика Эмлинга. Большое вам спасибо.

Крис Лоттс – мой специалист по правам на издание в других странах, он в основном отвечает за то, чтобы мои книги были известны по всему миру. А ещё он отличный парень.

Рэнд Холстон тоже отличный парень, занимается заявками на получение прав для кино и телевидения. Я знаю его больше сорока лет и считаю не только деловым партнёром, но и одним из своих друзей.

Редактировала книгу Нэн Грэм. Предложенные ею изменения почти всегда оказывались к месту, а сокращения – хоть и болезненные – направляли и оживляли историю, каждый раз, когда она тормозила или отклонялась в сторону. Говорят, дьявол кроется в деталях, но когда дело касается *моих* деталей, Нэн всегда была ангелом. Приятно иметь в команде такого профессионала.

Спасибо Молли, известной, как Исчадие Ада, она всегда веселит меня, если портится настроение.

Больше всего я благодарен своей жене, писательнице Табите Кинг, которая поддерживает меня во всём. О лучшей спутнице жизни я не могу даже мечтать. Именно Табби помогла мне с тем коротким эпизодом в книге, который мне было труднее всего писать – с заключительным разговором Джерома с Верой Стейнман. Я люблю тебя, зайка.

И ещё кое-что напоследок, прежде чем я отпущу вас. Я начал писать эту книгу, чтобы показать одну сцену, ясно увиденную в воображении: Холли присутствует на похоронах своей матери в «Зуме». У меня не было подходящей истории, это было прискорбно, но я держал свои чувства при себе, потому что полюбил Холли с самого начала и хотел встретиться с ней снова. Но однажды я прочитал в газете статью об убийстве «за честь семьи». Я не думал, что эта история может лечь в основу сюжета, но мне понравился заголовок, звучащий примерно так: ВСЕ СЧИТАЛИ ИХ МИЛОЙ ПОЖИЛОЙ ПАРОЙ, ПОКА НА ЗАДНЕМ ДВОРЕ НЕ НАЧАЛИ ОТКАПЫВАТЬ ТРУПЫ.

«Старики-убийцы, – подумал я. – Вот и мой сюжетец».

Я написал об этом, а вы прочитали. Надеюсь, вам понравилось. И, как всегда, спасибо вам за то, что пришли вслед за мной в ещё одно тёмное местечко.

Перевод: Magnet
Редактирование: Langley

Если вам понравился перевод, вы всегда можете отблагодарить нас финансово, но это строго по желанию. Реквизиты: карта «Сбербанка» – 5469 0400 1259 5020.

Группы в Telegram и VK, заходите для обсуждения переводов и не только:

<https://t.me/MagnetLetters>

<https://vk.com/magnetletters>

Переводческая группа Magnet Letters вернётся с переводом следующей книги Стивена Кинга, сборника рассказов – «Любите, когда пострашнее?»

